

Научный журнал "Известия Восточного института" является преемником одноимённого периодического издания, первый выпуск которого вышел в свет в 1900 г. Издание возобновлено в 1994 г. До 2011 г. журнал выходил под названием "Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета". Периодичность издания – четыре раза в год. ISSN 2542-1611. Индекс 42398.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77–36364 от 20 мая 2009 г.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Дальневосточный федеральный университет". Адрес: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10. Публикации "Известий Восточного института" фиксируются в международной базе данных CrossRef, поддерживаемой Агентством регистрации Цифровых Идентификаторов Объекта (Digital Object Identifier – DOI). Префикс doi: <https://doi.org/10.24866/2542-1611>.

Статьи и материалы, опубликованные в журнале, индексируются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, а также доступны через сайт научной электронной библиотеки "КиберЛенинка".

Научный журнал "Известия Восточного института" посвящён проблемам международных отношений, регионоведения и страноведения АТР. Приоритетными темами для журнала являются особенности развития азиатских и тихоокеанских стран (прежде всего, Восточной, Южной и Центральной Азии), история и настоящее Восточной Сибири и Дальнего Востока России.

К публикации в журнале принимаются статьи и научные материалы преподавателей и сотрудников ДВФУ, других образовательных и научно-исследовательских организаций России и зарубежных стран, а также всех заинтересованных и компетентных исследователей.

Выпуски журнала включают следующие основные рубрики:

"История"
"Литературоведение"
"Лингвистика"
"Политика"
"Архив"
"Рецензии"
"Научная жизнь"

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале "Известия Восточного института", соответствует следующим группам научных специальностей:

5.5. Политология,
5.6. Исторические науки,
5.9. Филология.

Журнал "Известия Восточного института" входит в список рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки (по состоянию на 28.11.2022 года):

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),
5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки),
5.6.1. Отечественная история (исторические науки),
5.6.2. Всеобщая история (исторические науки),
5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки).

Адрес редакции: г. Владивосток, о. Русский, кампус ДВФУ, корпус D (20), каб. D620.

Сайт журнала: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/. E-mail: izvestyavi@yandex.ru

Журнал отпечатан в типографии Издательства Дальневосточного федерального университета.

Адрес: 690091, Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

Тираж 100 экз. Цена свободная.

Главный редактор

Дмитриева Марина Олеговна, канд. полит. наук,
доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Редакционный совет

Азизян Рубен Михайлович, канд. ист. наук, директор Центра исследований обороны и безопасности Университета Мэсси, Новая Зеландия.

Араи Хирофуми, старший научный сотрудник Института экономических исследований Северо-Восточной Азии (ERINA), г. Ниигата, Япония.

Бакланов Петр Яковлевич, академик РАН, доктор геогр. наук, научный руководитель Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Курилов Владимир Иванович, доктор юрид. наук, профессор, г. Владивосток, Россия.

Ларин Виктор Лаврентьевич, академик РАН, доктор ист. наук, заведующий Центра азиатско-тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Прошина Зоя Григорьевна, доктор филол. наук, профессор факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия.

Сунь Юйхуа, доктор пед. наук, советник ректора Даляньского университета иностранных языков, г. Далянь, КНР.

Фудзимото Вакио, доктор ист. наук, ректор Осацкого университета экономики и права, почётный профессор Осацкого государственного университета, почётный доктор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Осака, Япония.

Хаматова Анна Александровна, канд. филол. наук, профессор кафедры китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Редакционная коллегия

Барбенко Ярослав Александрович, канд. ист. наук, доцент кафедры политологии ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Бутенина Евгения Михайловна, доктор филол. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Ващук Ангелина Сергеевна, доктор ист. наук, заведующая отделом социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Вольтчук Андрей Борисович, доктор полит. наук, ведущий научный сотрудник отдела международных отношений и региональной безопасности Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Демьяненко Александр Николаевич, доктор геогр. наук, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск, Россия.

Дударёнок Светлана Михайловна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Дудин Павел Николаевич, доктор ист. наук, директор Центра изучения государства и права стран Восточной Азии Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, г. Улан-Удэ, Россия.

Дятлов Виктор Иннокентьевич, доктор ист. наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, профессор кафедры антропологии и этнологии Томского государственного университета, г. Иркутск, г. Томск, Россия.

Завьялов Виктор Николаевич, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и издательского дела Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск, Россия.

Завьялова Ольга Исааковна, доктор филол. наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, г. Москва, Россия.

Золотухин Иван Николаевич, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Иванов Сергей Александрович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела китайских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Изотов Дмитрий Александрович, канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск, Россия.

Караман Вадим Николаевич, канд. ист. наук, ведущий методист Государственного объединённого музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева, г. Владивосток, Россия.

Кейдун Ирина Борисовна, доктор филос. наук, профессор кафедры китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Киреев Антон Александрович, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии ВИ–ШРМИ ДВФУ (ответственный редактор), г. Владивосток, Россия.

Кожевников Владимир Васильевич, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Козлов Леонид Евгеньевич, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Колотов Владимир Николаевич, доктор ист. наук, заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока Санкт-Петербургского государственного университета, директор Института Хо Ши Мина, г. Санкт-Петербург, Россия.

Кузнецов Анатолий Михайлович, доктор ист. наук, профессор кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Ловцевич Галина Николаевна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Лукин Артём Леонидович, канд. полит. наук, заместитель директора по науке и инновациям ВИ–ШРМИ ДВФУ, доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ (зам. главного редактора), г. Владивосток, Россия.

Моргун Зоя Фёдоровна, канд. ист. наук, доцент кафедры японоведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Мошков Анатолий Владимирович, доктор геогр. наук, главный научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Николаева Ольга Васильевна, доктор филол. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Первушина Елена Александровна, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Песцов Сергей Константинович, доктор полит. наук, профессор кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Поправко Елена Александровна, доктор ист. наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин "Военной академии материально-технического обеспечения им. А.В. Хрулёва" Минобороны РФ, г. Санкт-Петербург, Россия.

Пустовойт Евгений Валерьевич, канд. ист. наук, г. Владивосток, Россия.

Савченко Анатолий Евгеньевич, канд. ист. наук, заместитель директора по научной работе Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Сбоев Александр Николаевич, канд. филол. наук, доцент кафедры китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Севастьянов Сергей Витальевич, доктор полит. наук, профессор департамента политологии и международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики", г. Санкт-Петербург, Россия.

Соколовский Александр Якубович, канд. филол. наук, профессор кафедры Тихоокеанской Азии ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Сторожук Александр Георгиевич, доктор филол. наук, заведующий кафедрой китайской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

Терехова Евгения Викторовна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой иностранных языков Национального научного центра морской биологии им. А.В. Жирмунского ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Толстокулаков Игорь Анатольевич, доктор ист. наук, профессор кафедры корееведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Цветов Петр Юрьевич, канд. ист. наук, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД РФ, г. Москва, Россия.

Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Щукина Дарья Алексеевна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой русского языка и литературы Санкт-Петербургского горного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

The academic journal "Oriental Institute Journal" is the successor to the eponymously named periodical, the first issue of which was released in 1900. Publishing was resumed in 1994. Until 2011, the journal was published under the name "Izvestia of the Oriental Institute of the Far Eastern State University". The frequency of publication is four times per year. ISSN 2542-1611. Subscription index – 42398.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. Registration certificate – PI № FS77–36364 dated May 20, 2009.

Founder and publisher: Federal state autonomous educational institution higher education "Far Eastern Federal University". Address: 690922, Russia, Primorsky Territory, Vladivostok, Russky Island, Ajax, 10.

Publications of the "Oriental Institute Journal" are recorded in the international CrossRef database maintained by the Agency for Registration of Digital Object Identifiers (Digital Object Identifier – DOI). DOI prefix: <https://doi.org/10.24866/2542-1611>.

Articles and materials published in the journal are indexed in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI) on the website of the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU, and are available through the site of the scientific electronic library "CyberLeninka".

"Oriental Institute Journal" is the academic journal dedicated to the problems of international relations, as well as to area and country studies of Asia Pacific. The priority topics for the journal are the features of the development of Asian and Pacific countries (primarily East, South and Central Asia), history and present of Eastern Siberia and the Russian Far East.

Articles and research materials provided by FEFU teachers and staff, and by investigators of other Russian and foreign-based educational and research organizations, as well as by all interested and competent researchers, are accepted for publication in the journal.

The journal issues include the following main subject headings:

"History"
"Literary Studies"
"Linguistics"
"Politics"
"Archive"
"Reviews,
"Scientific Life"

The subjects of articles accepted for publication in the journal "Oriental Institute Journal" correspond to the following groups of scientific specialties:

5.5. Political science,
5.6. Historical sciences,
5.9. Philology.

"Oriental Institute Journal" is included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of Sciences in the following scientific specialties and their respective branches of science (as of November 28, 2022):

5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences),
5.5.4. International relations, global and regional studies (political sciences),
5.6.1. Domestic history (historical sciences),
5.6.2. General history (historical sciences),
5.6.7. History of international relations and foreign policy (historical sciences).

Editorial address: 690922, Vladivostok, Russky Island, FEFU campus, building D (20), room D620.

Journal website: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/. E-mail: izvestyavi@yandex.ru

The journal was printed in the printing house of the Publishing House of the Far Eastern Federal University.

Address: 690091, Vladivostok, Pushkinskaya St., 10.

Circulation 100 copies. The price is free.

Editor in Chief

Marina O. Dmitrieva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Editorial Council

Ruben M. Azizyan, Ph.D. in History, Full Professor, Director of the Centre for Defence and International Security Studies at Massey University (New Zealand).

Hirofumi Arai, Senior Research Fellow, Economic Research Institute for Northeast Asia (Niigata, Japan).

Petr Ya. Baklanov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Geographical Sciences, Scientific Director of the Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Vladimir I. Kurilov, Doctor of Law, Full Professor (Vladivostok, Russia).

Viktor L. Larin, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Principal Research Fellow, Head of the Center of Asia-Pacific Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Zoya G. Proshina, Doctor of Philological Sciences, Full Professor, Professor, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Moscow State University (Moscow, Russia).

Yuhua Sun, Doctor of Education, Advisor to the President of Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China).

Vakio Fujimoto, Doctor of History, President of Osaka University of Economics and Law, Honorary Professor at Osaka University, Honorary Doctor at Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Osaka, Japan).

Anna A. Khamatova, Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Chinese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Editorial Board

Yaroslav A. Barbenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Evgenia M. Butenina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Angelina S. Vashchuk, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Andrey B. Volynchuk, Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Department of International Relations and Regional Security, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Alexandr N. Demyanenko, Doctor of Geographical Sciences, Chief Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Khabarovsk, Russia).

Svetlana M. Dudaryonok, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophy, Leading Researcher, Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Pavel N. Dudin, Doctor of Historical Sciences, Director of the Center for the Study of State and Law of East Asian Countries, East Siberia State University of Technology and Management (Ulan-Ude, Russia).

Viktor I. Dyatlov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of World History and International Relations, Irkutsk State University; Professor, Department of Anthropology and Ethnology, Tomsk State University (Irkutsk, Tomsk, Russia).

Viktor N. Zav'yalov, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Publishing, Pacific State University (Khabarovsk, Russia).

Ol'ga I. Zav'yalo, Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher, Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Ivan N. Zolotukhin, Candidate of Political Sciences, Head of Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Sergei A. Ivanov, Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Department of Chinese Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Dmitry A. Izotov, Candidate of Economics, Leading Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Khabarovsk, Russia).

Vadim N. Karaman, Candidate of Historical Sciences, Leading Methodologist of Museum of the History of the Far East named after V.K. Arsenyev (Vladivostok, Russia).

Irina B. Keidun, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Chinese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Anton A. Kireev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia) (Executive Editor)

Vladimir V. Kozhevnikov, Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Leonid E. Kozlov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Vladimir N. Kolotov, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of History of the Far East, St. Petersburg State University, Director of the Ho Chi Minh Institute (St. Petersburg, Russia).

Anatolij M. Kuznetsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Galina N. Lovtsevich, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Artyom L. Lukin, Candidate of Political Sciences, Deputy Director for Science and Innovation of Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Zoya F. Morgun, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Anatoly V. Moshkov, Doctor of Geographical Sciences, Chief Researcher, Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Olga V. Nikolaeva, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Elena A. Pervushina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Sergei K. Pestsov, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Elena A. Popravko, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, A.V. Khrulev Military Academy of Logistics of the Ministry of Defense of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia).

Evgeny V. Pustovoi, Candidate of Historical Sciences, (Vladivostok, Russia).

Anatoly E. Savchenko, Candidate of Historical Sciences, Deputy Director for Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Alexander N. Sboev, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Chinese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Sergei S. Sevastyanov, Doctor of Political Science, Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russia).

Alexander Ya. Sokolovsky, Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Alexander G. Storozhuk, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Chinese Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Foreign Languages, National Scientific Center for Marine Biology named after A.V. Zhirmunsky, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Igor A. Tolstokulakov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Korean Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Petr Yu. Tsvetov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Elena S. Sheremetyeva, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Dar'ya A. Shchukina, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Russian Language and Literature, St. Petersburg Mining University (St. Petersburg, Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗВЕСТИЯ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

№ 1 (57) • 2023

Научный журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 1900 г.

Возобновлён в 1994 г.

До 2011 года выходил под названием "Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета"

ISSN 2542-1611

Индекс 42398

<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1>

МОНОГРАФИЯ С.М. ШИРОКОГОРОВА "ЭТНОС. ИССЛЕДОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ ИЗМЕНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ" И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

От редактора рубрики 11

Кузнецов А.М. Теория этноса С.М Широкогорова и ее критика 14

Сирина А.А., Давыдов В.Н. Супруги С.М. и Е.Н. Широкогоры: исследователи с "тунгусоведным" сердцем 26

Пахомов О.С. Массовая эмоциональная деформация как ре-адаптация психоментального комплекса: на примере национального строительства в Восточной Азии в послевоенный период 42

Буланенко М.Е., Поповкин А.В. Спасибо, что живой: этнос после реквиема 55

Кнуппель М. О проекте переиздания исправленной версии "Тунгусского словаря" С.М. Широкогорова 64

ИСТОРИЯ

Краюшкина Т.В. К вопросу об эволюции духовных ценностей в период Гражданской войны (на примере ценностей красного движения в песенном фольклоре Сибири и Дальнего Востока) 73

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Санина К.Г., Радченко П.А. Роль манга "Проза бродячих псов" в контексте интродукции образов представителей современной японской литературы 84

ЛИНГВИСТИКА

Соколова О.В. Неоднозначность как средство языковой манипуляции и расширения смысла в политике, рекламе и поэзии 93

Фещенко В.В. К сердцу языка – через дискурс: о способах трансфера неологизмов 106

Емельченкова Е.Н. Типология дополнительного элемента в китайском языке: история и современность 115

ПОЛИТИКА

Кирчанов М.В. Политика памяти в Монголии в конце 2010-х – начале 2020-х гг.: участники, тематика и перспективы развития 131

**ИЗВЕСТИЯ
ВОСТОЧНОГО
ИНСТИТУТА**

Чжан Хунцзян. Перспективы развития казахстано-китайских отношений в новых геополитических реалиях	147
Волощак В.И., Безотосова А.Р., Никоненкова Н.И. Внешняя политика Республики Корея после президентских выборов 2022 г.	156
Ян Юе, Хисамутдинова Н.В. Китайские студенты выбирают ДВФУ	167

Подписка на журнал принимается во всех почтовых отделениях. Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (Том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала: 42398.

Сайт издания: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/
или <http://bit.ly/1g20Qsu>

Электронная почта: izvestyavi@yandex.ru

Почтовый адрес редакции: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, редакция журнала "Известия Восточного института"

Фактический адрес редакции: г. Владивосток, о. Русский, кампус ДВФУ, корпус D (20), каб. D620.

Тел.: 8 (423) 265-24-24 (доб. 2942)

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Качество печати иллюстраций соответствует качеству присланных авторами графических файлов.

© Авторы, Дальневосточный федеральный университет, 2023

**ORIENTAL
INSTITUTE
JOURNAL**

№ 1 (57) • 2023

Academic quarterly

Founded in 1900

Resumed in 1994

ISSN 2542-1611

<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1>

CONTENTS

MONOGRAPH BY S.M. SHIROKOGOROFF "ETHNOS:
RESEARCH ON THE BASIC PRINCIPLES OF CHANGE IN
ETHNIC AND ETHNOGRAPHIC PHENOMENA" AND ITS
SIGNIFICANCE FOR MODERN SCIENCE

From the editor of the section 11

Kuznetsov A.M. Sergei Shirokogoroff's theory of
ethnos and criticism of it 14

Sirina A.A., Davydov V.N. Spouses Sergei and
Elizaveta Shirokogoroffs: researchers with a
"Tungus" heart 26

Pakhomov O.S. Mass Emotional Deformation as Re-
Adaptation of Psychomental Complex:
On the Example of the Nation Building in East Asia
during Post-WWII Period 42

Bulanenko M.E., Popovkin A.V. Thanks for staying
alive: ethnos after its funeral mass 55

Knuppel M. On the project of a re-edition of
the evaluation of S. M. Shirokogoroff's "Tungus
Dictionary" 64

HISTORY

Krayushkina T.V. On the question of the evolution
of spiritual values during the Civil War (on the
example of the values of the red movement in the
song folklore of Siberia and the Far East) 73

LITERARY STUDIES

Sanina K.G., Radchenko P.A. The Role of "Bungou
Stray Dogs" Manga in Context of the Modern
Japanese Literature Representatives Introduction 84

LINGUISTICS

Sokolova O.V. Ambiguity as a means of language
manipulation and meaning extension in politics,
advertising and poetry 93

Feshchenko V.V. Through discourse – to the heart of
language: how neologisms are transferred 106

Emelchenkova E.N. Typology of the complement
(buyu) in Chinese: history and the present 115

POLITICS

Kyrchanoff M.W. Mongolian politics of memory in
the late 2010s and early 2020s: actors, topics and
development prospects 131

Zhang Hongjiang. Prospects for Kazakhstan-China
relations in the new geopolitical realities 147

Voloshchak V.I., Bezotosova A.R., Nikonenkova N.I.
South Korea's Foreign Policy after 2022 Presidential
Elections 156

ORIENTAL
INSTITUTE
JOURNAL

Yang Yue, Khisamutdinova N.V. Chinese students
choose FEFU 167

Subscription is available only in Russia, but everyone has free access to the web version of OIJ.
The journal's subscription index is 42398.
Web: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/Oriental_Institute_Journal/
E-mail: izvestyavi@yandex.ru
Editorial office post address: 10, Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russia.
Editorial office location: room D620, building D, FEFU Campus, Russky Isl., Vladivostok, Russia.
Tel.: +7 423 265-24-24 (2942)

The viewpoints expressed in OIJ are those of the authors and contributors,
and do not necessarily reflect those of the editorial board.
The quality of printed illustrations corresponds to the quality of graphic files sent by the authors.
© Authors, Far Eastern Federal University, 2023

От редактора рубрики

From the editor of the section

*Дьявол играет нами,
когда мы не мыслим точно*

М.К. Мамардашвили

В 1923 г. уже бывший на тот момент приват-доцент восточного факультета Государственного Дальневосточного университета (ГДУ) во Владивостоке и еще действующий сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого С.М. Широкогоров (1887–1939), командированный ГДУ в Шанхай в сентябре 1922 г., опубликовал здесь свою монографию "Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений". Учитывая обстоятельства времени и места появления этого издания, состоящего из 8 глав общим объемом в 134 страницы, оно явно было обречено остаться известным лишь немногим специалистам, получившим его лично или в библиотеки своих учреждений. Дело в том, что сам С.М. Широкогоров не смог вернуться в Россию, так как был уволен из ГДУ после установления 25 октября 1922 г. во Владивостоке советской власти и вынужденно оказался в эмиграции, получив со временем клеймо "белоэмигрант". Казалось также, на какое-то признание "Этноса..." не приходилось рассчитывать после скептического ("провинциальщина") отзыва Л.Я. Штернберга – одного из ведущих российских этнографов этого периода. Для полноты картины необходимо вспомнить, что в 1929 г. на совещании этнографов Москвы и Ленинграда этнология, за развитие которой активно ратовал Широкогоров, была объявлена буржуазной наукой, несовместимой с марксизмом. Понятно, что его работы были определены в спецхран, и казалось, что вопрос о каком-то этносе закрыт окончательно и бесповоротно.

Но еще во время Великой Отечественной войны П.И. Кушнер, выполняя задание Генерального штаба РККА, почему-то начал "реанимировать" идею этноса. О некоторых работах самого С.М. Широкогорова в 1950-х гг. стали упоминать известные специалисты Г.М. Василевич и А.П. Окладников. Вскоре появились публикации по проблеме этноса С.А. Токарева и Н.Н. Чебоксарова. В 1960-х гг. вышли в свет первые статьи, посвященные этносу Ю.В. Бромлея и Л.Н. Гумилева. Кульминацией этого процесса в СССР стал выход в свет в 1973 г. монографии Ю.В. Бромлея "Этнос и этнография". Представленный в ней "советский" вариант теории, дополненный другими публикациями автора, решал непростую задачу: согласовывал идею этноса с марксизмом. Но нельзя не отметить, что именно Ю.В. Бромлей назвал С.М. Широкогорова первым создателем теории этноса. Несколько сдержаннее отдал должное нашему "эмигранту" и Л.Н. Гумилев в своих признанных немарксистскими книгах.

Изменение идеологической ситуации в нашей стране обусловило широкое распространение идеи этноса за пределами научного сообщества и сняло запрет на обращение к наследию С.М. Широкогорова, которое мы практически не знали. Об "Этносе..." еще в 1920-х гг. сугубо положительно отзывался академик В.М. Алексеев, а после длительного перерыва С.А. Арутюнов, Г.Е. Марков и некоторые другие исследователи. Но вскоре под инспирированный сменой приоритетов критический порыв сначала попал по идеологическим мотивам "советский" вариант теории Ю.В. Бромлея. В новых условиях идеи Л.Н. Гумилева, включая пассионарность, были более приемлемы, но их аргументация оставалась уязвимой с научной точки зрения. Затем развенчанию подверглась и "немарксистская" теория этноса Ши-

рокогорова, наиболее *развернуто* представленная в этой самой редакции издания 1923 г., после того как его "Большой этнос" оказался утрачен. Инициативу по разоблачению "заблуждений", основывавшихся на теориях этноса, с конца 1980-х гг. активно продвигал В.А. Тишков, которому надо было проявить себя на новом поприще. В качестве альтернативы нашему "неправильному" пониманию проблемы им стала пропагандироваться иностранная концепция *этничности*, норвежского специалиста Ф. Барта¹.

Примечательно, что все эти метания происходили на фоне растущего интереса к научному наследию С.М. Широкогорова. Его работы по физической антропологии, лингвистике и этнографии сначала публиковались в Англии, Польше, Франции, Японии, позднее они переиздавались в Европе, США и, наконец, в России, а также переводились в Китае. Представляю, как бы удивились советские ученые-марксисты, если бы своевременно узнали, что теорию этноса Широкогорова активно применяли еще в условиях режима апартеида специалисты из Южной Африки, учившиеся в Германии². Подобный "транснационализм" публикаций и идей этого непонятого русского автора, который, как многие полагали, так нигде толком и не доучился, не получил ученых степеней, в основном работал на "окраине империи" во Владивостоке, а затем до конца своих дней в Китае, ломал привычные стереотипы о научных центрах и "правильной" научной карьере. С этим "недоразумением" надо было что-то делать, а то, чего доброго, могли появиться предложения о предоставлении этому русскому Широкоговору "*привилегированной роли как значимой фигуры в транснациональной антропологии или среди интерпретаторов этноса*".

На выполнение этой сверхважной миссии были выдвинуты канадец Д. Андерсон, работающий в Абердинском университете в Великобритании, ректор которого А. Кит в 1930-е гг. интересовался идеями Широкогорова, и наш бывший соотечественник, "человек из Кемерово" Д. Арзютов. Со своими "разоблачениями" эти носители "передовой прогрессивной науки" вышли на широкую аудиторию в 2017 г. в специальной рубрике "Изобретение этноса" журнала "Этнографическое обозрение", приуроченной к 135-летию со дня рождения С. М. Широкогорова (оцените изощренный цинизм)³. В своих статьях Андерсон и Арзютов разоблачили и злоупотребление Широкоговоровыми (Сергея Михайловича во всех экспедициях и в эмиграции сопровождала и активно ему помогала жена Елизавета Николаевна) этнографической властью и жонглирование фактами. По их мнению, после смерти мужа, "Елизавета агрессивно продвигала" его наследие. Самого Широкогорова уличали в нежелании меняться, подобно "дикому тунгусу", и том, что в своей биосоциальной теории этноса он продвигал идеи близкие *евгенике, расизму* и крайне *правым взглядам* чуть ли не нацистского толка, поскольку для него идентичность *политика* была более значимой, чем идентичность *антрополога*. К сожалению, эти домыслы некритично восприняты другими нашими авторами⁴. Чего стоят на самом деле эти домыслы, наряду с общим представлением содержания "Этноса...", показывает в своей статье А.М. Кузнецов.

Так что же такого значимого содержит это издание С.М. Широкогорова, если спустя и 100 лет после его публикации о нем не забыли, его переиздают, о нем спорят в разных странах представители различных научных школ и направлений? Чтобы это понять, критики "Этноса..." не должны были игнорировать предупреж-

¹ Barth F. Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference* / F. Barth (Ed.). Prospect Heights, IL: Waveland Press. P. 9–38.

² Скальник П. Советская "теория" этноса и ее южноафриканская параллель // *Этнографическое обозрение*. 2006. № 3. С. 72–85.

³ Следует отметить, что кроме рассматриваемых статей по "изобретению", в рубрике были и хорошие публикации о С.М. Широкогорове и его наследии, подготовленные А.А. Сириной, В.Н. Давыдовым, С.С. Алымовым и Т.Д. Булгаковой

⁴ Верховцев Д.В. Этнос post-mortem советские теории этноса в современном русскоязычном дискурсе // *Этнографическое обозрение*. 2022. № 6. С. 79–101.

дение самого Сергея Михайловича: "Его ("Этноса..." – А.К.) появление преждевременно потому, что, согласно намеченного мною ранее плана работы, оно должно было *увенчать* собою публикацию ряда уже законченных разработкой *этнологических исследований тунгусских народностей* и отдельных вопросов, долженствовавших послужить введением к настоящему исследованию". Пойти на нарушение своего плана Широкогорова побудило: "Сознание того, что некоторые положения и даже *вся система изложения* значительно *отличают* настоящую работу от подобных исследований других авторов, толкнуло меня на немедленное опубликование исследования в надежде, что *критика* одних и, быть может, *помощь* других в выполнении некоторых частных исследований, вытекающих из настоящей работы, дадут возможность *корректировать* возможные ошибки и ускорить *проверку правильности всей системы*"⁵. Помощи со стороны коллег автор не дождался, а вот "ушатов" критики на него вылилось сполна. Такое отношение стало возможным потому, что, действительно, некоторые положения "Этноса..." сильно отличаются эту работу. Поэтому в представленной рубрике мы хотели отразить вклад Широкогоровых в *этнологическое изучение тунгусских народностей*, чтобы стали понятны этнографические основания и эмпирическая составляющая теории этноса (статья А.А. Сириной и В.Н. Давыдова). Развивает этот аспект статья М. Кнуппеля о переиздании отредактированного "Тунгусского словаря" С.М. Широкогорова. Другой полюс обсуждения проблемы этноса с позиций современной философии науки как *теоретического предмета* представлен в статье М.Е. Буланенко и А.В. Поповкина. Пространство между двумя указанными полюсами заполняет раздел статьи А.М. Кузнецова, в котором рассматриваются основные положения теории этноса С.М. Широкогорова в варианте 1923 г. и их эвристичность для современной научной теории и методологии. Такой вывод подтверждается в статье О.С. Пахомова, в которой проведено исследование значения *сознательных* и *психических* аспектов данной теории (позднее систематизированных Широкогоровым как концепция *психоментального комплекса*) для понимания современных проблем стран Восточной Азии. Выявление же серьезных теоретико-методологических проблем у современных критиков теории этноса, а также случаев явного плагиата, позволяют утверждать, что потенциал идей, заложенных в "Этносе..." С.М. Широкогорова далеко не исчерпан и реквием для него еще рано заказывать. Поэтому 100-летний юбилей со времени публикации монографии С.М. Широкогорова "Этнос..." – это важное событие для нашей российской науки, которое должно было получить адекватную оценку.

Кроме того, результаты исследований, предлагаемые в данной рубрике, позволяют зафиксировать важные характеристики феномена С.М. Широкогорова как ученого, которые заключаются не в его "неуживчивости" ("ушедшая в себя улитка") и переоценке своего значения в создании теории этноса, так как он не первый стал использовать термин "этнос". На самом деле он представляет собой очень редкий *тип* настоящего ученого, который может проводить скрупулезные *эмпирические исследования*, но одновременно развивать глубокие *теоретические идеи*, аккумулирующие лучшие достижения своего времени и даже *обгоняющие* их. Поэтому, учитывая время, проведенное в экспедициях, вклад в изучение этнографии коренного населения Сибири и Северного Китая, а также такого явления как шаманизм, наконец, создание теории этноса с концепцией психоментального комплекса, которая позволяет преодолеть тупики постмодернизма, я буду настаивать на том, чтобы С.М. Широкогоров занял свое "привилегированное положение" не только в *русской*, но и *мировой этнологии/антропологии*.

А.М. Кузнецов

⁵ Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Широкогоров С.М. Этнографические исследования. Книга вторая. Этнос. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2002. 146 с.

Теория этноса С.М Широкогорова и ее критика

Анатолий Михайлович КУЗНЕЦОВ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, kuznetsov.2012@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается основное содержание концепции этноса С.М. Широкогорова, представленной в его работе 1923 года "Этнос: исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений". Эта концепция обосновывает возникновение этноса как результат приспособления группы людей к трем основным видам среды: природной, культурной и создаваемой другими этносами. Важное значение в концепции отведено также принципу равновесия, которому должны соответствовать компоненты этноса. Такое равновесие обеспечивается взаимосвязанностью основных компонентов этноса. Фактически основные идеи теории Широкогорова представляют системное осмысление феномена этноса. В то время как критики его концепции сводят ее содержание к тезису о биологических основаниях этноса и истории внедрения термина этнос в этнографическую науку. Поэтому это теоретическое обоснование этноса оказалось не утратившим своего значения до настоящего времени.

Ключевые слова: С.М. Широкогоров, теория, этнос, система, приспособление, равновесие, связь, концепт

Для цитирования: Кузнецов А.М. Теория этноса С.М Широкогорова и ее критика // Известия Восточного института. 2023. № 1. С. 14–25. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/14-25>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/14-25>

Sergei Shirokogoroff's theory of ethnos and criticism of it

Anatoly M. KUZNETSOV

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kuznetsov.2012@mail.ru

Abstract. The article presents an analysis of the main content of the theory of ethnos presented by S.M. Shirokogoroff in his 1923 work "Ethnos: the study of basic principles of ethnic and ethnographic phenomena". This theory is based on the idea of the emergence of ethnos as a result of adaptation to the three main types of environments: natural, cultural and created by other ethnic groups. Important meaning of this idea is the equilibrium principle, which should correspond to the components of the ethnos. In fact, Shirokogoroff's main ideas about ethnos represent a systemic understanding of the phenomenon of ethnos. Critics of his concepts reduce its content to a thesis on the biological foundations of ethnos and history introducing the term ethnos into ethnological science. Therefore, in fact, it is the theoretical justification of the ethnos did not lose its significance until the present.

Keywords: Sergei Shirokogoroff, theory, ethnos, system, adaptation, equilibrium, connection, concept

For citation: Kuznetsov A.M. Sergei Shirokogoroff's theory of ethnos and criticism of it // Oriental Institute Journal. 2023. № 1. P. 14–25. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/14-25>

*... если у человека "мозги сдвинуты"
на методологический анализ, то он им и
занимается; т.е. методологией занимается тот,
у кого "методологический сдвиг" мышления,
а не тот, у кого "больше прав".*

М.С. Гусельцова

*"Не существует чего-то такого, что можно назвать человеком.
В своей жизни я встречал французов, итальянцев, русских
и так далее... но что касается человека, то я заявляю, что я его
до сих пор не встречал. Если он и есть, то я об этом не знаю".*

Жозеф де Местр

Беда, коль пироги начнет печи сапожник...

Н.А. Крылов

О чем реально "Этнос..." С.М. Широкогорова. В случае с датой 100-летия со времени публикации работы С.М. Широкогорова "Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений" (1923 г.) мы имеем непростую ситуацию [16]. Дело в том, что, несмотря на определенный период умолчания и забвения, эта небольшая монография снова стала упоминаться в 1970-х, а затем ее начали активно обсуждать в 1990-х гг. С началом 2000-х г. "Этнос..." достаточно регулярно переиздавался в нашей стране (2002, 2010 дважды, 2012 и 2022 гг.). Тем не менее теория С.М. Широкогорова, дошедшая до нас в наиболее полном виде по изданию 1923 г., незаслуженно все еще остается малоизвестной даже специалистам. Да, у нее есть свои сторонники, но появились и непримиримые противники. При этом полемика идет не столько по поводу *содержания* самой монографии С.М. Широкогорова, сколько вокруг разных обстоятельств ее *появления*. Дело в том, что, например, сделать этнос главным объектом этнографии предлагал еще Н.М. Могилянский. Но его вклад больше известен по определению этнос – это "... *собрание индивидуумов*, объединенных в одно *целое* как общими чертами физических (антропологических) признаков, так и общностью исторических судеб, наконец, общностью языка, этой основы, из которой, в свою очередь, вырастает общность всего мировоззрения, народной психологии, – словом всей духовной культуры" [8, с. 11]. Впоследствии, после короткого периода признания, этнос и связанная с ним этнология в конце 1920-х гг. вообще были объявлены в СССР буржуазными явлениями, которым нет места в социалистическом обществе. Сам же С.М. Широкогоров с конца октября 1922 г. оказался в вынужденной эмиграции в Китае. Но еще в ходе Великой отечественной войны идея этноса постепенно была восстановлена в правах и стала активно продвигаться в 1960-1970-х гг. Такое неожиданное возвращение становится понятным, учитывая полиэтничный состав населения России. Очевидно, что признание этноса отвечало решению насущной проблемы не только нашей страны, но и других – с этнически неоднородным составом населения – сохранению их целостности и единства.

Если обобщить основные результаты обсуждения проблемы этноса в российской/советской научной традиции, то можно выделить следующие базовые положения. Во-первых, этносу придавалось *общечеловеческое* значение, как *интегратору* всех видов обществ (С.А. Токарев, Н.Н. Чебоксаров). Во-вторых, он рассматривался как сложившаяся исторически или под влиянием природных факторов *отдельная общность людей* (Ю.В. Бромлей, Л.Н. Гумилев). В-третьих, его трактовали как совокупность *специфических отличий* этнических общностей (С.П. Толстов, П.И. Кушнер). Показательно, что во всех этих вариантах фиксируется именно *коллективная природа* этноса, а понятие *этногенез* вносило *процессуальный* аспект в его восприятие. Наконец, для отечественной традиции характерно признание значимости *сознания* и *психики*, пускай и в варианте *пассионарности*, для понимания данного феномена (Г.Г. Шпет, Ю.В. Бромлей, Л.Н. Гумилев). Для того, чтобы определить, какое отношение к нашей традиции имеют идеи С.М. Широкогорова, необходимо сначала с ними познакомиться.

Следует признать, что одной из причин сложившей ситуации с признанием его теории, являются особенности рассматриваемой публикации, так как первичное прочтение "Этноса..." создает противоречивое впечатление. Не случайно, сам С.М. Широкогоров предупреждал: "Не является для меня секретом и то, что чтение моего исследования представляет значительные *затруднения*... вследствие необходимости для критика отказаться оценивать предложенную *систему* (курсив мой – А.К.), смотря с *одной* какой-нибудь точки зрения, – *гуманитарных* или *естественных наук*..." [17, с. 5]. И ведь "как в воду глядел", судя по весьма противоречивым оценкам, появившимся по поводу этой работы. Совместить и понять разные отклики в отношении "Этноса..." и содержащиеся в нем планы можно, учитывая, что особый исследовательский аппарат и предлагаемые идеи были нужны Широкогорову для того, чтобы ни много, ни мало объяснить причины реального *этнического многообразия человечества*. Показательно, что в отличие от западных "коллег" он, как и некоторые другие российские ученые, утверждал: "... *цивилизованные*

нации европейского цикла, наряду со всеми остальными этносами, должны будут также войти, как материал и объект изучения в общую этнографию" [17, с. 18]. Поэтому ему и надо было сначала понять эту базовую общность ("единицу") – этнос/этническую общность, совокупность которых образует такое многообразие. Широкогородов новаторски рассматривает поставленную проблему, абстрагируясь от конкретных характеристик различных общностей, но опираясь на более серьезные основания, которые и должна была обосновать его теория этноса. Подобный уровень и масштабность поставленной проблемы выдвинули перед самим С.М. Широкогородовым серьезные и очень нестандартные исследовательские задачи, которые необходимо было ему решать, используя оригинальные методы и подходы.

В литературе обсуждение данного текста обычно ограничивается следующим определением: "... этнос – есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп. Это и есть этническая единица, – объект науки этнографии" [17, с. 9]. Но при этом не принимается во внимание, что отличие вклада нашего автора от многих его "предшественников" заключается не во "вбросе" какой-то одной идеи, термина, а в глубоком обосновании самого феномена этноса и этой новой отрасли науки, изучающей его – этнологии.

Конечно, как человек своего времени, С.М. Широкогородов не только опирался на скромный задел своих коллег, но и усвоил некоторые существовавшие на тот момент общенаучные установки. Например, он использовал иногда в своих рассуждениях термины биология, биологическое, но хорошо понимал: "По сравнению с другими видами животных человечество существует и приспосабливается в борьбе за существование, главным образом, при помощи своих особенно развитых умственных способностей и с биологической точки зрения его ум есть то же самое, что для тигра его мускулатура, зубы и когти" [17, с. 20]. Поэтому, в каком значении в данной работе применялись такие определения, отразившие переход к биологизированной общенаучной картине мира, необходимо было еще уточнить, а не выдвигать сразу обвинение в "биологизаторстве проблемы этноса". Не менее показателен для настроений эпохи и другой тезис С.М. Широкогорова: "... этнология есть наука об этносе, как форме, в которой развилось и живет человечество, т.е. этнология, как и биология, открывает законы жизни человека как вида..." [17, с. 20]. А познавать эти законы автор предлагал через установление связи "... между различными проявлениями и отношениями человека и таким образом, ["Этнос..."] является исследованием этнологическим преимущественно, причем рассматриваются все процессы, как происходящие в единицах и между единицами человеческих группировок. Такой единицей я принимаю этнос" [17, с. 3]. Широкогородову интересна та этнология: "... которая ставит целью своей открытие связи между различными сторонами человека, изучаемого антропологией, этнографией и языкознанием, и установление законов, каким подчиняется жизнь отдельных этносов... а, следовательно, его мышления и науки, как результата мышления, и таким образом, этнология является венцом знания человека [17, с. 24]. Давайте оценим масштабность сделанной заявки! Тогда становятся понятнее предложенные С.М. Широкогородовым средства и методы по ее практической реализации.

Прежде всего, этнос для него – особое явление, которое не складывается из отдельных компонентов ("паттернов"), а формируется как некоторая общность людей в результате их приспособления к различным средам. Первой средой, оказывающей влияние на формирование этноса, понятно, являются природные условия, в которых формируется и существует этнос. В работе Широкогорова были кратко рассмотрены основные варианты этой среды и ее воздействия на разные общности людей, так как этими вопросами уже давно занимались географы.

Второй из рассматриваемых видов сред является культура, которую создает данный этнос. Поэтому С.М. Широкогородов указал: "Имея объектом наблюдения этнос, этнография изучает все проявления умственной и психической деятельности человека, т.е. 1) его материальную культуру, т.е. всю сумму знаний в области

строительного искусства, одежды, питания и т.д.; 2) его социальную культуру, т.е. организацию общества, – государства, – и его органов, как семья, род и т[ому] под[обные]; 3) его духовную культуру, т.е. религию, науку, философию и эстетическое искусство" [17, с. 11]. Автор учитывал: "... культура этноса складывается из явлений и элементов, имеющих по времени различное происхождение и значение, причем некоторые из них уже мертвы, другие умирают, третьи находятся в состоянии расцвета и четвертые только что родились". Поэтому он предупредил: "Сложность культуры каждого этноса столь велика, что понять ее и начертить дальнейшую эволюцию ее можно только путем анализа происхождения и зависимости всех явлений от всего комплекса этнографических особенностей, связанных между собой не только генезисом, но и равновесием" [17, с. 15]. Говоря другими словами, культуру, а следовательно, и сам этнос надо рассматривать не как статичные, но как сложные, изменяющиеся, динамичные явления.

В культурную среду С.М. Широкогоров включал и общество, которое он рассматривал как социальную культуру. Он понимает: "Трудность наблюдения и даже определения его [т.е. общества – А.К.] заключается прежде всего в том, что в развитом виде общество наблюдается у этносов высшей культуры, которое в свою очередь создает и науку, изучающую природу общества и его организацию, как явление" [17, с. 53]. Автор согласен: "Первым признаком общества является его организованность, т.е. дифференциация по деятельности элементов составляющих его. Без дифференциации нет и общества... Вторым признаком общества является постоянство его состава, т.е. связанность составляющих его индивидуумов с целым. Третьим признаком общества является субъективное сознание связи с целым у каждого индивидуума в отдельности (другими словами – этническая идентичность – А.К.), что дает основу традиции и фиксации форм" [17, с. 54]. При этом, по Широкогорову: "... осознание процесса изменения социальной структуры и ее самой есть явление, связанное с самой социальной культурой и является ее составной" [17, с. 59]. Обобщив свои рассуждения, он уточнил: "Итак, общество есть выражение биологических отношений, создающихся вне воли и сознания его членов" (здесь читай объективных – А.К.) [17, с. 69]. Т.е. культура, общество и этнос должны реально существовать, чтобы их можно было осознать. Для нашего автора понятно, и что предшествовало обществу: "Наличие у всех этносов, – если не в настоящем, то в прошлом, – рода, основанного на кровном (по материнской или отцовской линиям) родстве указывает на то, что эта форма общественной организации имеет универсальное распространение..." [17, с. 57].

Наконец, как показал С.М. Широкогоров: "... для каждого этноса" "другие этносы являются также средой, которая в свою очередь может изменяться под влиянием наблюдаемого нами этноса, а поэтому изучение этих отношений, – среды этносов, – представляется необходимым для уяснения положения, культуры и происхождения этноса". В то же время он понимает: "При изменениях отношений элементов, протекающих внутри этноса, происходит также изменение и всей этнической среды для данного этноса, что ставит его в различное положение по отношению соседей..." [17, с. 80]. Следовательно, необходимо "... рассматривать этносы в цепи их отношений с другими этносами, без чего их изучение оказывается безусловно невозможным и это применимо не только к цивилизованным нациям, но и к народам, стоящим на более низких ступенях развития" [17, с. 60]. Автор предложил следующую классификацию межэтнических отношений: "Наиболее слабую связью двух этносов является форма комменсализма, т.е. когда один и другой этнос могут жить на одной территории, не мешая друг другу и будучи так или иначе друг другу полезны, и когда отсутствие одного несколько не мешает благополучной жизни другого" [17, с. 76]. Со временем: "При дальнейшем развитии связи двух этносов, живущих на одной территории, комменсалистические отношения могут легко развиваться в отношения сотрудничества на основе разделения труда и принять форму кооперации" [17, с. 77]. Наконец: "Те же этнические отношения могут принять и третью форму междуэтнических отношений на одной территории, а именно, – форму паразитизма" [17, с. 77]. При этом было подчеркнуто: "Все

разобранные выше формы отношений, однако, не представляют каких-либо особо приятных и полезных преимуществ одному этносу перед другим, но они являются *формой приспособления к этнической среде на одной территории*, имея целью *самосохранение* при наличии тех или иных данных культурных и биологических вообще" [17, с. 78]. А ведь все это имеет прямое отношение к международным отношениям!

Из анализа вариантов межэтнического взаимодействия С.М. Широкогорова сделал еще один вывод: "Таким образом, видимо, столкновение на одной территории двух этносов дает преимущество более культурному, приводящему к полному поглощению менее культурного этноса, если этнос принял высшую культуру..." [17, с. 84]. В свою очередь, констатация неравномерности уровней развития культуры этносов позволила автору утверждать: "... каждому культурному состоянию, наблюдаемому в человечестве, соответствуют *руководящие этносы*, но и каждому значительному *изменению* также соответствует появление новых руководящих этносов, причем ввиду того, что ранее существовало, быть может, несколько культурных центров одновременно, могло быть и несколько руководящих этносов" [16, с. 88]. Здесь важно отметить, что уже на этом этапе разработки теории этноса С.М. Широкогорова рассматривал и межэтнические взаимодействия в их динамике: "Таким образом, *процесс* культурного развития, носителями которого являются этносы, выдвигает тот или иной этнос в руководящие, что при движении его и столкновении с высшими по культуре этносами приводит к *созданию новых этносов*, вследствие *изменения* среды, т.е. той новой среды, в которую попадает первый эшелон этноса" [17, с. 90].

Суммируя все вышесказанное, Широкогорова делает вывод: "Таким образом, перед каждым этносом стоят задачи: *приспособление* к первичной среде, *создание* вторичной среды и *приспособление* к ней, порождающих некоторую внутреннюю организацию (социальную культуру), если таковая требуется необходимостью приспособления к первичной и вторичной средам... Наконец, *этническая среда* ставит этносу еще одну задачу: *создание* отношений с другими этносами, причем эти отношения могут принять самые различные формы, – форму *сотрудничества*, форму *взаимных выгод*, форму *паразитизма* и форму *поглощения* или *слияния*, если не происходит полного уничтожения или вытеснения одного этноса другим, что зависит, конечно, прежде всего от мощности этноса" [17, с. 61].

Важное место в теории С.М. Широкогорова, кроме идеи *взаимосвязи* (приспособления), было отведено еще принципу *равновесия*, которому должно соответствовать определенное соотношение основных *компонентов внутри самого этноса*, *взаимоотношения* между этносом и природной средой, а также – с *другими этносами*. Он показал: "Развитие этноса происходит не по пути *усложнения* каждого явления, но по пути приспособления *всего комплекса* явлений, – этнографических, психических (физиологических) и т.д. в целях сохранения этноса и, таким образом, наряду с *развитием* (усложнением) некоторых явлений может происходить *редукция* (упрощение) других, что с точки зрения движения процесса будет явлением *одного значения*" [17, с. 96]. В то же время: "Между всеми явлениями и элементами *этнографических комплексов* существует некоторая *связь*, которая, вне зависимости от общего развития степени развития того или иного этноса, может быть вероятно, выражена некоторым *коэффициентом равновесия*, причем величины коэффициентов, в зависимости от степени развития отдельных элементов, должны различаться" [17, с. 15]. А вот к чему, как показал автор, приводит нарушение этого баланса: "Исходя из *принципа равновесия культуры*, слагающейся из культуры материальной, социальной и духовной, можно установить, что нарушение *равновесия* приводит в состояние *неустойчивости* всю культуру, а вместе с тем и этнос". В этом случае: "... утеря этносом культурных особенностей без замещения их эквивалентом той же культуры, сохраняющим равновесие, знаменует собою для этноса утерю им этнического облика и его *этническое вырождение*, вне зависимости от того "выше" или "ниже" замещающая культура теряемых особенностей" [17, с. 66]. Отсюда следовал вполне логичный вывод: "Этническая устойчивость основана на постоянстве

отношения количества населения, культурности его и территории им занимаемой, изменение каковых без соблюдения устойчивости приводит этнос к гибели" [17, с. 96].

Возможно, для большей доказательности данный аспект был прописан еще и в виде математических формул. Выглядит это следующим образом: "... плотность населения зависит от степени культурности этноса и таким образом при неизменяющейся территории и культурности избыток рождаемости над смертностью есть величина постоянная и равная 0... Отсюда явствует, что этнос *невывирающий* не может увеличивать своего состава без изменения величины S (культурности) и

T (территории) и выражение $\frac{q_1}{ST} = \omega$ где: $q_1 \geq q$, а q_1 и q есть количество населения в разные годы, *невозможно*, так как с уменьшением плотности должна измениться величина S и T или одна из двух, что есть *состояние нарушенного равновесия*.

Итак, формулу $\frac{q}{ST} = \omega$ можно также определить, как формулу *этнического равновесия*, а ω как *коэффициент этнического равновесия*" [17, с. 64–65].

Дотошные критики уже "раскопали", что взаимосвязь территории, численности населения и уровня развития культуры "народа" была еще раньше зафиксирована Д.А. Коропчевским в 1901 г. [1, с. 120]. Но у указанного автора это тоже был "проходной" момент, не получивший дальнейшего развития. В то время как у С.М. Широкогорова рассматриваемое соотношение логически вписано в его общую концепцию. Раскрытие механизма и субъектов подобных взаимодействий привело Широкогорова к заключению, которое дало еще один повод высказаться его критикам: "... война является биологической (т.е. опять читай *объективной* – А.К.) функцией этноса и, как мы видели, это есть один из способов регулирования количества населения, величина которого для сохранения этнического равновесия не может не изменяться" [17, с. 96]. Подобное утверждение вполне согласуется с популярным сегодня "конфликтом цивилизаций" С. Хантингтона. Да и как тогда быть с фактом о количестве войн и военных конфликтов того же XX века. Но такой "горячий" для кого-нибудь сюжет у С.М. Широкогорова не вызывал особого интереса.

Гораздо больше его волновали другие аспекты рассматриваемой проблемы: "Осознание этносом отношения его к среде, как и осознание процесса движения при расселении и бытии, составляет содержание *духовной культуры этноса*, развитие которой зависит прежде всего от количества полученного для наблюдения *материала*, что в свою очередь обусловлено степенью *сложности отношений и интенсивности* процесса движения". При этом у автора снова нет однозначных решений: "Но в то же самое время *осознание* является составной *биологических* функций этноса, а поэтому в истории этноса в различное время оно может быть *замещено* иным компенсирующим элементом". Поэтому он снова приходит к парадоксальному выводу: "Таким образом, в борьбе за существование этнос может выдвинуть этот *новый элемент* лишь в тех размерах, которые необходимы для *сохранения равновесия этноса*, а поэтому стремление *ограничить* глубину *осознания* процессов изменения и отношения человека к средам есть *нормальная функция* человечества, как вида, и в этом отношении стремление к интеллектуальной нивелировке и сведению к среднему уровню индивидуумов, ушедших вперед, есть явление *здоровое*, т.е. присущее этносу, обладающему *сознанием* (или инстинктом) *самосохранения*" [17, с. 99]. Из подобных посылок становится понятен и футурологический пессимизм Широкогорова, который тоже выглядит весьма противоречивым: "Будущее человека, поскольку его можно видеть в движении этносов, имеет некоторый *предел*, с приближением к которому либо должно приостановиться дальнейшее *развитие* (усложнение) культуры, либо должно произойти сокращение территории, что равносильно и в том и в другом случае гибели этносов, а вместе с тем и современ-

ного вида человека" [17, с. 99]. Но, если на это посмотреть как на предупреждение *глобалистскому энтузиазму*, то кто его знает, как все на самом деле обернется.

Как мне кажется, в качестве своеобразного резюме "Этноса..." следует рассмотреть это уточненное определение, которое обычно не принимается во внимание: "В изложенной системе я принимаю, что *единицей*, в которой протекают процессы *культурного и соматического изменения* человечества, как вида, является этнос, осознаваемый им самим, как *группа людей, объединенных* единством происхождения, обычаев, языка и уклада жизни" [17, с. 92].

Следовательно, проанализировав эту небольшую по объему, но насыщенную идеями монографию, можно констатировать, что в ней С.М. Широкоговору удалось обосновать место *своего этноса* в системе координат высшего порядка: природная среда, человечество, общество, культура, сознание. Свою роль в реализации его замысла сыграло использование таких понятий, как сложность, процесс, комплекс, связь, равновесие, осознание, этнос, руководящий этнос. Несмотря на то, что со временем автор откатался от некоторых своих соображений, можно утверждать, что уже в своей работе 1923 г. он зафиксировал те идеи, которые получают развитие в более поздних работах и, прежде всего, в фундаментальном "Психоментальном комплексе тунгусов" (1935 г.). Поэтому не вызывает особого удивления переосмысление этноса уже как *процесса*, в который включены этнические общности. Кроме того, не будет преувеличением сказать, что, несмотря на определенную дань представлениям своего времени, имеющиеся дискуссионные положения, до последнего времени никто так и не смог *превзойти* "Этнос..." С.М. Широкогорова по глубине и *эвристичности* представленной в нем теории этноса трансдисциплинарного уровня, объясняющей феномен *этнического многообразия* человечества. Вместе с тем прописанная здесь коллективистская основа этноса ("группизм"), признания значения сознания/осознания в жизни этноса, а также ряд других положений наглядно демонстрируют принадлежность этой теории российской научной традиции. Но при этом нетрудно заметить, что в *своем исследовании* С.М. Широкоговоров смог *интегрировать* современные ему и даже последние подходы и основания исследования проблемы этноса, развиваемые другими авторами.

Кто, как и за что пытаются критиковать Широкогорова? Критика С.М. Широкогорова и его идей тоже имеет свою историю. Создается впечатление, что тон ей задали некоторые статьи во владивостокских газетах 1920-х гг. и автор этого пасквиля, опубликованного в 1927 г. в Хабаровске: "Широкоговоров – недоучившийся гимназист из Петрограда. В свое время он служил письмоводителем в канцелярии петроградского археологического института. В Приморье Широкоговоров оказался не только "не-сосом" (не социалистом – А.К.), но и... профессором археологии, антропологии" [9, с. 236]. Затем в период "исторического материализма" ограничивались ритуальными обвинениями С.М. Широкогорова в пресловутом "биологизаторстве этноса". В период борьбы со всем советским непримиримую позицию по отношению к теориям этноса занял В.А. Тишков.

Его не устраивает представление этноса как особого *материального тела* (?) [10] Он усмотрел у своих предшественников определенную *схоластику теоретических исследований*, которые чаще представляют собой некую "философию этноса", а не *обобщения* на основе вновь добытого *эмпирического материала* [11, с. 11] Отсюда логично вытекает и оценка "Этноса...": "Попытки превратить в "гений" и в основоположника этнологической *теории* делаются в отношении С.М. Широкогорова. Здесь также инициатива идет от местного патриотизма ... Но, как и в случае с Л.Н. Гумилевым, российская и международная профессиональная наука не признали эти авторитеты..." [12, с. 690]. Досталось вкуче с С.М. Широкогоровым от Тишкова и психологам: "*Этнопсихология*, не порвавшая пуповину с этносом, – одно из последних *наваждений*, от которого придется освободиться десятилетиями" [11, с. 19]. На замену никуда не годных теорий этноса этот автор стал продвигать концепцию *этнической группы* и ее *идентичности* Ф. Барта: "Вместо возрождения, формирования, перехода, исчезновения *этносов* имеет место совсем другой процесс – это путешествие *индивидуальной/коллективной идентичности* по набору до-

ступных в данный момент культурных конфигураций или систем, причем, в ряде случаев эти *системы* и возникают в результате дрейфа *идентичности*" [10, с. 17].

С учетом реалий современного мира В.А. Тишков приходит к следующему выводу: "... весь этот разный и сложный опыт категоризации населения внутри большинства государств мира никак *не укладывается* в расписание жителей Земли по *этнотипам* как *изначальным архетипам*". Но в то же время читаем: "... изменилась и сама природа *этнических групп*, которые все чаще *самоорганизуются* или *конструируются* внешними предписаниями по каким-то наиболее значимым *референтным маркерам* не только *языкового, культурно-хозяйственного отличия*, но и другим обретающим *этнический смысл*" [13, с. 13]. Таким образом, можно утверждать, что позиция В.А. Тишкова при всем ее иностранном флере, выглядит двусмысленной. С одной стороны, он стремится решительно порвать с нашей традицией понимания этноса, но, с другой – он признает реальность этнических групп и где-то повторяет подход П.И. Кушнера.

Целенаправленная критика наследия С.М. Широкогорова была развернута с 2010 г. Д. Андерсоном и Д. Арзютовым, получившими на свою акцию несколько грантов. Так им удалось собрать ранее неизвестные документы и материалы из зарубежных архивов и других собраний о русском ученом-эмигранте. Они получили еще коллекцию Д. Турмансона, относящуюся к С.М. Широкогороду, формировавшуюся с 1978 г. Занялся он таким "собираательством" с подачи самого Ф. Барта, который в *конце 1960-х годов*: "... настоячиво рекомендовал своему студенту исследовать жизнь и деятельность С.М. Широкогорова" [7]. У Андерсона и Арзютова был также доступ к документам Архива РАН и частных собраний нашей страны. Чтобы оправдать ожидания своих грантодателей и *дискредитировать* "транснационализм" почему-то ставших слишком известными работ и идей российского исследователя от Британии до Японии и от Норвегии до Южной Африки, им пришлось изрядно потрудиться. Исходную установку, которой они руководствовались, сформулировал еще раньше Арзютов: "... британское, немецкое и южноафриканское продолжение широкогородовского этноса станут синонимами *эссенциалистских концепций*, легитимирующих *расистские и праворадикальные идеи*... Его (Широкогорова – А.К.) *биологизация* второй половины 1930-х годов в этом смысле оказывалась не столь уж далека от идей его последователей" [4].

Не имея возможности более детально представить здесь приемы и уловки, использованные этими деятелями при освещении практик и идей нашего замечательного исследователя, ограничусь кратким их изложением. Первое, что обращает внимание, Андерсон и Арзютов основную часть публикаций Широкогорова, включая "Этнос...", постоянно называют *брошюрами*. Очевидно, делалось это с целью зародить у читателей сомнения в их научности. Невд ними еще явно довлеет стремление *принизить роль* С.М. Широкогорова в *создании теории этноса*. С этой целью они стали передергивать значения терминов *концепт* и *концепция*, выдавая их за синонимы. Поэтому особенно порадовал их Г. Папийо, который упомянул что-то про *ethnie* (?) в своей работе 1908 г. Ведь российские авторы, говорившие об этносе (Н.М. Могиланский, Ф.К. Волков, С.М. Широкогород и некоторые другие), учились в начале XX в. во Франции. Этого факта оказалось достаточно, чтобы утверждать – у этноса *французские корни* [2]. Поскольку тот же Папийо был сторонником *расистской колониальной социологии*, также как *евгеники* и *биосоциологии*, то понятно, с чего *начинался этнос* [7]! Правда, учитывая судьбу этого термина во Франции ("устаревший"), такое мнение явно преувеличено. Показательна в этом отношении статья в "Словаре по этнологии и антропологии", изданном здесь в 1991 г.: "Ethnie" означает "языковую, культурную и территориальную *общность* определенного размера, обычно большего, чем племя" [15, с. 52–53]. Затем в своей "программной" статье в журнале "Современная антропология" они честно признались, что провели исследование на уровне *термина этнос* [18]. Не один раз они будут еще применять вместо неприятного для себя этого термина более привычную *идентичность*. Но о каких еще там *идентичностях* писал С.М. Широкогород? Очевидно, такая подмена

понятий – *фирменный стиль исследований наших "носителей передовых научных традиций"*!

Да и с документальными данными они могли поступать очень "свободно". Так Арзютов, рассматривая фотоархив экспедиций С.М. Широкогорова – более тысячи фотографий и негативов, которые раскрывали *визуальные техники его теоретизирования*, сразу понял, что "Широкогородовым удалось реализовать "этнографическую власть...", *заставив* людей занимать те или иные позы в определенных местах" [6, с. 39]. А потом он еще усмотрел: "Первое, что бросается в глаза при просмотре фотографий Широкогородовых, – это то, что они постоянно *жонглируют*..." [6, с. 42]. Затем он произвольно "переинтерпретировал" обстоятельства пребывания С.М. Широкогорова во Владивостоке (кто там за границей или в Москве знает, что здесь было на самом деле). В воображении Арзютова, у нас этот *сомнительный деятель* стал формировать у себя "идентичность" *политика* [5, с. 129]. Поэтому Арзютов провозглашает: "Его (т.е. С.М. Широкогорова – А.К.) связь с институтами, равно как и идентичность *антрополога* (в отличие от идентичности профессора, как он себя всюду представляет), оказывается не столь уж *важной*, в то время как *политическая активность* действительно значима и идет, бок о бок, с его *опытами теоретизирования*" [5, с. 124–125]. Значит, этот ваш "Этнос..." – не что иное, как побочный продукт политикана и самозваного профессора, а потому: "Политическая составляющая, равно как и *метания* от одного учебного заведения к другому, делают случай Широкогорова особым" [5, с. 124]. К большой досаде Арзютова, несмотря на то, что "Наиболее интригующим моментом в биографии Широкогорова остается его поездка в фашистскую Германию в 1936 г., нам все еще мало известно о том, *с кем он встречался*, находясь там, и *чем был занят*" [5, с. 135]. Ну а там, где не хватает фактов, можно подключить воображение, и тогда получится то, что нужно: "Исходя из этих сведений..., а также очень "правых" (порой откровенно *фашистского толка*) убеждений многих *русских эмигрантов* в Китае того времени..., можно представить, какую *идеологию*, вероятно, Широкогородов *разделял*" [5, с. 135].

Андерсон же решил раскрыть "формирование основ *этнос-мышления*" Широкогорова в контексте его "личного путешествия". Он утверждал, что нашел доказательства влияния забайкальских экспедиций на формирование не только фундамента *биосоциальной теории этноса* Широкогорова, но и исследование *перформативных идентичностей*". Он сразу распознал *нескромность* Широкогорова, утверждавшего себя "в качестве *непререкаемого специалиста* по этническим границам в Восточной Евразии". Поэтому тот *порвал* с петербургскими коллегами, которые могли, как Штернберг, критиковать его взгляды ("ушедшая в себя улитка") [3, с. 105]. По поводу теории этноса Андерсон ограничился замечанием: это про "*рост и упадок этносов*". Главное для него другое: "Все ценят внимание С.М. к *деталлям* и широкий круг "полевых интересов" [3, с. 104]. Узнав, что позднее Широкогородов изменил свое определение этноса, Андерсон негодует: "Легкость, с которой он *тасует* и *раздает идентичности*, говорит о том, что и в его время этнос-процесс был скорее отражением *в глазах наблюдателя*, нежели *объективной реальностью*" [3, с. 113]. К недостаткам Сергея Михайловича его критик причислил также собранные данные, позволившие выделить физические типы А и В среди коренного населения Забайкалья. "Прогрессивная" наука Запада, как известно, объявила расы *культурными конструктами*. А так как С.М. Широкогородов продолжил свои физико-антропологические исследования и в Китае, то и дало основание обвинять его идеи в *биологизации* на новых основаниях.

Серьезные претензии Д. Андерсон высказал также к Широкогородову-этнографу: при описании *перформативных идентичностей* тот употребляет *оценочную структуру* ("настоящие орочены") [3, с. 113–114]. Как полагал Андерсон, тем самым он: "... утверждает авторитет *этнографа-горожанина* с его правом определять *правильные этнические деления*..." [3, с. 114]. Проведя столь "вдумчивое" исследование, этот автор выносит вердикт: "Мне представляется, что развертывание широкогородовского "*этнос-мышления*" явилось отражением... "его *непростой профессиональной жизни*... *Негибкий* и не желающий *меняться*, он, как "дикий тунгус", *предпочел*

отправиться сначала во Владивосток, а затем и к дальним рубежам, где мог *в одиночестве* развивать свои идеи" [3, с. 119]. Получается, что бы Арзютов и Андерсон ни писали о С.М. Широкогоре и его идеях, у них получается *сплошной негатив*. Но тогда непонятно, "... как реальный *опыт одного индивидуума* смог воодушевить как *транснациональный диалог*, так и такое его неприятие". Этих авторов хватило лишь на такое объяснение: "Возможно на этом контрасте с эволюционирующей *североамериканской моделью этничности*, предложенное Широкогоревым *экологичное и коллективистское* понятие "этническая общность" оказалось более привлекательным на столь продолжительный срок для ученых Евразии" [18]. Но они сразу же напомнили про интерес Широкогорова к *биопсихическим* типам и к *нацистскому евгеническому проекту*. Следовательно, не стоит оболящаться востребованностью идей своего "подопечного", так как: "... мы чувствуем, что существует связь между представлением Широкогорова о саморегулируемом этническом равновесии... и реализуемой в *нацистской Германии расовой политикой*" [18]. Не случайно, по мнению Андерсона и Арзютова, интерес к рассматриваемой теории этноса проявил и А.Г. Дугин, отличающийся "крайне правыми" взглядами".

Сами представители "прогрессивной мысли" объяснили свою "возню" с этносом профессиональной обязанностью выслушать и эти разговоры, отдающие *биологизаторством, расизмом, нацизмом*. Что реально значит такая "ответственность", Андерсон и Арзютов прояснили в ответе на комментарии к их статье: "... мы старались *подчеркнуть*, что не требуем для него (С.М. Широкогорова – А.К.) *привилегированной роли* как значимой фигуры в транснациональной антропологии или среди *интерпретаторов этноса*" [18]. Там же (кто будет это читать!) они поиграли и в "объективность": "Мы собрали и прочитали все немецкоязычные переводы его (Широкогорова – А.К.) статей, включая часто цитируемый некролог Мюльмана. Ничто здесь в них не отражает симпатии, прямые или косвенные нацистскому режиму" [18]. В этой же своей программной статье "молодые ученые" резюмировали: "Этот *несчастный термин* (этнос – А.К.), который не был ни марксистским, ни западным, никогда не занимал *достойного места* в истории антропологии. Существовая в имперскую, советскую и постсоветскую эпохи, одновременно в России и Китае и даже проникнув в Северную Америку и Европу, этот *трагический концепт* так и не обрел *пристанища* ни в одном из этих мест" [18].

При всей пакастности представления личности С.М. Широкогорова и значения его идей, следует воздать Андерсону и Арзютову за то, что они "засветили" один "скользкий" момент. Читаем: "... многие наши коллеги в частных беседах комментировали *сходство* между работами С.М. Широкогорова и Ф. Барта и, в частности, тот момент в описаниях, когда этические границы сталкиваются и "паразитируют" друг на друге в постоянной борьбе за территорию". Особо примечательна здесь следующая ремарка этих авторов: "Хотя Ф. Барт никогда не делал *прямых ссылок на теорию этноса*, он больше пяти лет *поощрял скрупулезное исследование каждой мелкой детали этой теории и биографии С.М. Широкогорова...*". (Вспомним приведенную выше мотивацию поисков Д. Турмансониса). Сами Андерсон и Арзютов увидели в этом сходстве лишь то, что: "Один из локомотивов этноса, пусть и невидимо, проходил по *североатлантическим* путям" [7, с. 104]. Вероятно, столь "неуклюжий" маневр был предпринят нашими "объективными" авторами для того, чтобы у читателей не возникло подозрение в том, что эта появившаяся *гораздо позже*, растиражированная концепция Барта может быть банальным *плагиатом*. Одна история, когда тот же К. Леви-Стросс действительно не знал об исследованиях В.Я. Проппа, но пришел к сходным выводам на другом материале. Но когда мы узнаем о пристальном внимании Ф. Барта к наследию С.М. Широкогорова, то сходство их идей, при отсутствии прямых ссылок на работы С.М. Широкогорова, говорит само за себя. Да, действительно, чего с этими русскими еще церемониться. Воспользуемся их достижениями, а они благодарить должны, что мы их вообще заметили! *Казус Барта* – это новый примечательный *поворот* в истории теории этноса.

Конечно, учившийся в США "классик" из Норвегии не писал об этносе. Он использовал *правильную терминологию*: "Этничность связана с этнической групп-

пой, – общностью, которая является самовоспроизводящейся биологически; обладает общими фундаментальными культурными ценностями, воплощенными в определенном единстве культурных форм; обеспечивает пространство коммуникаций и взаимодействия; создает представление о членстве в ней, которое обеспечивает возможность идентификации и признается другими как отличительная категория от других категорий такого же уровня" [19, р. 10]. Слова здесь часто другие по сравнению с широкогородскими определениями, но смысл тот же самый!

Я думаю, не требуется прилагать особых усилий, чтобы после сопоставления основных положений теории этноса С.М. Широкогорова, даже в ее первом варианте, и главных аргументов со стороны ее критиков, понять их полное несоответствие. Так получилось в силу очень разного понимания теории у автора "Этноса..." и его оппонентов. Если у Широкогорова теория – это целостное рассмотрение феномена этноса на высоком уровне абстракции, основанное на передовых научных идеях, то его критики рассуждают о проблеме на уровне эмпирического обобщения, а то и просто в рамках этнографо/антропологической эмпирики. Используемый создателем "Этноса..." методологический инструментарий, включающий понятия: сложность, целостность, среда, взаимосвязи, внутреннее равновесие, приспособление, – вполне соответствует основным положениям системной парадигмы. Напомню, что официально теория системы была признана только в 1946 г. с подачи Л. фон Бергаланфи. Поэтому теорию этноса С.М. Широкогорова нужно сравнивать не с отдельными "прозрениями" этнографов/антропологов, а с той же концепцией тектологии как науки о всеобщей связи А.А. Богданова, также намного опередившей свое время. А пока критика теории Широкогорова напоминает боксерский поединок гиганта с карликами, да вдобавок еще сопровождающийся плагиатом идей С.М. Широкогорова.

Литература

1. Алымов С.С. У истоков теории этноса: Н.М. Могиланский и петербургская антропология конца XIX – начала XX вв. // Три века российской этнографии. М.: Наука, 2017. С. 140–160.
2. Алымов С.С. Украинские корни теории этноса // Этнографическое обозрение. 2017. № 5. С. 67–84.
3. Андерсон Д. Записки "ушедшей в себя улитки". Забайкальские экспедиции С.М. Широкогорова и формирование основ "этнос-мышления" // Этнографическое обозрение. 2017. № 5. С. 104–122.
4. Арзютов Д. Теория этноса С.М. Широкогорова: 5 фактов о концепции, повлиявшей на ход развития этнографии в России. URL: <https://postnauka.ru/faq/31891> (дата обращения: 8.01.2023).
5. Арзютов Д.В. Антрополог или политик? Политические пристрастия и теоретические построения Сергея Широкогорова // Этнографическое обозрение. 2017. № 5. С. 123–141.
6. Арзютов Д.В. Наблюдая за наблюдателями: о визуальных техниках теоретизирования Сергея и Елизаветы Широкогородовых // Этнографическое обозрение. 2017. № 5. С. 32–52.
7. Арзютов Д.В., Андерсон Д. Дж. "Двойное послание" этноса. Комментарий к статье В.А. Тишкова // Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 101–106.
8. Могиланский Н.М. Предмет и задачи этнографии: Доклад, читанный в заседании Отделения этнографии И.Р.Г. о-ва 4 марта 1916 г. Петроград: типография В.Д. Смирнова, 1916. 22 с. URL: https://www.rgo.ru/sites/default/files/predmet_i_zadachi_etnografii.pdf (дата обращения: 15.12.2022).
9. Позорный конец белогвардейщины / В огне революции. Сборник статей и воспоминаний о революционных событиях на Дальнем Востоке. Под ред. Я.Я. Грунта. Хабаровск, 1927. 236 с.
10. Тишков В.А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С. 3–21.
11. Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
12. Тишков В.А. Авторитеты и преемственность в науке: вместо заключения // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М.: Наука, 2004. С. 688–692.
13. Тишков В.А. Усложняющееся разнообразие: как его понимать и упорядочить // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 7–18.
14. Тишков В.А. Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в исторической перспективе // Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 72–92.
15. Филиппова Е.И. Понятие *ethnie* во французской научной традиции и его политическое использование // Этнографическое обозрение. 2007. № 3. С. 52–73.
16. Широкогор С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай. Отдельный оттиск из LXVII Известий Восточного факультета Государственного

Дальневосточного университета, 1923. 134 с.

17. Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Широкогоров С.М. Этнографические исследования. Книга вторая. Этнос. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2002. 146 с.

18. Anderson D. G., Arzyutov D. V. The Ethnos Archipelago Sergei M. Shirokogoroff and the Life History of a Controversial Anthropological Concept // *Current Anthropology*. 2019. Vol. 60. No 6. P. 741–773.

19. Barth F. Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference* / F. Barth (ed.). Prospect Heights. IL: Waveland Press, 1969. P. 9–38.

References

1. Alymov S.S. At the origins of the theory of ethnos: N.M. Mogilyansky and St. Petersburg anthropology of the late XIX - early XX centuries. // *Three centuries of Russian ethnography*. M.: Science, 2017. P. 140–160. (In Russ.).

2. Alymov S.S. Ukrainian roots of the theory of ethnos // *Ethnographic Review*. 2017. No. 5. P. 67–84. (In Russ.).

3. Anderson D. Notes of a "snail gone into itself". Transbaikalian expeditions S. M. Shirokogorova and the formation of the foundations of "ethnos-thinking" // *Ethnographic Review*. 2017. No. 5. P. 104–122. (In Russ.).

4. Arzyutov D. Theory of ethnos S.M. Shirokogorova: 5 facts about the concept that influenced the development of ethnography in Russia. URL: <https://postnauka.ru/faq/31891> (accessed 8.01.2023). (In Russ.).

5. Arzyutov D.V. Watching Observers: On the Visual Techniques of Theorizing by Sergey and Elizaveta Shirokogorov // *Ethnographic Review*. 2017. No. 5. S. 32–52. (In Russ.).

6. Arzyutov D.V. Anthropologist or politician? Political predictions and theoretical constructions of Sergei Shirokogorov // *Ethnographic Review*. 2017. N 5. P. 123–141. (In Russ.).

7. Arzyutov D.V., Anderson D.J. "Double message" of the ethnos: Commentary on the article by V.A. Tishkova // *Ethnographic review*. 2020. No. 2. P. 101–106. (In Russ.).

8. Mogilyansky N.M. Subject and tasks of ethnography: Report read at a meeting of the Department of Ethnography by I.R.G. Islands March 4, 1916 Petrograd: V.D. Smirnova, 1916. 22 p. URL: https://www.rgo.ru/sites/default/files/predmet_i_zadachi_etnografii.pdf (accessed 12/15/2022). (In Russ.).

9. The shameful end of the White Guard / In the fire of the revolution. Collection of articles and memoirs about the revolutionary events in the Far East. Khabarovsk, 1927. 236 p. (In Russ.).

10. Tishkov V.A. On the phenomenon of ethnicity // *Ethnographic review*. 1997. No. 3. P. 3–21. (In Russ.).

11. Tishkov V. A. Requiem for an Ethnos: Studies in Socio-Cultural Anthropology. M.: Nauka, 2003. 544 p. (In Russ.).

12. Tishkov V.A. Authorities and continuity in science: instead of a conclusion // *Outstanding domestic ethnologists and anthropologists of the twentieth century*. M.: Nauka, 2004. P. 688–692. (In Russ.).

13. Tishkov V.A. Increasingly complex diversity: how to understand and streamline it // *Cultural complexity of modern nations / otv. ed. V. A. Tishkov, E. I. Filippova; Institute of Ethnology and Anthropology*. N. N. Miklukho-Maklay RAS. M.: Political Encyclopedia, 2016. P. 7–18. (In Russ.).

14. Tishkov V.A. Where and where did Russian ethnology come from: a personal view in a historical perspective // *Ethnographic Review*. 2020. No. 2. P. 72–92. (In Russ.).

15. Filippova E.I. The concept of ethnics in the French scientific tradition and its political use // *Ethnographic Review*. 2007. No. 3. P. 52–73.

16. Shirokogorov S.M. Ethnos. Study of the basic principles of change in ethnic and ethnographic phenomena. Proceedings of the Oriental Faculty of the State Far Eastern University LXVII. Shanghai. 1923. 134 p. (In Russ.).

17. Shirokogorov S.M. Ethnos. Study of the main principles of change in ethnic and ethnographic phenomena // Shirokogorov S.M. *Ethnographic research*. Book two. Ethnos. Vladivostok: Far Eastern University Press. 2002. 146 p. (In Russ.).

18. Anderson D. G., Arzyutov D. V. The Ethnos Archipelago Sergei M. Shirokogoroff and the Life History of a Controversial Anthropological Concept // *Current Anthropology*. 2019. Vol. 60. No 6. P. 741–773.

19. Barth, F. Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference* / F. Barth (ed.). Prospect Heights. IL: Waveland Press. P. 9–38.

Анатолий Михайлович КУЗНЕЦОВ, д-р. ист. наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

Anatoly M. KUZNETSOV, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

Поступила в редакцию

(Received) 01.02.2023

Одобрена после рецензирования

(Approved) 16.02.2023

Принята к публикации

(Accepted) 07.03.2023

Научная статья
УДК 39 (=571)
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/26-41>

Супруги С.М. и Е.Н. Широкогоровы: исследователи с "тунгусоведным" сердцем

Анна Анатольевна СИРИНА

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия, annas@iea.ras.ru

Владимир Николаевич ДАВЫДОВ

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия;
Чукотский филиал Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, Анадырь, Россия,
davydov.kunstkamera@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются основные результаты тунгусоведческих исследований выдающегося российского и китайского этнолога Сергея Михайловича Широкогорова и его супруги Елизаветы Николаевны Широкогоровой. Статья основана на архивных, музейных материалах и анализе научной литературы. Ученые вели комплексные полевые исследования среди различных тунгусо-маньчжурских групп Забайкалья и Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. Широкогоров вписывал занятия тунгусской этнографией в более широкий контекст философии истории и культуры. Особое внимание обращено на результаты работ Широкогоровых в исследовании экономики, материальности, социальной организации, этнической истории, искусства и музыкальной этнографии.

Ключевые слова: история этнологии, тунгусоведческие исследования, Дальний Восток, С.М. и Е.Н. Широкогоровы, материальность, социальная организация, позитивные знания, музыкальная этнография

Авторы статьи выражают благодарность племяннице Е.Н. Широкогоровой Елене Васильевне Робинсон за предоставление фотографий из личного фотоархива.

Для цитирования: Сирин А.А., Давыдов В.Н. Супруги С.М. и Е.Н. Широкогоровы: исследователи с "тунгусоведным" сердцем // Известия Восточного института. 2023. № 1. С. 26–41. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/26-41>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/26-41>

Spouses Sergei and Elizaveta Shirokogoroffs: researchers with a "Tungus" heart

Anna A. SIRINA

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, annas@iea.ras.ru

Vladimir N. Davydov

Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia;
Chukotka Branch of North-Eastern Federal University, Anadyr, Russia, davydov.kunstkamera@gmail.com

Abstract. The article discusses the main results of the Tungus studies research of the outstanding Russian and Chinese ethnologist Sergei and his wife Elizaveta Shirokogoroffs. The article is based on archival, museum materials and analysis of published sources. Scientists conducted comprehensive field research among various Tungus-Manchu groups of Zabaikal'e and the Far East of Russia and Northeast China. Shirokogoroff conducted the study of Tungus ethnography in the broader context of the philosophy of history and culture. The authors pay particular attention to the results of the research of the Shirokogoroffs in the study of economics, materiality, social organization, ethnic history, art and musical ethnography.

Keywords: history of ethnology, Tungus studies, Far East, Sergei and Elizaveta Shirokogoroff, materiality, social organization, positive knowledge, musical ethnography

The authors of the article express their gratitude to Elena Vasilievna Robinson, the niece of E.N. Shirokogoroffa, for providing photographs from her personal photo archive.

For citation: Сирин А.А., Давыдов В.Н. Spouses Sergei and Elizaveta Shirokogoroffs: researchers with a "Tungus" heart // Oriental Institute Journal. 2023. № 1. P. 26–41. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/26-41>

Введение. Имя Сергея Михайловича Широкогорова (1887–1939) – выдающегося этнолога XX в., с 1922 г. находившегося в эмиграции в Китае, для многих ассоциируется, прежде всего, с теорией этноса. Стоит, однако, заметить, что этнос – лишь один и далеко не самый главный сюжет его исследовательских работ. У Широкогорова было "тунгусоведное сердце" (СПбФ АРАН 1. Оп. 1 [до 1918 г.], Д. 68.

© Сирин А.А., Давыдов В.Н., 2023

Л. 96об.). Изучению фундаментальных вопросов тунгусоведения он посвятил свои основные, ставшие антропологической классикой работы, опубликованные на английском языке. Его жена Елизавета Николаевна Широкогорова была помощником, неизменной спутницей мужа, а также самостоятельным исследователем [25]. Активно сотрудничая с местными специалистами, вместе они работали как целый научный коллектив.

10 января 1940 г. Е.Н. Широкогорова писала к И.И. Серебренникову, бывшему правителю дел ВСОИРГО, русскому эмигранту в Китае, собиравшему материалы для некролога о С.М. Широкогоре: "С.М. уже стал мировым авторитетом и по изучению народов Азии, которое шло у него широко, – пятью дорогами, изучающими человека, – археология, этнография, физ[ическая] антропология, лингвистика и, наконец, этнология (в его собственном понимании) как наука, обобщающая все остальные дисциплины. В каждой из этих наук он дал новое" [30, с. 1088].

Научное наследие Широкогуровых обширно, многогранно, уникально и органически взаимосвязано. От первого отчета о поездке в Забайкалье в 1912 и 1913 годах, уместившегося на двух десятках страниц [32], до фундаментального тома "Психоментальный комплекс тунгусов" [46], состоящего из четырех частей и 23 глав, – вот наглядный путь движения в познании тунгусских культур. Между ними были созданы монографии "Орочены Забайкалья: этнографическое описание" (не опубликована при жизни ученого, но представленные в ней материалы частично вошли в последующие работы) [18], "Социальная организация маньчжуров" [42], "Социальная организация северных тунгусов" [45], а также ряд важнейших статей, среди них – "Опыт исследования основ шаманства у тунгусов" [33], "Миграции северных тунгусов на Дальнем Востоке (гольды и их этническое родство)" [43], "Термины ориентации северных тунгусов" [44] и др. "Даже беглый их анализ показывает, что С.М. Широкогоров был выдающимся этнографом-тунгусоведом, крупнейшим исследователем истории и культуры практически всех тунгусоязычных народов и автором первого обстоятельного "Тунгусского словаря", опубликованного в Токио еще в 1944 г.", – отмечал первый исследователь творчества Широкогурова дальневосточный искусствовед и этнограф Н.В. Кочешков [9, с. 153]. Большинство этих работ не были по-настоящему прочитаны в России, хотя классики советского тунгусоведения Г.М. Василевич и В.А. Туголуков были знакомы с некоторыми из них, использовали в своих трудах и как источник, и как образец. Многие исследователи тем не менее лишь формально цитировали труды ученого.

Данная статья написана с целью привлечь внимание к тунгусоведческому наследию Широкогурова. Под тунгусоведением мы понимаем комплексное изучение культур тунгусо-маньчжурских народов методами разных научных дисциплин – этнографии, лингвистики, фольклористики, археологии, физической антропологии и других. Под термином "тунгусы" условно объединяются народы, говорившие на тунгусо-маньчжурских языках (современные эвенки, эвены, негидальцы и группа южных тунгусо-маньчжуров). Это наследие столь обширно, что освоить его можно только совместными усилиями ученых разных специальностей. И такое освоение идет. Постоянно востребованы труды Широкогурова о шаманстве, написанные на основе тунгусо-маньчжурских материалов. В них он отказался от психопатологического подхода к этому феномену, рассматривал шаманство как явление, стоящее на стыке биологии и психологии, средство родовой самозащиты, выявил эмоционально-эстетическую функцию камлания, обратил внимание на роль интуиции, дал множество уникальных фактов [21; 3 и др.]. Лингвистическое направление его работы: критика урало-алтайской гипотезы, классификация тунгусо-маньчжурских языков, роль государства в развитии языка – привлекло К. Иноуэ, Е.В. Ревуненкову и А.М. Решетова, М.М. Хасанову, А.М. Певнова, А.А. Бурыкина, Н.А. Мамонтову. До сегодняшнего дня остается малоисследованным вклад С.М. Широкогурова в изучение проблем археологии и физической антропологии, а также остаются неисследованными его антропологические и археологические коллекции.

В данной статье мы обратимся к некоторым из ключевых аспектов тунгусоведческого наследия Широкогоровых в сфере этнографии. В работах Широкогорова поставлены или затронуты темы, которые активно разрабатываются и в современной антропологии: антропология ночи; экономическая антропология; антропология материальности; антропология инвалидности; алкоголизма; пола (гендера); труда; этикета, народных знаний, отношений человека и животного, антропологии эмоций и другие.

Полевые исследования и поиск методологии. Широкогоров утверждал, что выбор тунгусов в качестве объекта изучения был сделан им благодаря директору МАЭ В.В. Радлову. "Тунгусы нам очень нравятся, и мы им, кажется, тоже", – писал Сергей Михайлович старшему этнографу МАЭ Л.Я. Штернбергу, курировавшему экспедиции Широкогоровых в Забайкалье в 1912 и 1913 годах и на Дальний Восток России и в Маньчжурию в 1915–1917 годах [34, с. 156]. Благодаря возникшей эмпатии почти сразу же из объекта исследования тунгусы и орочены, а позже и маньчжуры стали для ученого "господами", как он в шутку называл их в письме к Л.Я. Штернбергу, а то и "приятелями" [34, с. 156, 157]. Постепенно некоторые их представители стали друзьями ученых, выполняли различные поручения, спасли от хунхузов в 1915 г., не бросили во время ареста в 1917 г. на линии Амурской железной дороги. Ученый даже принимал участие в выборе шамана у маньчжуров.

Обращает на себя внимание мотивация к исследованиям, которой выступали не деньги и гранты (в первую экспедицию ученые выехали на свои собственные средства), а осознание себя миссионерами науки (которую Широкогоров считал высшим видом человеческой деятельности и гордился своим причастием к научному сословию) [35] и поиск ответов на сложные, мало разработанные вопросы тунгусоведения и этнологии вообще.

В первой экспедиции перед Широкогоровым стояли задачи: изучить тунгусский язык в его диалектах, собрать для Музея антропологии и этнографии предметы культуры тунгусских народов и фотографические коллекции, провести антропометрические измерения и собрать научный материал о социальной организации и верованиях тунгусов [2]. Разнообразии народов и групп населения на Дальнем Востоке России и северо-востоке Китая, их культурных контактов углубили понимание Широкогоровым целей исследования и расширили круг его задач. В сферу внимания Широкогорова попали не только тунгусы собственно (в современной терминологии эвенки, эвены и негидальцы), но также различные группы южных тунгусов (нанайцы, орочи, ульчи, уйльта, удгейцы), маньчжуры, отчасти дауры, русские, монголы, китайцы. Таким образом, объектом исследований стал не просто определенный народ или этническая группа, а совокупность взаимодействующих групп и народов в их адаптации к природному и социальному окружению [22, с. 81].

Собранные полевые материалы необходимо было осмыслить и проанализировать. Ученого, хорошо знакомого с современными ему теориями, ни одна из них не удовлетворяла. Острый критический ум в сочетании с ранее приобретенными знаниями и опытом, богатыми полевыми материалами, собранными методами разных научных дисциплин, интенсивной аналитической работой, привели его к постановке методологических вопросов исследования культур неевропейских народов. Исследователь выработал свой собственный инструментарий, включавший элементы функционализма, структурализма, холистического, исторического и психологического подходы. Укорененные в методологии европейских исследователей дихотомии (бинарные оппозиции): "человек/животное", "душа/тело" и другие стали переосмысливаться в постмодернистской антропологии относительно недавно. Широкогоров, пытаясь понять духовную культуру тунгусов, выявил важную дихотомию "мистический / рациональный", возникшую в результате доминирования европейского комплекса [56, р. 46]. Он не приемлет старые термины и называет понятия тунгусских народов о существовании тех или иных духов не "культом", "религией", "мистическими представлениями", а "гипотезами". Последние, по его мнению, связаны с практикой, или, в терминологии Широкогорова,

Фото 1. С.М. Широкогоров в своем кабинете в Петрограде.

Источник: Личный архив Е.В. Робинсон.

Foto 1. S.M. Shirokogoroff in his office in Petrograd.

Source: Private archive of E.V. Robinson.

"методами" взаимоотношений с духами. Полностью отказаться от устоявшихся терминов и подходов не удалось, и заявленные новации не всегда находили отражение в этнографических текстах. Ученый постоянно развивал свои идеи, корректировал научные выводы и при этом менялся сам.

Основные темы и результаты. Изучению тунгусов Широкогоров вписывал в широкую этнологическую проблематику, в контекст проблем философии истории и культуры: история социальных форм, развитие религиозной мысли, технических знаний, характер этнических передвижений в Азии. Имелся в виду также сбор информации о культурах, которые, по мнению ученого, "вскоре будут ассимилированы" [41].

Экономика и материальность. Автор системно рассмотрел расселение различных родов тунгусов и хозяйство их групп в разнообразных вариантах, сложившихся в зависимости от условий первичной (природной) и вторичной (социальной) среды, а именно межэтнического влияния. Он выделил несколько хозяйственных типов тунгусов: охотников-оленоводов, тунгусов, имеющих смешанное хозяйство, а также скотоводов и земледельцев, что было новым словом в исследованиях региона. "Переходные" группы привлекли внимание этнографов, работавших в 1920-е годы в Сибири с практической целью перенять опыт освоения новых форм хозяйства для организации ускоренного перевода на оседлый образ жизни или це-

Фото 2. С.М. и Е.Н. Широкогоровы в экспедиции.

Источник: Личный архив Е.В. Робинсон.

Foto 2. S.M. and E.N. Shirokogoroffs in the expedition.

Source: Private archive of E.V. Robinson.

лесообразности их выбора для будущих реформ [30]. Широкогоров же использовал свои полевые материалы о таких группах для поиска ответа на теоретические вопросы, писал о межэтническом давлении, отношениях между народами, формах адаптации, закономерностях существования народа (этноса). Значимость смешанных сообществ как объектов этнографического исследования начиная с 1930-х годов была снижена. Ученые "закрепили" определенные хозяйственно-культурные типы за определенным народом, что мешало воспринять и осмыслить трансформированные сообщества и вело к представлениям о "чистоте" объекта исследования и соответственно к поиску "чистой" традиции [35, с. 68].

Описание материальной культуры забайкальских эвенков, построенное по канонам этнографического очерка (своего рода расширенного полевого отчета), содержится в неизданной при жизни С.М. Широкогорова рукописи монографии, датируемой 1914 г. В очерке много новых полевых материалов, описываются охотничье и военное снаряжение (луки, стрелы и др.), жилище, устройства лагеря, одежда, пища, утварь и др. Данные о материальной культуре, орнаментах, танцах, музыкальной этнографии, антропометрии помогала собирать Елизавета Николаевна [25; 32; 37; 38; 39].

Супруги вели научную собирательскую работу [24]. Двенадцать уникальных коллекций по археологии, антропологии, этнографии тунгусов, орочонов, дауров, бираров, мангров, северных маньчжуров и китайцев, собранные Широкогоровы-

Фото 3. Палатка С.М. и Е.Н. Широкогоровых.

Источник: Личный архив Е.В. Робинсон.

Foto 3. Tent of S.M. and E.N. Shirokogoroffs.

Source: Private archive of E.V. Robinson.

ми (и еще несколько – благодаря им, т.е. переданные ими в музей, зарегистрированные С.М. Широкогоровым) хранятся сегодня в МАЭ РАН в Санкт-Петербурге, а также в Амурском областном краеведческом музее в Благовещенске. Исследованиями материальной культуры, которую Широкогоров считал формой адаптации, он в дальнейшем специально не занимался, поскольку музейные коллекции, необходимые для написания подобной работы, остались в Петрограде (Ленинграде) [24, с. 24; 30; 21]. Вероятно, отчасти поэтому он сместил фокус внимания с описания материальных объектов на социальные отношения по поводу вещей и психологию тунгусов, рассмотрев роль вещей в жизни людей, подметив такие важные элементы тунгусской культуры, как их привязанность к вещам, любовь к обмену и красивым и высококачественным вещам [24].

Социальная организация была рассмотрена Широкогоровым в тесной связи с материальной культурой, умственной и психической деятельностью, согласно пониманию социальных явлений как функций, которые "могут быть рассматриваемы только в связи с другими действующими этнографическими явлениями" [36; 55]. На выбор темы работы оказало влияние фундаментальное историко-статистиче-

Фото 4. Е.Н. Широкогорова (слева) во время экспедиции.

Источник: Личный архив Е.В. Робинсон.

Foto 4. E.N. Shirokogoroff (on the left) during the expedition.

Source: Private archive of E.V. Robinson.

ское исследование сотрудника МАЭ С.К. Патканова "Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири" (1906 г. и др.). Широкогоров полемизирует с Паткановым в связи с проблемой соотношения административных и кровных родов, миграций, отдельных частных вопросов родовой этнонимии и происхождения.

Важным методологическим подходом к изучению социальной организации было рассмотрение ее как динамичной подсистемы, трансформирующейся в процессе миграций, поскольку, по мнению Широкогорова, "сам род как таковой таит в себе элементы самопроизвольных изменений". Проводя полевые исследования в разных регионах Дальнего Востока, супруги встречали роды с одинаковыми названиями, записывали у их представителей предания о переселениях, анализируют

Фото 5. С.М. и Е.Н. Широкогоровы с участниками археологических раскопок.

Источник: Личный архив Е.В. Робинсон.

Foto 5. S.M. and E.N. Shirokogoroffs with the participants in archaeological excavations.

Source: Private archive of E.V. Robinson.

вали другие содержащиеся в языке, фольклоре, антропометрических данных факты. На основе их комплексного анализа Широкогоров реконструировал модели четырех исторических волн тунгусских миграций, проанализировал особенности межэтнических контактов, родовой состав и процессы деления и объединения родов, рассмотрел отношения собственности и обычаи, регулирующие социальные отношения. Он дал также примеры социального поведения и психологические характеристики представителей тунгусов. Собранные Е.Н. Широкогоровой полевые материалы о беременности, родах, воспитании детей, отношениях в семье, женские истории вошли в монографию С.М. Широкогорова о социальной организации; Елизавете Николаевне удалось привнести в работы мужа гендерный, женский взгляд [25].

На основании полевых исследований Широкогоров пришел к важному выводу о возможном несовпадении происхождения культуры, языка и антропологического типа у одного и того же народа. Подчеркивая общее происхождение и родство разных групп тунгусов Забайкалья и Дальнего Востока, он отмечал, что на культуру хинганских конных ороочонов оказала влияние монгольская культура, на культуру оленных ороочонов Маньчжурии – якутская и русская, на культуру кумарских оро-

чонов – маньчжурская. В результате полевой работы на Дальнем Востоке у Широкогорова сложилось убеждение, что тунгусскую этнографию невозможно понять без маньчжурской и монгольской, и наоборот, что методологически было очень важно. В то же время в западно-тунгусском ареале расселения тунгусов было более сильно влияние тюркского и самодийского миров, что осталось за пределами исследований ученого. Только в советское время В.А. Туголуков восполнил долго существовавший пробел в исследованиях социальной организации западных и восточных эвенков, рассмотрев расселение, численность, родовой состав эвенков Западной и Средней Сибири, проследил их взаимодействие с кетоязычными и самодийскими племенами, якутами и русскими. Он был знаком с работой Широкогорова 1929 г. и ссылаясь на нее [28]. Изучение общественного строя народов Сибири было одной из ключевых тем в исследованиях советских сибиреведов 1960-х–1980-х годов – Б.О. Долгих, И.С. Гурвича, Г.М. Василевич, А.В. Смоляк и др.

Изучение вопросов лингвистики, антропологии, социальной организации привело ученого к проблеме *происхождения и этнической истории тунгусо-маньчжурских народов*, которая занимала умы исследователей начиная с XVIII века. На основе анализа данных разных дисциплин Широкогоры выдвинул гипотезу о южном происхождении тунгусов из бассейна р. Желтой (Хуанхэ), откуда в процессе миграций рядом последовательных волн они распространились на север и восток, а также на запад Сибири. Лингвистические данные не подтверждают, но и не опровергают эту гипотезу [14, с. 21]. Нужно подчеркнуть, что за каждой новой гипотезой стоит огромное количество собранных и осмысленных в определенном ключе фактов, поэтому ее создание отражает высокий уровень развития данной области знания и одновременно стимулирует научную мысль, иногда дает ответы на вопросы, прямо не связанные с поставленной темой. По мнению ученого, основанного на данных физической антропологии, собранных среди китайцев, корейцев, маньчжуров, дауров, различных тунгусских групп, лингвистики и этнографии, потомки тунгусов продолжились в маньчжурах и китайцах, а китайцы представляют собой сложносоставную нацию.

"Смелая" гипотеза Широкогорова подверглась критике со стороны Е.М. Залкинда, М.Г. Левина и А.П. Окладникова [13; 6]. Интерес к проблеме этногенеза тунгусов у советских ученых был связан с новыми археологическими и антропологическими находками вблизи Байкала, успехами тунгусской лингвистики. На основе новых данных А.П. Окладников и Г.М. Василевич выдвинули гипотезу о происхождении тунгусов из районов Прибайкалья. Окладников отмечал, что этнографический комплекс и антропологический тип, характерный для прибайкальских эвенков, существовали уже "... у людей глазковского времени на Ангаре, Лене и в низовьях реки Селенги около 3–4 тысяч лет тому назад" [13]. Вместе с тем А.П. Окладников считал вполне вероятным, что среди соседей древних китайцев были и тунгусские племена, влияние которых на предков китайцев было весьма значительным [9]. Окладников изменил свое мнение о прародине тунгусов после находки "шилкинского черепа" и сместил ее из районов Прибайкалья к востоку от него вплоть до верховьев Амура [6]. Сегодня наиболее достоверной считается гипотеза В.А. Туголукова, А.П. Деревянко о происхождении и миграции предков современных тунгусских народов из Приамурья.

Разработка фундаментальных проблем происхождения и этнической истории тунгусских народов была приостановлена в постсоветской этнологии (впрочем, см. [29]), но тема продолжает разрабатываться физическими антропологами, генетиками, фольклористами, лингвистами, историками, археологами, и к ней, несомненно, вернуться и этнографы, когда будет накоплено критическое количество данных для построения новых или пересмотра старых гипотез.

Под термином "*положительные знания*" (*positive knowledge*) Широкогоры объединил очень широкий спектр культурных явлений – от фундаментальных мировоззренческих понятий тунгусов (жизнь, душа, дух и др.), технической адаптации к природной среде (включающей хозяйство и различные материальные изобретения), до феноменов языка, фольклора, декоративного искусства [46]. По его мыс-

ли, эти знания появились как способ адаптации к природной среде и проявления психоментального комплекса, накопленные через опыт жизни, отличный от европейского или иного большинства.

Широкогоров критиковал теорию Леви Брюля о существовании качественно разных исторических этапов развития человеческого мышления, постоянно дискутировал с ним, используя свои полевые материалы. Большое количество приводимых им конкретных фактов показало, что тунгусы несколько не ниже европейцев по своей ментальности: они наблюдают, размышляют, делают умозаключения, умеют строить прогнозы и обобщения. И тунгусское мышление, был уверен Широкогоров, не имеет ничего общего с примитивным мышлением: "Из описания знания и наблюдений тунгусов мы убедились, что процесс их ментальной работы не отличается от такового любых других наблюдателей явлений природы, если наблюдатель нуждается в точных знаниях о наблюдаемом явлении" [46, p. 86].

Тунгусы прекрасно различают типы ландшафтов, умеют прокладывать кратчайшие и удобные тропы, обладают глубокими знаниями о растениях и животных. Он утверждал, что тунгусы лучше знают животных, чем европейцы. Ученый приводит примеры такого знания, показывает тунгусов внимательными наблюдателями, анатомистами, компаративистами, которые выработали свою классификацию животных, основанную на морфологических характеристиках, поведении и практической ценности животных для себя. Но тунгусы наблюдают за животными и без каких-либо практических целей [46; ср.: 40]. Главное отличие их классификации от европейской, по наблюдению Широкогорова, состоит в том, что ей чужда идея эволюции. Широкогоров рассмотрел представления тунгусов об анатомии, физиологии и наследственности, а также о психологии и "менталитете" животных. Ученый касается также вопроса о духах, которые, согласно тунгусским гипотезам, могут вселяться в животных.

Тема народных знаний оказалась чрезвычайно важна и востребована. Она находилась в сфере внимания советского тунгусоведения с 1960–1980-х годов [6; 16; 17, и мн. др.]. Новый этап в изучении народных знаний пришелся на 2000-е годы и продолжается до настоящего времени, он характерен для всей мировой антропологии. За последние годы появилось много интересных работ о традиционных экологических знаниях тунгусских народов, написанных как профессиональными учеными, так и представителями коренных народов [7; 10; 15; 50 и мн. др.]. Характерной чертой этого этапа является работа антропологов совместно с членами изучаемых сообществ: так, например, длительная полевая работа антрополога А. Лаврилье и С. Габышева, профессионального охотника-оленовода, позволила выявить новые факты, особенности и закономерности пространственной культуры эвенков, их традиционных экологических знаний, касающихся, в частности, трансформации снега и других элементов ландшафта [40]. Важно также отметить, что в этой сфере наиболее заметна тенденция проведения междисциплинарных комплексных исследований, взаимодействия этнологии, антропологии, культурной географии, лингвистики, биологии и других наук [40; 12 и др.].

Искусство. Широкогоров затронул ряд важных вопросов декоративного искусства тунгусских народов Дальнего Востока [46]. Как считает Н.В. Кочешков, автор работ о декоративном искусстве народов Нижнего Амура и Сахалина, историко-культурных связях тюрко-монголов и тунгусо-маньчжуров, рассмотренных на примере декоративного искусства, С.М. Широкогоров "впервые провел очень важную мысль о единстве художественной культуры не только эвенков бассейна Витима и Среднего Амура, но и эвенков Северо-Восточного Китая" [9, с. 151–152]. Широкогоров выделил три орнаментальных комплекса – северотунгусский (тунгусы-оленоводы), кочевых тунгусов с адаптацией бурятского комплекса и маньчжурский с адаптацией маньчжуро-китайского комплекса и их характерные особенности [46, p.109], показав иноэтнические влияния на разные тунгусские группы восточного ареала.

Широкогоров привел примеры орнаментальных мотивов, подчеркнул их зависимость от формы предмета, выявил способы нанесения и формы орнаментов,

использование приемов позитива-негатива, симметрии и др., выявил предпочтительные цвета в декоративном и орнаментальном искусстве. Н.В. Кочешков отметил, что Широкогоров "первым обратил внимание, что богаче всего эвенки украшают орнаментом свои костяные олени пряжки, луки деревянных седел и берестяные коробки, обтянутые ровдугой" [9]. С.М. Широкогоров останавливается также на некоторых вопросах, касающихся орнамента народов Нижнего Амура. Упоминает он и о скрытом значении орнамента.

Материалы по орнаменту помогала собирать Елизавета Николаевна Широкогорова. Участие супруги чувствуется и в описаниях: "В целом тунгусские вещи даже сейчас производят впечатление изготовленных специально для того, чтобы радовать глаз, и привлекают эстетическое внимание других людей. Когда группа тунгусов кочует, то производит впечатление, что не знает трудностей жизни в условиях тайги, – кажется, все сделано для удовольствия" [46, р. 111]. В МАЭ РАН хранится уникальная коллекция искусно орнаментированных игольников, а одна из коллекций (орнаменты на бересте) была собрана тунгуской П.В. Афанасьевой по заказу Широкогоровых.

Музыкальная этнография. В начале XX в. музыкальная этнография была новым направлением в этнографической науке, включая тунгусо-маньчжуроведение. Тунгусский фольклор на фонограф записывал Л.Я. Штернберг в 1910 г., позже П.А. Малых, В.К. Стешенко-Куфтина, И.М. Сулов и другие: в фонограммархиве Института русской литературы АН СССР по данным на 1936 г. хранилось 124 фонографические записи [11]. Коллекция, собранная Широкогоровыми, значительна по объему (105 восковых валиков: см. 18; 19) и записана среди групп орононов, тунгусов, бурят, которые позже с подобными целями не посещались. Е.Н. Широкогорова собрала значительные музыковедческие материалы, делая в экспедициях записи тунгусского и орононского фольклора на фонограф и нотные записи на слух. Она отметила, что тунгусская песня находится под сильным бурятским влиянием, а орононская песня "вполне своеобразна": "Для орононской песни характерно частое использование стаккато наряду с легато и частая смена форте и пиано; ритмы весьма разнообразны, темпы также. К этому еще необходимо прибавить большое разнообразие мотивов, мягкий, не гортанный тембр голосов и пение хоровых песен не в унисон" [43, с. 135].

Е.Н. Широкогорова связывала происхождение фольклорной музыки с музыкой природы, которую нужно изучать вместе "с собиранием и изучением музыкальных проявлений человека". Сравнение китайской народной музыки с маньчжурской и тунгусской позволило отметить разные основания музыкальной культуры этих народов. Исследовательница дала и методические советы относительно музыкальных записей на фонограф, исходя из своего практического опыта. Статья о народной музыке в Китае, сопровождаемая нотной транскрипцией китайских, маньчжурских и тунгусских песен [47], была переведена на русский язык и опубликована Г.М. Василевич в сборнике, посвященном эвенкискому фольклору [5; 38]. Нотные записи Елизаветы Николаевны были востребованы учеными [8, с. 56]. Позднее шесть нотных транскрипций, записанных Е.Н. Широкогоровой, были опубликованы в работе А.М. Айзенштадта [1, с. 269–270]. В трудах по тунгусской музыкальной этнографии непременно упоминается имя Е.Н. Широкогоровой как стоявшей у истоков этого научного направления [31; 4].

Проблемы преемственности российского тунгусоведения. Фундаментальные монографии Широкогорова о социальной организации и психоментальном комплексе тунгусов появились на 40–50 лет раньше ставшими сегодня классическими монографий советских этнографов Г.М. Василевич и В.А. Туголукова, а словарь тунгусских диалектов был подготовлен на 30 лет раньше, чем сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков, над которым работал целый научный коллектив [26]. При этом авторы словаря не использовали (вероятно, по причине недоступности крайне редкого издания) богатейшие данные широкогоровского словаря. Ослабление преемственности в российском тунгусоведении в первой четверти XX в. было связано с последствиями революции и великого исхода. Ког-

да Широкогоров в Китае закончил писать монографию о социальной организации тунгусов, в советской России перед новым поколением тунгусоведов только ставились исследовательские задачи [27]. Г.М. Василевич и другие молодые исследователи начали выезжать в экспедиции к эвенкам и другим тунгусо-маньчжурским народам и изучать их языки. Потребовалось время, чтобы подготовить кадры, собрать материал в экспедициях, и, кроме того, реализовывать практические цели – такие, как создание языков для прежде бесписьменных народов.

То, что сейчас делают ученые, работающие с научным и архивным наследием Широкогоровых, объективно представляет собой попытку в полной мере восстановить такую преемственность. Она не была утрачена полностью. Подчеркнем, что Г.М. Василевич заочно была знакома с С.М. Широкогоровым, обращалась к нему с просьбой прислать его труды в обмен на свои первые работы – словарь енисейских эвенков и азбуку [20, с. 1007]. Символом преемственности стала эвенкийка Павла Васильевна Афанасьева, которая была хорошо знакома и сотрудничала и с супругами Широкогоровыми, и со ставшей классиком советского тунгусоведения Г.М. Василевич [23]. Сотрудники Кунсткамеры работали с коллекциями Широкогоровых, некоторые предметы выставлялись. Работы Широкогорова читали, на них ссылались. Но было трудно достать англоязычные работы, и не всем они были доступны в советское время из-за языкового барьера. В 1930-е годы был задуман проект перевода некоторых работ Широкогорова, но он не был полностью реализован. Перевод и публикация монографии "Социальная организация северных тунгусов" [36] стала своеобразным продолжением этого проекта спустя много лет. Монография сразу оказалась востребована научным сообществом, изучающим народы Северной Азии, поскольку содержит богатые полевые материалы, позволяющие по-новому посмотреть на проблемы тунгусоведения и теоретические построения С.М. Широкогорова. Назрела необходимость перевода на русский язык и других монографий С.М. Широкогорова.

Заключение. "Теперь становится совершенно ясно, что без учета трудов Сергея Михайловича Широкогорова ни одно серьезное тунгусоведное исследование не может считаться ни объективным, ни полным, ни обстоятельным", – отмечал Н.В. Кочешков [9, с. 153]. Оценивая вклад супругов Широкогоровых в тунгусоведение с позиции сегодняшнего дня, можно утверждать, что вместе они совершили прорыв в изучении истории, этнографии, религии и языка тунгусских народов. Исследования Широкогорова заполнили пробел в наших знаниях о восточных группах эвенков и других тунгусо-маньчжурских народах Дальнего Востока и сообщили сильный импульс развитию тунгусоведческого направления в мировой антропологии. На основе собственных полевых данных С.М. Широкогоров разработал получившие широкую известность теоретические построения. При их анализе не стоит забывать, что эмпирической базой теории послужили прежде всего тунгусские материалы.

Литература

1. Айзенштадт А.М. Песенная культура эвенков. Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1995.
2. Андерсон Д. Дж. Записки "ушедшей в себя улитки": забайкальские экспедиции С.М. Широкогорова и формирование основ "этнос-мышления" // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 104–122. <https://doi.org/10.13039/501100000269>
3. Булгакова Т.Д. Невостребованное исследование тунгусского шаманства // Этнографическое обозрение, 2017. № 3. С. 53–66.
4. Варламова Г.И., Шейкин Ю.И. (сост.) Обрядовая поэзия и песни эвенков / отв. ред. Т.Е. Андреева. Новосибирск: Академическое Изд-во "Гео", 2014.
5. Василевич Г.М. (сост.) Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936.
6. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л.: Наука, 1969.
7. Давыдов В.Н. Охота за растениями: "эвенкийские лекарства" на Северном Байкале // Этнографическое обозрение. 2021. № 5 С. 70–83.
8. Кардашевская С.И. О коллекциях эвенкийских фонозаписей, собранных С.М. и Е.Н. Широкогоровыми в начале XX века // Традиционная культура кочевых народов в системе художественного образования: материалы научно-творческой конференции с международным участием, 22 марта 2014 г., г. Якутск.

Якутск: АГИИК, 2014. С. 54–57.

9. Кочешков Н.В. Забытое имя. Сергей Михайлович Широкогоров как этнограф // Россия и АТР. 1999. № 4. С. 150–155.

10. Латушко Ю.В., Пантюхина И.Е., Дёмина А.С. Лекарственные растения в жизни современных нанайцев (по материалам полевого исследования) // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2020. Т. 28. № 3. С. 45–68. <https://doi.org/10.24411/26585960202010034>

11. Магид С.Д. Список собраний фонограмм архива ИАЭА Академии наук СССР // Советский фольклор, 1936. № 4–5. С. 415–428.

12. Мамонтова Н.А. Этнофизиография и исследования места и пространства среди коренных народов: ключевые темы и обзор литературы // Сибирские исторические исследования. 2019. № 4. С. 205–222. <https://doi.org/10.17223/2312461X/26/11>

13. Окладников А.П. Тунгусо-маньчжурская проблема и археология // История СССР. 1968. № 6. С. 39–42.

14. Певнов А.М. Лингвистический взгляд на гипотезу С.М. Широкогорова о южном происхождении тунгусов // Широкогоровские чтения. Материалы научной конференции. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2001.

15. Пикунова З.Н., Пикунова И.Р. Буга дярин. Энциклопедия природы: Флора. СПб.: Просвещение, 2004. 223 с. (на эвенкийском языке).

16. Подмаскин В.В. Народные знания удэгейцев: историко-этнографическое исследование по материалам XIX–XX вв. Владивосток: ДВО РАН, 1998. 228 с.

17. Подмаскин В.В. Народные знания тунгусо-маньчжуров и нивхов: проблемы этногенеза и этнической истории. Владивосток: Дальнаука, 2006. 540 с.

18. Путешествия через сибирскую степь и тайгу к антропологическим концепциям. Этноистория Сергея и Елизаветы Широкогоровых / под ред. Д. Арзютова, Д. Андерсона, С. Подрезовой. Т. 1. М.: Индрик, 2021.

19. Путешествия через сибирскую степь и тайгу к антропологическим концепциям. Этноистория Сергея и Елизаветы Широкогоровых / под ред. Д. Арзютова, Д. Андерсона, С. Подрезовой. Т. 2/1. М.: Индрик, 2022.

20. Путешествия через сибирскую степь и тайгу к антропологическим концепциям. Этноистория Сергея и Елизаветы Широкогоровых / под ред. Д. Арзютова, Д. Андерсона, С. Подрезовой. Т. 2/2. М.: Индрик, 2022а.

21. Ревуненкова Е.В., Решетов А.М. Сергей Михайлович Широкогоров // Этнографическое обозрение, 2003. № 3. С. 100–119.

22. Сирина А.А. Маньчжурская экспедиция С.М. и Е.Н. Широкогоровых (1915–1917) // Этнография. 2018. № 1. С. 64–85. <https://doi.org/10.31250/2618-8600-2018-1-64-85>

23. Сирина А.А. Эвенкийка Павла Васильевна Афанасьева в научной жизни С.М. Широкогорова и Г.М. Василевич // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2021. № 1. С. 36–43. <https://doi.org/10.25693/SVG.V.2021.34.1.004>

24. Сирина А.А., Давыдов В.Н. "Продававшая леди плакала, когда покупку уносили...": коллекции Широкогоровых в МАЭ // Этнографическое Обозрение, 2017. № 5. С. 9–31.

25. Сирина А.А., Давыдов В.Н. Деятельная любовь: Елизавета Николаевна Широкогорова // Три века российской этнографии. Страницы истории. Отв. ред. А.А. Сирина, сост. А.А. Сирина, А.И. Терюков, М.Ф. Хартанович. М.: Наука–Восточная литература, 2018. С. 175–199.

26. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / ред. В.И. Цинциус. Л.: Наука, 1975. Т. 1; 1977. Т. 2.

27. Титов Е.И. Очередные задачи тунгусоведения // Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Т. V. Новосибирск: Сибкрайлит. С. 144–154.

28. Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М.: Наука, 1985.

29. Туров М.Г. Эвенки: основные проблемы этногенеза и этнической истории. Иркутск: Амтера, 2008.

30. Ходукин Я.Н. Тунгусы реки Коченги // "Провинциальная наука": этнография в Иркутске в 1920-е годы / избранные статьи. М., Иркутск: Репроцентр, 2013 (1924). С. 338–360.

31. Шейкин Ю.И. (сост., ред.) Музыкальная этнография тунгусо-маньчжурских народов. Тезисы докладов и сообщений международной конференции. Якутск, 2000.

32. Широкогоров С.М., Широкогорова Е.Н. Отчёт о командировке к тунгусам и ороченам Забайкальской области в 1912 и 1913 гг. // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Пг., 1914. № 3.

33. Широкогоров С.М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов // Ученые записки историко-филологического факультета в г. Владивостоке. 1919. Вып. 1. С. 47–108.

34. Широкогоров С.М. Письма к Л.Я. Штернбергу // Этнографическое Обозрение. 2015, №6. С. 155–172.

35. Широкогоров С.М. Письма к В.М. Алексееву. М.: Восточная литература, 2016.

36. Широкогоров С.М. Социальная организация северных тунгусов / Отв. ред. А.А. Сирина, В.Н. Давы-

дов. М.: Восточная литература – Наука РАН, 2017.

37. Широкогорова Е.Н. Северо-Западная Маньчжурия (Географический очерк по данным маршрутных наблюдений) // Ученые записки Историко-филологического факультета в г. Владивостоке. Владивосток: Типография Областной Земской Управы. 1919. № 1. С. 109–146.

38. Широкогорова Е.Н. Народная музыка в Китае // Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусско-му) фольклору / Сост. Г.М. Василевич. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. С. 283–286).

39. Широкогорова Е.Н. Дневник экспедиции 1912 г. в Забайкалье. Подготовка к публикации, комментарии А.А. Сирина, В.Н. Давыдов // Три века российской этнографии. Страницы истории. Отв. ред. А.А. Сирина, сост. А.А. Сирина, А.И. Терюков, М.Ф. Хартанович. М.: Наука–Восточная литература, 2018. С. 200–220.

40. Lavrillier A., Gabyshev S. An Arctic Indigenous Knowledge System of Landscape, Climate, and Human Interactions: Evenki Reindeer Herders and Hunters. Fürstenberg/Havel: Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2017. 467 p.

41. Shirokogoroff S.M. Ethnological investigations in Siberia, Mongolia and Northern China // The China Journal of Science and Arts. Vol. 1. № 5. P. 513–522. № 6. P. 611–621.

42. Shirokogoroff S.M. Social organization of the Manchus: a study of the Manchu clan organization. Shanghai: Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society. 1924. 194 p.

43. Shirokogoroff S. M. Northern Tungus migrations in the Far East (Goldi and their ethnical affinities) // Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society. 1926. Vol. 57. P. 123–183.

44. Shirokogoroff S.M. Northern Tungus terms of orientation // Rocznik Orientalistyczny. 1928. Vol. IV. P. 167–187.

45. Shirokogoroff S.M. Social organization of the Northern Tungus (with introductory chapters concerning geographical distribution and history of these groups). Shanghai: The Commercial Press, 1929. 427 p.

46. Shirokogoroff S.M. Psychomental complex of the Tungus. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1935. 469 p.

47. Shirokogorova E.N. Folk music in China // The China Journal of Science & Arts, Vol. II, No. 2 (March 1924). P. 116–121.

References

1. Aizenshtadt A.M. Song culture of the Evenkis. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1995 (In Russ.).

2. Anderson D. G. Notes of a "retreated snail": Transbaikal expeditions of S.M. Shirokogoroff and the formation of the foundations of "ethnos-thinking" // Etnograficheskoe obozrenie. 2017. No. 3. P. 104–122. <https://doi.org/10.13039/501100000269> (In Russ.).

3. Bulgakova T.D. Unclaimed study of Tungus shamanism // Etnograficheskoe obozrenie. 2017. No. 3. P. 53–66 (In Russ.).

4. Varlamova G.I., Sheikin Yu.I. (Comp.) Ritual poetry and songs of Evenkis / Ed. by T.E. Andreeva. Novosibirsk: Akademicheskoe Izdatel'stvo "Geo", 2014. (In Russ.).

5. Vasilevich G.M. (Comp.) Collection of materials on Evenki (Tungus) folklore. Leningrad: Izdatel'stvo Instituta narodov Severa TSIK SSSR im. P.G. Smidovicha, 1936 (In Russ.).

6. Vasilevich G.M. Evenkis. Historical and ethnographic essays (XVIII – early XX century). Leningrad: Nauka, 1969 (In Russ.).

7. Davydov V.N. Plant hunting: "Evenki medicines" in Northern Baikal // Etnograficheskoe obozrenie. 2021. No. 5. P. 70–83 (In Russ.).

8. Kardashevskaya S.I. The collections of Evenki phonorecords collected by S.M. and E.N. Shirokogoroffs at the beginning of the 20th century // Traditional culture of nomadic peoples in the system of art education: materials of a scientific and creative conference with international participation, March 22, 2014, Yakutsk. Yakutsk: AGIIK, 2014. P. 54–57 (In Russ.).

9. Kocheshkov N.V. Forgotten name. Sergei Mikhailovich Shirokogoroff as an ethnographer // Rossiia i ATR. 1999. No. 4. P. 150–155 (In Russ.).

10. Latushko Yu.V., Pantiukhina I.E., Demina A.S. Medicinal plants in the life of modern Nanais (based on field research) // Trudy IIAE DVO RAN. 2020. Vol. 28. No. 3. P. 45–68. <https://doi.org/10.24411/26585960202010034> (In Russ.).

11. Magid S.D. List of phonogram collections of the IAEA archive of the USSR Academy of Sciences // Sovetskii fol'klor, 1936. No. 4–5. P. 415–428 (In Russ.).

12. Mamontova N.A. Ethnophysiology and Studies of Place and Space among Indigenous Peoples: Key Topics and Literature Review // Sibirskie istoricheskie issledovaniia. 2019. No. 4. P. 205–222. <https://doi.org/10.17223/2312461X/26/11> (In Russ.).

13. Okladnikov A.P. Tungus-Manchu problem and archeology // Istoriiia SSSR. 1968. No. 6. P. 39–42 (In Russ.).

14. Pevnov A.M. Linguistic view on the hypothesis of S.M. Shirokogoroff about the southern origin of

- the Tungus // *Shirokogoroff's readings. Materials of the scientific conference. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 2001 (In Russ.)*.
15. Pikunova Z.N., Pikunova I.R. Buga diarin. *Encyclopedia of Nature: Flora. St. Petersburg: Prosveshchenie, 2004. 223 p. (in Evenki)*.
 16. Podmaskin V.V. Folk knowledge of the Udege: a historical and ethnographic study based on materials from the 19th–20th centuries. Vladivostok: DVO RAN, 1998. 228 p. (In Russ.)
 17. Podmaskin V.V. Folk knowledge of the Tungus-Manchus and the Nivkhs: problems of ethnogenesis and ethnic history. Vladivostok: Dal'nauka, 2006. 540 p.
 18. Travels through the Siberian steppe and taiga to anthropological concepts. *Ethnohistory of Sergei and Elizaveta Shirokogoroffs / Ed. by D. Arzyutov, D. Anderson, S. Podrezova. Vol. 1. Moscow: Indrik, 2021 (In Russ.)*.
 19. Travels through the Siberian steppe and taiga to anthropological concepts. *Ethnohistory of Sergei and Elizaveta Shirokogoroffs / Ed. by D. Arzyutov, D. Anderson, S. Podrezova. Vol. 2/1. Moscow: Indrik, 2022 (In Russ.)*.
 20. Travels through the Siberian steppe and taiga to anthropological concepts. *Ethnohistory of Sergei and Elizaveta Shirokogoroffs / Ed. by D. Arzyutov, D. Anderson, S. Podrezova. Vol. 2/2 (In Russ.)*.
 21. Revunenkov E.V., Reshetov A.M. Sergei Mikhailovich Shirokogorov // *Etnograficheskoe Obozrenie, 2003, No 3, p. 100–119. (In Russ.)*.
 22. Sirina A.A. Manchurian expedition of S.M. and E.N. Shirokogoroff (1915–1917) // *Etnografiia. 2018. No. 1. P. 64–85. <https://doi.org/10.31250/2618-8600-2018-1-64-85> (In Russ.)*.
 23. Sirina A.A. Evenki Pavla Vasil'evna Afanas'eva in the scientific life of S.M. Shirokogoroff and G.M. Vasilevich // *Northeast Humanitarian Bulletin. 2021. No. 1. P. 36–43. <https://doi.org/10.25693/SVG.2021.34.1.004> (In Russ.)*.
 24. Sirina A.A., Davydov V.N. "The Selling Lady Cried When the Purchase Was Taken Away...": The Shirokogorov Collections at the MAE // *Etnograficheskoe obozrenie, 2017. No. 5. P. 9–31 (In Russ.)*.
 25. Sirina A.A., Davydov V.N. Active love: Elizaveta Nikolaevna Shirokogoroff // *Three centuries of Russian ethnography. History pages. Ed. by A.A. Sirina. Comp. A.A. Sirina, A.I. Teryukov, M.F. Khartanovich. Moscow: Nauka–Vostochnaia literatura, 2018. P. 175–199 (In Russ.)*.
 26. *Comparative Dictionary of Tungus-Manchu Languages. Leningrad: Nauka, 1975 Vol.1; 1977. Vol.2*
 27. Titov E.I. Immediate tasks of Tungus studies // *Proceedings of the First Siberian Regional Research Congress. Vol. V. Novosibirsk: Sibirskii. P. 144–154 (In Russ.)*.
 28. Tugolukov V.A. Tungus (Evenkis and Evens) of Central and Western Siberia. Moscow: Nauka, 1985 (In Russ.)
 29. Turov M.G. Evenkis: the main problems of their ethnogenesis and ethnic history. Irkutsk: Amtera, 2008 (In Russ.)
 30. Khodukin Ya. N. Tungus of the Kochenga River // *Provincial Science: Ethnography in Irkutsk in the 1920s / Selected Articles. Moscow, Irkutsk: Reprintsentr, 2013 (1924). P. 338–360 (In Russ.)*.
 31. Sheikin Yu.I. (Comp., Ed.) Musical ethnography of the Tungus-Manchurian peoples. Abstracts of reports and messages of the international conference. Yakutsk, 2000 (In Russ.)
 32. Shirokogoroff S.M., Shirokogorova E.N. Report on a trip to the Tungus and Orochens of the Trans-Baikal region in 1912 and 1913 // *Proceedings of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia in historical, archaeological, linguistic and ethnographic relations. Petrograd, 1914. No. 3. (In Russ.)*.
 33. Shirokogoroff S.M. Experience in researching the foundations of shamanism among the Tungus // *Uchenye zapiski of the Faculty of History and Philology in Vladivostok. 1919. Vol. 1. P. 47–108 (In Russ.)*.
 34. Shirokogoroff S.M. Letters to L.Ya. Shternberg // *Etnograficheskoe Obozrenie, 2015, No6, p. 155–172 (In Russ.)*.
 35. Shirokogoroff S.M. Letters to V.M. Alekseev. Moscow: Vostochnaia literatura, 2016 (In Russ.)
 36. Shirokogoroff S.M. Social organization of the northern Tungus / Ed. by A.A. Sirina, V.N. Davydov. Moscow: Vostochnaya literatura – Nauka RAN, 2017 (In Russ.)
 37. Shirokogoroff E.N. North-Western Manchuria (Geographical sketch based on the data of route observations) // *Uchenyye zapiski Istoriko-filologicheskogo fakul'teta v g. Vladivostoke. Vladivostok: Tipografiia Oblastnoii Zemskoi Upravy. 1919. Vol. 1. P. 109–146 (In Russ.)*.
 38. Shirokogoroff E.N. Folk music in China // *Collection of materials on Evenki (Tungus) folklore / Comp. G.M. Vasilevich. Leningrad: Izdatel'stvo Instituta narodov Severa TSIK SSSR im. P.G. Smidovicha, 1936. P. 283–286 (In Russ.)*.
 39. Shirokogoroff E.N. Diary of the 1912 expedition in Transbaikalia. Preparation for publication, comments by A.A. Sirina, V.N. Davydov // *Three centuries of Russian ethnography. History pages. Ed. by A.A. Sirina. Comp. A.A. Sirina, A.I. Teryukov, M.F. Hartanovich. Moscow: Nauka-Vostochnaia literatura, 2018. P. 200–220 (In Russ.)*.
 40. Lavrillier A., Gabyshev S. An Arctic Indigenous Knowledge System of Landscape, Climate, and Human Interactions: Evenki Reindeer Herders and Hunters. Fürstenberg/Havel: Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2017. 467 p.

41. Shirokogoroff S.M. Ethnological investigations in Siberia, Mongolia and Northern China // *The China Journal of Science and Arts*. Vol. 1. P. 513–22 and 611–621.
42. Shirokogoroff S.M. Social organization of the Manchus: a study of the Manchu clan organization. Shanghai: Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society. 1924. 194 p.
43. Shirokogoroff S. M. Northern Tungus migrations in the Far East (Goldi and their ethnical affinities) // *Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society*. 1926. Vol. 57. P. 123–183.
44. Shirokogoroff S.M. Northern Tungus terms of orientation // *Rocznik Orientalistyczny*. 1928. Vol. IV. P. 167–187.
45. Shirokogoroff S.M. Social organization of the Northern Tungus (with introductory chapters concerning geographical distribution and history of these groups). Shanghai: The Commercial Press, 1929. 427 p.
46. Shirokogoroff S.M. Psychomental complex of the Tungus. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1935. 469 p.
47. Shirokogorova E.N. Folk music in China // *The China Journal of Science & Arts*, Vol. II, No. 2 (March 1924). P. 116–121.

Анна Анатольевна СИРИНА, д-р. ист. наук, главный научный сотрудник отдела Севера и Сибири Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия, e-mail: annas@iea.ras.ru

Владимир Николаевич ДАВЫДОВ, канд. социол. наук, PhD, заместитель директора по научной работе Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург, Россия; научный сотрудник Чукотского филиала Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Анадырь, Россия, e-mail: davydov.kunstkamera@gmail.com

Anna A. SIRINA, Doctor of Historical Sciences, Main Research Fellow, Department of the North and Siberia studies, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: annas@iea.ras.ru

Vladimir N. DAVYDOV, Candidate of Sociology, PhD, Deputy Director for Science, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; Research Fellow, Chukotka Branch of North-Eastern Federal University, Anadyr, Russia, e-mail: davydov.kunstkamera@gmail.com

Поступила в редакцию
(Received) 03.02.2023

Одобрена после рецензирования
(Approved) 12.02.2023

Принята к публикации
(Accepted) 07.03.2023

Массовая эмоциональная деформация как ре-адаптация психоментального комплекса: на примере национального строительства в Восточной Азии в послевоенный период

Олег Станиславович ПАХОМОВ

Центр исследований Северо-Восточной Азии Университета Тохоку, Сендай, Япония, pakhomov.oleg.c2@tohoku.ac.jp

Аннотация. Данная работа является попыткой развития идеи массового психоза С.М. Широкогорова с помощью теории аффективного комплекса (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия) как особого культурно-психологического механизма опосредованного поддержания динамического равновесия этноса в ответ на изменение среды. В частности, статья на примере Восточной Азии рассматривает процесс и условия вхождения разных стран региона в состояния массовой эмоциональной деформации (МЭД) и его дальнейшего перевода (торможения) в институты национальных государств.

Ключевые слова: Широкогоров, этнос, психоментальный комплекс, массовый психоз, аффективный комплекс, Восточная Азия

Для цитирования: Пахомов О.С. Массовая эмоциональная деформация как ре-адаптация психоментального комплекса: на примере национального строительства в Восточной Азии в послевоенный период // Известия Восточного института. 2023. № 1. С. 42–54. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/42-54>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/42-54>

Mass Emotional Deformation as Re-Adaptation of Psychomental Complex: On the Example of the Nation Building in East Asia during Post-WWII Period

Oleg S. PAKHOMOV

Center for Northeast Asian Studies, Tohoku University, Sendai, Japan, e-mail: pakhomov.oleg.c2@tohoku.ac.jp

Abstract. This paper aims to develop S.M. Shirokogoroff's idea of mass psychosis with the help of theory of affective complex (L.S. Vygotsky, A.R. Luria). From this perspective, complex of mass emotional deformation is a special cultural-psychological externally mediated mechanism for maintaining the dynamic equilibrium of an ethnos in response to impulses of environment. In particular, the article, using East Asia as an example, examines how different countries of the region entered into state of mass affect with its consequent translation (inhibition) into the institutions of nation-states.

Keywords: Shirokogoroff, ethnos, psychomental complex, mass psychosis, affective complex, East Asia

For citation: Pakhomov O.S. Mass Emotional Deformation as Re-Adaptation of Psychomental Complex: On the Example of the Nation Building in East Asia during Post-WWII Period // Oriental Institute Journal. 2023. № 1. P. 42–54. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/42-54>

Особенностью Восточной Азии является то, что формирование государственности большинства стран региона как в традиционный, так и в современный период является результатом сложных отношений с Китаем как с ведущим этносом. Современные исследования, как правило, подходят к изучению определяющего влияния Китая в регионе с политической, экономической или культурной перспектив, не уделяя достаточного внимания психологическим аспектам. Данная работа является попыткой показать, что теория этноса С.М. Широкогорова в целом и такое экстремальное проявление этнического процесса, как массовые эмоциональные деформации (МЭД), позволяют вскрыть глубинное культурно-психологическое измерение синоцентричности Восточной Азии. Историческим материалом исследования является период с победы Коммунистической партии Китая в гражданской войне в 1949 году и до конца 1980-х годов. Указанный период дает пример завершённого цикла развития МЭД в Китае и его распространения во всех странах Восточной Азии. Разрушение Японской империи и западной колониальной системы, а также международные реалии Холодной войны поставили страны

региона перед необходимостью применения особых экстренных мер для создания институтов национальных государств в кратчайшие сроки при существовании острых внутренних классовых, этнических и религиозных противоречий. Другими словами, в этот период возникли идеальные условия для активации адаптивного механизма психоментального комплекса через вхождение региона в деформированное эмоциональное состояние, где Китай сыграл роль ведущего этноса, и отношения с которым во многом предопределили логику развития МЭД, а значит, и государственности в Восточной Азии.

Широкогоров рассматривал проблему психических расстройств (индивидуального и коллективного) как процесс адаптации психоментального комплекса к импульсам среды. Патологическое поведение или олонизм (от тунгусского *olong*) возникает из-за резкой потери равновесия этноса в силу необходимости интегрировать новый элемент в психоментальный комплекс и выражается в отключении сознательной деятельности с переходом на стихийное бессознательное поведение [17, с. 245–248]. Психоз распространяется через особый механизм имитации (имитативная мания) как среди членов своей группы (эндемический психоз), так и среди представителей других этносов (эпидемический психоз) [17, с. 260]. С одной стороны, олонизм связан с риском распада этнической группы, так как усиливает неравновесное состояние психоментального комплекса (дисфункцию), связанное с необходимостью перестраивания внутренних взаимосвязей за счет усиления одних элементов и подавления других. С другой стороны, вхождение в массовый психоз создает условия для мобилизации необходимых ресурсов для дезорганизации существующего регулятивного механизма в короткие сроки и формирования новых более адекватных среде взаимосвязей. В ответ на увеличение количества патологического поведения члены этнической группы вынуждены создавать новый регулятивный механизм, который бы позволил овладеть коллективной формой поведения. Подобное аффективное формирование нового регулятивного механизма, как указывал Широкогоров, осуществляется через символизацию психоза, который в дальнейшем выстраивается новый системообразующий принцип будущих взаимосвязей психоментального комплекса [17, с. 261].

ПЕРЕФРАЗИРУЯ Л.С. ВYGOTСКОГО, МАССОВЫЙ ПСИХОЗ МОЖНО ОПРЕДЕЛИТЬ КАК ЦЕЛОСТНУЮ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКУЮ РЕАКЦИЮ [2, с. 214], которая при определенных условиях может стать внешним опосредованным механизмом ре-адаптации этноса или комплексом массовой эмоциональной деформации (МЭД) по аналогии с аффективным комплексом А.Р. Лурии. [4, с. 60–61]. Необходимость создания опосредствованного механизма является неравновесное состояние психоментального комплекса, которое не позволяет интегрировать новые элементы среды, прежде всего межэтнической, за счет внутренних ресурсов. Это требует создания нового регулирующего механизма во вне индивидуальной психики в качестве подготовки последующей интериоризации. МЭД закладывает предпосылки для овладения индивидуальным и коллективным поведением социальной группы извне или, как указывает Ламброс Малафурис, познание должно выйти за рамки индивидуального сознания, чтобы охватывать более широкие когнитивные события, включающие взаимодействие между людьми, артефактами, пространством и временем [14, с. 67]. В основе подобного процесса ре-адаптации лежит особый вид эмоциональной энергии негативного характера, которая через цепочки интерактивных ритуалов, по Коллинзу [7, с. 38–40], взаимно фокусирует внимание на патологических символах и объектах, что, в свою очередь, позволяет вывести эмоциональное переживание за пределы индивидуальной психики и синхронно задать общую эмоциональную реакцию патологического характера.

Новый регулирующий механизм психоментального комплекса формируется на стадии его торможения. По мере вхождения общества в МЭД происходит непосредственное биологическое излияние аффекта в двигательную активность коллектива (моторику), которое разрушает (аффективная дезорганизация) предыдущий регулятивный механизм психоментального комплекса [4, с. 464–465]. Однако символизация МЭД позволяет начать процесс торможения через создание нового

регулятивного механизма, позволяющего избежать бессознательной аффективной дезорганизации поведения, переключив возбуждение на осознанный контролируемый тип реакций, в том числе с применением орудий (материальной культуры), которые определяют строй коллективных действий в МЭД. Другими словами, как указывал Выготский, символ, преодолевая аффект, осуществляет переход от непосредственного биологического излияния к культурным формам овладения поведением. В результате внешний опосредованный символический механизм в процессе торможения аффекта становится, по Выготскому, интрапсихическим знаком как новым средством связи психических функций [2, с. 325]. По мере того как новая коллективная социальная деятельность по регуляции патологического поведения переходит во внутренние структуры психики, происходит угасание МЭД и, следовательно, восстановление равновесия психоментального комплекса.

Теперь можно перейти к рассмотрению политической роли МЭД в Восточной Азии. Национальное строительство с помощью массовых аффектов в период после завершения Второй Мировой Войны в 1945 году происходило прежде всего как реакция на китайский аффективный комплекс. Особенностью Восточной Азии является то, что начиная с древности государственность большинства стран региона формируется как результат сложных отношений с Китаем. Перефразируя Выготского, можно сказать, что "Китай" как знак, то есть системообразующий регулятивный механизм психоментального комплекса стран Восточной Азии, будучи полностью интериоризирован, является тем универсальным культурным материалом, на основе которого происходит развитие местных аффективных комплексов. Следовательно, политическое и экономическое влияние СССР и США в регионе в рамках холодной войны встраивалось в синоцентричную внутреннюю логику Восточной Азии таким образом, что отказ от наследия японского и западного колониального империализма и формирование национальных государств проходило в форме сложных отношений с Китаем. Победа коммунистов в 1949 году сделала Китай примером успешного национально-освободительного движения в Азии и универсальным ориентиром для других стран региона. Кроме этого, только Китай обладал достаточными внутренними символическими и материальными ресурсами для вхождения в МЭД повышенной интенсивности для максимального воплощения послевоенной установки на формирование самостоятельного национального государства.

Степень интенсивности МЭД в регионе была разной. Каждая страна Восточной Азии подходила ко времени начала вхождения Китай в МЭД в 1950-х годах в разном состоянии. Это стало результатом сложного взаимодействия внутренних и внешних факторов, которые невозможно раскрыть в рамках журнальной статьи. Грубо упрощая, можно сказать, что конкретно-исторические условия, наметившие данную степень интенсивности МЭД, определялись комплексом причин, обусловленных наследием модернизации в рамках западных колониальных империй, разрушением Японской империи или влиянием Советского Союза, а также историческими особенностями давления международной среды в период холодной войны. Это могло означать, что некоторые страны уже прошли период МЭД и подходили к 1950-м годам с большей "эластичностью". В других странах, наоборот, модернизация и холодная война обострила классовые, религиозные и/или межэтнические противоречия настолько, что их решение было возможным только через МЭД повышенной интенсивности. Данная работа ограничится указанием на факт различия в степени аффективности политического процесса и сосредоточится на странах с повышенной интенсивностью МЭД. При этом рассмотрение военных конфликтов (Корейская и Вьетнамская войны) останется за пределами статьи в силу своего стихийного характера. Итак, определяющая роль Китая в формировании национальных комплексов МЭД выражалась в том, что аффект в странах Восточной Азии приобретал или про-китайский, или анти-китайский характер, который в реалиях холодной войны принял форму противостояния социализма и капитализма. При этом Камбоджа (Кампучия) дает пример про-китайского МЭД, а Индонезия – пример анти-китайского МЭД наивысшей в регионе интенсивности.

Китайский комплекс МЭД

МЭД был одной из основополагающих элементов китайской государственности в имперский период. Важной политической функцией конфуцианских ритуалов была организация перехода централизованной иерархии, то есть социальной организации по Широкогороду, во внутренние психологические операции отдельной личности. С этой целью конфуцианство было устроено по принципу, который китайский философ Ли Дзехоу (李泽厚) обозначил как "рационально-эмоциональная структура" (情理结构) [23, с. 201–202]. Символически ритуалы были устроены таким образом, чтобы каждый отдельный государственный чин, с самых низших до высших, и вся иерархия имперской бюрократии в целом были связаны с определенным, прежде всего, позитивным эмоциональным опытом (乐).

Важным, но не единственным элементом конфуцианской ритуалистики было особое взаимодействие со смертью через систему траурных мероприятий по усопшим, главным образом с уже встроенными в имперскую иерархию родителями. Смерть, как самый экстремальный эмоциональный опыт человеческой жизни, через ритуал обеспечивала контролируемый вход и выход в/из МЭД, а также регулировала степень интенсивности протекания аффективного состояния. Кроме этого, опора на культ предков организовывал МЭД таким образом, чтобы интериоризация имперской иерархии проходила на основе местных практик без необходимости их унификации. Острое чувство скорби по усопшему было биологическим началом вхождения в аффект с его последующим торможением через взаимодействие с ритуальной символикой, которая означала переход скорбящего в сакральное пространство мертвых предков. При этом взаимодействие с материальными орудиями, например, телом усопшего, траурной одеждой и местом захоронения, придавали аффекту еще более контролируемый характер. За мертвыми закреплялось место в потусторонней иерархии, а живые наследовали место в посюсторонней иерархии. В результате социальный статус становился сакральным, так как именно в нем отдельный человек как бы преодолевал смерть, а эмоциональное переживание смерти позволяло сделать так, чтобы бюрократическая иерархия и весь имперский порядок стали частью внутренней психической жизни каждой личности. Таким образом, траурный ритуал был символическим преодолением смерти в централизованной иерархии Китая или, перефразируя Эрнеста Беккера, это был имперский "план бессмертия" [5, с. 118–120].

Разрушение регулятивного механизма китайского психоментального комплекса Синьхайской революцией (1911) запустило процесс болезненного поиска новых форм по созданию единого комплекса МЭД, который растянулся на несколько десятилетий. В условиях Восточной Азии, прежде всего в Китае, адаптация нового элемента в форме институтов западной демократии неизбежно означало разрушение единого системообразующего регулятивного механизма и переход к аффектации с общегосударственного на взаимно конфликтующие местные (региональные, этнические или религиозные) МЭД. В попытке интегрировать европейский элемент уже в 19 веке сначала японское, а затем и китайское неоконфуцианство, разрабатывает идею о том, что всё общество, а не только верховная власть обладает некой "национальной сущностью" (国粹) [24, с. 113–116], которая остаётся неизменной, несмотря на прогресс [25, с. 20–22]. Из этого следовала необходимость поиска способов передачи власти народу. Обращение к наследию легистов и нереализуемому в китайских условиях опыту Японии создало иллюзию, например, у Кан Ю Вэя о возможности модернизации китайской монархии [21] или даже создания парламентской республики, как наивно полагал Сунь Ятсен [6, с. 370]. В результате множества неудачных социальных экспериментов по модернизации монархии проблему массовой аффектации неудачно пытаются решить сначала региональные военные клики, а затем и диктатура Чан Кайши.

В частности, гоминьдановская идеология "органического национализма" утверждала, что "традиция" является достоянием всего народа, защита которой требует организации Китая по военному образцу. Статус защитника национальной традиции позволял Чан Кайши стать над обществом в качестве верховного арби-

тра в отношениях между партийными фракциями, а также разными слоями общества. Однако в до-тайваньский период Гоминьдану не удалось синхронизировать МЭД во всекитайском масштабе, так как конкретное воплощение "органической нации" менялось в зависимости от текущих задач и, следовательно, ограничивалось отдельными социальными или региональными группами, например, в форме общекуайской борьбы против Японской империи, неформальных репрессий против китайской буржуазии или открытого террора против китайских коммунистов [16, с. 416].

Создание полноценного комплекса МЭД удалось только Коммунистической партии, прежде всего, в результате знакомства с советским опытом и активной работы с крестьянством. Решение, к которому пришел Мао Цзэдун, имело сложное происхождение, но возникло в большей степени благодаря стабильному взаимодействию между партией и китайским крестьянством, на основе которого стал возможен теоретический синтез наследия опыта Октябрьской революции 1917 года, "Движения 4 мая", экспериментов Лян Шумина в Шаньдуне [19, с. 457–474], "хождения в народ" Пэн Бая [11, с. 51–60], а также опыта политической борьбы китайских коммунистов. Репрессии Гоминьдана не дали возможность китайским коммунистам закрепиться в городах, вынудив их переместиться в сельскую местность и активизировать практическую работу с крестьянством по решению в первую очередь земельных вопросов. Перемещение в деревню позволило Коммунистической партии проводить эксперименты по реорганизации крупных хозяйств через конфискацию и перераспределению земли в пользу крестьянства. Это создало не только стабильный социальный и экономический базис коммунистической партии в крестьянстве, но также заложило основы нового регулятивного механизма китайской государственности.

В опоре на опыт революционной борьбы Мао Цзэдун начал создание общеклассовых (всекитайских) механизмов МЭД. Применительно к Китаю Мао еще в 1920-х годах выдвинул идею о "двух движениях" (两种运动), которая предполагала, что Коммунистическая партия должна жить жизнью народных масс, чтобы практически погрузиться в социальную жизнь народа, но одновременно находиться снаружи в качестве руководящей и направляющей силы. Партия не может оставаться на уровне повседневной народной стихии из-за её хаотичности и фрагментарности. При этом Партия также и не может просто поставить себя над обществом, как это делал Гоминьдан, так как она превратится в бюрократическую организацию, которая оторвана от жизни низов. Как говорил Мао, необходимо "соединить сердца людей на основе морали маленьких людей, а не сверху". Соединение повседневной жизни людей с партийной работой позволит объединить эклектичные и фрагментарные идеи и практики народных масс в единый политический порядок. С этой целью созданием теории революционных преобразований и их практической реализации должны были заниматься сами крестьяне, мобилизованные в партийные органы. В частности, по мнению Мао важным воплощением принципа "двух движений" является решение земельного вопроса, которое не должно быть подачкой сверху, а результатом борьбы низов, которые действуют через Партию [15, с. 556].

Эпидемический характер МЭД укреплял политическую автономию Китая в международных реалиях Холодной войны. Действия руководства коммунистического Китая были направлены на то, чтобы превратить эндемический китайский МЭД в эпидемический с целью распространить его на максимальное количество стран. Подобное протекание китайского МЭД, по аналогии с имперским периодом, строилось в форме особого взаимодействия со смертью. Однако в отличие от имперского периода институционализация "смерти" в Китае носила скорее стихийный, хаотичный характер. Наибольшую организованность взаимодействие со "смертью" получит в диктатуре Сухарто и у красных кхмеров в Кампучии. В частности, продвижение радикальных программ политической борьбы на международной арене было необходимо, чтобы показать слабость Советского Союза и перехватить инициативу в социалистическом лагере и тем самым идеологически закрепить свободу действий как во внешней, так и внутренней политике.

Например, в переговорах с СССР китайское руководство умышленно выдвигало заранее невыполнимые требования, которые гарантировано будут отвергнуты советской стороной, такие как призыв к ядерной войне против США, тотальной вооруженной поддержке всех национально освободительных движений и готовность Китая пойти на многомиллионные жертвы, что и было продемонстрировано на практике во время Корейской войны (1950-1953) и Большого скачка (1958-1960). В результате подобное "патологическое" поведение позволило Китаю закрепить свою роль как одного из лидера новых национальных независимых государств на Бандунгской конференции (18-24 апреля, 1955), а также активизировать связи с социалистическим движением в Северо и Юго-Восточной Азии, чтобы вести борьбу уже на двух фронтах против "капиталистического империализма" и "социалистического империализма", которые, как отмечал Чжоу Эньлай, несут одинаково угрозу Китайской независимости и, следовательно, независимости всех стран Азии [26, с. 166].

Радикализация политических взглядов Мао Цзэдуна позволяет закрепить идеологическую автономию от Советского Союза внутри Китая. В деятельности Мао особо важную роль играет умышленно произвольный характер политических кампаний и научных дискуссий, которые на первый взгляд несут абсурдный характер, начиная от критики Сталина до катастрофы Большого Скачка. Подобными шагами Мао Цзэдун старался показать, что национальный суверенитет Китая рождается изнутри самого китайского народа. Чем более произвольный характер носили его действия и чем меньше в них было логики, тем больше это доказывало сакральное всемогущество его политического руководства, которое стоит над всеми атрибутами "профанного общества". В частности, критика Сталина со стороны Мао не была направлена на конструктивную дискуссию по вопросам социалистического строительства, но сам факт критических высказываний в адрес советского вождя безотносительно их содержания должны были поставить руководителя Китая в один ряд с такими признанными классиками марксизма, как Маркс, Энгельс и Ленин.

Яркими примерами подобного аффективного разрыва с советским опытом являются кампании "Пусть расцветают сто цветов" в идеологии и "Большого скачка" в экономике. "Цветочная" кампания была направлена не на то, чтобы опереться на творчество народных масс или привлечь интеллигенцию на сторону коммунистической партии. Подобный прагматический результат кампании был вторичен. Главная задача была вхождение Китая в состояние МЭД. С этой целью Мао Цзэдун особо указывал на то, что движущей силой социалистического строительства являются разного рода антагонизмы, диалектическое единство которых и формирует политическую субъектность китайского народа. Следовательно, чем больше мнений будет высказано снизу по максимально широкому кругу вопросов, тем больше будет символического материала для создания антагонизмов и противоречий и тем сильнее будет национальный суверенитет Китая. Например, Мао использовал критику со стороны интеллигенции как доказательство её отрыва от народных масс, таким образом лишая её монополии на научное знание. В результате с помощью "цветочной" кампания китайский народ становится главным источником научного знания под руководством Партии, которому теперь даже "необязательно читать классику, а можно только слушать". "Большой скачок" преследовал похожую цель показать наличие национального суверенитета Китая в экономике. Массовая выплавка стали была умышленным "патологическим" нарушением принципов советского планирования, и должна была показать, что народные массы могут сами создавать собственные принципы социалистического строительства. Экономическое творчество масс подчеркивало оторванность просоветских фракций в Госплане КНР от народа. Уничтожение "четырёх вредителей" должно было показать, что мощь революционных народных масс способна подчинить себе не только науку, технику, но даже природную стихию.

Свобода от советских ограничений дает возможность Мао создать идеологический механизм тотальной мобилизации китайского общества. Абсолютизация

внутренних противоречий позволяет руководителю Китая оправдывать создание и разрушение и вновь воссоздание любого порядка, сбрасывать любые авторитеты и создавать новые. Все аспекты социальной жизни потенциально становятся вопросом революционной борьбы и, следовательно, требуют вмешательства верховной власти. Китайское общество может стать народом только через постоянный процесс развития и преодоления всё новых противоречий между политической централизацией и децентрализацией. Столкновение двух противоречий не может привести к равновесию, так как централизация создаёт необходимость децентрализации, а децентрализация в конечном итоге требует централизации.

Важность самого Мао Цзэдуна для национального суверенитета заключается в том, что все противоречия в китайском обществе получают разрешение именно в культе его личности. В соответствии с теорией о "двух движениях" Мао заявлял, что Коммунистическая партия должна жить жизнью народных масс, чтобы погрузиться в социальную реальность, но одновременно находиться снаружи в качестве руководящей и направляющей силы. Однако руководящая роль партии в качестве авангарда революции неизбежно приводит к отрыву от народных масс через пере рождение в бюрократизм, что требует активизации народного движения. Народное революционное творчество, которое неизбежно приведет к хаотизации политического процесса, которому требуется руководящая роль партии. Переход от одного к другому противоречию происходит через то, что Мао называл "утверждением отрицания" (否定规律), когда "Великий кормчий" сам определяет, какой класс в данный исторический период является прогрессивным и, следовательно, кому следует передать политическую власть [22, с. 144–155].

Подобная "сакральная" роль Мао обеспечила ему тотальную победу над политическими оппонентами во время Лушанского пленума (1959). Согласие с критикой и признание своих ошибок за "Большой скачок" символически были отречением от власти не только в пользу маршала Пэн Дэхуая, но также партийного и военного руководства. Однако в последующих выступлениях на пленуме Мао Цзэдун заявлял, что ошибки и просчеты "Большого скачка" были не только ошибками лично Мао, но и всего китайского народа. Поэтому Пэн в лице Мао пытается обвинить весь китайский народ и таким образом забрать у масс политическую власть, которую дал "Великий кормчий". Далее Мао заявляет, что участие народных масс в социалистическом строительстве было не ошибкой, а большим успехом, а Пэн Дэхуай пытается лишить китайский народ этой великой победы. Пэн не только оторвался от народных масс, он, как и его сторонники в высшем партийном и военном руководстве, стали врагами народа и революции [8, с. 116–123].

В результате полная победа в политической борьбе и тотальный характер МЭД позволили Мао создавать национальные общеклассовые всекитайские институты государственности. В новой политической парадигме Культурной революции городская молодёжь олицетворяла китайский народ, а Армия становилась его организующим и направляющим авангардом. Обновленная Армия стала под руководством Лин Бяо воплощением идеи Мао "о двух движениях". С одной стороны, Армия должна была "учиться у людей", а с другой – стать руководящим органом народного движения. С этой целью НОАК возродила символику партизанской борьбы 1930–1940-х годов, что подчеркивало близость армии ко всему китайскому народу в качестве авангарда революционной и национально-освободительной борьбы против внешних и внутренних врагов. Однако для обретения универсальной политической силы Армии не хватало идеологического "благословения" Великого кормчего. С этой целью Мао выдвигает идею о совместной диктатуре революционных классов, что позволяет рекрутировать через армейские структуры людей из самых разных социальных слоев независимо от их происхождения, прежде всего, городскую молодёжь, в качестве пара-милитаристских боевых единиц для участия в сакральной борьбе против врагов революции.

Влияние китайского комплекса МЭД на Восточную Азию

Подверженность влиянию китайского МЭД зависело от многих внешних и внутренних факторов. В странах, где исторически политические институты уже

сформировались, легче удавалось справиться с китайским аффективным влиянием. Напротив, неразвитость государственности требовала создания опосредованного механизма в виде МЭД, главной моделью которой был Китай. Следовательно, массовый аффект, как правило, развивался в прокитайской или антикитайской форме, что часто, но не всегда символизировалось в противостоянии социализма и коммунизма. В целом, можно сказать, у капиталистических стран, кроме Индонезии, было меньше предпосылок для вхождения в широкомасштабный МЭД, чем у социалистических, кроме Монголии. В послевоенных условиях и в условиях развернувшейся политической борьбы левому движению больше, чем буржуазным правительствам, требовался МЭД для создания собственных институтов. Такие страны, как Япония или капиталистические диктатуры Тайваня, Южной Кореи, Таиланда, уже или имели собственные сложившееся во многом при поддержке США институты государственности (бюрократический аппарат, армия, полиция, капиталистические монополии) или опирались на бывшие колониальные репрессивные институты, как, например, антикитайский террор британский войск в Малайзии, в то время как социализм только начинал свое формирование как публичная политическая сила. В результате МЭД в капиталистических странах был ограничен, как правило, леворадикальным движением, как это было в Японии, или имел скорее принудительный и, следовательно, поверхностный характер, который строился по другим психологическим механизмам, стремясь скорее подавить волю населения к политической борьбе через угрозу террора и требование национальной солидарности, чем вызвать всеобщий эмоциональный подъем.

Социалистической Монголии в большей степени удалось избежать влияния китайского МЭД благодаря Советскому Союзу. В частности, Монголия уже прошла свой период интенсивного МЭД по сталинской модели еще в 1930-1940-х годах в правление Хорлогийна Чойбалсана и, следовательно, подошла ко времени начала китайского МЭД с уже более-менее сложившимися институтами национального государства. Его преемник Юмжагийн Цеденбал в послевоенный период вынужден был в след за Хрущевым пойти на критику культа Чойбалсана, что ослабило сакральность верховной власти и возможности верховной власти организовать МЭД. В итоге, подобно Брежневскому отношению к Сталину, Цеденбал мог не усиливать критику наследия Чойбалсана, но одновременно не мог полностью его реабилитировать. Это позволяло Москве поддерживать своего союзника, но одновременно пресекать попытки радикализации монгольской политики, тем самым изолируя страну от китайского МЭД.

Государственное строительство КНДР максимально близко подошло к адаптации китайской модели МЭД, общую логику которого можно проследить по учению "чучхе". На первый взгляд, эклектичный характер не позволяет описать чучхе как стройную идеологическую систему, поэтому многие исследователи ошибочно пытаются найти его истоки в конфуцианстве, христианстве, сталинизме, партизанской борьбе или вообще отказаться от её рационального объяснения, как, например, А.Н. Ланьков, для которого чучхе –

это просто всё, что говорил Ким Ир Сен [1, с. 387]. Однако недостаточно просто указать на разные истоки чучхе, но необходимо определить системообразующий элемент, который бы позволил связать их в единую идеологическую систему. Таким элементом являются отношения с Китаем. Руководству КНДР приходилось иметь дело не с угасающим в пост-сталинский период советским МЭД, а прежде всего с набирающим силу китайским МЭД в его экстремальных формах. В этой связи чучхе – есть корейская адаптация прежде всего китайского МЭД. В центре идей чучхе стоит "патологическое", как бы сказал Широкогоров, поведение верховного правителя, целью которого является аффективная реорганизация существующего порядка на общеклассовых (всекорейских) принципах. Чем больше хаотичных заимствований в произвольных комбинациях в чучхе, тем больше это подчеркивает всемогущий характер верховного правителя, который смог своим интеллектом и харизмой создать национальную промышленность и обеспечить национальный суверенитет.

Самовоспроизводство северокорейского МЭД происходило через практическую реализацию маоистских идей об универсальности противоречий. В частности, Ким Ир Сен, ссылаясь на принцип "демократического централизма", призывал членов Трудовой Партии Кореи (ТПК) критиковать любые проявления чрезмерной власти и одновременно обвинять тех, кто решался на подобную критику в отсутствие партийной дисциплины. Это позволяло изображать КНДР как пример социалистической демократии и одновременно оправдывать любые негативные/позитивные санкции по отношению к произвольно определенным лицам внутри партийного аппарата. Для организации давления на правящий класс снизу Ким Ир Сен указывал на необходимость реализации "тэанской" системы, которая означала приближение партийного руководства к низам для воплощения линии масс в управлении экономикой, которые так же, как и Партия, являются собственниками на средства производства. Кроме этого, с целью тотальной мобилизации населения власть поощряла противоречия и среди местных общин (인민반), например, через систему доноительства, не столько для того, чтобы внести раскол в общество (разделяй и властвуй), а для того, чтобы дать возможность самому обществу снизу создавать механизмы для партийных интервенций против средней и низовой бюрократии. Это является основным отличием северокорейского комплекса МЭД от южнокорейской диктатуры. Идеология "чачхе", которая изображала РК как большую семью, напротив, пыталась снять вопрос о классовых антагонизмах, ограничиваясь требованиями лояльности и "национальной морали" ради "национального спасения" [20, с. 112].

Влияние китайского комплекса МЭД достигло наивысшей интенсивности в Юго-Восточной Азии. К моменту формирования китайского комплекса МЭД в 1950-х годах ЮВА подошла со сложным историческим наследием. Регион является особым примером формирования государственности на периферии Китайской империи, на основе синтеза местной социальной организации, брахмической и конфуцианской политических традиций. [9, с. 15–30]. Попадание большинства стран в колониальную зависимость от западных держав было во многом связано с распадом синоцентричного миропорядка. Следовательно, "Китай" уже был глубоко интериоризированным знаком и должен был стать своеобразным выходом из состояния колониализма. Тем более, что начало МЭД в Китае как раз и предлагало готовую методологию такого выхода.

Опыт МЭД стран региона можно расположить между двумя крайними полюсами отношения к Китаю: режимом Красных кхмеров в Кампучии и режимом Сухарто в Индонезии. Геополитические процессы в регионе не позволили королю Сиануку в Камбоджии и Сукарно в Индонезии остаться в стороне от реалий холодной войны через создание идеологических платформ "третьего пути", которые бы позволяли им лавировать между СССР, Китаем и США. "Буддийский социализм" камбоджийского короля и "управляемая демократия" первого президента Индонезии завершились полным провалом, так как логика международной борьбы требовала четкого выбора, на чьей стороне находятся новые государства. В результате обе страны стали крайними формами проявления двойственного отношения к Китаю, которой следовали и другие страны региона, тяготея к тому или иному полюсу только с гораздо меньшей интенсивностью. Прокитайская позиция МЭД кхмеров означала не столько поддержку руководства Китая, с которым у кхмеров были сложные отношения, но прежде всего приверженность маоизму и практике Культурной революции как идеологической основе построения государственности. Антикитайская суть террора Сухарто также имела сложную природу. Борьба Сухарто против коммунистической угрозы в конечном итоге была борьбой против усиления влияния Китая, поэтому главными жертвами там стали не только коммунисты и их потенциальная социальная опора в виде крестьянства, но и китайская диаспора. Одновременно сам режим Сухарто опирался в первую очередь на китайский крупный капитал, который был связующим звеном с европейским и американским капиталом.

Национальное строительство современной Индонезии начало активно формироваться во время тотального террора 1965–1966 годов, который символизировался во многом как антикитайский. В ответ на неудачный переворот 1965 года военные во главе с Генералом Сухарто начинают массовые репрессии против индонезийских коммунистов, их предполагаемых сторонников среди крестьянства и этнических китайцев, что дало начало политическому режиму, получившему название "Новый порядок". В своей борьбе якобы против коммунистической угрозы Сухарто воспринял некоторые принципы китайского пути в его коммунистической материковой и капиталистической тайваньской ипостаси, совмещающая идею о "двух движениях" Мао и "белого террора" Чан Кайши. Официальная пропаганда описывала массовые убийства как порыв народных масс, указывая на то, что данное коллективное действие рождалось не извне, а изнутри самого народа. Стихийность и огромный размах террора только подчеркивал мощь народного движения и в дальнейшем давал руководству неограниченную свободу в формировании политического порядка. По аналогии с идеями Мао руководство Индонезии утверждало, что творчество масс носит стихийный характер и ему требуется руководящая сила, которой стала армия. Идеологической платформой, которая перевела геноцид в институты руководящей роли армии, стала идея о "двух функциях" (*dwifungsi*). "Две функции" предполагали, что армия играет как военную функцию по защите национального суверенитета от внешних врагов, так и гражданскую функцию поддержания политической и экономической стабильности в стране. Военная часть была соединена Сухарто в национальную мегаструктуру, которая объединяла все виды войск под единым руководством. Гражданское крыло армии стало авангардом идеологической борьбы и полицейского контроля внутри страны, организованное в правящую партию Голкар, на страже "пяти основ" (*pancasila*). В результате национальный (общеевропейский) "Новый порядок" стал институционализированным геноцидом 1960-х годов, который верховная власть через формальные и неформальные механизмы могла активизировать в любом месте, любое время и против любой социальной группы или отдельного человека [10, с. 120].

Социально-политический эксперимент Коммунистической партии Кампучии также следовал принципу "двух движений" и "противоречий" Мао Цзедунa. Массовое перемещение людей из городов в сельскую местность не только преследовало практическую цель поставить всё население на само-обеспечение в условиях реальной угрозы массового голода, как следствие ковровых бомбардировок Камбоджи авиацией США (Операция "Меню" 1969–1970) под предлогом борьбы против Северного Вьетнама, но также имело важное символическое значение. В рамках идеологии красный кхмеров это был особый акт национальной всекамбоджийской (общеклассовой) сакрализации общества, которое становится единым народом через перемещение из буржуазного индивидуализированного "города" в коллективистскую "деревню". Если при Мао Цзедуне во время Культурной революции отправка людей на перевоспитание в деревню не носила тотального характера, то красные кхмеры решили перевоспитать сразу весь народ. Именно коллективный социальный порядок и коллективный труд камбоджийской деревни должен был создать нового человека, лишённого "ложного сознания". Единство камбоджийского народа в новых условиях было единством противоречия между "новыми" и "основными" людьми, где первые были выходцами из городов, а вторые деревенские жители [12, с. 201–207].

МЭД в Кампучии достиг еще более тотальных форм, чем в Китае. Следуя логике Мао, красные кхмеры также исходили из того, что творчество народных масс имеет хаотичную природу, поэтому перевоспитание и организация развития противоречий в обществе должно происходить через руководящую роль партии. При этом Коммунистическая партия Кампучии не была бюрократическим монстром, стоящим над обществом. Её тотальный характер строился по принципу "пустого правительства", став апогеем развития идеи Мао о партизанской роли армии и хунвейбинов во время Культурной революции [18, с. 84]. Партия не имела яс-

ной иерархии, должностей, а также избегала массовой публичной активности и руководилась максимально обезличенными лидерами – "братьями". Подобная конспирация должна была подчеркнуть единство партии и народа во всепроникающем характере МЭД. В парадигме красных кхмеров, негативная или позитивная санкция в отношении любого человека, неважно совершается она по указанию руководства или нет, является одновременно прямым проявлением творчества народных масс, его революционной борьбы, но при этом как бы сразу получает организованный партийный характер. В результате неограниченный характер политических действий означал всемогущество камбоджийского народа, его самодостаточный характер, который позволил не только отстоять национальный суверенитет от внешних и внутренних врагов, но также подчинить государству человеческую природу и природные стихии, прежде всего воды при массовом строительстве ирригации.

Заключение

Теория этноса С.М. Широкогорова и культурно-психологическая психология С.М. Выготского – А.Р. Лурии помогают раскрыть психологические основания политического процесса, в частности, формирование национальных государств в Восточной Азии. Данная работа пыталась показать, что серия массовый эмоциональных деформаций (МЭД), которые вспыхнули в период между 1950-ми до конца 1980-х годов, не были просто проявлением коллективного помешательства и массового насилия, но не смотря на свою жестокость, в конечном итоге стали тем опосредованным механизмом, который позволил создать новые или адаптировать старые институты государственности к новым историческим условиям. В частности, комплексы МЭД развились в системообразующие институты национальных государств в большинстве стран региона от Коммунистической Партии Китая, Трудовой партии КНДР до Либерально-Демократической Партии Японии и Панчасила в Индонезии. Кроме этого, теория этноса показала культурно-психологические механизмы синоцентричного порядка, где Китай играл и играет роль ведущего этноса, по Широкоговору, или ведущего аффекта, по Лурии. В таком виде Восточная Азия подошла к началу интеграции региона в неолиберальную глобализацию в 1980-х годах, которая проходила в форме "шоковых" МЭД, такими как восстание в Кванджу (1980) в РК, Китайско-вьетнамская война (1979), массовые убийства у острова Лейю на Тайване (1987) или события на площади Тяньаньмэнь (1989), которые, также при определяющей роли Китая, позволили закрепить поражение социалистического движения [13, с. 184–193].

Литература

1. Асмолов К. В. Корейская политическая культура: традиции и трансформации. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. 697 с.
2. Выготский Л.С. Учение об эмоциях. Историко-психологическое исследование. Собрание сочинений в 6 т. Т. 6. М.: Педагогика, 1984. 400 с.
3. Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: ЭКСМО, 2005. 1136 с.
4. Лурия А. Р. Природа человеческих конфликтов. Объективное изучение дезорганизации поведения человека. М.: Когито-Центр, 2002. 527 с.
5. Becker Ernest. The Denial of Death. New York: Free Press Paperbacks, 1997. 314 p.
6. Bergère Marie-Claire. Sun Yat-sen. Translated from the French by Janet Lloyd. Stanford University Press, 2000. 370 p.
7. Randall Collins. Interaction Ritual Chains. Princeton University Press, 2004. 458 p.
8. Harding Harry. The Chinese State in crisis // Fairbank J. K. (eds.). The Cambridge history of China. Vol. 15.1991. 1136 p.
9. Heine-Geldern R. Conceptions of State and Kingship in Southeast Asia // The Far Eastern Quarterly. 1942. No. 2. P. 15–30.
10. Harisanto Eddy. The Dual Function of the Indonesian Armed Forces (Dwi Fungsi ABRI). Master Thesis. Naval Postgraduate School. Monterey, California, USA. Submitted on December, 1993. 132 p.
11. Ip Hung-yok. Intellectuals in Revolutionary China, 1921–1949: Leaders, heroes and sophisticates. Routledge Curzon, 2005. 342 p.
12. Kiernan Ben. The Pol Pot Regime. Race, Power, and Genocide in Cambodia under the Khmer Rouge,

1975-79. Third edition. Yale University, 2008. 544 p.

13. Klein Naomi. *The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism*. New York: Metropolitan Books, 2008. 565 p.

14. Malafouris Lambros. *How Things Shape the Mind. A Theory of Material Engagement*. Massachusetts, London: MIT Press Cambridge, 2013. 304 p.

15. Schram Stuart. *Mao's Road to Power: Revolutionary Writings, 1912-49: v. 1: Pre-Marxist Period, 1912-20 Revolutionary Writings, 1912-49*. Routledge, 1992. 688 p.

16. Schwartz Benjamin. *Themes in intellectual history: May Fourth and After // The Cambridge History of China. Vol. 12*. John K. Fairbank (eds.). Cambridge University Press, 1983. 1022 p.

17. Shirokogoroff Sergei Mikhailovich. *Psychomental Complex of the Tungus*. London: Kegan Paul and Co., Ltd, 1935. 469 p.

18. Tyner James. *From Rice Fields to Killing Fields: Nature, Life, and Labor under the Khmer Rouge*. New York: Syracuse University Press, 2017. 241 p.

19. Van Slyke Lyman. *Liang Sou-Ming and the Rural Reconstruction Movement // The Journal of Asian Studies*. 1959. Vol. 18(4). P. 457–474.

20. 김일성. *주체이사회주의건설론*. 평양: 조선로동당출판사, 1991. 116 쪽. = Ким Ир Сен. *Теория социалистического строительства Чучхе*. Издательство Трудовой Партии Кореи, 1991. 116 с.

21. 康有为. *孔子改制考*. 中国人民大学出版社, 2010. 456页 = Кан Ювэй. *Исследование учения Конфуция о реформе государственного строя*. Пекин: Чжунгуо Женмин Дасюэ, 2010. 456 с.

22. 李国强. *毛泽东与庐山 / 李国强, 罗龙炎, 邹秀火*. 江西人民出版社, 2002. 312页 = Ли Гуочян. *Мао Цзедун и Лушань / Ли Гуочян, Луо Лонган, Дзоу Сюхоу*. Цзяньси Женьмин Чубаншэ, 2002. 312 с.

23. 李泽厚. *美的历史*. 生活读书新知三联书店, 2009. 217页 = Ли Дээхуо. *Путь красоты*. Шеньхуо Душу Синчжи Санлианшудуан, 2009. 217 с.

24. 岩井 忠熊. *明治国家主義思想史研究*. 東京: 青木書店, 1972. 292頁 = Тадакума Иваи. *Исследование национализма в период Мэйдзи / Иваи Тадакума*. Токио: Аокисётэн, 1972. 292 с.

25. 佐々木毅. *国家と人間と公共性 / 佐々木毅, 金泰昌*. 東京: 東京大学出版会, 2002. 312頁. = Сасаки Такеси. *Государство, человек и общность / Сасаки Такеси и Ким Чангтэ*. Токио: Токио Дайгаку Сьюпанкай, 2002. 312 с.

26. 苏美两霸的相互争夺. 长沙市: 湖南人民出版社, 1975. 168页 = *Борьба двух гегемонов СССР и США*. Чанша: Хунан Женьмин Чубаншэ, 1975. 168 с.

References

1. Asmolov K.V. [Korean Political Culture: Tradition and Transformation]. Second Edition. Moscow: Dmitry Pozharskiy University Press, 2017. 697 p. (In Russ.).

2. Vigotsky L.S. *Theory of Emotions. Historical Psychological Study // Collection of Works. Vol.6*. Moscow: Pedagogica, 1984. 400 p. (In Russ.).

3. Vigotsky L.S. *Psychological Development of Human Beings*. Moscow: EKSMO, 2005. 1136 p. (In Russ.).

4. Luria A.R. *The Nature of Human Conflicts*. Moscow: Kogito-Centre, 2002. 527 p. (In Russ.).

5. Becker Ernest. *The Denial of Death*. New York: Free Press Paperbacks, 1997. 314 p.

6. Bergère Marie-Claire. Sun Yat-sen. Translated from the French by Janet Lloyd. Stanford University Press, 2000. 370 p.

7. Randall Collins. *Interaction Ritual Chains*. Princeton University Press, 2004. 458 p.

8. Harding Harry. *The Chinese State in crisis // Fairbank J. K. (eds.). The Cambridge history of China. Vol. 15*. 1991. 1136 p.

9. Heine-Geldern R. *Conceptions of State and Kingship in Southeast Asia // The Far Eastern Quarterly*. 1942. No. 2. P. 15–30.

10. Harisanto Eddy. *The Dual Function of the Indonesian Armed Forces (Dwi Fungsi ABRI)*, Master Thesis. Naval Postgraduate School. Monterey, California, USA. Submitted on December, 1993. 132 p.

11. Ip Hung-yok. *Intellectuals in Revolutionary China, 1921–1949: Leaders, Heroes and Sophisticates*. Routledge Curzon, 2005. 342 p.

12. Kiernan Ben. *The Pol Pot Regime. Race, Power, and Genocide in Cambodia under the Khmer Rouge, 1975-79*. Third edition. Yale University, 2008. 544 p.

13. Klein Naomi. *The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism*. New York: Metropolitan Books, 2008. 565 p.

14. Malafouris Lambros. *How Things Shape the Mind. A Theory of Material Engagement*. Massachusetts, London: MIT Press Cambridge, 2013. 304 p.

15. Schram Stuart. *Mao's Road to Power: Revolutionary Writings, 1912-49: v. 1: Pre-Marxist Period, 1912-20 Revolutionary Writings, 1912-49*. Routledge, 1992. 688 p.

16. Schwartz Benjamin. *Themes in intellectual history: May Fourth and After // The Cambridge History of China. Vol. 12*. John K. Fairbank (eds.). Cambridge University Press, 1983. 1022 p.

17. Shirokogoroff Sergei Mikhailovich. *Psychomental Complex of the Tungus*. London: Kegan Paul and Co., Ltd, 1935. 469 p.

18. Tyner James. From Rice Fields to Killing Fields: Nature, Life, and Labor under the Khmer Rouge. New York: Syracuse University Press, 2017. 241 p.
19. Van Slyke Lyman. Liang Sou-Ming and the Rural Reconstruction Movement // The Journal of Asian Studies. 1959. Vol. 18(4). P. 457–474.
20. Kim Ilsung. Juche theory of socialist construction. Pyongyang: Choson Rodongdang Chulpansa, 1991. 116 p. (In Kor.).
21. Kang Youwei. A Study of Confucius as a Reformer of Institutions. Beijing: Zhongguo Renmin Daxue Chubanshe, 2010. 456 p. (In Chin.).
22. Lee Guoqiang. Mao Zedong and Lushan / Lee Guoqiang, Luo Longyan, Zou Xiuhuo. Jiangxi Renmin Chubanshe, 2002. 312 p. (In Chin.).
23. Lee Zehou. A Path of Beauty. Shenghuo Dushu Xinzhi Sanlian Shudian, 2009. 217 p. (In Chin.).
24. Iwai Tadakuma. Study on Meiji nationalism. Tokyo: Aoki Shoten, 1972. 292 p. (In Jap.).
25. Sasaki Takeshi. State, Human, Communalism / Sasaki Takeshi, Kim Changtae. Tokyo: Tokyo Daigaku Shuppanshakai, 2002. 312 p. (In Jap.).
26. The Struggle Between the Two Hegemons of the Soviet Union and the United States. Changsha: Hunan Renmin Chubanshe, 1975. 168 p. (In Chin.).

Олег Станиславович ПАХОМОВ, PhD, доцент Центра исследований Северо-Восточной Азии Университета Тохоку, г. Сендай, Япония, e-mail: pakhomov.oleg.c2@tohoku.ac.jp

Oleg S. PAKHOMOV, PhD, Assistant Professor, Center for Northeast Asian Studies, Tohoku University, Sendai, Japan, e-mail: pakhomov.oleg.c2@tohoku.ac.jp

Поступила в редакцию

(Received) 01.02.2023

Одобрена после рецензирования

(Approved) 19.02.2023

Принята к публикации

(Accepted) 07.03.2023

Спасибо, что живой: этнос после реквиема

Максим Евгеньевич БУЛАНЕНКО

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, maxim.bulanenko@gmail.com

Андрей Владимирович ПОПОВКИН

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, andrey.popovkin@gmail.com

Аннотация. На протяжении столетий разделение человечества на этносы казалось естественным отражением наблюдаемых различий в человеческих сообществах. С точки зрения философии науки этнос представляет собой теоретический предмет, существование которого принимается для объяснения данных наблюдения. Однако в последние десятилетия реальность теоретических предметов была подвергнута сомнению сторонниками конструктивистского подхода в философии науки. Идентичность этноса, а вслед за ней и само его существование, оспаривались из-за нечёткости его границ и изменчивости во времени. Между тем этнос в этом отношении ничем не отличается от многих других предметов, идентичность и существование которых признаются без возражений. Это обстоятельство, а также обширные объяснительные возможности, проистекающие из признания реальности этноса, позволяют с достаточной уверенностью заключить к его существованию. В отечественной этнологии реалистический и конструктивистский подходы нередко связываются с именами С.М. Широкогорова и В.А. Тишкова, поэтому вопрос о существовании этноса обсуждается в статье с преимущественным вниманием к их позициям.

Ключевые слова: этнос, этничность, философия науки, реализм, конструктивизм, теоретические предметы, объяснение

Для цитирования: Буланенко М.Е., Поповкин А.В. Спасибо, что живой: этнос после реквиема // Известия Восточного института. 2023. № 1. С. 55–63. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/55-63>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/55-63>

Thanks for staying alive: ethnos after its funeral mass

Maxim E. BULANENKO

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, maxim.bulanenko@gmail.com

Andrey V. POPOVKIN

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, andrey.popovkin@gmail.com

Abstract. For centuries, the division of humankind into ethne seemed quite natural in the light of the observed differences in human communities. From the point of view of the philosophy of science, ethnos is a theoretical entity, the existence of which is assumed in order to explain observational data. However, in recent decades, the reality of theoretical entities has been doubted by the adherents of the constructivist approach in the philosophy of science. The main objection against the existence of ethnos is the lack of identity due to its fuzziness and change over time. Meanwhile, there is no striking difference in this respect between the ethnos and many other entities, the identity and existence of which are indisputably recognized. This, taken with the significant explanatory power arising from the reality of the ethnos, makes the existence of ethnos as a theoretical entity almost certain. In Russian ethnology, realist and constructivist approaches are often associated with S.M. Shirokogoroff and V.A. Tishkov respectively. For this reason, their views can serve as a convenient starting point for discussing the ontological status of the ethnos.

Keywords: ethnos, ethnicity, philosophy of science, realism, constructivism, theoretical entities, explanation

For citation: Bulanenko M.E., Popovkin A.V. Thanks for staying alive: ethnos after its funeral mass // Oriental Institute Journal. 2023. № 1. P. 55–63. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/55-63>

τὸ κατ' εἶδη δύνασθαι διατέμνειν κατ' ἄρθρα ἢ πέφυκεν
("умение разрезать по видам вдоль естественных сочленений")
Платон, Федр 265e

依乎天理，批大郤
("следуя за естественными волокнами, режу сочленения")
Чжуан-цзы, Главное для долголетия
(пер. Л.Д. Позднеевой)

Введение

Сразу оговоримся, что наша статья задумана не как вклад в этнологические исследования, а как попытка ответить на важный вопрос из области философии науки, имеющий значение не только для этнологов. Повод для написания статьи дала книга В.А. Тишкова "Реквием по этносу", обсуждению которой несколько лет назад было посвящено специальное заседание методологического семинара ИИАЭ ДВО РАН. Хотя эта книга вышла ещё в 2003 г., влияние представленного в ней конструктивистского подхода¹ на российскую науку не ослабевает, а напротив, с годами даже растёт (наш семинар как раз был призван прояснить характер этого влияния). Между тем Владивосток в силу исторических обстоятельств оказался связан с теорией этноса С.М. Широкогорова, которую, в противовес подходу В.А. Тишкова, можно было бы назвать реалистической. О С.М. Широкогурове мы вспомнили не для того, чтобы установить произвольную историческую преемственность, а потому, что он стоит у истоков представлений об этносе как самостоятельном существующем теоретическом предмете. Правда, у самого С.М. Широкогорова представление об этносе с течением времени менялось: в поздних произведениях он рассматривал этнос как процесс, в котором участвуют этнические общности. Однако в отечественной литературе этнос и этническая общность традиционно понимаются как синонимы, и далее мы будем следовать этой традиции.

Если говорить коротко, то интересующий нас вопрос состоит в следующем: достаточны ли приведённые С.М. Широкогуровым основания для признания существования этноса как теоретического предмета и достаточны ли возражения В.А. Тишкова для опровержения его существования? Обе части вопроса вполне могли бы получить отрицательный ответ (из чего, впрочем, ещё не следовало бы ни существование этноса, ни его несуществование). Но, забегая вперёд, сразу скажем, что на первую часть вопроса мы в итоге отвечаем положительно, а на вторую – отрицательно (из чего, в свою очередь, следует, что этнос, по-видимому, существует). Далее мы постараемся обосновать свой ответ. Но прежде совершим небольшой экскурс в философию науки для уточнения содержания понятий и теорий, существенных для дальнейшего обсуждения.

Ненаблюдаемые (теоретические) предметы и основания для их включения в научные теории

В философии науки принято различать *наблюдаемые*² и ненаблюдаемые (*теоретические*) предметы (слово "предмет" следует здесь понимать в самом широком смысле – как эквивалент слов "что-то" или "нечто"). В теориях допускается существование ненаблюдаемых предметов (например, кварков в ядерной физике), так как с их помощью становится возможным *объяснение* тех данных, которые учёные получают в ходе наблюдений³.

Стоит отметить, что теоретические предметы в *естественных науках* и теоретические предметы в науках о *человеке* и *обществе* отличаются по своему характеру

¹ В связи с использованием В.А. Тишковым конструктивистского подхода ср. [5, с. 139].

² Наблюдаемое можно понимать в более узком или более широком смысле (как непосредственное восприятие предметов органами чувств или же как восприятие, опосредованное приборами), однако определяющей для него в любом случае будет доступность предмета для восприятия органами чувств. В связи с этим ср. [12, р. 62–66].

³ Подробнее об этом см. [12, р. 54–70].

ру: если в естественных науках они, как считается, часто имеют *физическую* природу⁴, то в науках о человеке и обществе – *психическую* (например, намерения того или иного сознательного деятеля) или *абстрактную* (например, типы культуры). Но теоретические предметы бывают абстрактными не только в науках о человеке и обществе: абстрактным теоретическим предметом является, например, биологический вид, а также, вероятно, ген (так как несмотря на различные физические изменения вследствие мутаций участки ДНК могут считаться образцами одного и того же гена).

Виды объяснений в науке. Диспозиционные свойства

Самыми распространёнными видами объяснений в науке являются *каузальные* и *интенциональные* объяснения. Первые показывают, каким образом одни события становятся причинами возникновения других событий в соответствии с уже известными или только предполагаемыми *законами*, а вторые – как события совершаются в результате осуществления *намерений* сознательных деятелей. Хотя естественные науки (за исключением биологии) не используют никаких других объяснений, кроме каузальных, область их применения не ограничивается только естественными науками, но отчасти распространяется и на социальные и гуманитарные науки – там, где уместно объяснение поведения людей на основе так называемых *диспозиций*. Диспозиция имеет место тогда, когда некоторое свойство *необходимым* образом актуализируется у его носителя в условиях, соотносённых с этим свойством (что позволяет назвать диспозицию элементарным законом поведения)⁵. Например, если Василию присуща пунктуальность и, будучи обязан явиться в то или иное место к определённое времени, он при прочих равных условиях (нормальная погода, отсутствие значительных препятствий на пути, приемлемое состояние здоровья и т.д.) всегда приходит туда самое позднее точно вовремя, то в этом случае будет *prima facie* оправданным говорить о наличии у него соответствующей диспозиции. Полноценные диспозиционные объяснения крайне редки (из-за трудностей, связанных с точным установлением всего множества релевантных условий) и, как правило, замещаются *попытками* объяснений на основе некоторых поведенческих тенденций. Тем не менее они могут рассматриваться в качестве полезных идеализаций в стремлении понять причины индивидуального и коллективного поведения.

Существование теоретических предметов: реалистический и конструктивистский подход

Существование теоретических предметов неоспорно, причём речь идёт не о тех или иных определённых теоретических предметах, существование которых некогда было признано учёными (таких как электроны, гены или шизофрения), а о теоретических предметах вообще. Главное основание для сомнения в их существовании состоит в том, что в истории науки одни и те же данные наблюдения объяснялись через допущение разных теоретических предметов, причём многие из них были позже объявлены несуществующими (среди них флогистон и миазм, теплород и эфир, матриархат и классовое сознание, истерия и Эдипов комплекс). Хотя из подобного рода затруднений ещё не следует логически несуществование теоретических предметов, однако подобного рода "пессимистическая индукция" кажется многим довольно убедительной.

Тем не менее наиболее распространённая среди учёных и философов науки точка зрения заключается в том, что теоретические предметы не менее реальны, чем наблюдаемые. Для обоснования этого, как правило, используются те или иные разновидности индуктивного аргумента от наилучшего объяснения: допущение существования *теоретических* предметов позволяет наилучшим образом объяс-

⁴ Например, одни ненаблюдаемые элементарные частицы при столкновении с мишенью выбивают из неё другие ненаблюдаемые элементарные частицы, которые оставляют следы в пузырьковой камере Вильсона.

⁵ О диспозициях как элементарных законах поведения см. [10, S. 146–156].

нить существование и свойства *наблюдаемых* предметов⁶, значит, теоретические предметы действительно существуют. Однако этот аргумент является не строго логическим, а лишь более или менее правдоподобным, так что позиция теоретических реалистов оказывается уязвима для критики со стороны их противников. Последние полагают, что теоретических предметов на самом деле не существует, а их допущение имеет инструментальный характер и предназначено исключительно для более удобного описания и обобщения эмпирических данных. Сторонников этого взгляда иногда также называют *конструктивистами*.

Конструктивизм и критический реализм

Но если некая теория утверждает, что мир, каким он предстаёт нам в опыте, зависит от особенностей нашего восприятия и мышления, то этого будет ещё недостаточно для того, чтобы считать её конструктивистской: речь вполне может идти о той или иной разновидности *критического реализма*, который мы находим у И. Канта, С.Н. Трубецкого, Э. Гуссерля или Х. Патнэма. В отличие от конструктивистов они полагают, что наши *истинные* теории описывают *действительное* положение дел в мире, тогда как для конструктивистов сами понятия истинного описания и действительного положения дел лишены смысла: об истине самое большее можно говорить лишь как об отношении между сконструированными предметами и их описанием внутри отдельной теории или интерпретации. Известно насмешливое замечание недавно скончавшегося конструктивиста Брюно Латюра по поводу египтологов, будто бы установивших, что Рамсес II умер от туберкулёза: как они могли это "открыть", восклицает Латур, если сам туберкулёз был "открыт" только в 1882 году – через три тысячи лет после смерти Рамсеса!⁷

Конструктивизм или реализм в отрицании существования этноса?

Таким образом, несуществование этноса для конструктивиста едва ли чем-то отличается от несуществования всех остальных теоретических предметов. Однако именно поэтому заменять этнос этничностью или чем-то подобным последовательный конструктивист никогда бы не стал, ведь поступая так, он признал бы, что некоторые понятия лучше описывают действительность, чем другие, а это несовместимо с конструктивистской установкой. Соответственно, если В.А. Тишков призывает отказаться от понятия этноса на том основании, что этому понятию в действительности ничего не соответствует, то он поступает не как конструктивист, а как реалист. Тогда его упрёк сторонникам самостоятельного существования этносов, возможно, заключается в том, что они ошибочно признают существование предметов, которые существовать не могут, так как на самом деле представляют собой фикции, сконструированные другими людьми.

Естественные и менее естественные классификации

Но, как мы уже отмечали выше, нас интересуют не сами взгляды В.А. Тишкова, а лишь его возражения против того, что этнос – это реально существующий теоретический предмет.

Какие же основания имеются для признания реального существования этносов? Мы разбиваем людей на классы в соответствии с их полом, возрастом, характером, профессией. Такие разбиения кажутся нам более или менее естественными, поэтому вплоть до последнего времени мало кто сомневался в реальном существовании тех предметов, которые стоят за соответствующими разбиениями. Разбиение может проводиться и по менее естественным основаниям, и тогда мы вполне вправе сомневаться в том, стоит ли за ним некий самостоятельно существующий предмет или же речь скорее идёт о произвольной классификации, которая показалась нам удобной в имеющихся обстоятельствах (кому-то, напри-

⁶ Например, в ядерной физике наилучшим объяснением возникновения треков в пузырьковой камере служит допущение существования пролетающей на большой скорости ненаблюдаемой элементарной частицы.

⁷ Подробнее см. [9, p. 35].

мер, может прийти в голову классифицировать посетителей оперного театра в соответствии с тем, какие предметы одежды они сдали в гардероб перед началом представления). Вопрос о большей или меньшей естественности разбиения имеет во многом интуитивный характер, но ответ на него при случае вполне может быть достаточным образом обоснован.

Естественность классификации по этносам и её основания

Мы не совершим большого открытия, если скажем, что разбиение людей в соответствии с принадлежностью к этносу на протяжении письменной истории относилось к числу естественных. Как это часто бывает с естественными разбиениями, оно производилось на основе наблюдаемых признаков и образцов поведения, благодаря которым мы отличаем одни сообщества людей от других. Разбиение людей на этносы обычно производилось в соответствии с теми свойствами, которые в своё время перечислял С.М. Широкогоров: наличие общего языка, признание своего общего происхождения, обладание комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освящённых традицией и отличаемых от обычаев и уклада жизни других подобных сообществ [7, с. 42]. Этот перечень можно уточнять или подчёркивать становящийся, процессуальный характер этноса, как это делал С.М. Широкогоров в своих поздних работах, но трудно спорить с тем, что выделенные им свойства казались и кажутся большинству людей на протяжении истории естественным основанием для разбиения человечества на этносы.

Возражения против существования этноса

Итак, если разбиение людей на этносы казалось естественным уже в древности (так что Геродота иногда даже называют отцом не только истории, но и этнографии [1, с. 490]) и сохраняет своё устойчивое значение вплоть до наших дней, то возражения против реального существования этноса должны быть очень основательными. Во всяком случае крайне резкая оценка подхода С.М. Широкогорова со стороны В.А. Тишкова наводит на мысль, что у него наготове имеются именно такие возражения:

"Это даже может быть шаг назад, когда авторы, писавшие в начале или в первой половине прошлого века, вдруг становятся основными отсылочными авторитетами со всей их безнадежно устаревшей методологией и наивно-романтическими или обскурантистскими (часто расистскими) воззрениями. Так без должной критической оценки были "возвращены" в современный арсенал науки Ильин, Бердяев, Розанов, Соловьёв, Федотов, Шпет, Широкогоров и многие другие" [6, с. 16–17].

Однако вопреки ожиданиям найти обоснованные возражения в главном произведении В.А. Тишкова оказывается очень непросто. Самое большее из того, что можно там встретить – это уточнения того, что именно кажется ему неприемлемым у сторонников самостоятельного существования этноса:

"Именно схоластичное представление, что некие статистические множества, обладающие культурной гомогенностью, социальной однородностью и даже психической одинаковостью, являются природной основой для социальных субъектов и что на всех этих этапах истории именно такие общности являются главными действующими субъектами, составляет главный порок примордиализма в его отечественном и других вариантах" [5, с. 136].

Нечёткость границ и изменчивость во времени как препятствия для идентичности этноса и его существования

Если отвлечься от того, что эта характеристика этноса является гораздо более логически сильной, чем того требует реалистический подход в этнологии и чем считают достаточным сами сторонники реалистического подхода⁸, то общий смысл риторически перенасыщенного возражения В.А. Тишкова сводится к тому, что *критерии идентичности* для этноса как самостоятельно существующего теоретического предмета в действительности не выполняются, а потому и сам этнос не

⁸ Ср. [2, с. 152–153].

существует. Мысль, высказанная В.А. Тишковым в его книге чуть ранее, как будто подтверждает эту интерпретацию: "культурный облик и границы этнических групп гетерогенны и подвижны, и они не обладают давним и строгим набором общеразделяемых характеристик и ценностей" [5, с. 125].

Таким образом, ни один предмет, который можно было бы идентифицировать как этнос, в действительности не выполняет критерии идентичности для этноса, а в соответствии с труднооспоримым афоризмом У.В.О. Куайна, "no entity without identity" ("предметов без идентичности не бывает"), поэтому отсутствие *идентичности* в самом деле служило бы решающим доводом против существования этноса. Следует, правда, сразу заметить, что проблемы идентичности, на которые намекает В.А. Тишков, не являются типичными именно для этноса, напротив, это общие проблемы идентичности для всех предметов, подпадающих под нечёткие понятия или существующих во времени. Ведь, насколько можно понять из высказываний В.А. Тишкова, он в первую очередь имеет в виду проблему *нечёткости границ* и проблему *изменения во времени*.

Однако при достаточно строгом отношении к этим проблемам нам придётся вычеркнуть из числа существующих все вообще предметы, кроме, пожалуй, некоторых абстрактных (таких как множества). Проблематичным станет, скажем, не только существование Москвы (потому что непрерывно менялись как границы того, что относится к Москве в географическом и культурном отношении, так и сама Москва), проблематичным станет и существование города как такового: существовал ли когда-либо хоть один предмет, который достаточным образом выполнял все критерии идентичности для города (и только их), и притом выполнял их с первого дня своего появления (а с какого дня следует, кстати, начинать отсчёт)? При этом не только простые люди, но и учёные используют понятие города без непреодолимых затруднений и считают, что города естественным образом составляют отдельный вид человеческих поселений.

Нечёткость границ этноса совместима с идентичностью

"Этнос", как и "город", а равно и многие другие понятия, относится к числу нечётких, то есть таких, применение которых к их предполагаемым образцам не всегда может быть осуществлено с достаточной точностью. Если мы говорим о русском этносе, то границы того класса людей, который мы соотносим с этим понятием, будут неизбежно нечёткими. Найдётся немало примеров людей, которые относились к русскому этносу и которые, тем не менее, не владели общим языком (да ведь и сам язык менялся от эпохи к эпохе и от региона к региону), или не имели признанного общего происхождения с другими, или не придерживались каких-то общих обычаев и уклада жизни (которые ведь тоже менялись). И наоборот, есть немало примеров людей, которые не относились к русскому этносу, но при этом владели общим языком, или имели признанное общее происхождение, или придерживались общих обычаев и уклада жизни⁹. И то же самое можно, пожалуй, сказать о любом другом этносе. Ясно, что среди этносов будут те, представители которых в целом больше соответствуют критериям этнической принадлежности, чем представители других этносов. Ясно также, что будут иметься и пограничные случаи, когда почти невозможно определить, имеем ли мы дело с этносом или всё же с общностью какого-то другого рода. Но ровно такие же проблемы возникают при применении любого нечёткого понятия, однако заключать из этого к несуществованию подпадающих под него предметов будет, мягко говоря, преждевременно (было бы замечательно отменить старость на основании нечёткости соответствующего понятия).

⁹ Примеры подобных несоответствий изобильно приводит в своей книге Л.Н. Гумилёв [3, с. 50–61]. Индивидуальные случаи пограничных форм этнической принадлежности описаны в статье [2, с. 145–149].

Изменчивость этноса во времени совместима с идентичностью

Если говорить о проблемах идентичности, связанных с существованием предмета во времени, то, пожалуй, каждый этнос из существовавших в истории непрерывно менялся. Начать с того, что он когда-то возник, или дал существование другим этносам, или разделился на разные этносы, или растворился в других этносах. Однако и из этого нельзя заключить, что никаких этносов никогда не существовало. Иначе пришлось бы заключить, что не существует и биологических видов – ведь на протяжении своей истории они также подвергались непрерывным изменениям, просто гораздо менее заметным на протяжении относительно небольших промежутков времени. Подобным же образом изменялись в истории и государства, и языки, и религии, однако никому не приходит в голову заключать к несуществованию государств, языков или религий. Здесь мы, по сути, имеем дело с той же нечёткостью понятий, о которой говорили выше, но только осложнённой изменениями во времени тех предметов, которые подпадают под соответствующие понятия. Поэтому для отдельных этносов вместо чётких границ (в том числе временных) могут быть указаны только интервалы, внутри которых можно с большей или меньшей степенью определённости говорить об одном и том же этносе, а весь класс так понимаемых этносов и будет насколько можно точным соответствием понятию этноса. Нетрудно увидеть, что исследователи языков, религий и государств поступают подобным же образом, нисколько не сомневаясь в существовании предмета своего исследования.

Аргумент от наилучшего объяснения в пользу существования этноса

Так или иначе, понятие этноса не кажется нам настолько проблематичным, чтобы считать этнос как теоретический предмет несуществующим. Одно этого, разумеется, ещё недостаточно для того, чтобы заключить к *существованию* этноса. Но, как мы видели, этнос вводится и положительным образом – на основе множества наблюдаемых признаков и образцов поведения, более или менее чётко разделяющих людей на такие естественные сообщества, специфика которых полностью не сводима ни к какой другой. Опровержение возможных возражений, с одной стороны, и теоретические достоинства понятия этноса, с другой стороны, оказываются уже вполне достаточны для признания самостоятельного существования этноса.

Ведь, как мы помним, введение теоретических предметов обосновывается аргументом от наилучшего объяснения, а наилучшее объяснение наличия у людей устойчивых общих образцов внешнего вида, материальной, социальной и духовной культуры, поведения и мышления обеспечивается существованием *этноса*, к которому эти люди вместе принадлежат. Объяснения через этнос носят отчасти *интенциональный* (связанный с сознательной передачей общих представлений и ценностных убеждений), отчасти *диспозиционный* характер, причём диспозиционные объяснения делают более понятной не вполне осознаваемую самими носителями передачу образцов мышления и поведения, которые не могут быть редуцированы только к индивидуальному или коллективному интересу¹⁰. Основу для подобных объяснений, по-видимому, пытался заложить и С.М. Широкогоров, вводя понятие *психоментального комплекса*, который представляет собой множество свойственных этносу образцов поведения и мышления (в том числе множество общих представлений и ценностных убеждений, а также поведенческие и мыслительные диспозиции)¹¹. Не будучи этнологами, мы всё же решимся предположить, что объяснения через этнос могли бы составить целый класс самостоятельных и по-настоящему интересных объяснений и сделать важный вклад в понимание человека и человеческого поведения.

¹⁰ Влиятельная попытка свести общественно значимые нормы к индивидуальной и коллективной выгоде представлена в работе [11]. Недостаточность такого понимания показал в своей статье Юн Эльстер [8, с. 73–91].

¹¹ Ср. [4, с. 44–45].

Заключение

Таким образом, первично показавшееся нам основательным убеждение сторонников самостоятельного существования этноса как теоретического предмета сумело не только выдержать возражения со стороны противников, но и получило дополнительное подтверждение посредством аргумента от наилучшего объяснения.

Вслед за С.М. Широкогоровым мы предположили, что разбиение человечества по этносам происходит в соответствии с наблюдаемыми признаками и образцами поведения в человеческих сообществах (общий язык, признание общего происхождения, множество общих устоев и особенностей образа жизни) и имеет естественный характер. Возражения В.А. Тишкова против существования такого теоретического предмета, как этнос, не являются специфическими, а относятся ко всем предметам, подпадающим под нечёткие понятия и изменяющимся во времени. Как мы видели, сами по себе эти возражения не представляют угрозы для идентичности, а значит, и для существования соответствующих предметов. Кроме того, существование этноса обладает большой объяснительной силой применительно к аспектам человеческого поведения и мышления, не вполне объяснимым с точки зрения индивидуальных намерений и интересов и не сводимым к социальному и политическому измерению жизни человеческих сообществ. Поэтому мы можем со всей уверенностью утверждать, что в наши дни этнос продолжает существовать не менее реально, чем на протяжении всей предшествующей письменной истории человечества.

Литература

1. Борухович В.Г. Научное и литературное значение труда Геродота // Геродот. История в девяти книгах. Пер. и прим. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. С. 457–499.
2. Винер Б.Е. Формы этничности, бывает ли у этноса сущность и что сторонники академика Бромлея могут взять у новых теорий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. № 2. С. 142–164.
3. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2001. 640 с.
4. Кузнецов А.М. Антрополог Российской академии наук Сергей Михайлович Широкогоров // Личность. Культура. Общество. 2003. № S1–2. С. 23–57.
5. Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
6. Тишков В.А. Интервью с профессором Валерием Тишковым // Социология и социальная антропология. 2001. № 4. С. 5–36.
7. Широкогоров С.М. Этнографические исследования: Этнос. Исследование принципов изменения этнических и этнографических явлений / Отв. ред. А.М. Кузнецов, А.М. Решетов: В 2-х кн. Книга вторая. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. 148 с.
8. Эльстер Ю. Социальные нормы и экономическая теория // Thesis. 1993. № 3. С. 73–91.
9. Engel P. Épistémologie pour une marquise. Paris: Ithaque, 2011. 184 p.
10. Essler W.K. Wissenschaftstheorie. Bd. IV: Erklärung und Kausalität. Freiburg; München, 1979. 260 p.
11. Lewis D. Convention: a philosophical study. Oxford: Blackwell, 1986. 225 p.
12. Okasha S. Philosophy of science: a very short introduction. Oxford: Oxford University Press, 2016. 140 p.

References

1. Borukhovich V.G. The scientific and literary relevance of Herodotus // Herodotus. The histories: in nine books. Transl. and notes by G.A. Stratanovskiy. Leningrad: Nauka, 1972. P. 457–499. (In Russ.).
2. Wiener B.E. Forms of ethnicity, possibility of essences among ethnoses, and what supporters of academician Bromley can take from new theories // The journal of sociology and social anthropology. 2005. No. 2. P. 142–164. (In Russ.).
3. Gumilev L.N. Ethnogenesis and the biosphere of Earth. Saint Petersburg: Crystal, 2001. 640 p. (In Russ.).
4. Kuznetsov A.M. Sergey Mikhaylovich Shirokogorov: an anthropologist from the Russian Academy of Sciences // Person. Culture. Society. 2003. No. S1–2. P. 23–57. (In Russ.).
5. Tishkov V.A. A requiem for the ethnos: studies in social and cultural anthropology. Moscow: Nauka. 544 p. (In Russ.).
6. Tishkov V.A. Interview with professor Valeriy Tishkov // The Journal of sociology and social anthropology. 2001. № 4. P. 5–36. (In Russ.).
7. Shirokogorov S.M. Ethnographic studies: Ethnos. Inquiry into the principles of change of the ethnic and ethnographic phenomena / Ed. by. A.M. Kuznetsov, A.M. Reshetov: in two books. Book two. Vladivostok: Far

East State University Publishing, 2002. 148 p. (In Russ.).

8. Engel P. Epistemology for a Marquise. Paris: Ithaca, 2011. 184 p. (In Fren.).
9. Essler W.K. Philosophy of science. Vol. IV: Explanation and causality. Freiburg; Munich, 1979. 260 p. (In Germ.).
10. Essler W.K. Wissenschaftstheorie. Bd. IV: Erklärung und Kausalität. Freiburg; München, 1979. 260 p.
11. Lewis D. Convention: a philosophical study. Oxford: Blackwell, 1986. 225 p.
12. Okasha S. Philosophy of science: a very short introduction. Oxford: Oxford University Press, 2016. 140 p.

Максим Евгеньевич БУЛАНЕНКО, канд. филос. наук, доцент кафедры философии ДВО РАН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: maxim.bulanenko@gmail.com

Андрей Владимирович ПОПОВКИН, канд. филос. наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: andrey.popovkin@gmail.com

Maxim E. BULANENKO, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: maxim.bulanenko@gmail.com

Andrey V. POPOVKIN, Candidate of Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: andrey.popovkin@gmail.com

Поступила в редакцию

(Received) 30.01.2023

Одобрена после рецензирования

(Approved) 27.02.2023

Принята к публикации

(Accepted) 07.03.2023

О проекте переиздания исправленной версии "Тунгусского словаря" С.М. Широкогорова¹

Михаэль КНУППЕЛЬ

Центр арктических исследований Ляочэнского университета, Ляочэн, Китай, michaelkneuppel@gmx.net

Аннотация. В статье идет речь о начатой автором работе над исправленным изданием "Тунгусского словаря" С.М. Широкогорова, включающем другие тунгусологические труды Широкогорова и нынешнее издание Г. Дюерфера ("Etymologisch-Ethnologisches Wörterbuch tungusischer Dialekte (vornehmlich der Manschurei)". Hildesheim, Zurich, New York, 2004). Включены также дополнения самого автора и дополнения Е.Н. Широкогорова. Кроме того, в планируемый многотомник войдут такие статьи из русско-тунгусской части "Тунгусского словаря", которые не были учтены Г. Дюерфером, так как в них обнаруживаются важные отступления от форм, данных в тунгусо-русской части этого словаря. Автор подробно обсуждает принципы редактирования, приводя образец структурирования лемм в запланированном компендиуме.

Ключевые слова: "Тунгусский словарь" С.М. Широкогорова, переиздание, тунгусская лексикография, Сергей Михайлович Широкогоров, Герхард Дюерфер

Для цитирования: Кнуппель М. О проекте переиздания исправленной версии "Тунгусского словаря" С.М. Широкогорова // Известия Восточного института. 2023. № 1. С. 64–72. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/64-72>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/64-72>

On the project of a re-edition of the evaluation of S. M. Shirokogoroff's "Tungus Dictionary"

Michael KNUPPEL

Arctic Studies Center, Liaocheng University, Liaocheng, China, michaelkneuppel@gmx.net

Abstract. The article deals with the re-edition of S. M. Shirokogoroff's "Tungus Dictionary" started by the author, including on the one hand the other tungusological works by Shirokogoroff and on the other hand the present edition by G. Doerfer ("Etymologisch-Ethnologisches Wörterbuch tungusischer Dialekte (vornehmlich der Manschurei)". Hildesheim, Zurich, New York 2004). Also to be included are the additions by the author himself and the addenda by E.N. Shirokogorova. In addition, the planned multi-volume work will also include such entries from the Russian-Tungus part of the "Tungus Dictionary" that were not taken into account by G. Doerfer, since these sometimes show important variants (here deviations) from the forms given in the Tungus-Russian part of the work. The author also discusses the editing principles in more detail in his present article and gives an example of how the lemmata in the planned compendium are structured.

Keywords: S.M. Shirokogoroff's "Tungus Dictionary", re-edition, Tungus lexicography, Sergei Michailovich Shirokogoroff, Gerhard Doerfer

For citation: Knuppel M. On the project of a re-edition of the evaluation of S. M. Shirokogoroff's "Tungus Dictionary" // Oriental Institute Journal. 2023. No. 1. P. 64–72. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/64-72>

I.

В 2003 г. геттингенский тюрколог, монголовед, алтаист и тунгусовед Герхард Дюерфер (1920–2003) представил свой "Этимолого-этнологический словарь тунгусских диалектов" [5] (далее – ЭЭС), который, по существу, базировался на "Тунгусском словаре" [16] (далее – ТС) С.М. Широкогорова, или являлся переизданием последнего с включением дополнительной информации. Строго говоря, это не было ни точным воспроизведением ТС, ни новым критическим или аннотированным изданием, но, скорее, его ревизией. Материал ТС был рассмотрен с этимологической точки зрения, поскольку в самом ТС Широкогоров предоставил

¹ Перевод с англ. А.А. Киреева

соответствующую информацию в отношении лишь некоторых отдельных лемм, а также в этнологической перспективе (ТС содержит довольно мало объяснений этнологического характера, ввиду того, что Широкогоров, конечно, не планировал создавать этнологический словарь).

Однако сначала коротко коснемся жизни и деятельности российского этнолога, этнографа и тунгусоведа Сергея Михайловича Широкогорова. Он родился 1 июля 1887 г. в г. Суздале Владимирской губернии² и первое время получал образование в различных учебных заведениях Российской империи. С 1906 г. Широкогоров обучался в Школе антропологии в парижской Сорбонне. В 1910 г. он вернулся в Россию, где поступил на факультет естественных наук Императорского Петербургского университета. Здесь С.М. Широкогоров работал в качестве научного ассистента в Музее антропологии и этнографии Императорской Академии наук и под влиянием тюрколога Фридриха Вильгельма Радлова (1837–1918) приступил к изучению тунгусов, их языков и диалектов, а также сибирского шаманизма. За этим последовали экспедиции в Восточную Сибирь и Маньчжурию, участие в которых дало Широкогорову возможность ознакомиться с этими регионами и населявшими их народами. Первая из сибирских экспедиций привела его в 1912 г. в Забайкалье. До этого, в 1910–1911 гг., уже были осуществлены поездки на Кавказ и Русский Север. В 1913–1917 гг. он путешествовал по Приамурью, Якутии и, наконец, вновь по Забайкалью. Экспедиции преследовали антропологические/этнологические, а также лингвистические цели. Его полевая работа в Маньчжурии, кроме того, была связана с выполнением особого поручения от Императорской Археологической комиссии. В 1917 г. Широкогоров, наконец, занял должность куратора музея.

Октябрьская революция и последующая гражданская война, вне всяких сомнений, стали поворотной вехой в жизни и деятельности С.М. Широкогорова. Во время революции и последующих событий Широкогоров находился во Владивостоке, где с 1918 по 1922 гг. работал в качестве профессора Дальневосточного университета. По некоторым, вполне понятным, причинам, он решил не возвращаться в Петербург. За годы своего проживания во Владивостоке, Широкогоров провел полевые работы в Китае, Корее, Японии, Индокитае и Южных морях. В 1922 г. ему пришлось переехать из Владивостока в Шанхай, где он и остался, влившись в обширное сообщество беженцев из России, осевших в этом городе. В 1928 г. он присоединился к этнографической секции новообразованной "Academia Sinica" под председательством Цай Юаньпея (11.01.1868 – 5.03.1940), одновременно преподавая в Католическом университете Фужень. В это время Широкогорову удалось провести полевые исследования лоло в Юньнани.

В течение лет, проведенных в Китае, Широкогоровым была написана большая часть его этнологических и тунгусоведческих работ. Среди них здесь необходимо упомянуть книги "Социальная организация маньчжуров" (1924 г.), "Социальная организация северных тунгусов" (1930 г.) и "Психоментальный комплекс тунгусов" (1935 г.). Именно Широкогоровым был пущен в оборот термин "этнос", которому удалось закрепиться в науке лишь много позже, после того, как он смог потеснить такие нагруженные различными смыслами термины как "раса" и "меньшинство". Для него данный термин был обозначением группы людей, обладавших общим происхождением, говоривших на одном языке, разделявших и сохранявших общие обычаи и традиции и отличавших себя от других подобных групп. Кроме того, Широкогоров дал определения понятиям, использовавшимся им для разъяснения содержания термина "этнос" (включая традиции, обычаи и т.д.). В рамках создаваемой им теории этноса Широкогоров в конечном итоге разработал основанную на дифференцированном понятийно-терминологическом аппарате многокомпонентную общую модель культурной системы. Он различал три разновидности культуры: 1) материальная культура, 2) социальная культура и 3) духовная культура. По его мнению, эти три разновидности культуры следует

² О жизни и деятельности Широкогорова см. [1; 2; 7; 8; 11; 12] и др.

отделять от духовно-психологических процессов индивидуального уровня, которые, конечно, также требуют изучения³. Объемная монография, в которой Широкогородов в деталях рассматривал понятие этноса, сегодня считается утраченной, или, скорее, ее местонахождение остается одной из тайн, окружающих жизнь и деятельность этого необычного ученого.

Когда в 1939 г. выдающийся ученый умер, он оставил после себя не только научное наследие, обширное по своему объему (но не столь большое с точки зрения числа публикаций), но и заметки, систематизацией (а возможно, и редактированием) которых занялась его жена Е.Н. Широкогорова. Итоговые версии большинства англоязычных работ Широкогорова были, вероятно, составлены его супругой, которая хорошо владела английским языком. Именно его жена приняла решение издать "Тунгусский словарь" и передала весной 1943 г. его рукопись, вместе с другими материалами, Ясумото Токунага для публикации [8, р. 38]. Однако из-за трудностей, которые представлял этот текст, он был опубликован в Японии только в рукописной форме. И лишь десятилетия спустя к "Тунгусскому словарю" обратился в рамках проекта "Культурная история Северной Азии" Г. Доерфер. Упомянутый выше ЭЭС и стал конечным результатом его усилий.

Для автора настоящего обзора было удовольствием и честью принимать участие в этой работе, и в конечном счете – несмотря на десятилетнюю задержку (2013 г.) – он смог представить указатель [9] (включавший замечания самого автора и дополнения Е.Н. Широкогоровой) к данному словарю (так же как и к ТС)⁴. Помимо этого, в последние годы вышел ряд публикаций автора, основанных на ЭЭС и ТС – двух работах, которые характеризуются большим числом "несоответствий", если не сказать "разногласий". Их недостатки являются результатом, прежде всего, многочисленных различий в методологических подходах и методиках, равно как и широкого пренебрежения спецификой ТС со стороны его издателей. Все это имело в некоторых случаях катастрофические последствия⁵.

Осознание необходимости полного переиздания (включающего в себя кроме словаря по возможности и все остальные тунгусоведческие публикации С.М. Широкогорова) созрело в ходе подготовительной работы над исследованием автора, посвященным шаманскому языку бираров, при обнаружении большого количества различных ошибок не только в ЭЭС, но и в серии публикаций самого автора, базировавшихся на нем и на ТС. Если ученый – подобно автору этих строк – не боится критики (нередко острой, а иногда, возможно, и слишком острой [?]), он не должен оставлять собственную неспособность или свои собственные ошибки без рассмотрения, комментирования и последствий. Поскольку источники этих ошибок (возможно, отчасти связанных с неудачным распределением упомянутых компиляций в серии неясных и не всегда доступных статей или в указателе к названной выше монографии) уже обнаружены в самом ТС (и, по-видимому, других работах Широкогорова), все дело не может быть сведено к простому перечню недостатков, который, конечно, мог бы быть легко составлен автором. Кроме того, ЭЭС был основан на методологической процедуре, которая, по ряду причин, не может быть применена к ТС, так что дальнейшие исследования на базе такого разнородного (и искаженного) материала были бы не только неприемлемы, но и совершенно неадекватны.

II.

Прежде всего, следует сказать о самом ТС и описании тунгусских материалов в работах Широкогорова. Хотя словарь, который сложно использовать ввиду его неудобочитаемости, на первый взгляд производит впечатление целостного и са-

³ См. подробнее: [3].

⁴ Авторские дополнения к ЭЭС находятся на с. 59–130, дополнения Е.Н. Широкогоровой к ТС – на с. 27–57.

⁵ Об этом свидетельствуют, в частности, распространение компиляций якутских заимствований в тунгусских языках или монография автора "Языковые табу в тунгусских языках и диалектах" [10].

модостаточного произведения, он создает множество трудностей. Касаясь этих проблем, сошлюсь здесь на "Оценку" Дюерфера [4, р. 107–116] – своего рода предварительный доклад к ЭЭС. По причине рукописного характера и вытекающих из этого сложностей в использовании ТС, упоминаемых в докладе Дюерфера, так же как и других работ Широкогорова, в которых приводятся тунгусские словоформы, его рабочий метод требует особого рассмотрения. Очень важной проблемой является использование в работах Широкогорова многочисленных вариантов одного и того же слова. Например:

1) в ТС различные варианты написания слова часто представляются в качестве одной и той же формы. В большинстве своем они различаются гласными – но в ТС это никак не комментируется;

2) такие варианты (в сравнительных целях) часто перечисляются исключительно в леммах "высшего уровня", но в ТС они не рассматриваются особо и им не посвящено отдельных статей;

3) формы, приводимые в тунгусо-русской части ТС, часто отличаются от их "эквивалентов" в русско-тунгусской части словаря (и вновь почти всегда без разъяснения причин) – более того, в тунгусо-русской части присутствуют формы и значения/объяснения, отсутствующие в русско-тунгусской части [4, р. 108, 113, esp. (10)], и наоборот;

4) как уже упоминалось во введении к ЭЭС [5, р. 11] и указателе [9, р. 13–14], новые "варианты" даны в дополнениях Е.Н. Широкогоровой⁶ – таким образом, в некоторых случаях в ТС присутствует до трех подобных "вариантов";

5) формы, приводимые в ТС, иногда не соответствуют тем, что содержатся в других публикациях Широкогорова⁷. Причем такие "отклонения" не ограничиваются случайными описками в числе или ударениях по графическим и типографическим причинам – что было бы понятно и могло бы быть учтено в ходе изучения материала посредством надлежащих сопоставлений.

Здесь следовало бы оправдать Широкогорова тем, что ТС (о чем уже не раз было сказано) представляет собой первоначальный набросок, который не предназначался для публикации в своем настоящем виде⁸. В случае с ЭЭС ситуация с очевидностью иная. Как утверждается во введении к ЭЭС, дополнения Е.Н. Широкогоровой не были включены в его текст, поскольку этот материал в основном состоял из "вариантов" лексем, более детально рассмотренных в ТС [5, р. 11]. Дюерфер полагал, что они не имеют значения для этимологизаций, что находится в явном противоречии со сказанным в предварительном докладе [4, р. 112, esp. (3)]. Однако сам факт того, что все другие "варианты", упомянутые выше, в основном не были приняты во внимание (лишь в исключительных случаях была сделана ссылка на отклонения в русско-тунгусской части словаря⁹, из других же работ Широкогорова были использованы только "Психоментальный комплекс тунгусов" и "Социальная организация северных тунгусов" – к сожалению, совершенно произвольно и без какой-либо систематической проверки¹⁰) уже представляет значительную проблему. Автор этих строк неоднократно сообщал редактору об этой проблеме, но он не захотел последовать соответствующим рекомендациям – поскольку, если бы все формы, данные Широкогоровым в леммах, были бы учтены, их пришлось бы использовать "только в сравнительных целях", что, конечно, привело бы к значительному увеличению количества статей и, таким образом, общему объему ЭЭС.

⁶ В ТС два дополнения принадлежат Е.Н. Широкогоровой: (1) дополнение к тунгусо-русской части на с. 149-155 и (2) дополнение к русско-тунгусской части на с. 256-258.

⁷ Например, тем, что даны в: [13; 15].

⁸ Например: [4, р. 114; 5, р. 5].

⁹ Однако, также без указания страниц, столбцов и строк. Систематическое включение всей русско-тунгусской части, несомненно, помогло бы избежать ряда ошибок чтения.

¹⁰ [14] была использована в [4], но не в ЭЭС.

Впрочем, подход к ТС изначально содержал в себе противоречия, связанные с расхождениями не только в методологии, но и в понимании самой цели создания словаря. Для Доерфера ТС был просто коллекцией материала, которая не представляла особого интереса как исторический документ – проверке подлежало лишь ее содержание. Пройгнорированные "варианты" были просто помехой, поскольку Доерфер воспринимал все связанное с "внешним контекстом" ТС как препятствие, требующее устранения (Доерфер: "У нас нет времени для дипломатических вопросов!"). В результате ЭЭС было предназначено стать, скорее, продолжением Доерферовской "Монголо-Тунгусики" [6], чем критическим изданием ТС, прошедшим этимологическую и этнологическую проверку – другими словами, ТС должен был служить эмпирической основой для собственной работы Доерфера, ввиду чего упоминание о Широкогороде и ТС в этой книге отсутствовало¹¹. В итоге ЭЭС столкнулся с нехваткой не только релевантного материала, но и какой-либо систематической контекстуальной связи с историей науки (за исключением некоторых общих замечаний во введении к предварительному докладу Доерфера [4]). Однако в этом контексте следует заметить, что Доерфер также не готовил каких-либо текстовых изданий историко-лингвистических записей, но всегда был озабочен только оценкой (и обычно с замечательной тщательностью) содержащегося в них материала. Вдобавок (как автор этих строк уже неоднократно указывал) состояние здоровья Доерфера, который по вполне понятным причинам хотел успеть увидеть ЭЭС опубликованным, не позволило ему внести существенные изменения в методику того, что он считал исчерпывающей проверкой¹².

Методологические изъяны имели, однако, далеко идущие последствия. В первых, статьям в ТС (всего 12364 статьи) были даны номера, под которыми они были указаны в ЭЭС – но в силу своей крайней редкости ТС едва ли доступен кому-либо из использующих ЭЭС, и, во-вторых, те, кто имеет доступ к словарю Широкогорова, вынуждены сейчас вести очень неудобный поиск в рукописном источнике для сверки с каждой из статей ЭЭС. Для того, чтобы отдать должное ТС и его особенностям, а также облегчить работу читателей, каждую статью ЭЭС необходимо сопроводить указанием на пронумерованные столбцы в ТС, а также на точный номер строки в каждом столбце. В действительности, автор настоящего предварительного доклада уже указал столбцы в своем индексе к ЭЭС и ТС, как и в статьях, основанных на этих двух словарях. Кроме того, один из двух сотрудников, участвовавших в проекте ЭЭС еще в 1980-х и 1990-х гг. соответственно, В. Хеше также уже признавал эту проблему, и в списке лемм ТС, составленном им, номера столбцов ТС предшествовали номерам статей в планируемом ЭЭС. В другой версии, соответствующей концепции, описанной в "Оценке" Доерфера, были приведены номера страниц¹³.

Однако все это не было включено в рукопись ЭЭС Доерфера (Доерфер: "слишком запутанно" и "избыточно"). Такая менее удобная для читателя итоговая версия ЭЭС была лишь отчасти улучшена благодаря упоминавшемуся выше указателю. Хотя определенное "соответствие" столбцам ТС было представлено здесь в виде отдельного списка [9, р. 653–657], сведения о строках приведены не были, а варианты, перечисленные под номерами 1–5, не были добавлены или указаны с ограничениями, характерными для ЭЭС. Кроме того, дополнения Е.Н. Широкогородовой в индексирующем томе не были учтены в самом указателе, хотя эти дополнения включают 568 статей! Дополнения Широкогородовой к русско-тунгусской

¹¹ Вопреки выраженному желанию автора этого доклада, который стремился именно к критическому изданию, но не имел ни знаний, ни опыта для издания историко-лингвистических рукописей.

¹² Однако проблема времени возникла и ранее – касаясь проверки русско-тунгусской части ТС, Доерфер заметил в предварительном докладе: "Тем не менее, будет ли русско-тунгусская часть обработана целиком, зависит от времени, которым мы будем располагать" [4, р. 113].

¹³ [4, р. 111]: "Работа должна содержать соответствующую лемму с номером страницы (например, 9.380 означает: страница 9 книги (Широкогородов, 1944), лемма 380)".

части словаря¹⁴ были полностью исключены, хотя все, что было сказано выше об ЭЭС, приложимо и к ним.

Совершенно особая проблема, обнаруженная автором настоящего текста, состоит в несовместимости транскрипций. Иными словами, то, что Кнуппель прочитывает как русское <x> эквивалентное <ch>, Доерфер передает как <x>. Хотя автор имеет веские основания для того, чтобы принять цитируемую информацию в ее "исходной" форме, у пользователей словаря столкновение разных транскрипций может вызвать раздражение или даже впечатление несовместимости – особенно в индексирующем томе, где в указателе и в дополнениях Е.Н. Широкогорова можно найти транскрипцию Доерфера, тогда как транскрипция Кнуппеля дана в его собственных дополнениях (за исключением, конечно, цитат из ЭЭС).

III.

Еще одной довольно значительной проблемой, особенно в ЭЭС, но и сопутствующем ему индексирующем томе, являются этнологические примечания. Хотя ЭЭС – это, согласно названию, также этнологический словарь, примечания, данные в нем, почти исключительно состоят из очень кратких пояснений к статьям ТС, в которых Широкогоров пытается истолковать обсуждаемые лексемы. Существует, однако, также некоторое количество более детальных и иногда курьезных замечаний Доерфера, которые зачастую не добавляют ничего по существу вопроса¹⁵. Следует заметить, что ТС никогда не задумывался как этнологический словарь (равно, конечно, и как этимологический!). К бессистемным, поверхностным и вводящим в заблуждение объяснениям Широкогорова, который, несомненно, был одним из виднейших этнологов/этнографов начала XX в., в случае с ТС следует относиться с крайней осторожностью. Однако решение Доерфера о публикации этимолого-этнологического словаря было продиктовано, прежде всего, не научными соображениями. Скорее, с одной стороны, этнологические замечания Широкогорова (а также те или иные размышления Доерфера) требовали оправдания, а с другой – необходимо было расширить круг возможных заинтересованных читателей. Последнее имело значение (1) для заявки на проектное финансирование и (2) для возможных переговоров с издателями. Тот факт, что заглавие работы уже само по себе вводило в заблуждение, роли не играл. Ввиду этого этнологические примечания автора этих строк могли быть приняты во внимание лишь в редких случаях – основная же их масса нашла отражение только в индексирующем томе. Хотя этот материал сейчас (по крайней мере, частично) доступен, не каждый, уже купивший ЭЭС, сможет приобрести индексирующий том (без которого ЭЭС едва ли можно использовать осмысленным образом) только для того, чтобы ознакомиться с более полными примечаниями. Желание Доерфера поскорее завершить работу также стояло на пути включения дополнительных материалов. То же самое касается и рассмотрения возможных "палеоазиатских находок"¹⁶ – равно как и новой/итоговой проверки окончательной версии рукописи ЭЭС на основе ТС, который Доерфер считал "устаревшим" и в конечном счете "избыточным" ввиду ожидаемой публикации ЭЭС.

То, что бесчисленные аннотации автора были включены в ЭЭС только в очень ограниченном объеме, не были учтены в указателе и появились в "Sprachtabus" Кнуппеля (первое дополнение к которому следовало сделать сразу после публикации) в крайне импровизированном "механическом соединении" (и по тематическим причинам вновь только частично), в конечном итоге вызвало путаницу и в упомянутой монографии Кнуппеля, аккумулировавшей ошибки и неувязки, часть из которых основана на некритическом воспроизведении неадекватных адапта-

¹⁴ [16, p. 256–258], см. об этом также [4, p. 108].

¹⁵ См. например, №9401: "samañi g'evañi ilga [В.] свастика на шаман. кост. [...] орнамент – Орнамент на костюме шамана: свастика; [...] Старый монг. (но также встречающийся в Палестине) знак".

¹⁶ Это проблема была также известна с самого начала работы над ЭЭС, по крайней мере, она уже упоминалась в предварительном докладе – см. [4, p. 113, esp. (9)].

ций исходного материала. Если бы мы продолжали идти тем же путем и в отношении шаманского метаязыка бираров, результат вряд ли был бы менее неудовлетворительным, чем в названной выше монографии.

IV.

Следующую проблему представляют многоязычные или нерусские определения значений в ТС. Поскольку Широкогоров внес довольно мало этнологических примечаний в этимолого-этнологический словарь, последний содержит некоторое число разрозненных немецких и английских описаний значений, которые в конечном счете превратили ЭЭС в многоязычное издание. Это также не было эмпирически обосновано, но явилось следствием необходимости подготовки заявки на грант и привлечения англоязычной аудитории. Отсюда, с очевидностью, вытекает совсем другая слабость этого словаря: трудность разграничения утверждений, принадлежащих Широкогорову и Доерферу. По общему признанию, это касается в основном структуры лемм. Автору настоящего доклада в некоторых случаях, конечно, удавалось убедить Доерфера строить словарь по такому шаблону, который бы сделал подобное различие возможным. Однако чаще Доерфер настаивал на соблюдении той "формы", которая была положена в основу его рукописи. Поэтому поясняющие примечания в леммах появляются в местах, которые не показывают, что именно здесь поясняется и где находится или должен находиться исходный перевод (см., например, ЭЭС, №№ 58, 86, 122 и др.). Кроме того, немецкие или английские описания значений включены в тексты Широкогорова, хотя в соответствующих местах в ТС таких переводов нет (например, ЭЭС, №№ 66, 100, 141 и др.), причем в тех местах, где они совершенно неуместны, неважно, ведут ли они происхождение из "Психоментального комплекса тунгусов" или "Социальной организации северных тунгусов" Широкогорова, работ П.П. Шмидта или самого Доерфера.

Ввиду упомянутых выше трудностей с верифицируемостью и возможного в результате появления неверных цитат в работах будущих пользователей словаря, такие "особенности" ТС, конечно, также должны быть учтены при планируемом переиздании, которое, согласно концепции автора, должно обеспечить точную идентификацию исходящего от Широкогорова, Доерфера и Кнуппеля (равно как и иных авторов, работы которых были использованы), а также включить дополнения Е.Н. Широкогоровой, обозначенные в качестве таковых¹⁷. Структура лемм в новом издании должна быть следующей:

№, лемма (источник, например, ТС) || возможные ссылки на варианты/разночтения (с указанием(ями) номера(ов) в настоящем томе);

1) значение(я): Широкогоров: "значение" – Доерфер: "перевод" || возможные поправки;

2) замечания: (1) Широкогоров: "замечание", (2) Доерфер: "замечание", (3) Кнуппель: "замечание", (4) другие: "замечание" || возможные поправки/дополнения;

3) этимология: Доерфер: "этимология" || возможные поправки/дополнения;

4) ссылки: "→ №".

Только за счет одной структуры, а также благодаря другим включаемым материалам, общий объем нового издания (содержащего и указатели), рабочее наименование которого "Тунгусский словарь. Опыт этимолого-этнологического анализа "Тунгусского словаря" С.М. Широкогорова с дополнениями из других работ Широкогорова и включением "Этимолого-этнологического словаря тунгусских диалектов" Г. Доерфера", существенно возрастет. Название и объем (около 2500 страниц) могут показаться чудовищными, но для автора/издателя они оправданы как необходимостью, так и недостатками предшествующих публикаций. Автор был бы признателен заинтересованным читателям за дальнейшие рекомендации и предложения.

¹⁷ В индексирующем томе, по крайней мере, в этих дополнениях, автор отметил свои собственные переводы значений знаком "К.", а материал Широкогоровой – знаком "Sir".

Литература

1. Кузнецов А.М. Сергей Михайлович Широкогоров – обретенное достояние российской антропологии // Широкогоровские чтения. Материалы научной конференции. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. С. 5–9.
2. Широкогоров С.М. Этнографические исследования: избранные работы и материалы / Сост. и примеч. А. М. Кузнецова, А.М. Решетова. В 2-х кн. Кн. 1.: Избранное: научное издание. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. 192 с.
3. Широкогоров С.М. Этнографические исследования: избранные работы и материалы / Сост. и примеч. А. М. Кузнецова, А. М. Решетова. В 2-х кн. Кн. 2.: Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. 148 с.
4. Doerfer G. Eine vorläufige Auswertung von Shirokogoroff: A Tungus Dictionary // Europa et Sibiria. Beiträge zur Sprache und Kultur der kleineren finnougri-schen, samojedischen und paläosibirischen Völker. Gedenkband für Wolfgang Veenker. Ed. by Hasselblatt, Cornelius / Jääsalmi-Krüger, Paula. Wiesbaden, 1999 (VdSUA 50). P. 107–116.
5. Doerfer G. Etymologisch-Ethnologisches Wörterbuch tungusischer Dialekte (vornehmlich der Mandschurei). Hildesheim, Zürich, New York: Georg Olms, 2004. 932 p.
6. Doerfer G. Mongolo-Tungusica. Wiesbaden: Harrassowitz, 1985 (Tungusica 3).
7. Eren H. Şirokogorov, Sergey Mihayloviç // Türk Ansiklopedisi. 1981. Vol. XXX. P. 305–306.
8. Inoue K. Introductory notes to S. M. Shirokogoroff: "Tungus literary language" // Asian Folklore Studies. 1991. Vol. 50. No.1. P. 35–66 [P. 35–41].
9. Knüppel M. Register und Ergänzungen zum "Etymologisch-Ethnologischen Wörterbuch tungusischer Dialekte". Nebst einem Nachtrag zu S. M. Şirokogorovs "Tungus Dictionary". Nordhausen, 2013.
10. Knüppel M. Sprachtabus in tungusischen Sprachen und Dialekten. Am Beispiel von S. M. Şirokogorovs "Tungus Dictionary". (Tunguso Sibirica 33). Wiesbaden: Harrassowitz, 2012. 131 s.
11. Mühlmann W. Nachruf auf S. M. Şirokogorov (nebst brieflichen Erinnerungen) // Archiv für Anthropologie, Völkerforschung und kolonialen Kulturwandel N. F. Bd. XXVI (1-2). Braunschweig, 1940. S. 55–64. [Публикация на русс. яз.: Мюльман В. С.М. Широкогоров. Некролог (с приложением писем, фотографии и библиографии) // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 144–155].
12. Serebrennikov I. I. In memoriam professor S. M. Shirokogoroff // China Journal. 1940. Vol. 32. No. 5. P. 205–208.
13. Shirokogoroff S.M. Psychomental complex of the Tungus. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1935. 469 p.
14. Shirokogoroff S.M. Social organization of the Manchus. Shanghai: Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society, 1924. 194 p.
15. Shirokogoroff S.M. Social organization of the northern Tungus. Shanghai: The Commercial Press, 1929. 427 p.
16. Shirokogoroff S.M. A Tungus dictionary. Tungus-Russian and Russian-Tungus. Photogravured from the manuscripts. Tokyo, 1944 / 1953.

References

1. Kuznetsov A.M. Sergei Mikhailovich Shirokogorov – the acquired property of Russian anthropology // Shirokogorovskie readings. Materials of scientific conference. Vladivostok: FEFU Publishing House, 2001. P. 5–9. (In Russ.).
2. Shirokogorov S. M. Ethnographic research: selected works and materials / Comp. and note. A.M. Kuznetsov, A.M. Reshetov. In 2 books. Book 1: Selected: scientific publication. Vladivostok: FEFU Publishing House, 2001. 192 p. (In Russ.).
3. Shirokogorov S.M. Ethnographic research: selected works and materials / Comp. and note. A.M. Kuznetsov, A.M. Reshetov. In 2 books. Book 2: Ethnos: A study of the basic principles of change in ethnic and ethnographic phenomena. Vladivostok: FEFU Publishing House, 2002. 148 p. (In Russ.).
4. Doerfer G. A preliminary evaluation of Shirokogoroff: A Tungus Dictionary // Europa et Sibiria. Contributions to the language and culture of the smaller Finno-Ugric, Samoyed and Paleosiberian peoples. Commemorative volume for Wolfgang Veenker. Ed. by Hasselblatt, Cornelius / Jääsalmi-Krüger, Paula. Wiesbaden, 1999 (VdSUA 50). P. 107–116. (In Germ.).
5. Doerfer G. Etymological-ethnological dictionary of Tungusic dialects (mainly Manchuria). Hildesheim, Zurich, New York: Georg Olms, 2004. 932 p. (In Germ.).
6. Villages G. Mongolo-Tungusica. Wiesbaden: Harrassowitz, 1985 (Tungusica 3). (In Germ.).
7. Eren H. Shirokogorov, Sergey Mikhailovich // Turkish Encyclopedia. 1981. Vol. XXX. P. 305–306. (In Turk.).
8. Inoue K. Introductory notes to S.M. Shirokogoroff: "Tungus literary language" // Asian Folklore Studies. 1991 Vol. 50. No.1. P. 35–66 [P. 35–41].
9. Knüppel M. Index and additions to the "Etymological-Ethnological Dictionary of Tungusic Dialects". Along

with an addendum to S. M. Širokogorov's "Tungus Dictionary". Nordhausen, 2013. (In Germ.).

10. Knüppel M. Language taboos in Tungusic languages and dialects. Using the example of S. M. Širokogorov's "Tungus Dictionary". (Tunguso Sibirica 33). Wiesbaden: Harrassowitz, 2012. 131 p. (In Germ.).

11. Mühlmann W. Obituary of S. M. Širokogorov (along with letters from inquires) // Archive for anthropology, people research and colonial culture change N. F. Vol. XXVI (1-2). Braunschweig, 1940. P. 55–64. [Publication in Russian: Mulman V. S.M. Širokogorov. Obituary (with attachments of letters, photographs and bibliography) // Ethnographic Review. 2002. No. 1. P. 144–155]. (In Germ.).

12. Serebrennikov I. I. In memoriam professor S. M. Širokogoroff // China Journal. 1940 Vol. 32. No. 5. P. 205–208.

13. Širokogoroff S.M. Psychomental complex of the Tungus. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1935. 469 p.

14. Širokogoroff S.M. Social organization of the Manchus. Shanghai: Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society, 1924. 194 p.

15. Širokogoroff S.M. Social organization of the northern Tungus. Shanghai: The Commercial Press, 1929. 427 p.

16. Širokogoroff S.M. A Tungus dictionary. Tungus-Russian and Russian-Tungus. Photogravured from the manuscripts. Tokyo, 1944/1953.

Михаэль КНУППЕЛЬ, Dr. phil., Dr. disc. soc., профессор истории, языков и культур Северной Евразии Центра арктических исследований Ляочэнского университета, Ляочэн, Китай, e-mail: michaelknueppel@gmx.net

Michael KNUPPEL, Dr. phil., Dr. disc. soc., Professor for History, Languages and Cultures of Northern Eurasia, Arctic Studies Center, Liaocheng University, Liaocheng, China, e-mail: michaelknueppel@gmx.net

Поступила в редакцию

(Received) 01.02.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 06.02.2023

Принята к публикации

(Accepted) 07.03.2023

Научная статья
УДК 398.8 (571)
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/73-83>

К вопросу об эволюции духовных ценностей в период Гражданской войны (на примере ценностей красного движения в песенном фольклоре Сибири и Дальнего Востока)

Татьяна Владимировна КРАЮШКИНА

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия,
kvtbp@yandex.ru

Аннотация. В статье на материале песенного фольклора периода Гражданской войны Сибири и Дальнего Востока рассмотрены духовные ценности красного движения. В качестве основных методов использовались структурно-типологический, структурно-семантический, описательный. В результате анализа были выявлены четыре группы носителей ценностей. Делаются выводы об устойчивости духовных ценностей и способности ценностей всех групп образовывать единый комплекс, выявлены законы функционирования духовных ценностей в народном сознании, обнаружена устойчивость духовных ценностей в период активного беженства.

Ключевые слова: духовные ценности, ценности красного движения, песенный фольклор Сибири, фольклор Дальнего Востока, фольклор Гражданской войны

Для цитирования: Краюшкина Т.В. К вопросу об эволюции духовных ценностей в период Гражданской войны (на примере ценностей красного движения в песенном фольклоре Сибири и Дальнего Востока) // Известия Восточного института. 2023. № 1. С. 73–83. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/73-83>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/73-83>

On the question of the evolution of spiritual values during the Civil War (on the example of the values of the red movement in the song folklore of Siberia and the Far East)

Tatyana V. KRAYUSHKINA

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, kvtbp@yandex.ru

Abstract. In the article, on the material of the song folklore of the period of the Civil War of Siberia and the Far East, the spiritual values of the red movement are considered. Structural-typological, structural-semantic, descriptive were used as the main methods. As a result of the analysis, four groups of value carriers were identified: partisans, commanders, family and people. Conclusions are drawn about the stability of spiritual values and the ability of the values of all groups to form a single complex, the laws of the functioning of spiritual values in the public consciousness are revealed, the stability of spiritual values during the period of active refugee is found. Built into the system of folk spiritual values, the spiritual values of the representatives of the red movement are a model of evolution, the development of the traditional system. Based on the foundation of traditional concepts, they partially replace their content.

Keywords: spiritual values, values of the red movement, song folklore of Siberia, folklore of the Far East, folklore of the Civil War

For citation: Krayushkina T.V. On the question of the evolution of spiritual values during the Civil War (on the example of the values of the red movement in the song folklore of Siberia and the Far East) // Oriental Institute Journal. 2023. № 1. P. 73–83. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/73-83>

Проблема духовных ценностей является *одной из актуальных* в современной гуманитарной науке. Решения требуют задачи создания единого, полного, соответствующего запросам современного (и непременно – будущего) многонационального Российского государства перечня духовных ценностей, востребованности и принятия вошедших в единый перечень ценностей всеми членами (группами) общества; необходимы рабочие инструменты сохранения собственных (российских, традиционных, национальных) духовных ценностей и противо-

стояния ценностям чужим и чуждым. При этом важно осознание того, что механизм сохранения своего, в том числе духовных ценностей, включается тогда, когда идёт активное противостояние.

Поэтому так опасна "мягкая сила"; вот почему ей необходимо уделять особое внимание в деле защиты духовных ценностей Российской Федерации. Поэтому так действенна "мягкая сила" для формирования лояльного отношения к России: трансляция и закрепление духовных ценностей нашего государства становятся и способами воздействия на сознание носителей ценностей других стран. Вышеперечисленное напрямую связано с проблемой сохранения нации, государства, человечества, традиционных ценностей. Таким образом, проблема духовных ценностей обретает *практическую значимость*.

Устное народное творчество стереотипно трактуется как транслятор эстетики и традиционных представлений этноса (а этот термин порой стандартно воспринимается в значении неизменяемых, устаревших, рудиментарных). И в результате подобного восприятия – как продукт, весьма далекий от действительности. Но фольклор является значимым источником психологии народа, в нём представлен многовековой опыт изменения представлений, и что не менее важно – инструментарий, в том числе и инструментарий отбора, противостояния, противопоставления и сохранения духовных ценностей.

Особый интерес в обозначенном плане представляет песенный фольклор периода Гражданской войны. В нём обозначены пути перехода своих / чужих из системы координат наций в систему координат социальных статусов. Происходит глобальное изменение традиционных представлений. Свои в песенном фольклоре Гражданской войны – те, кто принадлежит не к одной нации, а к одной социальной группе. При этом традиционные ценности встраиваются в новую систему ценностей красных (и как покажет материал, который будет проанализирован ниже, – отказ красными в системе традиционных ценностей белым). Важно вот что: новая система ценностей красных объясняется языком традиционных ценностей; бывшие свои (т.е. белые) становятся частью мира чужих. Белым и интервентам приписывается единая (или схожая) система ценностей.

Обращение к материалу периода Гражданской войны вызвано актуальной для современной науки задачей – необходимостью выявить особенности соотношения эволюции духовных ценностей и миграционных процессов. В.М. Рынков, исследуя проблему вынужденной миграции в период Гражданской войны (1918–1922 гг.), отмечает сложность миграционных процессов: "<...> через Владивосток одновременно двигались два других встречных потока вынужденных мигрантов. С одной стороны, российский военнопленные, возвращавшиеся из Европы восточным путем, с другой – военнопленные центральных держав, отправлявшиеся домой" [8, с. 111]. И это лишь малая часть сложного миграционного движения, которое пересекало Сибирь и Дальний Восток.

Поэтому особый интерес представляет существование в этот непродолжительный, но очень трудный период, комплекса духовных ценностей русского народа. Насколько духовные ценности оказались восприимчивы к трансформации в контексте миграции, какие инструменты были задействованы для сохранения и / или изменения комплекса духовных ценностей. Поскольку заявленная проблема может быть решена в монографическом исследовании, тема данной статьи будет ограничена обращением к духовным ценностям представителей красного движения.

В числе исследователей, рассматривавших устное народное творчество периода Гражданской войны с позиции актуальных задач, есть дальневосточные и сибирские фольклористы. Так, Л.Е. Фетисова обращается к образам героев Октябрьской революции и Гражданской войны [10], И.А. Дябкин рассматривается фольклорные образы героев рассматриваемого периода как источник литературной мифологизации [4], А.Г. Игумнов выстраивает связи песенного фольклора Гражданской войны с предшествующей традицией [5]. Изучен был и фольклор

представителей белого движения, в частности, в аспекте влияния песенной культуры белогвардейцев на песенный фольклор красноармейцев [7].

Современные литературоведы также анализировали обозначенный период на материале художественной прозы. Упомянем, в частности, Д.М. Бычкова, обратившегося к пьесе Л. Улицкой "Семеро святых из деревни Брюхо", объектом своего исследования выбравшего трагедию человека в сложный период истории [1]. Но проблема эволюции духовных ценностей красного движения не рассматривалась ни на фольклорном материале, ни на материале художественной литературы Сибири и Дальнего Востока. В этом заключается **новизна** исследования.

Цель статьи заключается в выявлении особенностей эволюции комплекса духовных ценностей на примере ценностей представителей красного движения и особенностей его реализации и функционирования в песенном фольклоре периода Гражданской войны. **Задачи** статьи связаны с выявлением групп носителей этих ценностей и обнаружением индивидуальных компонентов духовных ценностей, присущих каждой группе. **Объектом** исследования стали духовные ценности, **предметом** исследования – духовные ценности красного движения в песенном фольклоре Сибири и Дальнего Востока. В качестве основных **методов** использовались структурно-типологический, структурно-семантический, описательный.

Были отобраны фольклорные тексты, в которых упоминается об интервентах и представителях белого движения, поскольку именно при выполнении этого условия особенно чётко проявляются ценности красного движения. Всего в исследованном материале (были проанализированы тексты четырёх сборников [2; 9; 11; 12] и привлечены опубликованные в монографии [13]) выявлено 65 песен, отвечающих заявленным условиям, что оказалось достаточным для достижения поставленной цели. 42 текста зафиксированы в Приморском и Хабаровском краях, Амурской области, 23 – в Бурятии, Красноярском и Алтайском крае, Читинской, Иркутской и Томской областях в 1917–1969 гг.

Вот как выглядят группы представителей красных, на которых реализуются и для которых одновременно становятся значимыми те или иные духовные ценности, при этом и они сами входят в число ценностей красного движения:

- 1) партизан, рядовой представитель красного движения (ценен для семьи и боевых товарищей; для самого себя; для народа);
- 2) командир, руководящее лицо партизанского движения (ценен для рядовых бойцов);
- 3) члены семьи представителя красного движения (ценны для бойца);
- 4) народ, крестьяне, пролетарии (ценны для бойца).

Безусловно, самыми популярными персонажами песен периода Гражданской войны становятся **партизаны**. Как значимый инструмент пропаганды, песни формируют идеальное представление о партизанах, поэтому отрицательные черты, приверженность красных антиценностям в фольклоре не выявлены. Итак, какие же ценности приписываются рядовым бойцам? Следует отметить, что актуализация конкретных ценностей связана с рядом жизненных ситуаций.

Так, для боевых действий важна месть как реакция за убитых родных. Именно месть за кровных родственников запускает определенные механизмы в психике бойца: *Ворвались недруги заморские, / Убили мать, сестру, отца. / <...> / И гневом мстителей наполнилась / Вся сибирская тайга* [2, с. 50]. Бойцы воспринимают себя носителями высшей культуры, высших ценностей. Своих врагов низводят на уровень орды, с которой предстоит бой. Для боя важна определенная эмоциональная наполненность: *Силам орды / Свой пыл противопоставим* [2, с. 68].

Но чаще других причиной боевых действий называется свобода (или воля), которую необходимо вернуть или отстоять. Для достижения свободы необходима смелость: *Смело, солдаты Сибири свободной, / В бой за свободу свою!* [2, с. 40]. Свобода достигается только вместе с победой: *К победе, свободе идем* [2, с. 75]. *Иго* (т.е. жизнь без свободы) хуже войны, поэтому бойцы выбирают войну за свободу: *Никто тебе, война, не рад, / Но не хотим себе мы ига: / Ушли с винтовкою в отряд* [2, с. 207].

Высоко ценится и единство, единомыслие народных масс: *К нам отовсюду великой волною / Крестьян и рабочих дружина идет* [2, с. 41]. Ведь там, где большинство, там и правда, а где правда, там и сила. Этот принцип реализуется в песенном фольклоре в полной мере: *В большие полки собирались / Японцев и белых громить* [2, с. 41].

Значимым мотивом действия бойца является долг. Долг – особая ценность, связанная со значимостью для общества самого бойца (*Люду бедному опора / Наши красные полки* [2, с. 69]). И боевой подвиг обозначается долгом, и последующий за ним трудовой подвиг – тоже. Именно с боевым, а не трудовым подвигом связано понятие чести и физической силы: *Ты честно долг свой исполняешь / Перед свободною страной, / Ты утомления не знаешь, / Идя вперед в победный бой* [2, с. 64].

В системе новой иерархии, приписываемой народу, именно партизанам отводится роль защитников. Причём защитников не своей семьи, не слабых женщин и детей, а защитников носителей другой ценности – мирного труда – крестьян: *На страже стоят партизаны – / Всегда защитят от штыков* [2, с. 108]. В другой песне возникает образ обездоленных: *Мы сражались, мы сражались / За народ за трудовой, / За несчастных, за несчастных, / Обездоленных судьбой* [12, с. 218].

Именно бойцам приписывается такая ценность, как уничтожение врага: *Белых супостатов перебьем* [2, с. 76]. Конечно, чаще всего это происходит в честном бою. Но упоминается в песнях и убийство врага по сговору. Показательно, что подобная модель поведения позиционируется как проявление смекалки, народного единства, а не нарушение древнего боевого принципа славян "идем на вы".

*Офицеров перебили –
Это был переворот.
Те шестнадцать офицеров,
Что на красных нас вели,
В ту же ночь, беде не веря,
Все убитыми легли.
Из харчинов всей команды
Восемнадцать мы убили,
Остальных из ихней банды
Мы живыми захватили* [2, с. 104].

Показательно, что если свобода заявляется ценностью группы, то возможность умереть за народ признаётся ценностью индивидуальной. В песнях периода Гражданской войны редко встречается сюжет групповой гибели красных. Но весьма распространённый сюжет – гибель бойца. Значимо, что герой, умирая, не раскаивается в своем выборе, а заповедует его другим: *Заклинаю я / <...> / Все казачество, / Забайкальское. / Не служить, как встарь, / Злому недругу – / Императору / Да помещикам, / <...>. / А служить-помочь / Брату ближнему – / Пролетарию да крестьянину* [2, с. 58].

Герой обозначает, от кого он умирает и за какую цель. Причина гибели (вид ранения), когда речь идёт от первого лица, значения не имеет (но довольно часто упоминается, где говорится о раненом и выжившем бойце): *Умираю я / За народ родной / От руки врага / Кровожадного* [2, с. 59]. Для умирающего важно сохранить свою честь. Он просит коня передать, что он *честно погиб за рабочих* [12, с. 214]. Впрочем, порой в песнях происходит возвращение к привычным ценностям, например, гибель за Родину, а не за свободу: *Пал партизан в бою кровавом, / Он жизнь за Родину отдал* [2, с. 158].

Партизаны, у которых вот-вот закончатся патроны, предвидят гибель и выбирают именно её, а не плен. При этом с окончанием их жизни не заканчивается существование идеи, за которую они борются: *Мы в плен не сдадимся живыми, / Врага покорим или умрем, / А наши там братья в Сибири / Помогут покончить с врагом* [12, с. 219].

Идея жертвенности связана с ценностью послушания. Показательно, что послушание возводится в ранг исполнения заветов. Т.е. срабатывает механизм защиты, присущий традиционной норме, когда человеческое (сейчас подразумевается

мнение) возводится в ранг сакрального: *Своих потеряли немало / Стойких, отважных бойцов, / Что отдали жизнь, не жалея, / Исполнить заветы борцов* [2, с. 133].

И жертва не была напрасна. Герои и их командир погибли в бою, но побеждён и враг: *Убитые братья в могилах лежат. / Там были бои, отступали японцы, / Враг в панике быстро с Востока бежал* [2, с. 158]. Убитые красные бойцы называются братьями, включается родственная – самая ценная для человека традиционного мировоззрения – идентификация.

Но в песнях встречается ещё один пример достойной гибели представителя красного движения: не на поле боя, а в результате казни. В песне повествуется о расстреле большевика, очевидна героизация смерти за правое дело. Его смерть должна разбудить на борьбу всех тех, кто ещё спит: и русских, и *братьев Востока*. Смелость большевика противопоставляется трусости тех, кто его расстреливает: *Пронзенный рабочий присел, / Конвой, озираясь пугливо, / Докончил презренный расстрел...* [2, с. 159].

С идеей жертвенности связан и мотив заключения. Находящиеся в заточении терпят голод и испытывают беспомощность, ждут помощи от своих. Так ценность свободы находит ещё одну реализацию:

*Проклинаю тюремную долю,
Вспоминая советский наш дом,
Мы глядим сквозь решетку на волю,
Журавлевских товарищей ждем* [2, с. 248].

Ещё одна ценность – возможность достойно похоронить погибших. Она актуализируется тогда, когда нет возможности исполнить этот долг.

*Убитых героев-товарищей
Земле не могли мы предать,
Коварным врагам на посмешище
Их трупы пришлось нам отдать* [2, с. 133].

В другой песне говорится о достойном захоронении павшего бойца. Значимой оказывается надпись на могиле, характеризующая героя, подводящая итог его жизни: *Могилу вырыли глубоко / Среди тенистых старых лип, / <...> / И на знаме написали, / Что за свободу он погиб* [2, с. 206].

Реже, чем о гибели героя, говорится о нанесении его здоровью вреда. С войны он возвращается калекой или раненым. Победа – ценность, которая дается дорогой ценой, в том числе и ценой собственного здоровья. Но ранение – это повод для гордости, подтверждение доблести бойца: *Забинтованные раны, / И глаза его горят: / Вот как наши партизаны / За крестьянскую власть стоят!* [2, с. 196].

Частной, но все же ценностью, является и уважительное отношение к родным павшего врага. Они имеют право знать, что же случилось с их сыном или мужем. Так, в песне говорится о лирическом герое, отправляющем ворона отнести на далёкие острова (видимо, подразумевается Япония) *косточку* павшего врага. Но эта ценность имеет скрытый подтекст: красным бойцам важно направить ненависть родных погибшего в нужное русло: *Пусть родные их узнают, / Где постигла их беда, / И со злобой проклинают / Тех, кто их послал сюда* [2, с. 133].

В особую группу необходимо выделить **командиров**. Следует отметить, что текстов, посвященных руководителям партизанского движения, меньше в сравнении с песнями о рядовых бойцах. В них представлены как образы реально существовавших командиров (Сергея Лазо и Федота Погодаева), так и командиров безымянных. Подобно прочим носителям духовных ценностей красных, командиры идеализированы. Показательно, что по внешним признакам командира нельзя отличить от его бойцов: *У них не узнать командира, / Кто в чем попало одет* [2, с. 108]. В этой песне говорится о Сергее Лазо. Он молод, его ненавидят японцы и любят партизаны, причём *любят за правду его* [2, с. 108]. В другом командире – Федоте Погодаеве – воспеваются отвага и доблесть: он первым идёт на врага и ведёт за собой партизан. Эта же черта приписывается и безымянному командиру: *Эх, да командир не из трусливых, да / Был все время впереди* [11, с. 171].

Ценность командира заключается в способности консолидировать группу единомышленников и выступать в роли идеального представителя красного движения, отдающего свою жизнь за свободу народа. Победа далась тяжелой ценой: *Враг в панике быстро с Востока бежал, / А там под кустом командир партизанский / Смертельную рану к груди прижимал* [2, с. 158].

После гибели командира ценностью заявляется возможность его достойно похоронить и оплакать. В песне говорится о том, что враги захватили тело Федота Погодаева и долго безумно глумились над ним [2, с. 176]; герой был лишён достойного погребения: *За нас его вьюги в снегах схоронили, / И вьюги оплакали воем родным* [2, с. 176]. Когда будет добыта свобода, тогда появится и возможность похоронить командира с почестями;

*Падет произвол пред народною силою,
Товарищи прах твой земле предадут,
И свежую, им дорогую могилу
Живыми цветами кругом обкладут* [2, с. 176].

Кроме того, командиру приписывается способность оценивать действия партизан и возможность награждать их; жизнь командира – ценность народа. Тяжело раненный командир зовёт своих:

*Вы, ребята-партизаны,
Выручайте вы меня.
<...>
Жив я буду – не забуду,
Красным знаменем награжу!* [11, с. 171].

Лишь в одном тексте происходит смещение ролей, где личное побеждает общественное: командир ведёт партизанский отряд мстить за убийство жены и дочери [2, с. 243–245]. Причём переход от одной цели к другой естественен и не вызывает возражения в отряде:

*Раньше бился за свободу,
За народную нужду,
А теперь на месть японцам
Я вас, братцы, поведу* [2, с. 245].

Личное оказывается более ценным, чем общественное и перед гибелью героя. Сергей Лазо перед казнью вспоминает не о народе, которому посвятил жизнь, а своей маленькой дочери, нуждающейся в помощи и защите: *Прости и прощай, моя девочка Ада, / С тобой партизаны и мать* [2, с. 180].

Семья – ещё одна несоизмеримая ценность (и одновременно – третья группа). Народное сознание использует довольно простые механизмы выявления ценностей: герой песни лишается очень важного для него или же идёт отстаивать это важное, впрочем, первое и второе могут и сочетаться в одном сюжете. Малозначительное же всегда оказывается за рамками сюжета.

Одной из первостепенных ценностей становится жизнь жены или невесты (при наличии) и близких кровных родственников, тех, с кем герой живёт одним домом (это очень важный признак).

*Видел я прошедшей ночью
Мать родную и сестру,
Подводили их японцы
К разведенному костру.
Били, жгли их, издевались <...>* [2, с. 244].

Речь идёт о мучительной смерти от врага (для женщин) и в бою (для мужчин). Показательно, что используются две модели. При одной из них на первое место ставятся жизни женщин: сестры и матери или матери и сестры, т.е. тех, кто не может за себя постоять (*Ворвались недруги заморские, / Убили мать, сестру, отца* [2, с. 50]); при другой модели на первом месте оказываются дававшие отпор врагу,

но побежденные им, мужчины (*Отец погиб в кровавой схватке, / Сгорела мать, я спас сестру* [2, с. 242]).

Песенный фольклор показывает разнообразную очередность гибели родственников. Это говорит, скорее, об особенностях развития сюжета, чем о большей или меньшей ценности родных в глазах народа. Воспроизводится модель *безродного сиротства*, т.е. такого, где герой остается "без близкой родни" [3, с. 188]:

*Вчера японцы налетели,
Сестру изрезали ножом,
Мать изрубили, брата взяли,
Осиротел наш родной дом* [2, с. 198].

Одна из песен показывает ценность убитых родных, которая актуализируется при схожей потере в другой семье. Говорится, скорее, о переживании собственного горя, о запуске механизма переживания собственной беды, чем о сочувствии другому человеку: *На меня соседки взглянув, / Плакали навзрыд. / У одной отца нет, / Дядя у другой убит* [2, с. 224].

Связана с этой ценностью возможность оплакать и достойно похоронить умерших. Показательно, что в песне происходит четкое разделение: сестра молится об упокоении родителей, а о молитве брата речи не идет, у него в войне другая функция – защитить единственную оставшуюся живых родственницу: *Сестра за мать свою молилась / И за отца, что в битве пал* [2, с. 243]. Но поскольку герой лишается и сестры, месть – единственное, что ему остается: *И вечной клятвою поклялся / Отмстить врагам за дом родной* [2, с. 243]. В другой песне говорится об отце и сыне, которые мстят за убийство жены (матери) и дочери (сестры) и сами гибнут.

*Рано утром все семейство
Мир в могилу положил.
А на память партизанам
Песню эту я сложил* [2, с. 245].

Третьей значимой ценностью семьи заявляется женская честь близких родственниц или суженой. От песни к песни воспроизводится иерархия родственниц как ценности семьи. Если у героя есть жена или невеста, то первой в проанализированном материале упоминается она, затем – сестра и только после – мать. На женскую честь посягают как интервенты, так и представители белого движения. Речь может идти как о происходящем в настоящее время, так уже и как о свершившемся злодеянии: *Не твоя ли невеста, сестра или мать / Бьется в лапах японца солдата* [2, с. 202]; *И жен их, сестер, матерей он [Семенов] поганил* [2, с. 232].

Четвертой ценностью оказывается возможность жить вместе со своей семьей и заботиться о своих родных (кормить, воспитывать, защищать). Она актуализируется, когда герои лишаются этой возможности. Речь идет о вынужденном оставлении семьи. (Но жизнь родных, надо отметить, в народном сознании все же оказывается более важной ценностью.) В песне появляется противопоставление того, чего герои не боятся, тому, что вызывает у них страх. Собственный голод не имеет значения в сравнении с возможной опасностью для родных:

*Мы не боимся голода,
Идем мы на войну.
Старушку-мать оставили,
Отца, жену, детей –
И вот они – заложники
Расстрелов и плетей* [2, с. 115].

Ситуация разлуки показана и с другой стороны – от лица матери, которая может умереть, не дождав сына: *Мать-старушка тоскует о сыне родном, / Видно, ей уж его не дождаться* [2, с. 202].

Становится очевидным, что в народном сознании сливаются в единое два значимых понятия – долг и ценность. Подтверждением этому тезису является как

рассмотренный выше материал, так сюжет песни, где говорится о герое, с честью выполнившем свой воинский долг и вернувшемся с войны калекой:

*Ох, маменька, что ж, и я дрался,
Сумел ордена заслужить.
Оставшейся правой рукою
Сумею я мать прокормить [2, с. 188–189].*

В песенном фольклоре периода Гражданской войны редко, но всё же упоминается о жизни после победы. Родители встречают сына и обозначают ценности, в которых очевидны как ценности семьи (строительство дома, продолжение рода), так и встраивание семьи в новые условия жизни:

*Сынка теперь поженим,
Построим новый дом,
И жизнь свою изменим,
В коммуны все пойдем [12, с. 223].*

Но семья и семейные отношения остаются ценностями только при условии, если между членами семьи (причём кровными родственниками) нет противостояния на политическом поле. Ценности социальной группы, политической принадлежности оказываются доминирующими, при этом родство перестаёт быть ценностью. Показательно, что в песнях периода Гражданской войны противопоставляются друг другу мужчины – два брата, т.е. члены семьи, имеющие схожий семейный статус, а не отец и сын, например. В этом можно усмотреть некоторую попытку отстоять ценность семейной иерархии.

В трех рассмотренных песнях политические предпочтения братьев стабильны. Красным оказывается всегда старший, т.е. имеющий более высокий статус в семье:

*В ряды красных брат старших пошел,
Дали младшему в руки винтовку,
Добровольцем он к белым пошел [2, с. 213].*

Первым как раз отрекается от брата старший – красноармеец. В этом очевидна трансляция новых ценностей:

*Старший молвил: "Ты – белым бандитом,
Ваш девиз был насилье, расстрел,
Не зову я тебя больше братом".
И винтовку он взял на прицел [2, с. 213].*

В результате младший брат убивает старшего. При этом важно вот что: младший брат от старшего не отрекается. Для него семейные отношения все также значимы. Т.е. для представителя белого движения семейные отношения важнее, чем принадлежность к политическому полю. И убивает он старшего, защищаясь. Но для новой морали белый, от которого совсем недавно отрекся брат, превращается в братоубийцу. Народная мораль, в том числе и обновленная народная мораль, полутонов не знает, чётко разделяя мир на красное и белое.

Четвёртая группа – **народ** (крестьяне, пролетарии). Показательно, что песенный фольклор периода Гражданской войны описывает народ двояко: с позиции *смещения* (красное движение как часть народа) и с позиции *разграничения* (красное движение отделяет себя от народа), причём вторая позиция реализуется в текстах чаще. Если значимость семьи актуализируется в том случае, когда герой лишается родных, то в ситуации с народом речь чаще идёт о добывании того, что народ прежде не имел. Речь идёт о свободе. Позиция смещения в текстах выглядит следующим образом: *Цепи тиранов могучей рукою / Сбросит свободный народ [2, с. 41]; Могучим ударом трудящийся класс / Разрушит буржуев преграды [2, с. 73].* И что показательно, победа приписывается не красному движению, а всему народу: *Знай, восставшему народу / Дорогой ценой / Удалось купить свободу, / Счастье и покой [11, с. 66].*

Обращает на себя внимание стабильно реализующийся в фольклоре треугольник Карпмана (впервые описан в 1968 г.), где между участниками четко распределены не подлежащие сомнению роли: народ представлен жертвой, белое движение – только как тиран, красное – исключительно в качестве спасателя. И как в треугольнике Карпмана, спасателя не интересует мнение жертвы, он не испытывает сомнений в правоте собственных действий: красное движение спасает народ, исходя из собственных установок и предпочтений: *Пусть не боятся крестьяне / Проклятых цепей Колмыка, / На их стороне партизаны / Избавят всегда от врага* [2, с. 213].

Красное движение безоговорочно уверено в том, что народ нуждается в его помощи. Именно собственные установки и предпочтения и дают видеть в народе жертву, нуждающуюся в освобождении. Партизаны *счастье, свободу народу / Под знаменем красным несут* [2, с. 108]; *Пусть не боятся крестьяне / Заклятых врагов – беляков: / На страже стоят партизаны – / Всегда защитят от штыков* [2, с. 108]; *Трудовому мы народу / Жизнь свободную вернем* [2, с. 211]. Народ – слаб и беззащитен: он *гоним властью, его грабят* [9, с. 64], а за грехи отцов – представителей белого движения – перед народом ответят их сыновья [13, с. 85].

При этом жертву приносит не красное движение в целом, а его конкретный представитель. Только так осознается ценность жертвы. Жизнь каждого отдельного бойца должна быть положена на алтарь освобождения. Воспевается самопожертвование: *Умираю я / За народ родной / От руки врага / Кровожадного* [2, с. 59]. При этом реакция народа на подобную жертву остается за рамками повествования.

В текстах очевидной становится попытка разбудить народ, активизировать его. Спасатель ожидает положительной реакции на свои действия и призывы: *Вставай, рабочий-великан, / Пожар восстанья раздувай* [2, с. 38]. Далее в этом тексте описывается слияние жертвы и спасателя в единый организм. Существующий мир обесценивается, его необходимо уничтожить, а затем построить новый, соответствующий ценностям красного движения:

*Мы шар земной перевернем,
И на развалинах чертога
Построим мы свой новый дом* [2, с. 38].

Ценность свободы, изменения мира зиждется не на истинности убеждений, которые необходимо отстаивать до конца, даже до конца собственной жизни (что характерно для традиционного мировоззрения), а на количественном превосходстве:

*Весь старый мир в огне спалим,
Поднимем мы высоко знамя,
Мы все умрем иль победим.
Мы победим: нас очень много <...>* [2, с. 38].

И так проявляется истинная ценность народа: он становится объектом для освобождения. Так происходит подмена смыслов, сродни омонимии в языке: народ в традиционном фольклоре как единая нация в песенном фольклоре периода Гражданской войны подменяется народом как группой – представителями низших социальных слоев. Впрочем, группа жертвы, народа, расширяется в другом направлении. Происходит включение в группу своих тех, кто в традиционном фольклоре входил в группу чужих, других: *Кровной спаянные спайкой / Со всемирной голытьбой, / За нее мы с вражеской шайкой / Поведем последний бой* [2, с. 69]; *Тогда заблещет свет свободы, / <...> / Соются в братстве все народы / В одну семью, в один народ* [2, с. 39].

О ценностях, присущих самой группе, заявляется крайне редко. Они представляют собой сочетание ценностей материальных и духовных. Так, ценностью группы, а не отдельной семьи, обозначается место проживания или локальная территория проживания: дом, населенный пункт. В этом случае об утрате больших территорий не говорится. Если для классического фольклора характерно стабильное "разграничение своей и чужой территорий" [6, с. 20], то в песнях периода Гражданской войны отражается реальная ситуация перехода населенных пунктов

из одних рук в другие и обратно. Показательно, что в текстах упоминается как о сжигании дома врагами (*Как лихие супостаты / Наши села жгли [Тропами таежными, с. 65]; Огонь пожрал наше селенье, / И все живое замерло [2, с. 242]*), так и о возвращении дома (*А Семенова с японцами разобьем, / Свои хаты скоро мы вернем [2, с. 77]*).

При анализе песенного фольклора периода Гражданской войны было обнаружено, что комплекс системы духовных ценностей персонажей, по сути, возникает в результате сложения компонентов системы, каждый из которых значим для одной из четырех выявленных групп персонажей. При этом становится очевидной незыблемость, устойчивость ценностей и способность ценностей всех групп образовывать единый комплекс, в котором ценности той или иной группы не противоречат друг другу, но при этом ценности одной группы могут не являться актуальными для другой группы.

Проанализированный материал позволяет выявить законы функционирования духовных ценностей в народном сознании: уничтожение духовных ценностей связано с уничтожением их носителей, красное движение оценивается только как защитники ценностей, чтобы отстоять свои духовные ценности, необходимо уничтожить чужие. Духовные ценности актуализируются в процессе лишения. Ценности группы важнее семьи как ценности и ценностей семьи. Духовные ценности достигаются или возвращаются борьбой и победой. Другого варианта традиционное сознание не знает.

Духовные ценности существуют в связке с другими не менее значимыми явлениями, такими как чувство долга, жертвенность, сохранение этноса, идентификации. Духовные ценности имеют и общественную, и личную направленность: они ценны для конкретного человека как представителя группы и направлены на сохранение конкретной группы (семьи, крестьянства, народа).

Встраиваемые в систему народных духовных ценностей, духовные ценности представителей красного движения являют образец эволюции, развития традиционной системы. Опираясь на фундамент традиционных понятий, они частично подменяют их содержание, что, однако, не вызывает отторжения в народном сознании. При этом проанализированный материал показал стабильную устойчивость духовных ценностей в период активного беженства: в песнях периода Гражданской войны не было выявлено влияния духовных ценностей беженцев как группы, не выявлено и влияния этого явления на сюжетно-образный и мотивный фонды. Сосредоточив внимание на противостоянии красных и белых, песенный фольклор не считал значимым выделять в числе первых или в числе вторых беженцев, однако акцент на персонажах-поселенцах периодически в текстах возникает. Таким образом, обнаруживается незначимость проблемы беженства как части миграционного процесса периода Гражданской войны для народного сознания.

Литература

1. Бычков Д.М. Судьба праведника в зеркале революции: опыт репрезентации пореволюционного бытия в современной русской драматургии // 1917 год в судьбах народов России: сб. мат. Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. уч. / отв. ред. Фролова И.В. Уфа: Изд-во: Башкирский государственный университет, 2017. С. 180–185.
2. Героическая поэзия гражданской войны в Сибири / сост. Л. Е. Элиасов. Новосибирск: Наука, 1982. 337 с.
3. Даль В.И. Сирота // В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1999. Т. 4. С. 188.
4. Дябкин И.А. Фольклорный образ героев Гражданской войны как источник литературной мифологизации (на материале дальневосточного фольклора 20–30-х гг. XX в.) // Посевские чтения-2011: мат-лы регион. научно-практ. конф. / под ред. А.В. Урманова. Благовещенск: БГПУ, 2011. С. 189–200.
5. Игумнов А.Г. Мимесис песен Гражданской войны на фоне предшествующей традиции // Мир Центральной Азии: мат-лы междунар. науч. конф. / отв. ред. Б.В. Базаров. Т. IV. Ч. 2. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. С. 69–72.
6. Киселева М.С. Языческие и христианские представления о земле в фольклоре и древнерусской литературе: автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук по специальности 10.01.09 – фольклористика. Улан-Удэ, 2012. 26 с.
7. Орлянский Е.А. Влияние белогвардейской песенной культуры на идейных противников // "Эхо рус-

- ского народа": отражение истории России XX века в поэтическом и песенном творчестве: материалы IV Междунар. молодёж. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.В. Гермизеева. Омск: ОмГТУ, 2017. С. 108–111.
8. Рынков В.М. "Сибирский бег" в годы Гражданской войны (1918–1922 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия "История" 2014. Т. 9. С. 101–115.
9. Тропами таежными. Песни и частушки гражданской войны на Дальнем Востоке / вступ. ст., подгот. текста и примечания С.И. Красноштанова. Хабаровск: Кн. изд-во, 1969. 160 с.
10. Фетисова Л.Е. Фольклорная культура юга Дальнего Востока СССР 1920–1930-х гг.: традиции и новации // Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи: сб. науч. ст. / отв. ред. Е.Н. Чернолуцкая. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. С. 247–255.
11. Фольклор Дальнеречья / сост. Л.М. Свиридова. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1986. 288 с.
12. Фольклор казаков Сибири / сост. Л.Е. Элиасов, И.З. Ярневский. Улан-Удэ: Типография Управления по печати при Совете Министров БурАССР, 1969. 364 с.
13. Элиасов Л.Е. Народная революционная поэзия Восточной Сибири эпохи Гражданской войны. Улан-Удэ: Бурят-монгольское книжное издательство, 1957. 278 с.

References

1. Bychkov D.M. The fate of the righteous in the mirror of the revolution: the experience of representing post-revolutionary life in modern Russian drama // 1917 in the fate of the peoples of Russia: collection of articles. mat. All-Russian scientific-practical. conf. with international participation / resp. ed. Frolova I.V. Ufa: Publishing House: Bashkir State University, 2017. P. 180–185. (In Russ.).
2. Heroic poetry of the civil war in Siberia / comp. L. E. Eliasov. Novosibirsk: Nauka, 1982. 337 p. (In Russ.).
3. Dal V.I. Orphan // V.I. Dal. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes. M.: Rus. yaz., 1999. T. 4. S. 188. (In Russ.).
4. Dyabkin I.A. Folklore Image of the Heroes of the Civil War as a Source of Literary Mythologization (Based on the Far Eastern Folklore of the 1920s–30s) // Losevsky Readings-2011: Materials of the Region. scientific and practical. conf. / ed. A.V. Urmanov. Blagoveshchensk: BSPU, 2011. P. 189–200. (In Russ.).
5. Igmunov A.G. Mimesis of the songs of the Civil War against the background of the previous tradition // World of Central Asia: materials of the Intern. scientific conf. / resp. ed. B.V. Bazarov. T. IV. Part 2. Ulan-Ude: BNTs SB RAS, 2002. P. 69–72. (In Russ.).
6. Kiseleva M.S. Pagan and Christian ideas about the earth in folklore and ancient Russian literature: abstract of the dissertation for the degree of cand. philol. sciences, specialty 10.01.09 – folklore. Ulan-Ude, 2012. 26 p. (In Russ.).
7. Orlyansky E.A. The influence of the White Guard song culture on ideological opponents // "Echo of the Russian people": reflection of the history of Russia in the twentieth century in poetic and song creativity: materials of the IV Intern. youth. scientific-practical. conf. / resp. ed. V.V. Germizeev. Омск: ОмГТУ, 2017. P. 108–111. (In Russ.).
8. Rynkov V.M. "Siberian Run" during the Civil War (1918–1922) // Bulletin of the Irkutsk State University. Series "History". 2014. V. 9. S. 101–115. (In Russ.).
9. Taiga paths. Songs and ditties of the civil war in the Far East / entry. Art., prepared. text and notes by S.I. Krasnoshtanov. Khabarovsk: Book. publishing house, 1969. 160 p. (In Russ.).
10. Fetisova L.E. Folklore culture of the south of the Far East of the USSR in the 1920s–1930s: traditions and innovations // Soviet Far East in the Stalin and post-Stalin eras: coll. scientific Art. / resp. ed. E.N. Chernolutsкая. Vladivostok: IIAE FEB RAN, 2014. P. 247–255. (In Russ.).
11. Folklore of the Far River / comp. L.M. Sviridov. Vladivostok: FEGU Publ., 1986. 288 p. (In Russ.).
12. Folklore of the Cossacks of Siberia / comp. L.E. Eliasov, I.Z. Yarnevsky. Ulan-Ude: Printing house of the Press Department under the Council of Ministers of the BurASSR, 1969. 364 p. (In Russ.).
13. Eliasov L.E. Folk revolutionary poetry of Eastern Siberia in the era of the Civil War. Ulan-Ude: Buryat-Mongolian book publishing house, 1957. 278 p. (In Russ.).

Татьяна Владимировна КРАЮШКИНА, д-р. филол. наук, главный научный сотрудник центра истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: kvtpb@yandex.ru

Tatyana V. KRAYUSHKINA, Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher, Center for the History of Culture and Intercultural Communications, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: kvtpb@yandex.ru

Поступила в редакцию
(Received) 21.09.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 11.02.2023

Принята к публикации
(Accepted) 07.03.2023

Научная статья
УДК 372.882
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/84-92>

Роль *манга* "Проза бродячих псов" в контексте интродукции образов представителей современной японской литературы

Ксения Геннадьевна САНИНА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, sanina.kg@dvfu.ru

Полина Андреевна РАДЧЕНКО

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, radchenko.pa@students.dvfu.ru

Аннотация. В статье представлен анализ особенностей интродукции образов представителей японской литературы в *манга* "Проза бродячих псов" и их роль в формировании интереса к японской литературе. В исследовании применялись теоретические методы исследования – анализ специализированной литературы, связанной с темой статьи и посвященной смежным проблемам истории, социологии, культурологии и филологии. Основными результатами исследования можно считать определение и описание взаимосвязи между интродукцией художественных образов японских литераторов в *манга* и последующим возникновением интереса к их реальным прототипам и японской литературе.

Ключевые слова: японская литература, *манга*, "Проза бродячих псов", интродукция образов

Для цитирования: Санина К.Г., Радченко П.А. Роль *манга* "Проза бродячих псов" в контексте интродукции образов представителей современной японской литературы // Известия Восточного института. 2023. № 1. С. 84–92. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/84-92>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/84-92>

The Role of "Bungou Stray Dogs" *Manga* in Context of the Modern Japanese Literature Representatives Introduction

Ksenia G. SANINA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, sanina.kg@dvfu.ru

Polina A. RADCHENKO

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, radchenko.pa@students.dvfu.ru

Abstract. The study sought to define and analyze the peculiarities of Modern Japanese literature representative authors images' introduction in *manga* "Bungou Stray Dogs" by Asagiri Kafka and the role of that images in further development of interest in Japanese culture and literature. The purpose of the study was to describe typical images of Japanese literature authors represented in the *manga* and to determine their educational impact. Theoretical methods of research included analysis of the historical, sociological, culturological and philological literature on the subject. The results show that a certain connection can be established between introduction of Japanese literature authors images in "Bungou Stray Dogs" and further development of interest in their prototypes and Japanese literature history.

Keywords: Japanese literature, *manga*, «Bungou Stray Dogs», image introduction

For citation: Sanina K.G., Radchenko P.A. The Role of "Bungou Stray Dogs" *Manga* in Context of the Modern Japanese Literature Representatives Introduction // Oriental Institute Journal. 2023. № 1. P. 84–92. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/84-92>

Популярные комиксы *манга* существуют в Японии с XVIII–XIX вв., хотя некоторые исследователи, как например Е. Е. Богацкий, относят их зарождение к XII–XIII вв. [3, с. 189]. Первым журналом *манга*, считается "Эсимбун Ниппонти", издававшийся с 1874 г., однако сам термин *манга* впервые появился в 1798 г. в иллюстрированной книге писателя и художника Санто Кёдэн (1761–1816) "Смена четырех сезонов" (Сидзи-но юкикай). Первая *манга*, ставшая прообразом современных произведений подобного направления, появилась в 1814 г. – это была "Манга Хокусая" (Хокусай манга), автором которой стал знаменитый художник Кацусика Хокусай (1760–1849) [28, с. 141]. Однако истинный расцвет *манга* в том виде, в котором она существует на данный момент, начался после окончания Второй мировой во-

йны, в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Большинство исследователей сходятся во мнении о том, что особую роль в развитии современной *манга* сыграл художник-*мангака* и режиссер *аниме* Тэдзука Осаму (1928–1989), который после длительной стажировки на студии Уолта Диснея в США заложил основы развития современной *манга*, создав уникальный художественный стиль на основе синтеза традиционной японской *манга* и американских комиксов [9, с. 115; 10, с. 176].

История генезиса и развития современных японских комиксов достаточно подробно изучалась такими исследователями, как Ф. Л. Шодт [31; 32], рассмотревший в своих фундаментальных трудах истоки становления современной *манга* и проанализировавший роль наиболее известных японских художников-*мангака* XX в. в её триумфальном успехе; Ш. Кинселла, изучавшая *манга* с точки зрения её взаимосвязи с японской культурой и политикой во второй половине XX в. [29]; А. Керн, исследовавший историю зарождения и развития одного из прототипов современной *манга* – средневекового литературного жанра *кибёси* [28]. Среди российских ученых, внесших особый вклад в изучение различных аспектов, связанных с *манга*, необходимо отметить Е. Л. Катасонову, освещавшую вопрос об истории развития современной *манга* и истоках её широкой популярности [12]; В. Ю. Леонова [16], подробно рассматривавшего проблемы развития *манга* и *аниме* в художественной культуре Японии XX–XXI вв.; Н. В. Самутину [23], Ю. А. Магера [17] и Е. С. Воробьеву [5], занимавшихся изучением вопросов истории и специфики развития субкультур *манга* и *аниме* в России.

Несмотря на свою несомненную популярность среди читателей во всем мире, *манга* зачастую воспринималась как нечто несерьезное даже в Японии – в 2003 г. К. Аллен и Дж. Ингалсруда утверждали, что "эти тексты не используются на занятиях в школах, поскольку большинство родителей и учителей считают, что это слишком легкое чтение, и *манга* может оказать неблагоприятный эффект на учащихся" [25, с. 674]. Тем не менее с течением времени именно *манга* стала одним из основных продуктов современной японской поп-культуры, которая продвигалась на западные рынки сбыта в рамках официально провозглашенной в Японии идеологии Cool Japan [23, с. 308], что говорит о восприятии её правительством страны как явления, наиболее адекватно и полно символизирующего современную японскую культуру и достойного представлять Японию на мировой арене.

Своеобразной проблемой среди исследователей долгое время считалось определение принадлежности *манга* к сфере либо литературы, либо изобразительного искусства, вызванное её гибридным характером – *манга* представляет собой одновременно и форму литературы (графические новеллы, комиксы), и изобразительного искусства. Например, В. Ю. Леонов рассматривает *манга* в основном с точки зрения искусствоведения [16]. Тем не менее в последнее время увеличивается количество научных трудов, в которых *манга* рассматривается именно с филологической точки зрения. Например, С. Б. Бхат и М. Э. Рябова изучают *манга* как "особый вид медиатекста, интегрирующий лексические и визуальные компоненты" [4, с. 14]. С. И. Петрова и З. Б. Степанова указывают на то, что японские комиксы *манга* являются новым жанром в современной литературе, и относят *манга* к креолизованным текстам, в которых "вербальный и изобразительный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, обеспечивающее его комплексное прагматичное воздействие на адресата с точки зрения категории информативности и распределения информации между вербальным и иконическим компонентами креализованного текста" [19, с. 47].

Познавательная, образовательная роль *манга* рассматривается весьма широко и отечественными, и западными, и японскими исследователями особенно в отношении изучения японского языка. Эффективность использования *манга* при изучении японского языка достаточно подробно обоснована Е. С. Авдеевой [1], А. И. Мусаевой [18], А. С. Лебединовой [14]. А. Шварц и Е. Рубинштейн-Авила рассматривают вопросы о популярности *манга* в США, её истории, своеобразии жанров и уместности её применения в процессе обучения [33]. Также необходимо отметить,

что образовательная роль графических нарративов (комиксов) проявляется даже в таких сферах, как медицина [26] и физика [21].

Существует отдельный, очень востребованный и популярный жанр "образовательной манга" – *гакусю манга*, посвященный рассмотрению вопросов истории, культуры, экономики и пр. с помощью художественных средств *манга*. По утверждению С. Мураками и М. Брайс, *гакусю манга* – это "манга, которая информирует читателя о ценной, реальной информации, в то же время развлекая его занимательными историями и персонажами" [30, с. 47]. Изначально целевой аудиторией *гакусю манга* были дети дошкольного и школьного возраста, однако в последние годы непрерывно растет популярность произведений этого жанра и у взрослой аудитории. Этот жанр пользуется определенной популярностью и в России – например, издательство "ДМК-Пресс" в серии "Образовательная манга" выпустило переводы нескольких десятков *гакусю манга*, посвященных разнообразным темам – от иммунологии [24] до технического английского [22].

Манга "Проза бродячих псов" (Бунго Суторей Доггусу, 2012–) не относится к жанру *гакусю манга*. Безусловно, существуют произведения в жанре образовательной *манга*, посвященные разным аспектам истории литературы Японии – например, Лебединова А. С. упоминает *гакусю манга* "Читаем древнюю литературу в манга: Повесть о Гэндзи" (Манга дэ ёму Гэндзи моногатари (Гаккэн манга Нихон но котэн) как "обучающую манга для японцев, основанную на одном из величайших произведений японской литературы "Повести о Гэндзи". В ней, помимо основ сюжета, представлены изображения, комментарии в виде небольших текстов о костюмах, устройстве императорской семьи и т. п." [14, с. 106]. Однако, невзирая на очевидный образовательный потенциал подобных *гакусю манга*, они не вызывают столь широкого отклика у читателей как "Проза бродячих псов", поскольку не отличаются столь же увлекательным сюжетом и интересными, неканоническими образами героев. Несмотря на огромный успех у читателей во всем мире в целом и в России в частности, данное произведение изучено лишь в малой степени – М. С. Давыденко изучала образы героев данной *манга*, чьими прототипами выступили русские писатели и поэты (Ф.М. Достоевский, Н.В. Гоголь и А.С. Пушкин) [6; 7; 8]. С точки зрения важности образов представителей японской литературы и познавательного потенциала при изучении истории японской литературы "Проза бродячих псов" в исследовательской литературе ранее не рассматривалась. Таким образом, на данный момент актуальным представляется изучение подобных мультимодальных художественных произведений, вызывающих несомненный отклик у читателя, в контексте закрепления и дальнейшего развития интереса к японской литературе путем интродукции образов её ведущих представителей.

По утверждению Е. С. Воробьевой, мир *манга* – "это огромная и все время расширяющаяся вселенная, и сложно структурированная в различных жанровых и тематических блоках" [5, с. 814]. Вопрос о жанровой принадлежности "Прозы бродячих псов" довольно запутан и данные весьма неоднозначны именно по этой причине, а также в связи с малой изученностью этого произведения. Многие отечественные Интернет-ресурсы, посвященные данной *манга* и в целом направлению *манга*, относят её к жанру *сэйнэн* – его целевой аудиторией являются юноши от 18 лет и старше (хотя в последние десятилетия значительно возросло количество девушек того же возраста, отдающих предпочтение этому жанру). Некоторые Интернет-ресурсы на японском языке относят "Прозу бродячих псов" к жанру *сёнэн*, изначально рассчитанному на целевую аудиторию подростков мужского пола в возрасте от 12 до 18 лет и являющимся логическим предшественником жанра *сэйнэн*. Однако официальный сайт журнала "Young Ace" [36], в котором с 2012 г. публикуется "Проза бродячих псов", и сайт издательства Кадокава [35], которому принадлежит данный журнал, как жанры "Прозы бродячих псов" указывают сверхспособности (*инорёку*), боевик (*акусён*), приключения (*адобэнтя*) историю (*рэкиси* или *дзидайгэки*) и т. д., не упоминая ни *сёнэн*, ни *сэйнэн*.

Автором идеи и литературной основы "Прозы бродячих псов" является писатель Асагири Кафа (1984–), а иллюстратором – художник-мангака Харукава Сан-

го. *Манга* выпускается с 2012 г. в журнале "Young Ace", к марту 2022 г. на японском языке опубликовано 22 тома.

Также необходимо упомянуть о том, что дословно название данной *манга* переводится на русский язык как "Бродячие псы литературы", но наиболее распространенным вариантом перевода названия и официальным названием перевода на русский язык, вышедшего в 2021 г., является "Проза бродячих псов" [13], хотя некоторые исследователи используют вариант "Великий из бродячих псов" [6; 7; 8].

"Проза бродячих псов" является уникальным художественным произведением как само по себе, так и в контексте познавательной, образовательной роли при знакомстве с историей японской литературы, поскольку главными героями здесь выступают известнейшие японские писатели XIX–XX вв. Необходимо отметить, что в качестве героев в *манга* также задействованы представители зарубежной и, в частности, русской литературы – Агата Кристи, Эдгар Аллан По, Фёдор Достоевский, Иван Гончаров, Александр Пушкин, Николай Гоголь, Марк Твен, Фрэнсис Скотт Фитджеральд и др. Однако их роль по сравнению с японскими писателями и поэтами скорее второстепенна в плане изучения истории литературы для российской молодежи, поскольку в большинстве своем к моменту знакомства с "Прозой бродячих псов" молодые люди уже знают большинство представленных в данной *манга* западных и российских писателей и поэтов по школьной программе.

С представителями японской литературы ситуация совершенно противоположная – хотя японская литература пользуется в России довольно большой популярностью, в основном современная молодежь знакома с произведениями новейшей японской литературы (*гэндай бунгаку*), а героями "Прозы бродячих псов" являются представители современной японской литературы (*киндай бунгаку*). На данный момент популярность и в России, и во всем мире Мураками Харуки – одного из наиболее известных представителей *гэндай бунгаку* – значительно превосходит известность выдающихся представителей *киндай бунгаку* – Акутагава Рюноске, Дадзай Осаму, Хигути Итиё и др. С. А. Боева склонна усматривать причины столь широкой популярности Мураками в его открытости другим культурам и в том, что писатель по сути является представителем и посредником межкультурного диалога "Восток – Запад" [2, с. 5]. Зачастую современная *манга* в целом и "Проза бродячих псов" в частности также являются такими посредниками в кросскультурном диалоге – для японских читателей она в большей степени открывает мир зарубежной литературы, а для зарубежных читателей – мир японской литературы.

На примере студентов-японоведов Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток), изучающих дисциплину "История литературы Японии", совершенно определенно можно заметить, что в подавляющем большинстве они хорошо знакомы с "Прозой бродячих псов". Более того, по утверждению многих из них, именно это произведение и его герои послужили стимулом для изучения японского языка, пробудили интерес к японской литературе и подтолкнули к выбору японоведения как профиля обучения. Этот интерес студентов к данной *манга* стал причиной для использования текстовых и визуальных отсылок к "Прозе бродячих псов" в курсе лекций по дисциплине "История литературы Японии", читаемом на кафедре японоведения Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета в 2020–2022 гг. При использовании знакомых студентам по *манга* образов в качестве иллюстраций для лекционного материала в рамках презентаций Microsoft PowerPoint очевидным образом возрастает степень восприятия и усвоения лекционного материала, растет интерес студентов к данной дисциплине.

Действие "Прозы бродячих псов" разворачивается в г. Йокогама – одном из крупнейших портовых городов Японии. Сюжет построен на повествовании о приключениях представителей нескольких организаций, основными из которых являются Вооруженное детективное агентство (Бусотантэйся), Портовая мафия (Пото мафия), Гильдия (Гирудо) и Крысы мертвого дома (Си-но из-но нэдзуми).

Первые две состоят исключительно из членов, носящих имена японских писателей и поэтов, в две последние входят в основном герои, чьими прототипами являются представители западной литературы.

По мнению автора *манга* Асагири Кафка, "герои "Бродячих псов литературы" имеют очень мало общего со своими прототипами, а некоторые сюжетные моменты кардинально отличаются от биографий реальных литераторов (к примеру, на самом деле это Дадзай Осаму всегда восхищался Акутагава Рюноскэ). Поэтому я не возражаю, если вы воспринимаете их как самостоятельных персонажей вне исторического контекста. Но мне кажется, истинный вклад настоящих писателей – это те искорки, которые они передают будущим поколениям (подчас это может быть единственная фраза во всём произведении или запечатлевшая какой-то особый момент фотография). Без них их творения никогда бы не заслужили почётногo звания "классической литературы" [34, с. 242]. Реальные локация и имена героев могут внушить обманчивое впечатление о реалистичном характере повествования, но основной характерной чертой художественного метода Асагири является то, что он использует черты реального мира для построения фантастической вселенной "Прозы бродячих псов".

Г. В. Попова утверждает, что "оппозиционность фантастики во многом кажущаяся, вызванная причинами идеологическими", и "миры в целом и образы в частности фантастические или реалистические создаются автором по одним и тем же законам" [20, с. 59]. Это подтверждает представленная А. М. Левидовым в виде критериев универсальная структура художественного образа – ученый особенно выделяет "критерий единичного", который позволяет читателю воспринимать определенный художественный образ как "живое лицо, со всеми его индивидуальными отличиями, признаками, приметам (вплоть до интонаций голоса, своеобразия черт лица, деталей туалета и т. д.)" [15, с. 209]. В случае с героями "Прозы бродячих псов" уже сами их имена на этапе интродукции образов позволяют читателю отождествлять их с реально существовавшими личностями – писателями и поэтами. Тем не менее герои *манга* зачастую, казалось бы, не имеют никакого сходства со своими прототипами – например, одна из глав Портовой мафии, Одзак Коё, в "Прозе бродячих псов" женский персонаж, хотя в реальности Одзак Коё (1867–1903) – мужчина, известный японский писатель, лидер литературного объединения "Друзья тушечницы" (Кэнъюся).

Примерно так же автором *манга* обыгрывается образ Идзуми Кёка – сотрудницы Вооруженного детективного агентства и бывшей убийцы из Портовой мафии. В "Прозе бродячих псов" – это девочка-подросток, в реальности Идзуми Кёка (1873–1939) – мужчина, японский писатель, драматург и поэт. Несмотря на столь разительный контраст художественных образов с прототипами, сверхъестественные способности, которыми наделены Одзак Коё и Идзуми Кёка носят названия, перекликающиеся с художественными произведениями этих писателей – сверхспособность Коё называется "Золотой демон" по названию романа Одзак Коё "Золотой демон" (Кондзика яся, 1897); название сверхспособности Идзуми Кёка – "Снежный демон" (Яся сираюки) представляет собой комбинацию из части названия пьесы реального Идзуми Кёка "Ясягаикэ" (1913) и имени героини этой пьесы – принцессы Сираюки.

Также необходимо отметить, что в реальной жизни Идзуми Кёка являлся преданным и благодарным учеником Одзак Коё. В "Прозе бродячих псов" Коё также является наставницей Кёка, хотя отношения их довольно противоречивы, Коё защищает Кёка, возможно видя в ней себя в юности. Такие приемы переплетения исторических фактов и вымысла при построении художественного образа позволяют читателю, незнакомому с историей японской литературы, глубже заинтересоваться не только образом героини *манга*, но и творчеством их прототипов, проследив их взаимосвязь, обнаружив сходства и различия между художественным образом и реальной творческой личностью.

Образы Одзак Коё и Идзуми Кёка являются скорее исключением, чем правилом в контексте гендерной метаморфозы – в основном герои "Прозы бродячих

псов" относятся к тому же полу, что и их прототипы, но, тем не менее, их также отличает наличие сверхспособностей, каким-либо образом связанных с творчеством японских писателей и поэтов, чьи имена они носят. Например, главный герой "Прозы бродячих псов" Накадзима Ацуси обладает сверхспособностью "Тигр лунного света" (Гэккадзю), название которой обыгрывает заглавие и сюжет рассказа прототипа главного героя *манга* – японского писателя Накадзима Ацуси (1909–1942) – "Луна над горой" (Сангэцуки, 1942), повествующего об амбициозном молодом поэте, превратившемся в тигра. Сверхспособность лидера Портовой мафии Мори Огай называется "Вита сексуалис" в честь одноименного романа прототипа этого героя – знаменитого японского писателя, литературного критика, переводчика Мори Огай (1862–1922).

Совпадения между прототипами и героями "Прозы бродячих псов" просматриваются не только в названиях сверхспособностей. Создавая образы некоторых персонажей, автор использует детали из реальных биографий писателей и поэтов – у многих героев даты рождения совпадают с днями рождения прототипов. Мори Огай из "Прозы бродячих псов" по его утверждению в прошлом был врачом, в то время как его прототип действительно был военным врачом. Подобных параллелей прослеживается достаточно много, так как в "Прозе бродячих псов" более пятидесяти основных героев, и для большинства из них прототипами стали представители современной японской литературы, что открывает широкие возможности для потенциального знакомства с ней читателей *манга*. Можно сказать, что продукт поп-культуры, "низкая" литература (*манга*) служит в данном случае своеобразным медиумом для апперцепции литературы "высокой" (современная японская литература).

По мнению П. Казанова, Япония принадлежит к числу литературных наций, наиболее замкнутых на самих себе, в связи с чем она "очень долго не появлялась в международном пространстве, создав мощную литературную традицию... Этот культурный фонд остается неосвоенным для некоренных жителей, трудно поддается вызову и малопонятен за пределами страны" [11, с. 123–124]. При всей возможной предвзятости отношения к *манга* как к "низкой" литературе, произведения подобные "Прозе бродячих псов" способны сломать этот барьер замкнутого культурного контекста, присущий японской литературе, за счет ознакомления широкого круга читателей с её представителями пусть и в видоизмененных образах.

Г. Ито полагает, что в Японии "манга – это первая форма репрезентации героев, с которой сталкиваются дети" [27, с. 78]. Для многих увлеченных японской культурой людей за рубежом Японии, в частности в России, *манга* "Проза бродячих псов", вне всякого сомнения, является первой формой репрезентации героев, чьи образы неразрывно связаны с историей японской литературы. Эти образы побуждают читателей интересоваться их реальными прототипами, что в дальнейшем приводит к более глубокому знакомству с литературой Японии. Вопреки возможному неприятию *манга* как "низкого" культурного объекта [23, с. 311], "Проза бродячих псов" обладает огромным познавательным потенциалом в контексте изучения истории японской литературы и знакомства с творчеством её ведущих представителей.

Таким образом, несмотря на то что зачастую жанр *манга* принято упрекать в определенной поверхностности и несерьезности, на примере "Прозы бродячих псов" очевидно, что подобная оценка не объективна. Данное произведение способствует знакомству читателя не только с самой *манга*, но и с гораздо более широким пластом истории японской литературы, воплощенной в образах главных героев "Прозы бродячих псов" – альтер эго знаменитых японских писателей и поэтов. Использование этих образов в частности и самого произведения в целом в рамках учебных дисциплин, посвященных изучению истории японской литературы (например, в качестве наглядного материала при оформлении презентаций

для курса лекций), стимулирует укрепление интереса обучающихся к предмету, усиливает мотивацию для дальнейшего его освоения.

Литература

1. Авдеева Е.С. Манга на уроках японского языка // Иностранные языки в школе. 2006. № 7. С. 38–42.
2. Боева С.А. Харуки Мураками как мастер межкультурной коммуникации // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 6 (88). С. 4–9.
3. Богацкий Е.Е. Манга – сегмент современной массовой японской культуры // Вестник МГУП им. Ивана Федорова. 2013. № 7. С. 188–194.
4. Бхат С.Б. Манга, или японский визуальный язык, как способ коммуникации / С. Б. Бхат, М. Э. Рябова. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 36. С. 13–21. <https://doi.org/10.17223/22220836/36/2>
5. Воробьева Е.С. Генезис субкультуры аниме в Японии, странах запада, ее становление в России // Миссия конфессий. 2020. № 7 (48). С. 813–817.
6. Давыденко М.С. Рецепция персонажа Александр Пушкин в манге "Великий из бродячих псов" // Студент и наука (Гуманитарный цикл). Материалы международной студенческой научно-практической конференции, Магнитогорск, 16–20 марта 2020 года. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2020. С. 1217–1222.
7. Давыденко М.С. Способы создания персонажа Николай Гоголь в манге "Великий из бродячих псов" // Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха. Сборник материалов V международной молодежной научно-практической конференции, Магнитогорск, 16–17 октября 2019 года. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2019. С. 274–279.
8. Давыденко М.С. Способы создания персонажа Федор Достоевский в манге "Великий из Бродячих псов" // Студент и наука (Гуманитарный цикл). Материалы международной студенческой научно-практической конференции, Магнитогорск, 21–22 марта 2019 года. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2019. С. 625–629.
9. Денисова А. И. Манга и аниме, вклад в культуру и искусство // Аналитика культурологии. 2013. № 2 (26). С. 114–116.
10. Душенко К. В. Елена Л. Катасонова Манга или комикс по-японски // Культурология. 2014. № 2 (69). С. 175–181.
11. Казанова П. Мировая республика литературы. – М.: Издательство Сабашниковых, 2003. 416 с.
12. Катасонова Е. Л. Японская комикс-культура: На пути к покорению мира // Япония, открытая миру. М.: АИРО–XXI, 2007. С. 283–304.
13. Кафка А. Проза бродячих псов. Т. 1. / А. Кафка, Х. Санго. М.: XL Media, 2021. 402 с.
14. Лебединова А. С. Отбор аниме и манга как компонент педагогической технологии по формированию иноязычной коммуникативной компетенции на японском языке // Преподаватель XXI век. 2021. № 3 (1). С. 100–112. <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2021-3-100-112>
15. Левидов А. М. Автор, образ, читатель. Л.: Издательство ЛГУ, 1983. 352 с.
16. Леонов В. Ю. Манга, аниме и традиционное искусство Японии: преемственность и параллели // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2012. № 4. С. 183–194.
17. Магера Ю. А. История появления первых японских комиксов на русском языке // Японские исследования. 2018. № 4. С. 6–23. <https://doi.org/10.24411/2500-2872-2018-10025>
18. Мусаева А. И. Использование манги при обучении японскому языку // Студенческий вестник. 2020. №13 (111). С. 57–58.
19. Петрова С. И. Японский комикс как тип текста (категория информативности) / С. И. Петрова, З. Б. Степанова. // Вестник Якутского государственного университета. 2005. № 4. Т. 2. С. 47–51.
20. Попова Г. В. Фантастический мир и граница реальности // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2008. № 1 (5). С. 59–61.
21. Пустынникова И. Н. Активизация познавательной деятельности учащихся / И. Н. Пустынникова, В. С. Юдина, Н. В. Клыкова. // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2016. № 5 (62). С. 58–62.
22. Сакамото М. Технический английский. М.: ДМК-Пресс, 2020. 234 с.
23. Самутина Н. В. Японские комиксы манга в России: введение в проблематику чтения // Новое литературное обозрение. 2019. № 160 (6/2019). С. 307–321.
24. Сиодзаки С. Иммунология. М.: ДМК-Пресс, 2019. 272 с.
25. Allen K. Manga Literacy: Popular Culture and the Reading Habits of Japanese College Students / K. Allen, J. Ingulsrud // Journal of Adolescent & Adult Literacy. Vol. 46. No. 8. 2003. P. 674–683.
26. Green M. J. Comics and Medicine // Academic Medicine. 2015. Vol. 90. Issue 6. P. 774–779. <https://doi.org/10.1097/ACM.0000000000000703>

27. Ito G. Tezuka Is Dead: Manga in Transformation and Its Dysfunctional Discourse // *Mechademia*. 2011. Vol. 6. P. 69–82. <https://doi.org/10.2307/41511572>
28. Kern A. L. *Manga from the Floating World: Comicbook Culture and the Kibyoshi of Edo Japan*. Harvard University Asia Center, 2006. 606 p.
29. Kinsella S. *Adult Manga: Culture and Power in Contemporary Japanese Society*. London and New York: Routledge, 2013. 244 p.
30. Murakami S. Manga as an Educational Medium / S. Murakami, M. Bryce // *International Journal of the Humanities*. 2009. № 7 (10). P. 47–55. <https://doi.org/10.18848/1447-9508/CGP/v07i10/42761>
31. Schodt F. L. *Dreamland Japan: Writings on Manga*. Berkley, CA: Stone Bridge Press, 1996. 360 p.
32. Schodt F. L. *Manga! Manga!: World of Japanese Comics Books*. Tokyo: Kodansha International, 1983. 260 p.
33. Shwartz A. Understanding the Manga Hype: Uncovering the Multimodality of Comic-book Literacies / A. Shwartz, E. Rubinstein-Avila // *Journal of Adolescent & Adult Literacy*. 2006. Vol. 50. No. 1. P. 40–49. <https://doi.org/10.1598/JAAL.50.1.5>
34. 朝霧カフカ. 文豪ストレイドッグス. 太宰治と黒の時代. 東京、角川ビーンズ文庫. 2014. 251 c. = Асагири Кафка. Проза бродячих псов. Дадзай Осаму и темные времена. Токио: Кадокава биндзу бунко, 2014. 251 c.
35. promo.kadokawa.co.jp : сайт. Токио, 2020–2022. URL: <https://promo.kadokawa.co.jp/bungo/about/> (дата обращения: 17.04.2022).
36. web-ace.jp : сайт. Токио, 2022. URL: <https://web-ace.jp/youngace/contents/39/> (дата обращения: 17.04.2022).

References

1. Avdeeva E.S. Manga in Japanese lessons // *Foreign languages at school*. 2006. No. 7. P. 38–42. (In Russ.)
2. Boeva S.A. Haruki Murakami as a master of intercultural communication // *Bulletin of the Orenburg State University*. 2008. No. 6 (88). P. 4–9. (In Russ.)
3. Bogatsky E.E. Manga – a segment of modern mass Japanese culture // *Bulletin of MGUP named after Ivan Fedorov*. 2013. No. 7. P. 188–194. (In Russ.)
4. Bhat S.B. Manga, or Japanese visual language as a way of communication / S. B. Bhat, M. E. Ryabova // *Bulletin of the Tomsk State University. Cultural studies and art history*. 2019. No. 36. P. 13–21. <https://doi.org/10.17223/22220836/36/2> (In Russ.)
5. Vorobyeva E.S. Genesis of the anime subculture in Japan, Western countries, its formation in Russia // *Mission of confessions*. 2020. No. 7 (48). P. 813–817. (In Russ.)
6. Davydenko M.S. Reception of the character Alexander Pushkin in the manga "The Great of Stray Dogs" // *Student and Science (Humanitarian Cycle)*. Materials of the international student scientific and practical conference. Magnitogorsk, March 16–20, 2020. Magnitogorsk: Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov, 2020. P. 1217–1222. (In Russ.)
7. Davydenko M.S. Ways to create the character of Nikolai Gogol in the manga "The Great of Stray Dogs" // *World literature through the eyes of modern youth. Digital Age*. Collection of materials of the V International Youth Scientific and Practical Conference, Magnitogorsk, October 16–17, 2019. Magnitogorsk: Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov, 2019. P. 274–279. (In Russ.)
8. Davydenko M. S. Ways to create the character of Fyodor Dostoevsky in the manga "The Great of Stray Dogs" // *Student and Science (Humanitarian Cycle)*. Materials of the international student scientific and practical conference, Magnitogorsk, March 21–22, 2019. Magnitogorsk: Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov, 2019. P. 625–629. (In Russ.)
9. Denisova A.I. Manga and anime, contribution to culture and art // *Analytics of Culturology*. 2013. No. 2 (26). P. 114–116. (In Russ.)
10. Dushenko K.V., Katasonova E.L. Manga or comics in Japanese // *Culturology*. 2014. No. 2 (69). P. 175–181. (In Russ.)
11. Casanova P. *World Republic of Literature*. M.: Sabashnikov Publishing House, 2003. 416 p. (In Russ.)
12. Katasonova E.L. Japanese comics culture: On the way to conquering the world // *Japan open to the world*. M.: AIRO-XXI, 2007. P. 283–304. (In Russ.)
13. Kafka A. *Prose of stray dogs*. T. 1. / A. Kafka, H. Sango. M.: XL Media, 2021. 402 p. (In Russ.)
14. Lebedinova A.S. Selection of anime and manga as a component of pedagogical technology for the formation of foreign language communicative competence in Japanese // *Lecturer XXI century*. 2021. No. 3 (1). P. 100–112. <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2021-3-100-112> (In Russ.)
15. Levidov A.M. *Author, image, reader*. L.: Publishing house of Leningrad State University, 1983. 352 p. (In Russ.)
16. Leonov V.Yu. Manga, anime and traditional art of Japan: continuity and parallels // *Decorative art and object-spatial environment*. Vestnik MGHPA. 2012. No. 4. P. 183–194. (In Russ.)
17. Magera Yu.A. The history of the appearance of the first Japanese comics in Russian // *Japanese Studies*.

2018. No. 4. P. 6–23. <https://doi.org/10.24411/2500-2872-2018-10025> (In Russ.).

18. Musaeva A.I. The use of manga in teaching Japanese // *Student Bulletin*. 2020. No. 13 (111). P. 57–58. (In Russ.).

19. Petrova S.I. Japanese comics as a type of text (category of information content) / S. I. Petrova, Z.B. Stepanova // *Bulletin of the Yakut State University*. 2005. No. 4. V. 2. P. 47–51. (In Russ.).

20. Popova G.V. Fantastic world and the boundary of reality // *Uchenye zapiski*. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2008. No. 1 (5). P. 59–61. (In Russ.).

21. Pustynnikova I. N. Activation of cognitive activity of students / I. N. Pustynnikova, V. S. Yudina, N. V. Klykova // *Personality, family and society: issues of pedagogy and psychology*. 2016. No. 5 (62). P. 58–62. (In Russ.).

22. Sakamoto M. *Technical English*. M.: DMK-Press, 2020. 234 p. (In Russ.).

23. Samutina N.V. Japanese manga comics in Russia: an introduction to the problems of reading // *New Literary Review*. 2019. No. 160 (6/2019). P. 307–321. (In Russ.).

24. Shiozaki S. *Immunology*. M.: DMK-Press, 2019. 272 p. (In Russ.).

25. Allen K. Manga Literacy: Popular Culture and the Reading Habits of Japanese College Students / K. Allen, J. Ingulsrud // *Journal of Adolescent & Adult Literacy*. Vol. 46. No. 8. 2003. P. 674–683.

26. Green M. J. Comics and Medicine // *Academic Medicine*. 2015. Vol. 90. Issue 6. P. 774–779. <https://doi.org/10.1097/ACM.0000000000000703>

27. Ito G. Tezuka Is Dead: Manga in Transformation and Its Dysfunctional Discourse // *Mechademia*. 2011. Vol. 6. P. 69–82. <https://doi.org/10.2307/41511572>

28. Kern A.L. *Manga from the Floating World: Comicbook Culture and the Kibyoshi of Edo Japan*. Harvard University Asia Center, 2006. 606 p.

29. Kinsella S. *Adult Manga: Culture and Power in Contemporary Japanese Society*. London and New York: Routledge, 2013. 244 p.

30. Murakami S. Manga as an Educational Medium / S. Murakami, M. Bryce // *International Journal of the Humanities*. 2009. № 7 (10). P. 47–55. <https://doi.org/10.18848/1447-9508/CGP/v07i10/42761>

31. Schodt F.L. *Dreamland Japan: Writings on Manga*. Berkley, CA: Stone Bridge Press, 1996. 360 p.

32. Schodt F.L. *Manga! Manga!: World of Japanese Comics Books*. Tokyo: Kodansha International, 1983. 260 p.

33. Shwartz A. Understanding the Manga Hype: Uncovering the Multimodality of Comic-book Literacies / A. Shwartz, E. Rubinstein-Avila // *Journal of Adolescent & Adult Literacy*. 2006. Vol. 50. No. 1. P. 40–49. <https://doi.org/10.1598/JAAL.50.1.5>

34. Asagiri Kafka. *Bungo Stray Dogs*. Osamu Dazai and the Black Age. Kadokawa Beans Bunko, Tokyo. 2014. 251 p. (In Jup.).

35. [Promo.kadokawa.co.jp](https://promo.kadokawa.co.jp/): website. Tokyo. 2020–2022. URL: <https://promo.kadokawa.co.jp/bungo/about/> (accessed 17.04.2022). (In Jup.).

36. [Web-ace.jp](https://web-ace.jp/): website. Tokyo. 2022. URL: <https://web-ace.jp/youngace/contents/39/> (accessed 17.04.2022). (In Jup.).

Ксения Геннадьевна САНИНА, канд. филол. наук, доцент кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: sanina.kg@dvfu.ru

Полина Андреевна РАДЧЕНКО, студентка Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: radchenko.pa@students.dvfu.ru

Ksenia G. SANINA, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: sanina.kg@dvfu.ru

Polina A. RADCHENKO, Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: radchenko.pa@students.dvfu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 18.04.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 20.02.2023

Принята к публикации
(Accepted) 07.03.2023

Научная статья
УДК 81'22
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/93-105>

Неоднозначность как средство языковой манипуляции и расширения смысла в политике, рекламе и поэзии

Ольга Викторовна СОКОЛОВА

Институт языкознания РАН, Москва, Россия, olga.sokolova@iling-ran.ru

Аннотация. В статье исследуются семантические инновации в дискурсах активного воздействия, которые включают рекламный, политический, (авангардный) поэтический и некоторые др. дискурсы. Их сопоставление проводится на основании доминирующих коммуникативных целей, языковых функций и семантических параметров. В фокусе исследования находятся прагматические и семантические особенности неоднозначности (*ambiguity*) и неопределенности (*vagueness*), которые распространены в поэзии, рекламе и политике. Одновременная реализация максимального количества значений слова в поэтическом дискурсе направлена на смысловое расширение и множественность интерпретации, а в рекламном и политическом дискурсах является средством привлечения внимания и языковой манипуляции.

Ключевые слова: Полисемия, двусмысленность, языковые инновации, политический, рекламный и поэтический дискурсы

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

Для цитирования: Соколова О.В. Неоднозначность как средство языковой манипуляции и расширения смысла в политике, рекламе и поэзии // Известия Восточного института. 2023. № 1. С. 93–105. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/93-105>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/93-105>

Ambiguity as a means of language manipulation and meaning extension in politics, advertising and poetry

Olga V. SOKOLOVA

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, olga.sokolova@iling-ran.ru

Abstract. The article investigates semantic innovations in political, advertising and (avant-garde) poetic discourses. The comparison of discourses is based on dominant communicative goals, language functions, and semantic parameters. The research focuses on the pragmatic and semantic features of *ambiguity* and *vagueness* in poetic, advertising, and political texts. It is concluded that poetic discourse is aimed at the simultaneous realization of the maximum number of word meanings in order to achieve the semantic extension of expression. Advertising and political discourses use *ambiguity* and *vagueness* as tools of linguistic manipulation for attracting the receiver's attention.

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 19-18-00040) at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: Polysemy, ambiguity, vagueness, linguistic innovations, political, advertising and poetic discourses

For citation: Sokolova O.V. Ambiguity as a means of language manipulation and meaning extension in politics, advertising and poetry" // Oriental Institute Journal. 2023. № 1. P. 93–105. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/93-105>

Дискурсы активного воздействия

В основе предлагаемого сопоставления разных типов дискурса в аспекте лингвокреативности лежит концепция языковых функций К. Бюлера и Р. Якобсона, теория речевых актов и коммуникативных целей Дж. Остина и Дж. Серля. В статье мы рассмотрим дискурсы, которые направлены на недескриптивное использование языковых средств. С точки зрения теории языковых функций в них доминирует не "коммуникативная" (или дескриптивная, репрезентативная) функция, а "экспрессивная", или "эмотивная", функция, направленная на самовыражение

© Соколова О.В., 2023

говорящего, "апеллятивная", или "конативная", функция, ориентированная на реакцию адресата, и "поэтическая", или "эстетическая", переводящая внимание на само сообщение¹.

На основании общей интенции ряда дискурсов на вовлечение адресата в интеракцию, их можно объединить в группу "дискурсов активного воздействия". Это политический, медиа-, PR- и рекламный дискурсы, с одной стороны, и художественный, поэтический (прежде всего, авангардная литература и современная поэзия) дискурсы – с другой. Эти дискурсы обладают не только дифференциальными, но и общими типологическими и генетическими чертами. Они представляют собой "полярные" типы дискурсов, в основе которых лежат разные функции. Недескриптивное использование языковых средств в них обусловлено доминированием апеллятивной функции (в политическом, рекламном и др. дискурсах) и эстетической функции (в художественном, авангардном поэтическом и др.), что часто выражается с помощью отклонения от языковой нормы. Более того, наличие общих черт обусловлено генетической и типологической связью рекламного, агитационно-политического и авангардного поэтического дискурсов, чьи традиции языкового эксперимента развивает современный поэтический дискурс². В целом "дискурсы активного воздействия" направлены на преодоление коммуникативных помех различного характера (неприятия адресата, информационного "шума", выраженного конкурентными сообщениями и т.д.) и повышение прагматического эффекта, определяемого манипулятивным воздействием. Под манипуляцией при этом понимается разрушение алгоритмизированных моделей интерпретации сообщения адресатом и инициация когнитивной эвристической активности.

Двухэтапная модель языковой манипуляции, которая лежит в основе дискурсов активного воздействия, отличается от традиционного понимания манипуляции как пассивизации сознания, когда реципиенты выступают в роли "жертв манипуляции" (в терминологии Т. ван Дейка). На первом этапе, который характерен для всех исследуемых типов дискурса, отправитель использует языковые средства отклонения от нормы, что приводит к активизации полисемии и "деавтоматизации" восприятия (термин В.Б. Шкловского). Соответственно, вовлечение реципиента в интеракцию достигается с помощью специальных коммуникативных "помех", приводящих к нарушению условий релевантности и повышающих усилия адресата по интерпретации сообщения. На втором этапе, характерном для рекламного, медиа- и политического дискурсов, определяющим фактором становится коммуникативная стратегия "таргетирования", или целевой адресации. Эффективность ее достижения связана с удержанием внимания реципиента и максимальной доступностью содержания сообщения, т.е. вслед за "деавтоматизацией" происходит "автоматизация" восприятия. С помощью средств информационной избыточности (т.н. "ключей" для декодирования многозначного сообщения) контекстуально активизированные дополнительные значения слова нейтрализуются, что позволяет восстановить однозначность. Более того, благодаря средствам импликации базовой информации отправитель закладывает то "истинное" значение, выражение которого и было коммуникативной целью³.

Виды лингвокреативности и релевантные для анализа дискурсы

Основываясь на теории Ф. де Соссюра, повлиявшей на разграничение "языкового" и "стилевого" новаторства в работе Г.О. Винокура [3] и на оппозицию "языкового творчества" и "речевой креативности" в концепции В.З. Демьянкова [9], а также опираясь на концепцию "поэтической функции" Р. Якобсона и "четвертого"

¹ Подробный анализ языковых функций в рекламном и художественном дискурсах, а также сопоставление этих дискурсов в аспекте лингвокреативности см. в [20].

² Как известно, рекламный и агитационно-политический дискурсы сформировались в гибридных формах творчества поэтов и художников-авангардистов в 1910-20-е годы (например, в работах Ф. Т. Маринетти, Ф. Делперо, В. Маяковского, Н. Асеева, В. Каменского, А. Родченко и др.).

³ Подробнее о концепции дискурсов активного воздействия и двухэтапной модели манипуляции см. [18].

"эстетическо-эвристического" измерения поэтического языка В. П. Григорьева [4, с. 233], мы выделяем два основных вида креативности: языковую и дискурсивную.

Под **языковой креативностью** понимается создание новых, уникальных языковых единиц; активизация межуровневого взаимодействия и контекстуально обусловленных функциональных переходов (межуровневая транспозиция и "межсемиотическая" транспозиция, по Р. Якобсону), доминирование эстетической функции, актуализация полисемии, понижение релевантности текста и "деавтоматизация" сознания адресата. Под **дискурсивной креативностью** понимается обновление на уровне микроструктуры дискурса с помощью интенсификации определенных языковых приемов, апроприированных из других дискурсов; отклонение от языковой нормы, которое обусловлено коммуникативными интенциями, связанными с повышением коммуникативной эффективности сообщения и достижением основных дискурсивных целей; актуализация и снятие смысловой неопределенности с помощью специальных "ключей", т.е. заранее заданных алгоритмов, выраженных в форме маркеров информационной избыточности.

Далее мы обратимся к более подробному анализу апеллятивно-ориентированных дискурсов, к которым относятся рекламный и политический. **Рекламный дискурс** ориентирован на продвижение товаров, услуг или имиджа отдельных личностей / политических партий (коммерческая и политическая реклама) и на формирование идеологии и стереотипов общества (социальная реклама). Для рекламных текстов характерна структурно-семантическая компрессия (максимальная информационная концентрация на минимальном объеме текста), деконвенционализация на всех языковых уровнях и мультимодальность. Получателем рекламного дискурса является "целевая аудитория", т.е. выделенный с помощью техник "таргетирования" и "сегментирования" массовый адресат.

В отличие от поэтического, рекламного и других дискурсов, определение политического дискурса представляет собой объект споров. Охарактеризуем, прежде всего, понятие **политического языка**, основной чертой которого является "идеологическая полисемия", т.е. "фальшивая денотативно-коннотативная идентичность" [25, р. 90], "двусмысленность", "двойственность" или "неоднозначность" (*ambiguity, ambiguité*) [17, с. 381; 30; 8; 11; 7; 15; 12] и др. Согласно П. Бурдьё, наполненность сообщения имплицитными смыслами, которые могут носить противоположный и даже антонимичный характер, коренится в самой природе политического высказывания, "всегда двойственно детерминированного и зараженного двуличием" [2, с. 196]. Среди многочисленных определений **политического дискурса** можно выделить предложенное Т. ван Дейком понимание такого дискурса как набора "особых событий или практик, цели, задачи или функции которых <...> в первую очередь являются политическими" [27, р. 15]. В. З. Демьянков проводит параллель между политическим и военным дискурсами, отмечая, что эффективность первого определяется его соответствием "требованиям военных действий" [8, с. 41]. М. В. Ильин распространяет метафору "войны всех против всех" Т. Гоббса на понятие современной "политической борьбы", отмечая также, что от строения политического дискурса "во многом зависит и результат – те институты и слагаемая ими конституция, которые могут помочь нам вести достойную жизнь без насилия и рабства" [11, с. 7]. О. С. Иссерс подчеркивает недостаточность исследовательского обращения к прямым политическим высказываниям и значение "периферии", которая включает "разговоры о политике в неформальной сфере – от офиса до молодежного клуба или рабочей подсобки; анекдоты и реальные истории про политику и политиков в Интернете или использование политических аллюзий в выступлениях на неполитические темы" [12, с. 13].

Возможность целостного определения и исследования политического дискурса является одной из проблемных зон современной лингвистики. Так, П.Б. Паршин считает преждевременными обобщающие утверждения относительно структурных свойств политического языка и типологических черт политического дискурса, предлагая понятие "идиополитических дискурсов" как "способов говорения,

характерных для индивидуальных, коллективных или метафорических субъектов политического действия" [15]. Такое вполне правомерное понимание дискурсов как разрозненных практик стало одной из проблемных точек в современном критическом анализе дискурса. Исследователи отмечают, что даже понятие "политики Евросоюза" сегодня представляется спорным, поскольку репрезентируется с помощью медиа-каналов. По этой причине саммиты, которые имеют ключевое значение для осмысления политики ЕС, по-разному освещаются в разных странах, с точки зрения семантики, тематики (в области спорных вопросов), релевантности и аргументации (например, при распределении вины) [31, р. 260]. В связи с этим Р. Водак предлагает холистический подход, совмещающий лингвистические методы с принципами трансдисциплинарности и интердискурсивности. В качестве основной цели она обозначает критический анализ политического дискурса и их взаимодействия со СМИ, сопоставление современных социальных проблем и их исторических истоков, а в целом – исследование сложной и изменчивой ""закулисной" динамики "политики как обычно" ("politics as usual")" [38, р. 159].

Поскольку основными чертами политического языка является набор прагма-семантических средств: семантический сдвиг (активизация полисемии), имплицитная информация, воздействие на сознание адресата (а также на действительность в целом), в то время как структурные модификации в нем минимизированы, мы обратимся к такой форме политического дискурса, как **политическая реклама**. Это интердискурсивный формат, в котором основные черты рекламного дискурса, в т.ч. максимальная концентрация содержания на минимальном объеме текста, деконвенционализация и мультимодальность, совмещаются с конститутивными чертами политического дискурса. В связи с этим политическая реклама представляется более релевантной для анализа лингвокреативности.

Ниже мы обратимся к анализу основных видов рекламы, которые собраны в виде подкорпусов (общий объем корпуса: 110 000 слов): коммерческая реклама (КР); социальная реклама (СР), ориентированная на формирование общественного мнения с целью выстраивания системы общественных ценностей; политическая реклама (ПР), направленная на формирование мнения массового адресата (электората) с целью борьбы за власть; авторская и авангардная реклама (АР), выделение которой в отдельный подкорпус обусловлено, прежде всего, отличием "авангардной" рекламы от остальных рекламных текстов в аспекте лингвокреативности. Авангардная реклама характеризуется как авторская, поскольку она создана представителями раннесоветского авангарда: это поэты ЛЕФа и "производственного искусства", художники-супрематисты и конструктивисты (В. Маяковский, Н. Асеев, А. Крученых, А. Родченко, С. Телингатер, Г. Клуцис и др.).

Проблема лингвокреативности в рекламе

Обратимся к одной из ключевых проблем нашего исследования, которая связана с дифференциацией лингвокреативности в разных типах дискурса. Как мы отметили выше, поэтический дискурс, и особенно авангардно-экспериментальная литература, целью которой является обновление или создание нового художественного языка, относится к дискурсам, в которых лингвокреативность выражается в максимальной степени. Политический дискурс ориентирован на языковую манипуляцию и основным средством его реализации являются семантические модификации, а структурные представлены реже. Соответственно, политические тексты можно охарактеризовать как дискурсивно-креативные.

С точки зрения лингвокреативности, наибольший вопрос возникает в связи с рекламным дискурсом. Если следовать подходу Н. Хомского, согласно которому креативность понимается как употребление языковых выражений в обыденной коммуникации, то любое языковое изменение, любой акт речи признаются "творческими" (подробнее см. [22]). Согласно такому пониманию любое рекламное объявление (как любое обыденное высказывание) будет креативным. Тем не менее в европейской лингвистике и семиотике сложился альтернативный, критический подход (развивающий идеи В. фон Гумбольдта), согласно которому языковая креативность рекламы ставится под вопрос. С одной стороны, реклама характеризу-

ется языковой и дискурсивной "вторичностью", поскольку заимствует языковые приемы из других дискурсов-источников. С другой стороны, для привлечения внимания адресата в рекламе используются техники отклонения от языковой нормы, частотное употребление которых иногда принимается за лингвокреативность.

Показательной в этом плане является идея логофагии, или "пожирания" слов, которая выделяется в ряде определений языка рекламы. Сам термин "логофагия" вводится Г.Ч. Гусейновым с целью обозначения идеологически "заряженного" языка, который формируется в результате языкового строительства 1920-х годов в Советской России и развивается в дальнейшем. "Логофагия" имеет различные формы выражения в обыденном и политическом языке как "словесное отчуждение" от предыдущего политического режима, сопровождающееся "обменом риторическими пластами", утрата слова и "речевое изнеможение" в эмиграции, или идеологическое "двоемыслие" [5, с. 198–201]. О логофагии, распространеннейшей в 1990-е – 2000-е годы в СМИ и поп-культуре, пишет В.П. Григорьев [4, с. 653].

Обращаясь к рекламе, отметим определение У. Эко, который использовал гастрономические метафоры при описании языка рекламы как "центробежного языка, богатый лингвистическим фастфудом", "серию лингвистических и стилистических краж" и даже "языковое выживание между паразитизмом и канибализмом" (цит. по [24, р. 43]); он не дает адресатам никакой новой информации, но является "этикеткой, авторизованным призывом породить дискурс, который уже проплачен" [24, р. 51]. Идея логофагии звучит и в других определениях: "Реклама – это великая пожирательница слов" [29]. Н. Фэркло относил рекламу наряду с бюрократией к типу колонизирующего и стереотипного дискурса, говоря что язык рекламы – это "смесь", "реартикуляция", которая заимствует слова из других дискурсов [28, р. 198; 210]. Алгоритмы создания новых единиц в рекламе отличны от принципов языковой креативности: реклама не стимулирует создание новых языковых моделей, а расширяет существующие: неузуальность рекламных неологизмов несет только "дискурсивную функцию" создания "неконвенциональных ассоциаций" [37, р. 5].

Соответственно, если в случае поэтического дискурса мы можем говорить о максимальной языковой и дискурсивной креативности, то для рекламы, в т.ч. для политической рекламы, характерна креативность дискурсивная, и в редких случаях – языковая, поскольку реклама создает временный эффект деавтоматизации, который основан на использовании регулярных моделей создания неологизмов и семантических модификаций, и не всегда связан с языковым творчеством. Учитывая характерную для рекламного дискурса установку на отклонение от языковой нормы, проявляемую на разных языковых уровнях, которая связана с привлечением внимания, а не с направленностью на языковое творчество, рассмотрим подробнее семантические параметры, анализ которых позволит выявить особенности контекстуального расширения и сужения полисемии в рекламе.

Неоднозначность и неопределённость в разных дискурсах⁴

В области семантики для политики, рекламы и поэзии характерны приемы намеренной активизации и снятия многозначности, которые варьируются в зависимости от типа дискурса. Как отмечает Анна А. Зализняк, в отечественной лингвистике существует три термина для обозначения интересующего нас явления – "многозначность", "неоднозначность", "полисемия" [10, с. 18]. Под "полисемией" обычно понимают лексическую многозначность, и она характеризует чисто парадигматическое отношение, в то время как "многозначность" может быть и синтагматической, относящейся к явлениям "одновременной реализации, у той или иной языковой единицы, двух (или более) значений". "Под неоднозначностью языкового выражения или речевого произведения (текста) понимают наличие у него одновременно нескольких различных смыслов" [10, с. 18–19]. Еще одно свойство языковых единиц реализовывать одновременно несколько смыслов в выска-

⁴ Общий набор параметров разработан рабочей группой проекта под рук. И.В. Зыковой, см. их общую характеристику в [13].

звании (ср. с разграничением языковой и речевой неоднозначности в работе Ю.Д. Апресяна [1, с. 176]) обозначается как "неопределенность", или "недоопределенность некоторого параметра и, вследствие этого, неполнота представления о ситуации" [10, с. 20]. Противопоставление "неоднозначности" и "неопределенности" – *ambiguity* и *vagueness* – получило большее распространение в англоязычной традиции. Так, согласно "Кембриджскому лингвистическому словарю", "неоднозначность" (*ambiguity*) возникает, когда "слово, фраза или предложение, которые считаются многозначными, имеют два или более толкований". Например, *She hates the chair* может быть понято как 'She hates this piece of furniture' или 'She hates the person who is chairing the meeting' [35, р. 22]. В то время как под "неопределенностью" (*vagueness*) понимается свойство языковых единиц, значение которых не может быть однозначно определено в силу того, что оно является слишком обобщенным. Например, *We went to Dunedin*, где *went* может обозначать одновременно перемещение пешком, на машине, лодке, самолете и т.д. [35, 460]. *Vagueness* также определяют как "прагматическую неопределенность", которая не является объектом внутриязыковой репрезентации. Так, прагматически расплывчатым является слово *person* по отношению к ряду семантических признаков, которые остаются неопределенными: [мужчина] vs [женщина], [старый] vs [молодой] [32, р. 1256]. Таким образом, неоднозначность и неопределенность различаются на основании типа значений входящих в высказывание слов: актуализация нескольких значений слова, передающих определенную, конкретную информацию, обозначается как *неоднозначность*, а неснятая многозначность слова с более обобщенными, абстрактными значениями, маркируется как *неопределенность*.

Предметом отдельного исследования лингвистов является неоднозначность в поэтическом дискурсе, являющаяся "внутренне присущим, неотчуждаемым свойством любого направленного на самого себя сообщения, <...> естественная и существенная особенность поэзии" [23, с. 221]. Этот вопрос подробно исследуется в работах по лингвистической поэтике В.П. Григорьева, И.И. Ковтуновой, Н.А. Фатеевой, Л.Л. Шестаковой, О.И. Северской и др. Определение "семантической поэзии" как "пути" от слова к предмету, в котором реализуется определение семантики, и еще дальше – в "проникновении через предмет к сущности", данное Ю.С. Степановым в отношении символизма, может быть спроецировано и на другие поэтические направления⁵ в качестве общей семантической модели поэзии [21, с. 66]. О неоднозначности как смыслопорождающем факторе на материале художественного и поэтического дискурсов пишет Анна А. Зализняк [10]. Т.Б. Радбиль обозначает специальный тип полисемии, характерный для поэтических и экспериментально-художественных текстов, как "синкретичную полисемию", т.е. одновременную актуализацию всех значений слова [16, с. 63].

Выше мы приводили определения политического языка и политического дискурса, характерной чертой которого является неоднозначность (*ambiguity*). В силу особой значимости этого семантического параметра для разных типов дискурса, мы рассмотрим его подробнее. Актуальность исследования неоднозначности в политическом и рекламном текстах в сопоставления с поэтическим связана также с направленностью политического дискурса на повышение перформативного эффекта. Говоря об успешности перформативного высказывания, Дж. Остин подчеркивал, что значимым при его реализации является не только намерение говорящего, но и те социальные условия, в которых оно произносится и которые должны соответствовать принятым "конвенциональным процедурам" и приводить к определенным "конвенциональным результатам" [14]. Развивая теорию Дж. Остина, Ж. Деррида выявляет следующие черты конвенционального высказывания, которое должно, с одной стороны, функционировать как цитата, из предшествующих высказываний, т.е. обладать свойством воспроизводимости в разных контекстах, а с другой – не должно иметь однозначной интерпретации как в данном контексте,

⁵ Хотя базовые эстетические цели и коммуникативные модели в разных направлениях могут отличаться. Ср. с выделенными Ю.С. Степановым наряду с "семантической поэтикой", или "поэтикой имени", "синтаксической" и "прагматической" поэтиками [21].

так и в том множестве контекстов, в котором оно может быть произнесено [26, p. 185–186]. Такая семантическая двойственность, лежащая в основе перформативности высказывания, оказывается характерной для политической рекламы и политического дискурса в целом.

Для нашего исследования релевантным является разграничение неоднозначности (*ambiguity*) и неопределенности (*vagueness*), поскольку оно позволяет выявить специфику многозначности в анализируемых дискурсах и в разных видах рекламы.

Авангардная реклама (АР)

В АР встречаются оба типа: и неоднозначность, и неопределенность. Пример **неоднозначности** – авангардно-рекламный текст В. Маяковского, где актуализируются конкретное и абстрактное значения слова *тиски*, а затем визуальный ряд дает "ключ" для разрешения вербально выраженной многозначности и выведения адресатом инференции: *Взялся пан за виски: / безобразия, – / защемилась в тиски / буржуазия* (рис. 1); *Договор держа в руке, / например, с Италией, / мы на русском языке / зря б его читали ей. / Чтоб поставить на своем, / не сомкнем мы глаз – пока / всю тебя не прожужим, / иностранцев азбука* (В. Маяковский. Печенье "Римская азбука").

Другой пример характеризует **неопределенность**: *Клином красным бей белых* (Э. Лисицкий). В авангардно-агитационном супрематическом плакате (рис. 2) не происходит полного снятия многозначности. Актуализация разных значений слова формируется за счет того, что, с одной стороны, происходит совмещение обозначения геометрической фигуры (*клин*) и прилагательного (*красный*), однако в лозунге актуализируется многозначность слова *красный* как прилагательного, обозначающего цвет, и как субстантива, обозначающего большевиков и союзных им сил в ходе Гражданской войны (антоним "белых"). Таким образом, происходит сдвиг в зону конкретизации значения слова. С другой стороны, в области визуальной реализации наблюдается обратная тенденция, соответствующая эстетической установке авангардистов на максимальное освобождение живописи от конкретности, и движение к абстрактности (ср. с определением "беспредметная" поэзия / "абстрактная" живопись). Здесь происходит смещение от обозначения конкретных геометрических фигур в область абстрагирования как основной функции их репрезентации. Но и такой контекстуальный семантический переход, характерный для супрематизма, сталкивается с другой тенденцией, когда мы имеем дело с прикладным функционированием текста в рекламно-агитационном дискурсе. Таким образом, здесь накладывается несколько значений и многозначность не снимается окончательно, что позволяет сделать вывод о смысловой неопределенности этого лозунга. Однако если в авангардной рекламе семантический эксперимент может сближаться с поэзией по степени многозначности, то в целом для рекламного дискурса характерно алгоритмизированное формирование и разрешение многозначности. Это позволяет привлечь внимание реципиента, а затем создать иллюзию самостоятельного разрешения задачи (за счет нейтрализации многозначности), что в действительности является "запрограммированным" выбором при фактическом отсутствии альтернативы.

Коммерческая реклама (КР)

Неоднозначность: *Ron Rico. Didn't he pioneer the **topless** bathing suit? Take it from the top. Ronrico's a rum. Altogether smooth, light and very versatile. Untopped at parties for 112 years. Anyone with eyes knows. Ronrico. A rum to remember* (Ronrico) (рис. 3).

В КР чаще используется неоднозначность. В приведенном примере активизируются разные значения слова *topless* 'без верха', 'безграничный, бесконечный' и 'топлес, с обнаженной грудью' и фразеологической единицы *from the top* 'сверху' и 'с начала'. Семантической расширением влияет и на слово *untopped*, которое может получать разные значения, учитывая сближение с однокоренными словами. Эти единицы могут интерпретироваться в буквальном и переносном значении, но, несмотря на активированную двусмысленность, адресат выявляет истинное зна-

Рис. 1. В. Маяковский. Карамель "Наша индустрия" (1923 г.)

Источник: URL: <https://iz.ru/news/543759>

Fig. 1. V. Mayakovskii. Caramel "Our Industry" (1923)

Source: URL: <https://iz.ru/news/543759>

America (Б. Клинтон); *For People, for a Change* (Б. Клинтон).

Анализируя семантику политических слоганов, Р. Водак [38, p. 200] характеризует *Für die Zukunft* (Австрийской социал-демократической партии на общенациональных выборах в 1999 г.) как "удивительно пустой", выделяя в качестве удачного лозунга *Yes, we can* Б. Обамы (президентская кампания 2008 г.). Основанный на стратегической неопределенности, он является эллиптической формой слогана *Change we can believe in*. В сокращенной форме идея "перемен" выводится интертекстуально. Отмечая, что идея "перемен", "изменений" является достаточно широким понятием, Р. Водак подчёркивает ее положительные коннотации (ассоциация с избавлением от всех проблем и опасностей) – это позволяет сделать вывод об удачном применении приема неопределенности.

Рассмотрим подробнее некоторые релевантные примеры использования неопределенности в политической рекламе: *<Let's> make America great again!* 'Вернём Америке былое величие' – популярный лозунг американских политиков. Эта фраза впервые использована сенатором-республиканцем А. Уайли в преддверии президентских выборов в США в 1940 г. Затем Б. Голдуотер включил ее в список лозунгов на президентской кампании в 1964 г. Далее она использовалась в кампании Р. Рейгана в 1980 г., затем в 1992 г. – в кампании Б. Клинтона, но к выборам 2016 г. он стал считать слоган расистским. В 2016 г. фразу использовал Д. Трамп. На примере этой фразы можно проиллюстрировать двусмысленность политического высказывания, которое строится по принципу потенциальной активизации многозначности в зависимости от контекста. Прием неопределенности основан на употреблении слова *great*, которое может означать 'великий' (показатель качества), 'значительный' (влиятельный, с которым считаются), 'наиболее подходящий для чего-л.' и т.д. Идея о "былом величии Америки" может отсылать к самым разным этапам ее прошлого в зависимости от той партии, которая провозглашает лозунг – к республиканскому или демократическому. В современном контексте эта амбивалентность и перегруженность значениями, которые закрепились за фразой при каждом ее использовании, стала восприниматься негативно – с ра-

чение текста – рекламу рома, который рекомендуется пить от начала и до конца, или от горлышка и до дна.

Социальная реклама (СР)

Неоднозначность: *#Don'tGoViral. Don't misinform or disinform; This is something we don't want to go viral. (#Coronavirus); Mask the tunnels; Running a mile is easy. Running a hospital is hard.*

В СР, направленной на борьбу с COVID-19, глагол *to mask* употребляется в значениях 'замаскировать' и 'надевать маску'; герундий *running* обозначает одновременно 'бег' и 'управление <больницей>'.

Политическая реклама (ПР)

В ПР встречается **неоднозначность:** *Time for common sense* (Conservative), но неопределенность является более частотным семантическим приемом. **Неопределенность:** *Focus on the Future* (John Delaney); *You've never had it so good!* (Г. Макмиллан); *Putting People First* (Б. Клинтон); *It's Time to Change*

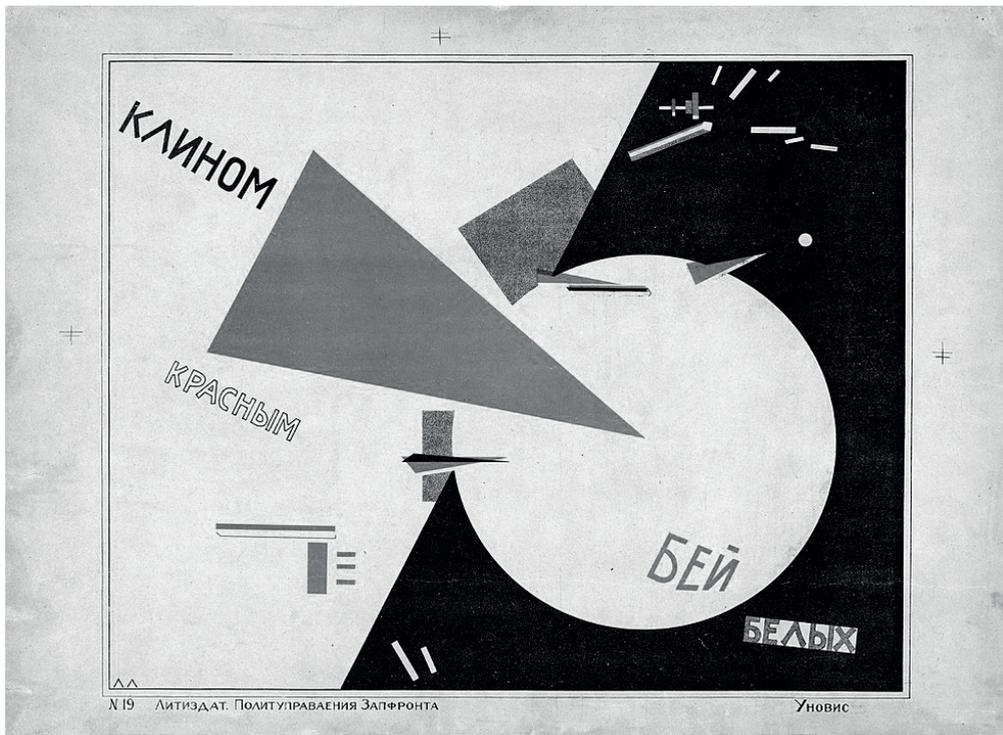

Рис. 2. Э. Лисицкий. Клином красным бей белых (1919 г.)

Источник: URL: <https://www.culture.ru/s/el-lisitsky/?ysclid=lezcxdmnmj5985552973>

Fig. 2. E. Lissitzkii. Beat the whites with a red wedge (1919)

Source: URL: <https://www.culture.ru/s/el-lisitsky/?ysclid=lezcxdmnmj5985552973>

систскими коннотациями. Среди таких значений исследователи выделяют идею о том, что "истинная версия Америки – это американская фантазия, которая существовала до того, как она была разбавлена другими расами" [34].

It's the economy, stupid – слоган кампании Б. Клинтона против Дж. Буша в 1992 г. Этот лозунг впервые был сформулирован как шаблонное напоминание о главной проблеме кампании, которую Дж. Карвилл, главный политолог Б. Клинтона на выборах, повесил в виде таблички над своим столом. Изначально фраза была адресована участникам кампании как напоминание о цели и как лаконичный ответ на вопрос: "О чем кампания?", поскольку, как считалось, экономика была слабым местом правления Дж. Буша, но стала формой обращения к политическому сопернику и, соответственно, в проекции – к голосующему за него электорату.

Неопределенность фразы "Это экономика, тупица!" может быть обозначена как "прагматическая неопределенность", которая формируется вследствие непроясненности ряда прагма-семантических признаков обращения *stupid* (пол, возраст, родовое обозначение множественного числа или единственное число адресата), доминирование апеллятивной функции в котором связано с идентификацией адресата, что нарушается в контексте. Далее эта фраза получила статус одного из главных политических лозунгов на выборах, а к концу 1992 г. формула $N + stupid!$ стала распространенной конструкцией для политических слоганов и заголовков: "It's the Deficit, Stupid!", "The Mideast, Stupid!", "It's the voters, stupid!" (подробнее об истории создания слогана см. [33, p. 376]). Приведем для сравнения похожий по прагматическому воздействию, но более стилистически "жесткий" случай в русской политике: слова М. Горбачева "Ну что, доигрались, мудаки?", адресованные членам ГКЧП, которые впоследствии переадресовывались другим деятелям российской политики, став *motto* политических обзоров [6, с. 146]. Г.Ч. Гусейнов приво-

дит этот пример употребления мата в публичном высказывании как синоним самой гласности, характеризуя мат в качестве "одного из компонентов построения дискурса" [7, с. 148]. В обоих случаях прагматическая неопределенность задается двойной адресацией, которая формируется обращением и меняется в зависимости от контекста. Однако в зависимости от той культуры и политического режима, в котором порождается слоган, меняется степень сниженности слова, что влияет и на его действенность, перформативность. Смена политической риторики коррелирует со сменной строя во втором случае, в то время как небольшое отклонение от нормы с ироническими коннотациями приводит к победе на выборах, но не к кардинальным изменениям дискурсивных практик в первом.

Для сравнения кратко обратимся к поэтическому дискурсу, для которого характерная установка на инновационность, реализуется как в структурном и прагматическом⁶, так и в семантическом аспектах. Неузальная семантическая сочетаемость, которая формируется в поэтическом тексте, изначально обусловлена спецификой его нелинейного, вертикального членения. Рассмотрим такой прием актуализации многозначности, как "ресемантизация грамматикализованных единиц", который позволяет продемонстрировать комплексный характер семантических инноваций и их взаимодействие с единицами других уровней:

Is a war at hand. Will it take our hands away./ On the other hand. Do we have hands for the taking (Е. Ostashevsky); *Слово Бог есть / И слава Богу // Слава Богу / Если есть Бог* (Вс. Некрасов); *Есть у нас на да и нет / Антинет / И антида* (Вс. Некрасов); *электричество / нам заменяет жизнь / сигнал / накопленный заряд / цепочка да-да-нет / вспышка / отблеск / тишина* (В. Светлов).

В рассмотренных примерах ресемантизация, характерная для современной поэзии, является выражением языковой креативности и связана с метаязыковой рефлексией общеязыковых процессов грамматикализации и "структурной рутинизации" (об этих процессах подробнее см. также [37]). В результате происходит контекстуально обусловленное преодоление частеречного распределения слов, что приводит к транспозиции (в данном случае, к переходу слов из разряда служебных – в знаменательный). Подчеркнем, что такой переход является окказиональным, контекстуально маркированным, при котором слово сохраняет функции дискурсивного маркера (междометия или частицы *да, нет, слава Богу*) или идиоматизированное значение фразеологической единицы (*On the other hand*), и обретает лексическое значение своих составных компонентов, что соответствует феномену "синкретической полисемии". Более того, в поэтических текстах происходит активизация всех языковых уровней в формате межуровневого взаимодействия, включая словообразовательные механизмы: *антинет* и *антида, да-да-нет*; синтаксические средства: парцелляция *On the other hand*; фоносемантические приемы: *слово Бог / слава Богу* и др.

Проведенный анализ позволил показать, что в АР неоднозначность может до конца не сниматься (как в лозунге *Клином красным бей белых*). Это связано с интердискурсивностью АР, которая формируется на пересечении рекламы и авангардной литературы, а также с установкой раннего авангарда на деавтоматизацию. Неоднозначность, или двусмысленность, характерна в целом для политического дискурса и проявляется в политической рекламе. Это обусловлено установкой на повышение перформативности политического высказывания и достигается за счет двойной актуализации высказывания: в момент его продуцирования и в любом другом контексте, в котором оно может быть произнесено. Разграничение неоднозначности (*ambiguity*) и неопределенности (*vagueness*) позволило выявить особенности актуализации многозначности в разных видах рекламы: если для ПР, а также для политического дискурса в целом, наиболее характерна смысловая неопределенность, то в КР и СР наиболее частотно использование неоднозначности. В отличие от рекламы и политики, для поэзии характерны самые разные виды многозначности, включая неоднозначность и синкретичную полисемию. Это ха-

⁶ О прагматических инновациях в поэтическом дискурсе подробнее см. [19].

рактерно, прежде всего, для авангардной и современной поэзии и связано с ее установкой на смысловое приращение и бесконечное расширение значений..

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика. М.: Языки русской культуры, 1995. 472 с.
2. Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
3. Винокур Г. О. Маяковский – новатор языка. М., 2006. 136 с.
4. Григорьев В.П. Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка. Избранные работы. 1958–2000-е годы. М.: Языки славянских культур, 2006. 816 с.
5. Гусейнов Г.Ч. Булимия логофагов, или Переживания пожирателей слов // Знамя. 1996. № 4. С. 194–202.
6. Гусейнов Г.Ч. Нулевые на кончике языка. Краткий путеводитель по русскому дискурсу. М.: Издательский дом "Дело" РАНХиГС, 2012. 240 с.
7. Гусейнов Г.Ч. Д.С.П. Советские идеологемы в новом русском дискурсе 1990-х. М.: Три квадрата, 2004. 272 с.
8. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М., 2002. № 3. С. 32–43.
9. Демьянков В.З. Языковое творчество и речевая креативность // Язык как медиатор между знанием и искусством. М.: Издательский центр "Азбуковник", 2009. С. 11–19.
10. Зализняк А.А. Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013. 640 с.
11. Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., Российская политическая энциклопедия, 1997. 432 с.
12. Иссерс О.С. Дискурсивные практики нашего времени. М.: URSS, 2021. 272 с.
13. Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент. 2021. 564 с.
14. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 22–130.
15. Паршин П.Б. Об оппозиции системоцентричности и антропоцентричности применительно к политической лингвистике // Труды международного семинара Диалог'2000. М., 2000. (сайт). URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/parshin/> (дата обращения: 01.02.2022).
16. Радбиль Т.Б. Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения. М.: Языки славянской культуры, 2017. 529 с.
17. Сериио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса, анализ номинализаций // Квадратура смысла. М.: Прогресс, 1999. С. 337–383.
18. Соколова О. В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. М., 2014. 304 с.
19. Соколова О. В., Захаркив Е.В. Креативная прагматика поэтического дискурса // Критика и семиотика. 2021. № 2. С. 88–106.
20. Соколова О. В., Фещенко В.В. Лингвокреативность авангарда: языковые функции в художественном и рекламном дискурсах // Слово.ру: Балтийский акцент. 2021. С. 7–36.
21. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: URSS. 1985. 334 с.
22. Хомский Н. Картезианская лингвистика: Глава из истории рационалистической мысли. М.: URSS. 2021. 228 с.
23. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против". М., 1975. С. 193–229.
24. Baldini M. Il linguaggio della pubblicità. Roma: Armando Editore, 2003. 240 p.
25. Burkhardt A. Politolinguistik. Versuch einer Ortsbestimmung // Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation. Ed. by J. Klein, H. Diekmannshenke. Berlin: De Gruyter, 1996. S. 75–100.
26. Derrida J. Signature Event Context // Glyph. 1977. № 1. P. 172–197.
27. Dijk T.A. van. What is political discourse analysis? // Political linguistics. Amsterdam: John Benjamins, 1997. P. 11–52.
28. Fairclough N. Language and Power. London: Longman, 1989. 248 p.
29. Galliot M. Essai sur la Langue de la Réclame Contemporaine. Toulouse: Edouard Privat, Collection Universitas, 1955. 578 p.
30. Janis I. L. Technique: The problem of validating content analysis // Language of Politics: Studies in Quantitative Semantics. Ed. by H. D. Lasswell, N. Leites. New York: W. Stewart Publisher, 1949. P. 55–82.
31. Oberhuber F., Bärenreuter C., Krzyzanowski M., Schönbauer H., Wodak R. Debating the Constitution: On the Representations of Europe/the EU // Journal of Language and Politics. 2005. № 4(2). P. 227–271.
32. Routledge Dictionary of Language and Linguistics. Trans. and ed. by G. Trauth and K. Kazzazi. London and New York: Routledge, 2006. 1304 p.

33. Safire W. *Safire's New Political Dictionary. The Definitive Guide to the New Language of Politics*. New York: Random House, 1993. 896 p.
34. Churchwell S. *Behold, America: The Entangled History of "America First" and "the American Dream"*. Bloomsbury Publishing, 2018. 385 p.
35. *The Cambridge Dictionary of Linguistics*. Ed. by K. Brown and J. Miller. Cambridge University Press, 2013. 481 p.
36. Traugott E. C., Graeme T. *Constructionalization and constructional changes*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
37. Trousdale G. Creativity, reuse, and regularity in music and language // *Cognitive Semiotics*. Vol. 13. Is. 1. URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/cogsem-2020-2021/html> (дата обращения: 01.02.2022).
38. Wodak R. *The discourse of politics in action: Politics as usual*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2011, 252 p.

References

1. Apresyan Yu.D. Selected works, volume I. Lexical semantics. Moscow: Languages of Russian culture, 1995. 472 p. (In Russ.).
2. Bourdieu P. *Sociology of politics*. M.: Socio-Logos, 1993. 336 p. (In Russ.).
3. Vinokur G. O. *Mayakovskiy – language innovator*. M., 2006. 136 p. (In Russ.).
4. Grigoriev V.P. Velimir Khlebnikov in the four-dimensional space of language. Selected works. 1958–2000s M.: Languages of Slavic cultures, 2006. 816 p. (In Russ.).
5. Huseynov G.Ch. *Bulimia of logophages, or experiences of word eaters* // *Znanya*. 1996. No. 4. P. 194–202. (In Russ.).
6. Huseynov G.Ch. *Zeros on the tip of the tongue. A short guide to Russian discourse*. Moscow: Delo Publishing House, RANEPa, 2012. 240 p. (In Russ.).
7. Huseynov G.Ch. D.S.P. *Soviet ideologemes in the new Russian discourse of the 1990s*. M.: Three squares, 2004. 272 p. (In Russ.).
8. Demyankov V.Z. *Political discourse as a subject of political philology* // *Political science. Political Discourse: History and Modern Studies*. M., 2002. No. 3. P. 32–43. (In Russ.).
9. Demyankov V.Z. *Language creativity and speech creativity* // *Language as a mediator between knowledge and art*. Moscow: Azbukovnik Publishing Center, 2009, P. 11–19. (In Russ.).
10. Zaliznyak A.A. *Russian semantics in a typological perspective*. M.: Languages of Slavic culture, 2013. 640 p. (In Russ.).
11. Ilyin M.V. *Words and meanings. Experience in describing key political concepts*. M., Russian Political Encyclopedia, 1997. 432 p. (In Russ.).
12. Issers O.S. *Discursive practices of our time*. M.: URSS, 2021. 272 p. (In Russ.).
13. *Linguistic creativity in discourses of different types: Limits and possibilities: collective monograph* / Ed. by I.V. Zykov. M.: R. Valent. 2021. 564 p. (In Russ.).
14. Austin J. L. *Word as action* // *New in foreign linguistics*. M., 1986. Issue 17. P. 22–130. (In Russ.).
15. Parshin P.B. *On the opposition of system-centricity and anthropocentricity in relation to political linguistics* // *Proceedings of the international seminar Dialogue'2000*. M., 2000. (website). URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/parshin/> (accessed 01.02.2022). (In Russ.).
16. Radbil T.B. *Language and World: Paradoxes of Mutual Reflection*. M.: Languages of Slavic Culture, 2017. 529 p. (In Russ.).
17. Serio P. *Russian language and analysis of Soviet political discourse, analysis of nominalizations* // *Quadrature of meaning*. M.: Progress, 1999. P. 337–383. (In Russ.).
18. Sokolova O. V. *Typology of discourses of active influence: poetic avant-garde, advertising and PR*. M., 2014. 304 p. (In Russ.).
19. Sokolova O.V., Zakharkiv E.V. *Creative pragmatics of poetic discourse* // *Criticism and semiotics*. 2021. No. 2. P. 88–106. (In Russ.).
20. Sokolova O.V., Feshchenko V.V. *Linguistic creativity of the avant-garde: language functions in artistic and advertising discourses* // *Slovo.ru: Baltic accent*. 2021. P. 7–36. (In Russ.).
21. Stepanov Yu.S. *In the three-dimensional space of language: Semiotic problems of linguistics, philosophy, art*. Moscow: URSS. 1985. 334 p. (In Russ.).
22. Chomsky N. *Cartesian linguistics: A chapter from the history of rationalistic thought*. Moscow: URSS. 2021. 228 p. (In Russ.).
23. Jakobson R. *Linguistics and poetics* // *Structuralism: "for" and "against"*. M., 1975. P. 193–229. (In Russ.).
24. Baldini M. *The language of advertising*. Rome: Armando Editore, 2003. 240 p. (In Ital.).
25. Burkhardt A. *Political Linguistics. Attempt to determine one's location* // *Language strategies and dialogue blockades. Linguistic and political science studies on political communication*. Ed. by J. Klein, H. Diekmannshenke. Berlin: De Gruyter, 1996. P. 75–100. (In Germ.).
26. Derrida J. *Signature Event Context* // *Glyph*. 1977. No. 1. P. 172–197.

27. Dijk T.A. van. What is political discourse analysis? // *Political linguistics*. Amsterdam: John Benjamins, 1997. P. 11–52.
28. Fairclough N. *Language and Power*. London: Longman, 1989. 248 p.
29. Galliot M. *Essay on the Language of Contemporary Reclame*. Toulouse: Edouard Privat, Universitas Collection, 1955. 578 p. (In Fren.).
30. Janis I. L. Technique: The problem of validating content analysis // *Language of Politics: Studies in Quantitative Semantics*. Ed. by H. D. Lasswell, N. Leites. New York: W. Stewart Publisher, 1949. P. 55–82.
31. Oberhuber F., Bärenreuter C., Krzyzanowski M., Schönbauer H., Wodak R. Debating the Constitution: On the Representations of Europe/the EU // *Journal of Language and Politics*. 2005. No. 4(2). P. 227–271.
32. *Routledge Dictionary of Language and Linguistics*. Trans. and ed. by G. Trauth and K. Kazzazi. London and New York: Routledge, 2006. 1304 p.
33. Safire W. *Safire's New Political Dictionary. The Definitive Guide to the New Language of Politics*. New York: Random House, 1993. 896 p.
34. Churchwell S. *Behold, America: The Entangled History of "America First" and "the American Dream"*. Bloomsbury Publishing, 2018. 385 p.
35. *The Cambridge Dictionary of Linguistics*. Ed. by K. Brown and J. Miller. Cambridge University Press, 2013. 481 p.
36. Traugott E. C., Graeme T. *Constructionalization and constructional changes*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
37. Trousdale G. Creativity, reuse, and regularity in music and language // *Cognitive Semiotics*. Vol. 13. Is. 1. URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/cogsem-2020-2021/html> (accessed 01.02.2022).
38. Wodak R. *The discourse of politics in action: Politics as usual*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2011, 252 p.

Ольга Викторовна СОКОЛОВА, д-р. филол. наук, старший научный сотрудник Института языкознания РАН, г. Москва, Россия, e-mail: olga.sokolova@iling-ran.ru

Olga V. SOKOLOVA, Doctor of Philological Sciences, Senior Researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: olga.sokolova@iling-ran.ru

Поступила в редакцию
(Received) 20.05.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 14.02.2023

Принята к публикации
(Accepted) 07.03.2023

К сердцу языка – через дискурс: о способах трансфера неологизмов

Владимир Валентинович ФЕЩЕНКО

Институт языкознания РАН, Москва, Россия, takovich2@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы производства и трансфера новых художественных концептов и научных терминов на примере художественных текстов У. Уитмена и В. Хлебникова и научно-философских текстов В. фон Гумбольдта и М.Н. Эпштейна. Эти примеры демонстрируют различия в механизмах, с одной стороны, языковой и, с другой стороны, дискурсивной креативности; при этом дискурсивная креативность может тяготеть к лингвоэстетическому вектору (художественный эксперимент) или к лингвоэвристическому вектору (научное познание).

Ключевые слова: лингвокреативность, язык, дискурс, неологизм, трансфер

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

Для цитирования: Фещенко В.В. К сердцу языка – через дискурс: о способах трансфера неологизмов // Известия Восточного института. 2023. № 1. С. 106–114. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/106-114>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/106-114>

Through discourse – to the heart of language: how neologisms are transferred

Vladimir V. FESHCHENKO

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, takovich2@gmail.com

Abstract. The article discusses the problem of how neologisms enter the basic stock of a language in general and a language for special purposes in particular. The main thesis is that linguistic neologisms can become fixed in language only through discourse, namely through a specific functional type of discourse, such as the literary-artistic and the scientific. At the same time, depending on the nature of a particular discourse, this or that mechanism of fixation and circulation of a new word, concept, term or concept is triggered. The mechanisms of production and transfer of new artistic concepts and scientific terms in are considered in case studies of experimental artistic texts by Walt Whitman and Velimir Khlebnikov and linguophilosophical texts by Wilhelm von Humboldt and Mikhail Epstein. These examples demonstrate differences in the mechanisms of language creativity, on the one hand, and discourse creativity, on the other. At the same time, discourse creativity may gravitate toward the linguo-aesthetic vector (artistic experiment) or the linguo-heuristic vector (scientific knowledge), which we demonstrate by particular examples from Khlebnikov and Epstein.

Keywords: linguistic creativity, language, discourse, neologism, transfer

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 19-18-00040) at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Feshchenko V.V. Through discourse – to the heart of language: how neologisms are transferred // Oriental Institute Journal. 2023. No. 1. P. 106–114. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/106-114>

Введение

Хотя основная тема данной статьи – неология, т.е. словотворчество в узком смысле производства новых слов, мы хотели бы подойти к этой теме со стороны теории лингвокреативности в общем смысле, т.е. начать с некоторых положений теоретического характера, относящихся к тому, в каком ракурсе трактовать способы трансфера неологизмов, т.е. их циркуляции в диахронном и синхронном измерениях языка и дискурса. Разделение языковой и дискурсивной креативности представляется при этом важным и необходимым при разграничении новаций. *Путь к сердцу языка лежит через дискурс:* так можно было бы фигурально отразить наш основной тезис. В фокусе нашего внимания в этой статье будет неологизация не просто как языковой процесс, а как процесс дискурсивный, а именно мы

обратимся к примерам из двух типов дискурса – художественного и научного, в их сходствах и различиях, а также в их взаимодействии.

Лингвокреативность в художественном и научном дискурсе

Уже в теории основоположника науки о языке Нового времени В. фон Гумбольдта есть представление о творческом духе языка. Достаточно привести список сочетаний, в которых содержится лексема "творчество" и "языкотворчество", чтобы задуматься о постоянстве и значимости этой категории в его концепции: "языковое творчество", "языкотворческая сила человечества", "развитие творческой силы", "духовная деятельность в языковом творчестве", "акты языкотворческого духа", "всеобщее языкотворческое начало в человеке", "языкотворческий порыв", "языкотворческое сознание", "разумно творящие силы", "язык в вечном творении", "самодетельность творческой силы языка". Мы видим, как в рамках научного дискурса самого лингвиста раскрывается метафоричность его терминологии, и в то же время сосредоточенность на понятийных константах, одной из которых является интересующее нас здесь "языкотворчество".

Понимание языка как энергии, как открытой, динамической системы и нового, творческого в языке взаимно обуславливают друг друга в концепции В. фон Гумбольдта. В то же время он считает, что творчество (порождение, создание) возможно только при первоначальном изобретении языка: "Подлинное и полное творение звуковой формы могло относиться только к первым шагам изобретения языка, то есть к тому состоянию, которое нам неизвестно и которое мы предполагаем как необходимую гипотезу" [2, с. 96]. В иных случаях он говорит о "преобразовании" или "возрождении". Поэтому, постулируя творческое начало в языке, он тем временем пытается разграничить области и степени его присутствия. Чего нельзя сказать о большинстве его последователей, как на Западе, так и в России, считавших, что весь язык есть творчество. С другой стороны, именно категория творчества отсутствует в размышлениях Гумбольдта о поэзии, хотя естественно было бы ожидать обратного. Однако эту более логичную связь поэзии с категорией творчества подметят позднейшие последователи Гумбольдта и сами поэты, вдохновленные мыслью немецкого лингвиста.

Для Гумбольдта вопрос о словотворчестве как создании новых единиц языка еще не стоит, поскольку в его время еще не существует теории отдельного слова как такового, которая возникнет уже в начале XX века. Однако сама лингвокреативная теория его успевает оказать воздействие на поэтические концепции уже в XIX веке. Под такое влияние, например, попал родоначальник американского свободного стиха и провозвестник авангарда Уолт Уитмен.

В комментариях к своему *opus magnum* "Листья травы" Уитмен называет свою поэму "языковым экспериментом", тем самым призывая к инновациям в поэзии: "This subject of language interests me – interests me: I never quite get it out of my mind. I sometimes think the Leaves is only a language experiment" [9, с. 10]. В том же заявлении, как если бы он был футуристом, он утверждает, что "новые слова" в поэзии содержат "новые возможности речи" [9, с. 10]. Такую же футуристическую позицию он занимает в эссе "Наш язык и литература", говоря о "формулировании будущего непреложными словами" [9, с. 10]. Уитмен был страстным читателем лингвистических работ своего времени. Наиболее заметным является его интерес к теории языка Гумбольдта, в которой язык рассматривается как творческая деятельность и выражение национального духа.

Если В. Хлебников будет во многом опираться на словарь В. Даля в своем словотворчестве, то кумир Хлебникова Уитмен черпал свои словесные новшества из словаря Уэбстера. Вот примеры некоторых редких слов, используемых Уитменом: *venerale, compend, savan, promulge, de-bouch, diminute, habitan, literat* (слово заимствуется из других языков и адаптируется под английские парадигмы); *coon-seeker, duck-shooter, pikefisher, faultfinder, fishtearer, sailmaker, anchor-lifter* (слова-компаунды, в целом свойственные английской лексике, но используемые здесь окказионально). Уитмен еще остается в рамках романтической концепции языка, который нельзя изменить, но можно усилить продуктивную мощь языковых ресурсов с акцентом на

своем собственном национальном языке. Нечто совсем иное мы будем наблюдать на материале английского языка уже в поздних произведениях Дж. Джойса и в поэзии Э.Э. Каммингса, где язык будет подвергнут радикальному преобразованию. Однако первые опыты настоящей экспериментальной неологии в англоязычной поэзии появляются уже в 1871 году, как известно, в кэрролловском "Джаббервоки". Слова-бумажники – первые в художественной литературе неологизмы, являющиеся результатом чистого языкового эксперимента.

Эксперименты по образованию слов лингвистика допускает, начиная с Ф. де Соссюра. Швейцарский ученый считал, что язык конвенционален, и эти конвенции встроены в язык таким образом, что система никак не может быть поколеблена творческим актом речи. Поэтому в рамках таких теорий принято говорить не о языковом, а о речевом творчестве. По Соссюру, случайное творчество индивидуума в сфере речи способно запустить процесс новообразования в языке, но само по себе подвергнуть язык изменению не может: "...Новообразование, которое является завершением аналогии, первоначально принадлежит исключительно сфере речи; оно – случайное творчество отдельного лица <...> Все, что входит в язык, заранее испытывается в речи: это значит, что все явления эволюции коренятся в сфере деятельности индивида" [3, с. 199]. Он приводит пример новообразования по аналогии: импровизированное слово *in-décor-able* образуется по аналогии с уже имеющимися в языке *décor-er* "украшать", *par-donn-able* "простительный", и *in-connu* "неизвестный". Это есть, по Соссюру, акт творчества в речи. Творчество речи может иметь место и при невозможности языка. Так, Соссюр участвовал в расшифровке медиумической глоссолалии одной ясновидящей, способной порождать высказывания на несуществующем языке. Для характеристики "санскритоида" Элен Смит Соссюр предпринимает любопытное упражнение. Он составляет текст на квазилатинском языке, без какого-либо уловимого смысла, в виде последовательности слов, сохраняющих фонологическую систему, но игнорирующих латинскую грамматическую связность: *Meâte domina mea soróre forinda inde deo inde sini godio deo primo nomine... obera mine... loca suave tibi ofisio et ogurio... et olo romano sua dinata perano die nono colo desimo... ridère pavére... nove...*

Обратная процедура будет позднее осуществлена русским лингвистом Л.В. Щербой. Своим знаменитым примером *Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка* Щерба стремился доказать тот факт, что даже при аномальной структуре на одном уровне языка (лексическом) высказывание может оставаться в рамках языка на другом уровне (грамматическом). Можно представить себе фразу, полностью состоящую из неологизмов, т.е. насквозь словотворческую. Что и было осуществлено в первые десятилетия XX века русскими поэтами-футуристами, декларировавшими ценность словоновшества и слова как такового. Не случайно, лингвисты после этих экспериментов стали больше признавать возможность индивидуальной креативности в языке.

О "языковом творчестве" рассуждал и Р.О. Якобсон в связи с традицией гумбольдтианства. Субъект, говорящий на языке как социальной системе, полагает он, осуществляет индивидуальный творческий акт. И наоборот – условность, язык как общественная ценность реализуется только в индивидуальной речи, в индивидуальном неповторимом творческом акте, который сохраняет язык, обеспечивает непрерывное действие языковой условности и в то же время как-то изменяет ее, потому что творческий акт всегда приносит что-то новое, то здесь непременно нарушается эта условность [8, с. 34]. Таким образом, творчество в языке связано с нарушением и преодолением условностей системы. По Якобсону, понятие языкового творчества содержит не только антиномию языка и речи, но и дихотомию нормы (конвенции) – девиации (нарушения условности): "В действительности язык как социальная ценность, язык в его социальном аспекте является одновременно предметом, объектом, *ergon*, – и творчеством, энергией, и в то же время обе эти ипостаси объединяет язык отдельной личности – с одной стороны, это индивидуальное достояние, индивидуальная застывшая норма, с другой стороны – неповторимый акт творчества" [8, с. 45]. Якобсон демонстрирует свои по-

студаты на материале неологизмов Хлебникова, подчеркивая, что они не нарушают систему, но как бы достраивают ее с помощью новых правил (как в известном стихотворении "Заклятие смехом").

Необходимо различать языковое творчество в эстетической функции и других неэстетических функциях. Художественный дискурс, в отличие от других дискурсов, например, фольклорного или религиозного дискурса, основывается на понятии индивидуального авторства. Это результат сознательного создания художественного знака и художественного сообщения отдельным субъектом в соответствии со своим понятийным миром. Художественная форма строится каждый раз по законам эстетики, даже в том случае, когда старые законы эстетики нарушаются (как при смене художественных эпох). Незыблемой остается установка эстетической функции как доминирующей и подчиняющей себе все остальные.

В.П. Григорьев определяет поэтический язык как "язык с установкой на творчество, а поскольку всякое творчество подлечит и эстетической оценке, это язык с установкой на эстетически значимое творчество" [1, с. 77–78]. Поскольку эстетическая функция ориентируется на сообщение как таковое, прагматика художественного дискурса состоит в конструировании самой художественной формы как уникального языкового произведения. Поэтому в художественном дискурсе допускается высокая степень креативности, что недопустимо в обыденной речи или других видах дискурса.

Возьмем крайний случай эксперимента в поэтическом дискурсе – стихи на заумном языке. Являются ли "Бобэоби" В. Хлебникова и "Дыр бул щыл" А. Крученых лингвокреативными? С точки зрения обыденного сознания они просто неприемлемы в качестве сообщений: любой человек может производить сколь угодно бессмысленные сочетания звуков, не прослыв творцом. Наоборот, если такие звуки произносятся не к месту, его могут заподозрить в психическом заболевании и, следовательно, отказать ему в креативности на корню. Другое дело – стихотворение поэта, которое как эстетическая форма вошло в художественную культуру, причем вошло мгновенно и было одобрено многими, в том числе К. Чуковским, П.А. Флоренским и Р.О. Якобсоном. Оно было признано в высшей степени творческим, поскольку нарушало презумпцию осмысленности языкового слова, но, с другой стороны, сохраняло эстетическое значение как последовательность звуков. Оно было осознано именно в рамках поэтического дискурса, что позволило расширить границы языка. Более того, эти стихи стали фактами языка хотя бы в силу своей известности и многократной цитируемости-воспроизводимости.

Возьмем другой пример – неологизацию как лексическое творчество. В повседневной речи мы часто производим окказионализмы, однако слишком часто их производить нельзя, иначе они утратят качество новизны и превратятся в стереотипное штампование. Считались бы мы творческими, если бы говорили исключительно по образцу щербовской "глокой куздры" или кэрролловского "Бармаглота"? Боюсь, мы бы даже за комиков не сошли. В поэтическом дискурсе такие ограничения снимаются, и, как показывает опыт некоторых авторов, изобретение новых слов может стать конструктивным эстетическим принципом (например, В. Хлебников, Дж. Оруэлл, Э. Берджесс, Дж. Джойс). При этом степень креативности неологизации может быть разной. Неологизмы А. Белого служат орнаментальным целям и строятся по более привычным словообразовательным моделям, а Хлебников устанавливает свои словообразовательные законы, образующие новые словообразовательные парадигмы.

Словотворчество в художественном дискурсе: В. Хлебников

Процессы, происходящие в языке литературы и языке науки, по-разному влияют на языковые изменения в целом. Дискурс науки строится на обязательной институционально-коллективной коммуникации в сообществе, тогда как художественный дискурс – на личностно-индивидуальной коммуникации между автором и читателем (зрителем, слушателем). Соответственно, в науке фиксируются только утвержденные традициями языковые единицы (как правило, термины), и в таком виде они включаются в языковой фонд. При этом в зависимости от науч-

ной парадигмы эти термины меняют свое значение. Художественная литература, в отличие от науки и, например, фольклора, характеризуется большой языковой свободой: языковые новшества не должны одобряться коллективом и могут входить в национальный язык стихийно, а могут и не входить в него вовсе, оставаясь при этом фактами художественного языка.

По В.П. Григорьеву, *экспрессема* – это совокупность эстетических контекстов конкретной словоформы в авторском идиостиле. Она "совмещает в себе "лингвистическое" и "эстетическое" в их конкретном взаимодействии, предстает как единство общего, особенного и отдельного, типического и индивидуального, материального и идеального, формы и содержания" [1, с. 140]. В пару к "экспрессеме" Григорьевым вводится новый термин *эвристиема*. Он образуется от понятия эвристики как познавательного принципа открытия нового. Выделяя "эстетико-эвристическое измерение языка", Григорьев понимает эвристиему как единицу, относящуюся к гносеологической стороне экспрессемы, то есть как носителя "сильных" контекстов слов в поэтическом языке. Эвристиема – это экспрессема, в большей степени направленная на новизну, а также на идейное содержание и познавательную ценность. В таком понимании эвристиема – не просто экспрессивное слово, но и эвристическое понятие, и в этом смысле оно сближается с научным понятием, которое в рамках конкретной научной системы реализуется в термине.

В отличие от единиц художественного языка единицы научной речи – термины и понятия – изначально обладают эвристическим потенциалом. Термин выполняет две основные функции языка – номинативную и когнитивную. Эстетическая направленность на себя и смысловая потенциальность не свойственны научному понятию. Наоборот, термин должен согласовываться с другими терминами данной научной парадигмы и быть предельно релевантным по своему значению.

Рассмотрим теперь некоторые контексты употребления экспрессем в их сопоставлении с концептами в научном дискурсе с позиций языкового творчества. Поскольку мы выбрали в данном случае перспективу словотворчества, обратимся к тем контекстам, которые являются наиболее "сильными" в плане неологизации и терминотворчества.

Самым неологизирующим автором в истории русского литературного дискурса является В. Хлебников (по оценке хлебниковедов более 10 000 неологизмов). Поэт начинает активно интересоваться неологизацией в 1907–1908 гг. Сначала этот интерес вылился в многочисленные записи придуманных им слов (так называемая "тетрадь 1908 года"). Вдохновленный, с одной стороны, лексикой В. Даля, а с другой – словесными новшествами русских символистов, он видит свою задачу в том, чтобы на основе русского языка создать преобразованный поэтический язык, в котором будут задействованы возможности, как присущие древним стадиям языка, так и выявленные в словесном эксперименте.

Стихи 1907-08 годов, по мнению специалистов по Хлебникову, являются самыми неологизирующими за весь период его творчества. Именно в целях художественного воплощения словотворчества языковой проект Хлебникова возникает в начале его творческого пути. Если обратиться к стихотворениям, написанным около 1908 года, то можно выявить ряд закономерностей работы Хлебникова со словом, ряд ключевых констант в его поэтическом мире. Возможно, наиболее важной из них является концепт времени. Оно обрастает целым "гнездом" словообразований и кочует от текста к тексту, см. строки из разных стихов: *Времянин я, / времянку настиг; Времирей узывных сказка; Времышши – камыши; И жницей Времиной сжатые нивы; Стая легких времирей; И топливом времовые дрова; Времишерстны их тела*. Ср. также с названием стихотворения "Временель", а также со следующим текстом, задающим целую парадигму словообразований: *Времирей умчались стаи, / Я времушком-камушком игрывало / И времушек-камушек кинуло, / И времушко-камушка кануло, / И времиныя крылья простерла*. Как можно видеть, все новые формы с корнем "врем" выстраиваются в потенциальную систему, при этом не нарушая законов русского языка. Неологизмы ценны не сами по себе, а своей совокупностью,

преобразующей всю структуру русской поэтической речи. Экспрессема-инвариант "время" выражается в целой парадигме своих вариантов.

В стихах 1907-08 г. наиболее часты новообразования со следующими корнями: "**люб**" (любины, полюбовники, полюбь, любуны, любоч, любеж, любязи, любкий, люббый, любилы, любри, любляться, любитва, нелюбины, любирь, любавица, любистель, любавеи); "**мир**" (мирооси, мировик, Мировичий, миреса, мирийный, мировинный, мирожки, Мирязь, домирный, омирелый); "**нем**" (немизны, немобы, немость, немливо, немостынный, немобный, немог, немь, немный); "**слав**" (славень, Славяной, Славун, славь, заслави); **образования от глагола "быть"** (бывь, будь, бусло, былняк, будрый, былеликий, Бывун, будизна, бывания, небыль, будутный, небывь); "**мор**" (морень, моримый, морица, морилы, моря, моряжески); "**вер**" (веримый, верица, верень, вероч, веритва, верана, веровь, верязь); "**неб**" (небистель, небызь, небич, небянка, небный); "**ум**" (неумь, разумь, безумь, уманна, умночий, умнядь) и др. Можно сделать вывод, что эти наиболее частотные экспрессы также выступают ключевыми понятиями-эвристиками в идиостиле поэта. В то же время чисто художественные контексты дают большую свободу в однокоренном словотворчестве, чего меньше в других жанрах хлебниковских текстов.

Что мы наблюдаем в других жанрах хлебниковского словотворчества? Если придерживаться того же короткого периода 1907-08 гг., то в пьесе "Снежимочка" мы встречаем неологизацию и в самом тексте, и в метатекстовых позициях – в номинации частей текста (1-е деймо; 2-е деймо; Вводьмо в 3-е деймо) и в номинации говорящих персонажей (Снезини, Смехини, Немини, Березомир, Липяное бывьмо и т.п.). Здесь становится заметно, что неологизмы Хлебникову требуются не только в собственно выразительных целях, но и в целях понятийных, в частности, метаязыковых: обозначение самого процесса творчества, ср. неологизмы *деймо*, *мыслезём*, *самоведение*, *мовь*, *сверхповесть*, *самотворец*, а также целую серию по модели "живопись": *будепись*, *былепись*, *веропись*, *волепись*, *кривопись*, *лживопись*, *милопись*, *небопись*, *силопись*, *словопись*, *тленопись*, *ценопись*, *споропись*, *временпись*.

Переходя от поэтического дискурса к теоретическому, экспрессы нередко начинают тяготеть к эвристикам, т. е. своеобразным квазитерминам теории. Ср. пример из неопубликованного при жизни "Учения о наималах", где Хлебников изобретает новые слова для замены лингвистических терминов в собственной теории языка:

Учали об особе языка, бывшие некогда игрой умчаков ветхого лета, покато теряют свой ход и, дменные яростью, ослеплявшие смерчем духовные бури уступают место вечной зыби, господствующей ныне <...> Может быть, здесь жезл того серебрянобрадого закона, что ум – кольцо с обумом, т.е. что древняя задира" мыслью склонна прийти в свое прежнее положение, но первые буруны играют на том месте, где изучается особа одного какого-нибудь языка. Оно, отыскав измер слов, понимает речь как сложбу силанов; хотя и осыпаются цветки художественной речи <...> но относительно его бытаны дает указы, более меткие чем все улейные языкознания в целом, лепет коих кажется жалобным мяуканьем котенка рядом с задумчивыми, могучими, трубными звуками ведей языка в себе <...> Задачей этого исследования будет нахождение простов языка, кратких звучебнов, имеющих смысл, и перевод этих говоранов на язык силанов [5, с. 209–210].

Образующиеся здесь неологизмы грамматически рифмуются друг с другом: "ум" – "обум", "силаны" – "бытаны" – "говораны". Хлебников продолжает оставаться поэтом в теоретических работах, что и сказывается на активной неологизации по эстетико-эвристическому принципу.

Итак, словотворчество Хлебникова с самых ранних пор оказывается направленным на три функции: 1) чисто языковой эксперимент (черновые заметки, образцы неологизмов), или прикладное словотворчество; 2) поэтическое словотворчество; 3) теоретическое или концептуальное словотворчество, выраженное как в метатекстовых позициях художественных текстов, так и в автометаописательных жанрах статей, манифестов, эссе, трактатов и т. п.

Терминовтворчество в научном дискурсе: М.Н. Эпштейн

Со времен В. Хлебникова авторская неология стала довольно распространенным литературным явлением. Однако в наиболее известных случаях поэтов и прозаиков (А. Белый, И. Северянин, В. Маяковский, Г. Айги в России, Дж. Джойс, Ю. Джолас, Дж. Оруэлл, Э. Берджесс в англо-американской культуре), мы имеем дело лишь с чисто эстетической функцией словотворчества. Если не считать "Русского словаря языкового расширения" А. Солженицына, составленного во многом из некогда существовавших форм русских слов и потому вряд ли претендующего на неологизацию *sensu stricto*, то лингвопроективную программу М.Н. Эпштейна следует признать самым значительным предприятием по неологизации русского языка после Хлебникова.

С 2000 года Эпштейн работает над еженедельными выпусками интернет-ресурса "Дар слова". Он представляет собой материалы для "проективного словаря русского языка" и направлен на раскрытие лексических, грамматических и понятийных возможностей русского языка, а также перспектив его развития в XXI веке. Единицей такого проективного словаря признается *однословие* как "наикратчайший жанр словесности, искусство одного слова, заключающего в себе новую идею или картину" [6, [http](#)]. Отметим, что здесь сразу возникают некоторые противоречия. Во-первых, *однословие* противопоставляется "неологизму", имеющему, по словам Эпштейна, "функционально-прикладное значение". Но, например, неологизмы Хлебникова или Маяковского никак не направлены на прикладные цели и, тем не менее, традиционно называются неологизмами (авторскими неологизмами). А во-вторых, остается неясной прагматика таких *однословий*. Если, как говорится, это произведение искусства в миниатюре, то зачем тогда давать им совершенно обыденные контексты, объясняющие значения этих словесных новшеств?.. Даются многочисленные толкования новых слов (*издомный, чужедомный, входчивый, сбывчивый* и т.д.), но эстетические их возможности оставляются за скобками.

Особым – и действительно подтвержденным – вкладом М.Н. Эпштейна в лексикографию стоит признать его профильные "проективные словари". Первым из таких словарей стал "Проективный философский словарь" в соавторстве с другими учеными. Творчество не просто новых слов, а новых понятий и терминов – еще одна ипостась прокламируемого "протеизма" и "лингво-витализма" в культуре XXI в.

Вводимые философские понятия мотивируются еще не освоенными до конца, становящимися на наших глазах представлениями о новых явлениях. Среди таких новых понятий – как уже сейчас (к 2022 году) вошедшие в научный обиход (*глокализм, транскультура, видеократия, метабола, деперсонализация*), так и ожидающие своего осмысления (*всеразличие, гуманология, концептивизм, культуроника, мультивидуум*). Любопытно, что в словник таких "философских неологизмов" включаются также обретающие концептуальный вес служебные слова или части слов русского языка (предлог *в*, как *бы*, *недо-*, *прото-*) и даже " " (знак пробела). Как поясняют составители словаря, "проективный словарь <...> не регистрирует, а предвосхищает, потенцирует, проектирует будущие дискурсы и тенденции в развитии данной дисциплины, очерчивает круг ее концептуальных и терминологических возможностей" [4, с. 5]. Сам акт составления такого словаря выступает как первичный творческий авторский жанр ("творческое составление"). Систематизация новых терминов и понятий обещает придать философии более творческий характер в наступающем будущем.

Следующим шагом в "проективизации" русского языка и внедрении методов "проективного мышления" стал "Проективный словарь гуманитарных наук" – уже полностью авторский, значительно расширенный по отношению к ПФС, лексикографический труд, охватывающий понятия и концепты широкого круга гуманитарной культуры нашего времени. Согласно самому автору, цель этого словаря – "представить радикальное обновление понятийно-терминологического аппарата гуманитарных наук, ближайшие и отдаленные перспективы их развития. Словарь можно назвать *эвристическим*, поскольку он показывает разнообразные способы

смыслотворчества, образования новых идей и понятий" [7, <http>]. Обратим особое внимание на лингвистический раздел словаря: в нем суммированы экспериментальные понятия "творческой филологии", введившиеся Эпштейном за последние десятилетия. Эти понятия разного порядка: наименования языковых единиц и явлений (*апонимы, вербъект, имплектив, инфиниция, контраформатив, криптоним, оксимороним, прагмема, протологизм, филоним*); метаязыковых процессов и комплексов (*логопоэзия, лингвомутация, гиперязык, воязыквление, идеоязык, логодицея*); новых дисциплин, ассоциированных с лингвистикой (*лингвовитализм, лингводизайн, семиургия, семиургика, силентика, скрипторика*). Если В.П. Григорьев говорил о *языководстве* Хлебникова как о "воображаемой филологии", то в отношении опытов Эпштейна можно говорить о "проективной филологии" или о "трансформативной филологии". Такая филология заглядывает в будущее только намечаемых языковых явлений и с помощью проективных терминов концептуализирует еще не вполне сложившиеся, но назревающие или предвосхищаемые процессы.

Заключение

Введение абсолютно новых слов не характерно для научного дискурса. Если они вводятся на экспериментальной основе, как у Эпштейна, то им требуется благоприятная дискурсивная среда, чтобы закрепиться в языке. В научном дискурсе инновации часто являются результатом трансфера, т. е. переноса слов через порой далекие дисциплинарные расстояния (например, термин *кварк* возник как заимствование физиком М. Гелл-Манном из "Поминок по Финнегану" Джойса). Более того, иногда контраст между различными дисциплинарными областями играет на руку реципиентной теории (заимствование механистической терминологии формалистами). В художественном дискурсе новообразования могут возникать без донорских источников и мотивироваться самим художественным текстом. В поэзии это правило действует с особой силой, так как мотивировкой лексического творчества могут быть всевозможные формальные параметры художественного текста, как лингвистические, так и экстралингвистические.

Как правило, научный термин, сколь неологичным он бы ни был, вводится в виде антиномии, т.е. в паре с оппозитивным понятием (*энергия-эргон* у В. фон Гумбольдта, *означающее-означаемое* у Ф. де Соссюра и т.д.). Науке известны случаи усиленной неологизации в терминологии, однако во всех таких случаях новообразования приводятся в систему как минимум из двух антиномичных терминов. У М.Н. Эпштейна такими терминами, составляющими дихотомию, стали концептуализм и метареализм как обозначение двух течений в современной русской литературе. При этом термин метареализм является неологизмом, вполне закрепившимся в русском языке именно через научно-филологический дискурс.

Поэтический неологизм в своей эстетике и эвристике реально и потенциально многозначен, тогда как научный термин стремится к однозначности. Через бинарность научных терминов осуществляется дифференциация значений. В художественной литературе, и особенно в поэтическом дискурсе, важно, наоборот, синтезировать смыслы через многозначность.

Художественная креативность избегает повторения вновь создаваемых единиц (неологизм обычно употребляется один раз), тогда как научное дискурсивное творчество основано на повторении терминов с целью уточнения их специфики. Таким образом, можно сделать вывод, что механизмы языкового творчества в художественном и научном дискурсах различаются. В то же время обращение к единицам текста, в частности новообразованиям в поэзии и терминологии, позволяет говорить о переходах от художественного дискурса к научному дискурсу. Эвристема как единица художественного языка является мостом между художественным и научным мышлением, между художественной образностью и научной терминологией, между лингвоэстетикой и лингвоэвристикой.

Также можно сделать вывод, что художественный и научный дискурсы расположены по шкале языковой креативности на противоположных полюсах – для художественного характерна максимальная лингвокреативность, для научно-го – максимальная. Сам по себе вывод о креативном характере языка в литературе

и некреативности языка в науке может показаться тривиальным. Однако он позволяет понять, как эти два вектора взаимодействуют в полидискурсивных и интердискурсивных формах и текстах: в манифестах, очерках, трактатах, заметках. Лингвистический инструментальный сопоставительного дискурсивного анализа демонстрирует переходы между экспрессивной лингвокреативностью (лингвоэстетикой) в художественной литературе и эвристической креативностью (лингвоэвристикой) в научной терминологии.

Литература

1. Григорьев В.П. Поэтика слова. М.: Наука, 1979. 343 с.
2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. 400 с.
3. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 696 с.
4. Тульчинский Г., Эпштейн М. (ред.) Проективный философский словарь: Новые термины и понятия. СПб.: Алетейя, 2003. 544 с.
5. Хлебников В. Учение о наималых языка // *From Medieval Russian Culture to Modernism. Studies in Honor of Ronald Vroon. L. Fleishman et al (Eds.), Frankfurt am Main et al.: Peter Lang, 2012. P. 197–225.*
6. Эпштейн М. Слово как произведение: о жанре однословия // *Новый мир. 2000. № 9. С. 242–215.*
7. Эпштейн М. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 616 с.
8. Якобсон Р.О. Формальная школа и современное русское литературоведение. М.: Языки славянских культур, 2011. 280 с.
9. Warren J.P. *Walt Whitman's Language Experiment.* University Park: Penn State University Press, 1990. 230 p.

References

1. Grigoriev V.P. The poetics of the word. M.: Nauka, 1979. 343 p. (In Russ.).
2. Humboldt V. von. Selected works on linguistics. M.: Progress, 2000. 400 p. (In Russ.).
3. Saussure F. de. Works on linguistics. M.: Progress, 1977. 696 p. (In Russ.).
4. Tulchinsky G., Epshtein M. (ed.) Projective philosophical dictionary: New terms and concepts. St. Petersburg: Aleteyya, 2003. 544 p. (In Russ.).
5. Khlebnikov V. The doctrine of the naimals of the language // *From Medieval Russian Culture to Modernism. Studies in Honor of Ronald Vroon. L. Fleishman et al (Eds.). Frankfurt am Main et al.: Peter Lang, 2012. P. 197–225.* (In Russ.).
6. Epstein M. Word as a work: about the genre of one word // *Novy Mir. 2000. No. 9. P. 242–215.* (In Russ.).
7. Epstein M. Projective Dictionary of the Humanities. M.: New Literary Review, 2017. 616 p. (In Russ.).
8. Jacobson R.O. Formal school and modern Russian literary criticism. M.: Languages of Slavic cultures, 2011. 280 p. (In Russ.).
9. Warren J.P. *Walt Whitman's Language Experiment.* University Park: Penn State University Press, 1990. 230 p.

Владимир Валентинович ФЕЩЕНКО, д-р. филол. наук, старший научный сотрудник Института языкознания РАН, г. Москва, Россия, e-mail: takovich2@gmail.com

Vladimir V. FESHCHENKO, Doctor of Philological Sciences, Senior Researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: takovich2@gmail.com

Поступила в редакцию
(Received) 20.05.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 25.02.2023

Принята к публикации
(Accepted) 07.03.2023

Типология дополнительного элемента в китайском языке: история и современность

Елена Николаевна ЕМЕЛЬЧЕНКОВА

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, emelchenkovae@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена описанию подходов к классификации дополнительного элемента (补语 *būyǔ*) – особого члена предложения, выделяемого в китайской лингвистике. На материале грамматических описаний языка прослеживается эволюция взглядов китайских лингвистов, выявляются причины столь серьезных расхождений в типах дополнительного элемента, наблюдающихся в лингводидактической и теоретической литературе по китайскому языку. Показано, что смешение формальных и семантических критериев при выделении типов приводит к размыванию границ не только в рамках этого члена предложения, но и в соотношении с дополнением и обстоятельством.

Ключевые слова: грамматика китайского языка, синтаксис китайского языка, члены предложения, дополнительный элемент, комплемент, типы дополнительных элементов

Для цитирования: Емельченкова Е.Н. Типология дополнительного элемента в китайском языке: история и современность // Известия Восточного института. 2023. № 1. С. 115–130. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/115-130>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/115-130>

Typology of the complement (*buyu*) in Chinese: history and the present

Elena N. EMELCHENKOVA

Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, emelchenkovae@gmail.com

Abstract. This article reviews the numerous classifications of complement (补语 *buyu*), interpreted as a special part of a sentence in Chinese linguistics. Based on the original works of Chinese grammarians, we trace the evolution of approach to the concept of an element that supplements the semantics of a verb or an adjective in the predicate, to try to discover the reasons for discrepancies in the terminology and typology of the complement frequently found in Chinese language teaching materials and linguistic literature. Using both formal and semantic criteria for distinguishing the types of complement results in a blurring of class boundaries not only within the same kind of sentence constituents, but also in relation to object and adverbial modifier. The contemporary approach to the classification is based on the latest normative grammar recently published as a new Standard for International Chinese Language Education.

Keywords: Chinese grammar, Chinese syntax, parts of a sentence, complement, *buyu*, types of complement

For citation: Emelchenkova E.N. Typology of the complement (*buyu*) in Chinese: history and the present // Oriental Institute Journal. 2023. № 1. P. 115–130. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/115-130>

Вводные замечания

Современные учебники китайского языка (далее – КЯ) и педагогическая практика его преподавания в описании структуры простого предложения опираются преимущественно на теорию членов предложения (далее – ЧП). Среди ЧП в зависимости от выполняемой ими функции выделяются главные – подлежащее и сказуемое, составляющие основу предложения, и поясняющие или распространяющие их семантику – второстепенные члены. Набор второстепенных ЧП в частнолингвистических концепциях может иметь свои особенности. Так, в отечественной традиции сложилась трехчленное деление неглавных ЧП, включающее дополнение, определение и обстоятельство. "Определение выражает общее значение признака, дополнение – значение объекта, а обстоятельства характеризуют действие или признак в различных аспектах (со стороны их качества, количества или условий протекания). В рамках каждой группы второстепенных членов выделяются разновидности (согласованные и несогласованные определения, прямые и косвенные дополнения, виды обстоятельств по значению), причем в одних случаях дифференциация проводится преимущественно на формальном основании

(применительно к определениям и дополнениям), в других случаях – на смысловом основании (виды обстоятельств)" [5, с. 121].

Подобные определения, а их в литературе немало, наглядно иллюстрируют тот факт, что даже в таких языках, как русский, на материале которых учение о ЧП разрабатывается давно и довольно успешно, подходы к выделению структурных элементов предложения могут быть и оказываются совершенно различны. Отсутствует универсальная процедура или как минимум единообразное основание для разграничения второстепенных ЧП. В тех же грамматических традициях, где эти категории стали изучаться и описываться относительно недавно, лингвоспецифических подходов и точек расхождения по понятным причинам обнаруживается еще больше. Так, например, при описании функционального синтаксиса турецкого языка предлагалось объединить определительные, дополнительные и обстоятельственные компоненты структуры предложения в единую атрибутивную структуру, когда "один компонент представляет собой уточняемое (т. е. есть определяемое, дополняемое или обстоятельственное уточняемое), а другой – уточняющее (т. е. определение, дополнение или обстоятельство) [1, с. 260].

Предпосылкой идеальной классификации является выделение из всех возможных оснований какого-то одного признака как единственного с последующим размежеванием непересекающихся классов, которые бы охватывали все имеющиеся в данной системе варианты. Однако по факту применение одноаспектных типологий, учитывающих только один критерий – формальный (например, морфологическую природу ЧП) или смысловой – оставляет за кадром целый ряд релевантных языковых феноменов, не позволяя дать исчерпывающую классификацию, в которой каждому значимому элементу в предложении приписывалась бы та или иная синтаксическая функция. Кроме того, определенные трудности вызывают так называемые диффузные или синкретичные ЧП, совмещающие разнородные отношения, подобно тому, как в синтаксисе русского языка трудно дифференцируемыми оказываются объектные и определительные отношения в построениях типа *жажда познания, сын пяти лет*.

В китайской науке обсуждение проблем описания синтаксиса языка началось лишь в XX в. и в силу отсутствия собственной традиции на раннем этапе шло с опорой на теории, построенные на материале западных языков. С 50-х гг. в синолингвистическом сообществе имела место дискуссия о ЧП, разграничении подлежащего и дополнения в КЯ, критериях размежевания второстепенных ЧП. В настоящей статье мы остановимся на анализе подходов к дифференциации постпредикативных элементов в структуре предложения и типологии дополнительного элемента в грамматическом строе КЯ, который, несмотря на свой статус обязательной составляющей китайского учения о ЧП в лингводидактическом аспекте, в лингвистической литературе практически оставался вне фокуса научного интереса. Подобная лакунарность объясняется тем, что вопрос о принципах классификации второстепенных ЧП в КЯ с самого начала носил дискуссионный характер и по существу не получил удовлетворительного решения до сих пор. Отсутствие в русскоязычной литературе комплексных описаний и классификаций постулируемого в китайской лингвистике как особый ЧП дополнительного элемента имеет своим следствием расхождение в трактовке данного явления среди отечественных синологов. На восполнение этого пробела в синологии и направлена настоящая статья.

Становление концепции дополнительного элемента в Китае

Начиная с появления в китайской теории ЧП понятия 补足语 *bùzúyǔ* в "Новой грамматике китайского языка" Ли Цзиньси [14] до его замены термином 补语 *bǔyǔ* 'дополняющий/ дополнительный элемент/ член' в 50-е гг. XX в. процесс эволюции представлений китайских учёных не ограничивался терминологическими сдвигами, подробное изложение которых представлено нами в (Емельченкова Е.Н. Эволюция представлений китайских лингвистов о дополнительном элементе (补语 *bǔyǔ*) в предложении // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2023 (в печати)), речь шла именно о несовпадающих взглядах на суть явления 'дополняющий член' и его классификацию.

Понятие ‘дополняющий член’ пришло в китайскую науку извне, через бытовавшее на рубеже XIX-XX вв. в европейском языкознании представление об особом “дополнительном члене”, функция которого сводилась к пояснению изначально семантически неполного сказуемого. Сопоставление трех частнолингвистических подходов к описанию структуры простого предложения в терминах ЧП, а именно Дж. Коллинсона Несфилда применительно к английскому языку, А.А. Шахматова – к русскому синтаксису и Ли Цзиньси – к предложению в КЯ, представленное в табл.1, показывает очевидное сходство взглядов на природу постглагольного элемента поясняющего характера.

Сходство концепций хорошо иллюстрируют примеры из оригинальных работ с комментариями, которыми их снабдили авторы.

Дж. К. Несфилд выделяет два типа комплемента в зависимости от того, пояснением к какому ЧП – подлежащему или дополнению – они являются (фактивный и копулятивный соответственно):

- (1) That grief drove him **mad** (Factitive).
- (2) He seems to be **mad** (Copulative).
- (3) The new master put the class **into good order** soon.
- (4) A bird in the hand is **worth two in the bush** [11, с. 4-5].

Типология дополнительных членов А.А. Шахматова также строится в зависимости от того, семантику какого элемента в предложении он поясняет, с указанием морфологических признаков:

(5) Эта дама была – его жена. (дополнительный член (в сказуемом) в именит. падеже. Существительное)

(6) Петр, будь благоразумен. (дополнительный член (в сказуемом). Прилагательное. Предложения связочно-сказуемые)

(7) Скажите, а предводителем у вас кто? (дополнительный член (в сказуемом) в творит. падеже. Существительное)

(8) А ты сиди дураком, да хлопай глазами.

(9) Я воображал себя ее рыцарем. (дополнительный член (в прямом дополнении). Существительное)

(10) И видел он себя богатым, как во сне. (дополнительный член (в прямом дополнении). Прилагательное)

(11) И велела ей быть птичницей. (дополнительный член (в косвенном дополнении) всегда в творит. падеже. Существительное) [6, с. 345-350].

Применительно к материалу КЯ Ли Цзиньси выделяет пять видов 补足语 *bǔzúyǔ* в зависимости от типа глагола в сказуемом:

(12) 这些工人们好像一支军队。 *Zhè xiē gōngrénmen hǎoxiàng yī zhī jūnduì* ‘Эти рабочие похожи на военный отряд.’ (присвязочный тип, дополнительный член стоит после глагола-связки (同动词 *tóngdòngcí*))

(13) 工人都显出愉快的样子。 *Gōngrénmen dōu xiǎnchū yúkuài de yàngzi* ‘У всех рабочих радостный вид.’ (тип с непереходным глаголом (内动词 *nèidòngcí*))

(14) 工人请我报告。 *Gōngrén qǐng wǒ bàogào* ‘Рабочие попросили меня сделать доклад.’ (императивный тип)

(15) 他们叫我老哥。 *Tāmen jiào wǒ lǎo gē* ‘Они называют меня братом.’ (каузативный тип)

(16) 他们骂卖国贼没有良心。 *Tāmen mà mài guó zéi méi yǒu liáng xīn* ‘Они заклеймили предателей бессовестными.’ (эмотивно-оценочный тип) [14, с. 27-29].

Для 补足语 *bǔzúyǔ* в КЯ Ли Цзиньси предлагал использовать сокращенный вариант термина 足语 *zúyǔ* [14, с. 30], однако по факту в грамматических описаниях широкое распространение получила другая версия – 补语 *bǔyǔ* ‘дополнительный элемент’, со временем полностью вытеснивший первоначальный вариант.

Принципиальным моментом того периода стало появление расширительного понимания дополнительного элемента в КЯ, в отношении которого Чжао Юаньжэнь в [8] продолжал использовать термин *complement*, однако его наполнение

значительно отошло от того, что можно найти в лингвистических работах начала XX века. Чжао Юаньжэнь выделяет три типа структур с *complement*¹:

Verb-complement Compounds:

(17) 我吃饱了。 *Wǒ chībǎole* 'Я наелся.'

(18) 风刮倒了一所房子。 *Fēng guādǎole yī suǒ fángzi* 'Ветер опрокинул дом.'

Минимально возможная реализация complement в КЯ – это суффиксальное оформление глагола (了 *-le*): 把水喝了 *bǎ shuǐ hēle* 'выпить воду', 杀了人了 *shāle rén le* 'убить человека'.

Directional complements: 飞来 *fēi lái* 'взлететь'; 送去 *sòng qù* 'отправить'; 送进来 'проводить внутрь'; 拿出一本书来 *ná chū yī běn shū lái* 'вынуть книгу'

Potential complements: 拿得下来 *ná dé xiàlái* 'смочь снять' [8, с. 43-44].

Расширительная трактовка понятия в дальнейшем обнаруживалась у Люй Шуяня и Чжу Дэси в [21], которые ввели термин 'постглагольный добавочный элемент' 动词后面的附加语 *dòngcí hòumiàn de fùjiāyǔ*, включая в это понятие все то, что может стоять после глагола, и выделили следующие его типы в зависимости от степени спаянности компонентов и средств их выражения:

- суффиксальные элементы (词尾 *cíwěi*): 着 *-zhe* или 了 *-le*;
- элементы диффузного типа, имеющие промежуточный статус между суффиксальными морфемами и сложными глаголами (复合动词 *fùhé dòngcí*). Особенность этих единиц, проявляющих адвербиальные свойства, состоит в их отделенности от соответствующего глагола. К таким элементам относятся: 来 *lái*, 去 *qù*, 上 *shàng*, 下 *xià*, 起 *qǐ*, 住 *zhù*, 开 *kāi*, 过 *guò*, 了 *liǎo*, 着 *zháo*, 上来 *shànglái*, 下去 *xiàqù*, 起来 *qǐlái*, 过去 *guòqù*.

- глаголы и прилагательные в постпозиции к глаголу, структурно с ним смыскающиеся и допускающие вставку только 得 *de* или 不 *bu* в интерпозиции. Два соединенных таким образом односложных элемента рассматриваются как семантически целая единица и приравниваются к слову: 放大 *fàngdà* 'увеличить', 赶走 *gǎnzǒu* 'прогнать', 收紧 *shōujǐn* 'сжать', 打倒 *dǎdǎo* 'опрокинуть', 刷白 *shuābái* 'побелить'. Если хотя бы один из них представлен как двуслог, такое сочетание оказывается легко разделяемым и не может рассматриваться как один глагол: 说/明白 *shuō míngbái* 'объяснить', 洗/干净 *xǐ gānjìng* 'отмыть', 收束/紧 *shōushù jǐn* 'затянуть', 驱逐/走 *qūzhú zǒu* 'прогнать' [18, с. 18].

Уже на раннем этапе формирования концепции дополнительного элемента в китайской науке стала осознаваться важность решения вопроса его классификации и разграничения постпредикативных членов в китайском предложении.

В [9] Чжао Юаньжэнь предложил выделять свободные и связанные дополнительные элементы. По вопросу разграничения дополнительного элемента (*complement* в англоязычной терминологии) и дополнения (*object*) автор, ссылаясь на первопроходца в этом вопросе Ли Цзиньси, описывает предложения, в которых эти две функции тем не менее могут смешиваться. Проиллюстрируем позицию китайско-американского лингвиста цитатой, отражающей специфику авторского подхода, во многом повлиявшего на дальнейшую трактовку этих ЧП в китайской лингвистике:

5.6.2. *Complements and Objects*. We noted that the term "complement" has been used in a wide sense, so as to include objects (sec. 5.4.1), as in 我看书 *Woo kann shu*. 'I read books.', 狗咬人 *Goou yeau ren*. 'Dog bites man.', where *shu* and *ren* are complements in this very wide sense. However, there are certain special cases of objects which have been regarded as complements (e.g., Li Jinshi, *GYWF*, 55), even though objects in general are not included as a species of complements. These special objects occur after equational verbs or in pivotal constructions.

Objects after equational verbs are called complements because in traditional English grammar a pronoun after the copula is supposed to be in the nominative form instead of the objective form. Since there is no formal category of case in Chinese pronouns, not to

¹ Для единообразия представления примеров и удобства их восприятия здесь и далее мы используем иероглифическую форму записи, а не транскрипцию, как в исходном тексте у автора.

Автор	Работа	Используемый термин	Дефиниция
Nesfield John C.	"Manual of English Grammar and Composition" (1898)	Complement	"слово, которое используется для того, чтобы обозначить любой тип пояснения, кроме дополнения или дополнений, к переходному глаголу. Тип переходных глаголов, которым требуется комплемент точно так же, как и прямое дополнение, называется фактитивным. Непереходный глагол, который требует комплемент, называется копулятивным. ...Если опустить комплемент..., предложение будет практически бессмысленным. Именно комплемент выражает то значение, которое делает предложение полным" [11, с. 4-5].
Шахматов А.А.	"Синтаксис русского языка" (1925)	Дополнительный член (к сказуемому, к прямому дополнению, к косвенному дополнению)	"выразитель предикативных отношений, в которые становится представление о признаке (субстантивированном или несубстантивированном) к представлению о субстанции в подлежащем или дополнении" [6, с. 344].
Ли Цзиньси	"Новая грамматика китайского языка" (1924)	补足语 bǔzúyǔ 'дополняющий член/ дополнительный элемент'	Дополняющий член, соединяясь с глаголами-связками, поясняет, что представляет собой подлежащее, какую природу оно имеет, к какому типу относится или где существует... по большей части выражается предметными словами [14, с. 26]

Табл. 1. Частнолингвистические определения дополняющего члена/ дополнительного элемента/ комплемента.

Источник: составлено автором на базе данных [6; 11; 14]

Table 1. Language-specific definitions of complement.

Source: compiled by the author based on data [6; 11; 14].

speak of nouns, this reasoning does not apply. There is thus no reason why the *woo* in: 那是我. *Nah sh woo*. 'That is I.' and 他像我. *Ta shianq woo*. 'He resembles me.' should be treated differently, both being grammatical objects to the verb *sh*. In fact, even in English the colloquial *me* after the copula is displacing the more formal *I* in such constructions. (Cf. Fr. *C'est moi*.)...

...According to the same usage (Li Jiinshi, *GYWF*, 56), in expressions like 認他為父 *renn ta wei fuh* 'recognize him as father', 稱他為先生 *cheng ta wei shian.sheng* 'address him as sir', 娶他為妻 *cheu ta wei chi* 'marry her as wife', 升他做上將 *sheng ta tzuoh shanqiang* 'promote him to be full general', 舉他做總統 *jeu ta tzuoh tzoongtoong* 'vote for (~ elect) him for president', and so on, the nominal expression after the second verb is considered an objective complement. Since we have treated the nominal expression after *sh* as object, we shall treat the same also as object after *wei*, *tzuo*h 'acts as, is in the capacity of as object. The only thing that is special in such examples is that a preceding verb 認 *renn*, 稱 *cheng*, 娶 *cheu*, 升 *sheng*, or 舉 *jeu* makes the object *ta* a pivot, resulting in a pivotal construction V1-N-V2, where N is the object of V1 and the subject of V2. [9, с. 351-352]

Это положение было отражено и в китайязычной версии монографии, в которой Люй Шусян, выполнивший перевод [9] на КЯ, изложил п. 5.6.2 следующим образом:

"5.6.2. Дополнительный элемент и дополнение. Существует особый тип дополнения, который рассматривался как дополнительный элемент (например, у Ли Цзиньси в "Грамматике китайского языка"), а именно стоящий после идентифицирующих глаголов или в последовательно-связанных конструкциях с общим членом. 那是我. *Nà shì wǒ* 'То был я.' 他像我. *Tā xiàng wǒ* 'Он похож на меня.' 稱他為先生. *chēng tā wèi xiānshēng* 'назвать его господином' 娶她為妻. *qǔ tā wéi qī* 'взять ее в жены' 舉他當會長. *jǔ tā dāng huìzhǎng* 'выбрать его председателем' Мы

считаем, что эти дополнения ничем не отличаются от прочих типов дополнений" [20, с. 177].

Таким образом, к концу этапа формирования концепции дополнительного элемента китайская наука о языке окончательно отошла от исходного понимания данного термина, введенного в научный оборот Ли Цзиньси в [14].

Классификации дополнительного элемента этапа развития учения о членах предложения в китайской лингвистике

Очевидная разнородность единиц, относимых лингвистами к дополнительному элементу как особому ЧП, понимаемому предельно широко, естественно имела следствием разную трактовку постпредикативных элементов в предложении и несовпадение их типологий.

В [21] дополнительному элементу посвящена отдельная глава, в которой Чжу Дэси обобщил имевшиеся на тот момент представления о так называемой 述补结构 *shùbǔ jiégòu* 'предикативно-результативной конструкции'². В качестве критерия дифференциации постпредикативных ЧП предлагалось прежде всего использовать критерий категориальной принадлежности структурного элемента предложения в позиции после глагола, при этом дополнение – это член, который может быть как предметным, так и предикативным по своей природе, тогда как дополнительный элемент – это всегда элемент с предикативными свойствами. С концептуальной точки зрения, функция дополнения состоит в назывании вещей и ситуаций, связанных с действием (прямого или косвенного объекта, инструмента и т. п.), функция же дополнительного элемента заключается в пояснении результата действия или достигнутого состояния [21, с. 125].

В зависимости от наличия 得 *de* после соответствующего глагола в сказуемом Чжу Дэси описывает два структурных типа "предикативно-результативных конструкций":

- спаянные предикативно-результативные конструкции (粘合式述补结构 *niánhéshì shùbǔ jiégòu*), присоединяемые напрямую к глаголу: 抓紧 *zhuājǐn* 'крепко взяться за', 写完 *xiěwán* 'дописать', 煮熟 *zhǔshú* 'доварить (до готовности)', 说清楚 *shuōqīngchǔ* 'прояснить', 写上 *xiěshàng* 'написать', 走回去 *zǒu huíqù* 'пойти обратно';

- составные предикативно-результативные конструкции (组合式述补结构 *zǔhéshì shùbǔ jiégòu*), формальным признаком которых является наличие структурной частицы 得 *de* после глагола: 走得快 *zǒude kuài* 'идти быстро', 抓得紧 *zhuāde jǐn* 'крепко держать', 看得多 *kànde duō* 'насмотреться', 写得很清楚 *xiěde hěn qīngchǔ* 'написать четко', 看得见 *kàn de jiàn* 'видеть, видно', 听得出来 *tīng de chūlái* 'смочь расслышать, слышно', или отрицания 不 *bu* перед вторым компонентом конструкции как отрицательный коррелят соответствующей утвердительной формы: 看得见 *kàn de jiàn* 'смочь увидеть, видно' ~ 看不见 *kàn bù jiàn* 'не смочь увидеть, не видно'; 听得出来 *tīng de chūlái* 'смочь расслышать, слышно' ~ 听不出来 *tīng bù chūlái* 'не смочь расслышать, не слышно'.

В рамках составных предикативно-результативных конструкций в зависимости от природы 得 *de* Чжу Дэси выделяет два подтипа: со значением возможности (可能 *kěnéng*) и со значением состояния (状态 *zhuàngtài*). В конструкции возможности после глагола стоит служебное слово – частица 得 *de*, не относящаяся ни одному из ЧП, поэтому конструкция членится как 看/得/见 *kàn/ de/ jiàn* 'смочь увидеть, видно' и 听/得/出来 *tīng/ de/ chūlái* 'смочь расслышать, слышно'. В конструкции с семантикой состояния реализуется глагольный суффикс 得 *de*, поэтому членение будет бинарным: 看得/多 *kànde/ duō* 'насмотреться', 长得/漂亮 *zhǎngde/ piàoliang* 'быть красивой' [21, с. 126].

² Перевод данного термина как 'предикативно-результативная конструкция' трудно считать удачным, поскольку компонент 补 *bǔ* охватывает не только элементы, называющие результат, но и поясняющие элементы иной семантики, однако в силу имеющейся терминологической традиции мы используем общепринятый вариант перевода на русский язык.

Для ряда глаголов в силу изоморфизма обсуждаемых структур без контекста дифференцировать дополнительный элемент с семантикой возможности и дополнительный элемент с семантикой состояния оказывается невозможным: 写得好 *xiě de hǎo* может описывать как ситуацию возможности написать что-либо, так и высокую оценку написанного. Эти типы совпадают в утвердительной форме и различны в отрицательной:

(19) 写得好 *xiě de hǎo* 'сможешь написать' ~ 写不好 *xiě bu hǎo* 'не сможешь написать' (возможность/ невозможность)

(20) 写得好 *xiěde hǎo* 'хорошо написано' ~ 写得不好 *xiěde bu hǎo* 'плохо написано' (состояние).

По факту определенные дифференцирующие особенности обнаруживаются в обеих структурах, поскольку только дополнительный элемент состояния допускает развертывание, кроме того, общий вопрос с ними будет строиться по-разному:

(21) 写得好 *xiěde hǎo* 'хорошо написано' → 写得很好 *xiěde hěn hǎo* 'очень хорошо написано' → 写得非常好 *xiěde fēicháng hǎo* 'чрезвычайно хорошо написано' → 写得确实好 *xiěde quèshí hǎo* 'действительно хорошо написано' → 写得好极了 *xiěde hǎo jile* 'написано лучше некуда'

(22) 写得好写不好? *xiě de hǎo xiě bù hǎo?* 'сможешь написать или нет?' (возможность)

(23) 写得好不好? *xiěde hǎo bù hǎo?* 'хорошо написано или нет' (состояние) [21, с. 133-134].

В спаянных предикативно-результативных конструкциях представлен дополнительный элемент результата (结果补语 *jiéguǒ bǔyǔ*), выражаемый прилагательными и глаголами:

变小 *biànxǎo* 'уменьшаться', 切碎 *qiēsuì* 'изрезать', 晒干 *shàigān* 'высушить', 说清楚 *shuōqīngchǔ* 'пояснить';

说完 *shuōwán* 'договорить', 学会 *xuéhuì* 'освоить', 弄丢 *nòngdiū* 'потерять'.

Единицы этого типа с точки зрения формальной сегментации выступают как один член предложения, приравниваются к глаголу и могут оформляться глагольными суффиксами 了 *-le* и 过 *-guo*: 学会了开车 *xuéhuìle kāi chē* 'научился водить машину'; 打破了一个 *dǎpòle yī gè* 'побил один'; 看见过鲨鱼 *kànjiànguò shāyú* 'когда-то видел акулу'; 从来没喝醉过 *cónglái méi hēzuìguo* 'никогда прежде не напивался до пьяна'.

Классификация спаянных предикативно-результативных конструкций Чжу Дэси включает следующие классы:

- 趋向补语 *qūxiàng bǔyǔ* 'конструкции с дополнительным элементом направления': 上去 *shàngqù* 'подняться', 送回来 *sòng huílai* 'проводить обратно';

- 程度补 *chéngdù bǔyǔ* 'конструкции с дополнительным элементом степени': 好极了 *hǎo jile* 'очень хороший', 可笑透了 *kěxiào tòule* 'ужасно смешной'; конструкции с постпозитивным 到 *dào*.

В спаянных предикативно-результативных конструкциях с 到 *dào* выделяются следующие подтипы:

(1) после 到 *dào* стоит дополнение места (带处所宾语 *dài chùsuǒ bīnyǔ*), которое может элиминироваться: 爬到山顶上 *pá dào shāndǐngshang* 'вскарабкаться на вершину';

(2) дополнение времени (带时间宾语 *dài shíjiān bīnyǔ*), которое никогда не опускается: 长到十二岁 *zhǎng dào shí'èr suì* 'дорос до 12 лет'; 谈到半夜 *tán dào bànyè* 'болтать до полуночи'.

(3) обычное дополнение, выраженное существительным или местоимением (带一般宾语 *dài yībān bīnyǔ*): 听到一个消息 *tīng dào yī gè xiāoxī* 'услышать новость'; 轮到我了 *lún dào wǒ le* 'дошла (очередь) до меня';

(4) дополнение предикативного типа (带谓词性宾语 *dài wèicíxìng bīnyǔ*): 一直唱到吃晚饭 *yīzhí chàng dào chī wǎnfàn* 'петь без остановки до ужина' [21, с. 130-131].

Во впервые выдвинутой в 1978 году концепции Хуан Божуна и Ляо Сюдуну дополнительный элемент в предложении могут выступать предикативы, предикативные группы и предложные группы, поясняющие результат, направление,

количество, время, место действия или степень признака, обозначенного ядерным элементом (中心语 *zhōngxīnyǔ*) в препозиции [13, с. 377]. Между ядром и дополнительным элементом может ставиться служебное слово *得 de*.

Хуан Божун и Ляо Сюдун выделяют следующие типы дополнительного элемента:

- дополнительный элемент результата (结果补语 *jiéguǒ bǔyǔ*): 说<清楚>了 *shuō <qīngchǔ>le* 'прояснил', 听<懂>了 *tīng <dǒng>le* 'понял (на слух)', 说得<很清楚> *shuō de <hěn qīngchǔ>* 'говорить четко', 笑得<合不上嘴了> *xiào de <hé bu shàng zuǐ le>* 'смеяться, не закрывая рта (без остановки)';

- дополнительный элемент степени (程度补语 *chéngdù bǔyǔ*) 美<极>了 *měi <jí>le* 'чрезвычайно красивый', 好<一些> *hǎo <yīxiē>* 'чуть получше', 好得<多> *hǎo de duō* 'намного лучше', 急得<象热锅上的蚂蚁> *jí de <xiàng règuō shàng de mǎyǐ>* 'беспокойный, как муравей на горячей сковородке';

- дополнительный элемент направления (趋向补语 *qūxiàng bǔyǔ*) 拿<出>一本书<来> *ná <chū> yī běn shū <lái>* 'вынуть книгу', 拿一本书<出来> *ná yī běn shū <chūlái>* 'вынуть книгу', 拿<出来>一本书 *ná <chūlái> yī běn shū* 'вынуть книгу';

- дополнительный элемент количества (数量补语 *shùliàng bǔyǔ*) представлен в двух подтипах: количество раз (кратность действий): 看了<一次> *kànle <yī cì>* 'посмотрел раз', 走了<一趟> *zǒule <yī tāng>* 'съездил разок', 打了<一棍> *dǎle <yī gùn>* 'стукнул палкой раз', 踢了<一脚> *tīle <yī jiǎo>* 'пнул ногой раз' и длительность действия: 住了<两年> *zhùle <liǎng nián>* 'прожил два года', 等了<一会儿> *děngle <yīhuǐr>* 'прождал какое-то время';

- дополнительный элемент времени, места (时间, 处所补语 *shíjiān, chùsuǒ bǔyǔ*): 生<于1918年> *shēng <yú 1918 nián>* 'родился в 1918 году', 坐<在书架旁边> *zuò <zài shūjià pángbiān>* 'сидеть у книжных полок', 跑<到操场> *pǎo <dào cāochǎng>* 'добежать до спортплощадки', 走<向胜利> *zǒu <xiàng shènglì>* 'идти к победе';

- дополнительный элемент возможности (可能补语 *kěnéng bǔyǔ*): 晒<得>晒<不得> *shài <de> shài <bù de>* 'можно ли сушить на солнце или нет?', 小看<不得> *xiǎokàn <bù de>* 'нельзя недооценивать', 搬<得进去> *bān <de jìnqù>* 'сможь втащить внутрь', 搬<不进去> *bān <bù jìnqù>* 'не сможь втащить внутрь' [13, с. 371-373].

Для контекстов употребления дополнительного элемента направления и возможности с *得 de* Хуан Божун и Ляо Сюдун указывают на те же семантические и структурные особенности, что и Чжу Дэси, в частности отмечается неоднозначность трактовки 写得<好> *xiě de <hǎo>*, допускающей как прочтение 'сможь написать', так и 'хорошо написано'. Для выявления природы изоморфных структур авторы предлагают ту же самую процедуру с общим вопросом, что и Чжу Дэси, см. (22), (23) [13, с. 373].

Отличительной особенностью классификации, предложенной в [15], стало наличие выделяемого по формальному основанию и отсутствующего в других работах дополнительного элемента, выраженного предложной группой (介词短语补语 *jiècí duǎnyǔ bǔyǔ*), вводимой после глагола предлогами 于 *yú*, 向 *xiàng*, 自 *zì* с дальнейшей семантической субкатегоризацией для каждого из них:

(24) 鲁迅生于一八八一年。 *Lǚ Xùn shēng yú yī bā bā yī nián* 'Лу Синь родился в 1881 году.'

(25) 鲁迅一八八一年生于绍兴。 *Lǚ Xùn yī bā bā yī nián shēng yú Shào xīng* 'Лу Синь родился в 1881 году в Шаосине.'

(26) 一切真知来源于实践。 *Yīqiè zhēnzhī lái yuán yú shíjiàn* 'Все истинные знания приходят из практики.'

(27) 最近他正忙于写文章。 *Zuìjìn tā zhèng máng yú xiě wénzhāng* 'В последнее время он занят написанием статей.'

(28) 我们要从胜利走向胜利。 *Wǒmen yào cóng shènglì zǒu xiàng shènglì* 'Мы идем от победы к победе.'

(29) 这句话引自《马恩全集》。 *Zhè jù huà yǐn zì "Mǎ Ēn quánjí"* 'Это цитата из "Полного собрания сочинений Маркса и Энгельса".' [15, с. 626-627].

Кроме того, как отдельный тип был выделен модальный дополнительный элемент (情态补语 *qíngtài bǔyǔ*), в дальнейшем прочно вошедший в практику преподавания КЯ. Структурным признаком этого типа, обозначающих результирующее состояние, достигнутое при совершении названного в сказуемом действия, является наличие структурной частицы *得 de*:

(30) 我唱得不好, 请大家原谅。 *Wǒ chàng de bù hǎo, qǐng dàjiā yuánliàng* 'Я плохо пою, прошу меня простить.'

(31) 小李的汉字写得很清楚。 *Xiǎo Lǐ de hàn zì xiě de hěn qīngchǔ* 'Иероглифы Сяо Ли написаны четко.'

(32) 我看书看得忘了吃饭。 *Wǒ kàn shū kàn de wàngle chīfàn* 'Я так зачитался, что забыл поесть.' [15, с. 598-600]

Значительную роль в систематизации языковых данных, накопленных в китайской науке о дополнительном члене, сыграл Лу Цзяньмин, в [17] не только представивший свое видение типологии конструкций с дополнительным элементом, которую он рассматривает как конструкцию сжатой природы (缩略性质的结构 *suōlüè xìngzhì de jiégòu*), но и изложивший конструктивные решения для целого ряда проблем, обнаружившихся в учении о ЧП в КЯ. Его классификация имеет следующий вид.

Тип I. Предикативно-результативная конструкция, в которой дополнительный элемент выражен единицами предикативной природы. В рамках этого типа в зависимости от наличия/ отсутствия каких-либо формальных показателей выделяются три подтипа:

Подтип 1. Напрямую соединяемые сказуемое и дополнительный элемент. В этом подтипе выделяются следующие классы:

А. Конструкции с дополнительным элементом результата, которые лингвист иллюстрирует примерами, опять же разбиваемыми им на подгруппы в зависимости от категориальной принадлежности языковой единицы, выступающей дополнительным элементом (прилагательное/ глагол):

说清楚 *shuō qīngchǔ* 'прояснить', 染红 *rǎn hóng* 'покрасить в красный цвет', 补好 *bǔ hǎo* 'залатать', 削尖 *xiāo jiān* 'наточить',

推倒 *tuī dǎo* 'опрокинуть', 打死 *dǎ sǐ* 'забить насмерть', 抓住 *zhuā zhù* 'схватить', 学会 *xuéhuì* 'освоить',

В. Конструкции с дополнительным элементом направления:

送上 *sòng shàng* 'отправить', 推上来 *tuī shànglái* 'подтолкнуть', 追出来 *zhuī chūlái* 'выгнать наружу',

寄去 *jì qù* 'отослать', 扔下 *rēng xià* 'бросить', 赶出去 *gǎn chūqù* 'выгнать', 游过去 *yóu guòqù* 'переплыть'

С. Конструкции с дополнительным элементом степени:

气坏了 *qì huàile* 'очень разозлившийся', 好极了 *hǎo jile* 'чрезвычайно хороший', 香死了 *xiāng sile* 'ужасно душистый',

Подтип 2. Сказуемое и дополнительный элемент, соединяющиеся с помощью 得 de. В этом подтипе выделяются следующие классы:

Д. Конструкции с дополнительным элементом возможности, утвердительные формы которых представлены как

放得大 *fàng de dà* 'смочь увеличить', 抓得住 *zhuā de zhù* 'смочь схватить', 学得会 *xué de huì* 'смочь освоить', 钻得进去 *zuān de jìnqù* 'смочь пробуриться', 推得上去 *tuī de shàngqù* 'смочь вытолкнуть вперед', 游得过去 *yóu de guòqù* 'смочь переплыть', 放得下来 *fàng de xiàlái* 'смочь поставить'.

Отрицательными формами для представителей данного класса соответственно выступают:

放不大 *fàng bù dà* 'не смочь увеличить', 抓不住 *zhuā bù zhù* 'не смочь схватить', 学不会 *xué bù huì* 'не смочь освоить', 钻不进去 *zuān bù jìnqù* 'не смочь пробуриться', 推不上去 *tuī bù shàngqù* 'не смочь вытолкнуть вперед', 游不过去 *yóu bù guòqù* 'не смочь переплыть', 放不下来 *fàng bù xiàlái* 'не смочь поставить'.

Е. Конструкции с дополнительным элементом состояния:

洗得很干净 *xǐ de hěn gānjìng* 'отмыть(ся) очень начисто', 说得不很清楚 *shuō de bù hěn qīngchǔ* 'сказать не очень четко', 写得不好 *xiě de bù hǎo* 'плохо написано', 跑得喘不过气来 *pǎo de chuǎn bùguò qì lái* 'убегался так, что сбилось дыхание', 吵得谁的话都听不见 *chǎo de shéi de huà dōu tīng bù jiàn* 'шумно так, что никого не слышно'.

Ф. Конструкции с дополнительным элементом степени:

好得很 *hǎo de hěn* 'очень хорошо', 疼得厉害 *téng de lìhài* 'очень болит', 喜欢得了不得 *xǐhuān de liǎo bù dé* 'очень нравится', 累得慌 *lèi de huāng* 'крайне устал', 气得要命 *qì de yàomìng* 'ужасно зол', 恨得要死 *hèn de yàosǐ* 'ненавидеть до смерти', 挤得不成 *jǐ de bù chéng* 'тесно донельзя'.

Подтип 3. Между сказуемым и дополнительным элементом имеется слово 个 *ge* (обозначен как класс G):

问个明白 *wèn gè míngbái* 'доискаться до понимания', 说个清楚 *shuō gè qīngchǔ* 'четко проговорить', 看个仔细 *kàn gè zǐxì* 'внимательно посмотреть',

问了个明白 *wènle gè míngmíng báibái* 'доискался до самой сути', 说了个一清二楚 *shuōle gè yī qīng èr chǔ* 'сказал четко и однозначно', 看了个仔细 *kānle gè zǐxì* 'внимательно вчитался', 吃了个一干二净 *chīle gè yī gān èr jìng* 'съел все до последней крошки', 打了个落花流水 *dǎle gè luò huā liú shuǐ* 'разбили в пух и прах',

笑个不停 *xiào gè bù zhǐ* 'смеяться без конца', 雨下个不停 *yǔ xià gè bù tíng* 'дождь лил без остановки', 吵个不休 *chǎo gè bùxiū* 'ссориться постоянно', 写个没完 *xiě gè méiwán* 'писал без конца', 说个没完没了 *shuō gè méiwán méiliǎo* 'говорить без умолку'.

Тип II. Предикативно-результативная конструкция, в которой дополнительный элемент выражен предложной группой (обозначен как класс H):

等到下午五点 *děngdào xiàwǔ wǔ diǎn* 'ждать до пяти часов вечера', 坐在门口 *zuò zài ménkǒu* 'сидеть у входа', 躺在床上 *tǎng zài chuángshàng* 'лежать на кровати',

写于北大燕园 *xiě yú Běidà Yànyuán* 'написан в кампусе Пекинского университета', 生于1918年 *shēng yú 1918 nián* 'родился в 1918 году', 出于某种好奇心 *chū yú mǒu zhǒng hàoqíxīn* 'возник их любопытства',

来自四川 *lái zì Sìchuān* 'приехал из Сычуани', 走向光明的未来 *zǒu xiàng guāngmíng de wèilái* 'идти в светлое будущее'.

Тип III. Предикативно-результативная конструкция, в которой дополнительный элемент выражен количественной группой (обозначен как класс I):

走(了)三趟 *zǒu (le) sān tàng* 'ездил три раза',

尝一下 *cháng yíxià* 'разок попробовать', 坐一会儿 *zuò yíhuìr* 'посидеть недолго', 想一会儿 *xiǎng yíhuìr* 'немного подумать',

写(了)三天 *xiě (le) sān tiān* 'писал три дня', 看(了)三秒钟 *kàn (le) sān miǎozhōng* 'смотрел 3 секунды'.

Обобщив накопленный в китайской лингвистике материал, Лу Цзяньмин указывает на многочисленные несовпадения в приписывании синтаксической функции постглагольным элементам в предложении. Так, например, предикативно-результативная конструкция со счетным словом 个 *ge* у Чжу Дэси относится к 程度宾语 *chéngdù bīnyǔ* 'дополнение результата' [21, с. 121], выделяемому им наравне с дополнением места (时间宾语 *shíjiān bīnyǔ*) и дополнением времени (处所宾语 *chùsuǒ bīnyǔ*). В этом позиция Чжу Дэси схожа с подходом Чжао Юаньжэнь, также выделяющего 时地宾语 *shídì bīnyǔ* 'дополнение времени и места' [20, с. 177], но расходится с концепцией Хуан Божуна и Ляо Сюйдуна, у которых это дополнительный элемент времени, места (时间、处所补语 *shíjiān, chùsuǒ bǔyǔ*).

Несовпадения имеются и в отношении количественных групп в постпозиции к глаголу в сказуемом (класс I у Лу Цзяньмина). В то время как в большинстве классификаций, включая [12; 13; 17], этот ЧП рассматривается именно как дополнительный элемент, Чжу Дэси и Чжао Юаньжэнь относят его к особому типу дополнений, в [21] названном 准宾语 *zhǔnbīnyǔ* 'квазидополнение', а в [20] 自身宾语 *zìshēn bīnyǔ* 'самодополнение'.

Син Фуи в [19], русскоязычная версия которой отражена в [4], применительно к дополнительному элементу вводит понятие вершины и трактует соответствующие единицы как 带补心语 *dài bǔ xīn yǔ* 'комплементарные группы'. Характеризуя имеющиеся семантические типы дополнительного элемента, Син Фуи выделя-

ет два больших класса – относительный комплемент (状况类补语 *zhuàngkuàng lèi bǔyǔ*) и комплемент предметного типа (物体类补语 *wùtǐ lèi bǔyǔ*). Относительный комплемент включает пять подтипов: результативный, направительный, возможности, степени и отсутствующий у других авторов комплемент оценки (评判补语 *píngpàn bǔyǔ*), который автор иллюстрирует примерами: 睡得很早 *shuì de hěn zǎo* ‘лечь спать очень рано’; 扫得马虎 *sǎo de mǎhǔ* ‘подмести кое-как’; 走得太慢 *zǒu de tài màn* ‘идти слишком медленно’.

Комплемент предметного типа представлен как темпорально-локативный комплемент (时地补语 *shídì bǔyǔ*), комплемент количества (数量补语 *shùliàng bǔyǔ*) и связи (关系补语 *guānxì bǔyǔ*). Темпорально-локативный комплемент выражается уточняющей время или место предложной конструкцией: 在床上 *zài chuáng* ‘на/к кровати’; 到天明 *dào tiānmíng* ‘до рассвета’, причем имеется тенденция слияния ее с глаголом, к которому она примыкает. К комплементу количества автор относит любые дополнительные элементы, выраженные счетным комплексом, уточняющим кратность, длительность действия или разность в параметре: 看了三遍 *kànle sān biàn* ‘прочел три раза’; 住了三天 *zhùle sān tiān* ‘прожил три дня’; 重了三斤 *zhòngle sān jīn* ‘тяжелее на три цзиня’.

Особо выделяемый Син Фуи комплемент связи уточняет объект, способ или прием действия, выражается предложными группами типа 于 *X yú X* ‘на/ в X’, 以 *X yǐ X* ‘с помощью/ посредством X’ и т.п.: 寄希望于青年 *jì xīwàng yú qīngnián* ‘возлагать надежды на молодежь’ [4, с. 152-162].

В недавно вышедшей англоязычной монографии по различным аспектам грамматического строя КЯ [10] авторы описывают эту область синтаксиса следующим образом:

Based on their structural and semantic features, complements can be classified into the following seven types.

1. Resultant complements.
2. Directional complements
3. Complements of possibility
4. Modal complements
5. Degree complements
6. Numeral-quantifier complements
7. Prepositional phrase as complement [10, с. 88]

Столь очевидное смешение двух критериев (структурного и семантического) при выделении типов дополнительных элемента является следствием отсутствия общепризнанной и последовательной теории в китайской лингвистике.

Таким образом, даже в рамках беглого описания основных подходов к определению статуса дополнительного элемента в системе ЧП в китайской науке становится очевидно многообразие концепций и классификаций этого изначально неоднозначного элемента структуры предложения.

Классификация дополнительного элемента в нормативной грамматике современного китайского языка

На современном этапе для целей практического преподавания КЯ в качестве ориентира нормативной грамматики, комплексно и относительно системно излагающей грамматические нормы современного КЯ, может служить принятый в 2021 году "Стандарт уровней владения китайским языком как иностранным для целей его преподавания" [16], в котором выделяются следующие шесть типов дополнительного элемента:

Дополнительный элемент результата (结果补语 *jiéguǒ bǔyǔ*), присоединяемый к глаголу в сказуемом и выражаемый глаголом или прилагательным:

(33) 你写错了两个汉字。 *Nǐ xiě cuòle liǎng gè hànzi* ‘Ты неправильно написал два иероглифа.’

(34) 这个句子我没看懂。 *Zhè ge jùzi wǒ méi kàn dǒng* ‘Это предложение я не понял.’

(35) 衣服我洗干净了。 *Yīfú wǒ xǐ gānjìng le* ‘Одежду я выстирал.’

II. Дополнительный элемент направления (趋向补语 *qūxiàng bǔyǔ*). В рамках этого типа выделяют:

● простой подтип (简单趋向补语 *jiǎndān qūxiàng bǔyǔ*), когда к глаголу присоединяется только один элемент направительной семантики, при этом у дополнений наблюдается позиционная вариативность относительно сказуемого и дополнительного элемента. В рамках этого подтипа дополнительный элемент направления может выражаться парадигматически противопоставленными дейктическими глаголами 来 *lái*, 去 *qù*, присоединение которых в отечественном китаеведении, например, предлагалось трактовать как реализацию "категории ориентации" [7, с. 159]:

(36) 你看, 他向这边走来了。 *Nǐ kàn, tā xiàng zhè biān zǒu lái le* 'Смотри, он идет сюда.'

(37) 我明天带一个相机来。 *Wǒ míngtiān dài yī gè xiàngjī lái* 'Завтра принесу фотоаппарат.'

(38) 他昨天带来了一个相机。 *Tā zuótiān dài lái le yī gè xiàngjī* 'Вчера он принес фотоаппарат.'

Другой возможный способ выражения простого дополнительного элемента направления – присоединение 上 *shàng*, 下 *xià*, 进 *jìn*, 出 *chū*, 起 *qǐ*, 过 *guò*, 回 *huí*, 开 *kāi*:

(39) 爸爸从车上拿下电脑, 放回房间。 *Bàba cóng chēshàng ná xià diànnǎo, fàng huí fángjiān* 'Папа взял компьютер из машины и отнес обратно в комнату.'

(40) 妈妈走上二楼, 从包里拿出一封信。 *Māmā zǒu shàng èr lóu, cóng bāoli ná chū yī fēng xìn* 'Мама поднялась на второй этаж и достала из сумки письмо.'

(41) 你打开包给我看看。 *Nǐ dǎ kāi bāo gěi wǒ kàn kàn* 'Откройте сумку и покажите мне.'

● сложный подтип (复合趋向补语 *fùhé qūxiàng bǔyǔ*), когда к глаголу присоединяется двуморфемный элемент с семантикой направления, а именно: 出来 *chū lái*, 出去 *chū qù*, 过来 *guò lái*, 过去 *guò qù*, 回来 *huí lái*, 回去 *huí qù*, 进来 *jìn lái*, 进去 *jìn qù*, 起来 *qǐ lái*, 上来 *shàng lái*, 上去 *shàng qù*, 下来 *xià lái*, 下去 *xià qù* и др.:

(42) 他慢慢地走出教室去了。 *Tā mànman de zǒu chū jiàoshì qù le* 'Он медленно вышел из аудитории.'

(43) 汽车开过来了, 咱们准备上车。 *Qìchē kāi guò lái le, zánmen zhǔnbèi shàng chē* 'Машина приехала, готовимся к посадке.'

(44) 我昨天买回来些水果。 *Wǒ zuótiān mǎi huí lái xiē shuǐguǒ* 'Я вчера купил фруктов.'

Грамматическая особенность предложений с переходным глаголом и дополнением состоит в вариативности порядка следования элементов в предложении. Ср.:

(45a) 他从书包里拿了一本书出来。 *Tā cóng shūbāoli ná le yī běn shū chū lái* 'Он достал из портфеля книгу.'

(45b) 他从书包里拿出一本书来。 *Tā cóng shūbāoli ná chū yī běn shū lái* 'Он достал из портфеля книгу.'

(45c) 他从书包里拿出来一本书。 *Tā cóng shūbāoli ná chū lái yī běn shū* 'Он достал из портфеля книгу.'

Как дополнительный элемент результата в [16] рассматриваются присоединяемые к глаголу в сказуемом элементы 到 *dào*, 住 *zhù*, 走 *zǒu*:

(46) 他终于买到火车票了。 *Tā zhōngyú mǎi dào huǒchē chēpiào le* 'Ему наконец удалось купить билет на поезд.'

(47) 我把球传给他, 可是他没接住。 *Wǒ bǎ qiú chuán gěi tā, kěshì tā méi jiē zhù* 'Я кинул ему мяч, но он не поймал.'

(48) 那本书他取走了吗? *Nà běn shū tā qǔ zǒu le ma?* 'Ту книгу он унес?'

Аналогичная ситуация обнаруживается при присоединении 上 *shàng*, 出 *chū*, 起 *qǐ*, 下 *xià*, в данном случае переосмысляющихся из направительного значения в результативное:

(49) 请同学们离开教室时关上窗户。 *Qǐng tóngxuémen líkāi jiàoshì shí guān shàng chuānghu* 'Попросите учащихся закрывать окна, когда они уходят из класса.'

(50) 他向父母说出了自己的愿望。 *Tā xiàng fùmǔ shuō chū le zìjǐ de yuǎnwàng* 'Он высказал свои пожелания родителям.'

(51) 他终于想起了当时的情况。 *Tā zhōngyú xiǎng qǐ le dāngshí de qíngkuàng* ‘Он наконец вспомнил, что тогда произошло.’

III. Дополнительный элемент состояния (状态补语 *zhuàngtài bǔyǔ*) выражается прилагательным с обязательной постановкой 得 после глагола в сказуемом:

(52) 她跑得很快。 *Tā pǎo de hěn kuài* ‘Она быстро бегаёт.’

(53) 我们玩儿得很高兴。 *Wǒmen wánr de hěn gāoxìng* ‘Мы прекрасно провели время.’

(54) 孩子们把手洗得干干净净的。 *Háizimen bǎ shǒu xǐ de gāngānjìngjìng de* ‘Дети вымыли руки начисто.’

IV. Дополнительный элемент количества (数量补语 *shùliàng bǔyǔ*). Этот тип выражается постпозитивной к сказуемому количественной группой. Дальнейшая детализация позволяет выделить три подтипа:

- дополнительный элемент кратности (动量补语 *dòngliàng bǔyǔ*), уточняющий кратность ситуации. Для указания на количественную характеристику действия в постпозиции используется счетный комплекс с глагольным счетным словом:

(55) 我去过一次。 *Wǒ qùguo yī cì* ‘Я ездил разок.’

(56) 我来过中国一次。 *Wǒ láiguo Zhōngguó yī cì* ‘Я был в Китае один раз.’

(57) 我去过两次上海。 *Wǒ qùguo liǎng cì Shànghái* ‘Я был в Шанхае дважды.’

(58) 他读了三遍课文。 *Tā dúle sān biàn kèwén* ‘Он прочитал текст три раза.’

- дополнительный элемент длительности действия (时量补语 *shíliàng bǔyǔ*), который в зависимости от особенностей акционального класса глагола в сказуемом обозначает:

- длительность самой ситуации, если сказуемое выражено процессуальным глаголом:

(59) 我们休息一下儿。 *Wǒmen xiūxi yīxiàr* ‘Давай немного отдохнем.’

(60) 我学中文学了两年。 *Wǒ xué Zhōngwén xuéle liǎng nián* ‘Я изучал китайский два года.’

(61) 我学了两年中文。 *Wǒ xuéle liǎng nián Zhōngwén* ‘Я изучаю китайский два года.’

(62) 我等他等了半个多小时。 *Wǒ děng tā děngle bàn gè duō xiǎoshí* ‘Я прождал его больше получаса.’

срок, прошедший с момента реализации ситуации, называемой в сказуемом моментальным глаголом:

(63) 他们来中国两个月了。 *Tāmen lái Zhōngguó liǎng gè yuè le* ‘Они приехали в Китай два месяца назад.’

(64) 哥哥去北京一个星期了。 *Gēgē qù Běijīng yī gè xīngqī le* ‘Уже неделя, как брат уехал в Пекин.’

(65) 我父母结婚二十年了。 *Wǒ fùmǔ jiéhūn èr shí nián le* ‘Мои родители женаты уже 20 лет.’

- дополнительный элемент количества (数量补语 *shùliàng bǔyǔ*). При сказуемых, выраженных прилагательными, дополнительный элемент количества называет разницу в степени проявления признака:

(66) 我比弟弟大两岁。 *Wǒ bǐ dìdì dà liǎng suì* ‘Я на два года старше своего брата.’

(67) 昨天很热，今天凉快一点儿。 *Zuótiān hěn rè, jīntiān liángkuai yīdiǎnr* ‘Вчера было жарко, сегодня немного прохладнее.’

(68) 她的中文比我流利一些。 *Tā de Zhōngwén bǐ wǒ liúlì yīxiē* ‘Ее китайский язык более беглый, чем мой.’

V. Дополнительный элемент возможности (可能补语 *kěnéng bǔyǔ*)

Выражается постановкой 得 *de* для выражения возможности (69) или 不 *bù* при невозможности достижения определенного результата действия, обозначенного в сказуемом (70), либо возможности/ невозможности совершения действия в принципе для дополнительного элемента, выраженного как 得了 *de liǎo* и 不了 *bù liǎo* (71), (72):

(69) 老师的话我都听得懂。 *Lǎoshī de huà wǒ dōu tīng de dǒng* ‘Я понимаю всё, что говорит учитель.’

(70) 这件衣服太脏了, 洗不干净了。 *Zhè jiàn yīfú tài zāng le, xǐ bù gānjìng le* 'Эта одежда слишком грязная, (ее) невозможно отстирать.'

(71) 明天的比赛你参加得了吗? *Míngtiān de bǐsài nǐ cānjiā de liǎo ma?* 'Ты сможешь принять участие в завтрашней игре?'

(72) 我病了, 明天上不了课。 *Wǒ bìng le, míngtiān shàng bù liǎo kè* 'Я заболел и не смогу пойти завтра на занятия.'

VI. Дополнительный элемент степени (程度补语 *chéngdù bǔyǔ*), когда в постпозиции к сказуемому, выраженному прилагательным, глаголом психоэмоциональной или ментальной деятельности, добавляется элемент *得很 de hěn*, *极了 jile*, *死了 sǐle* и т.п.:

(73) 我累得很。 *Wǒ lèi de hěn* 'Я очень устал.'

(74) 这个游戏孩子们喜欢极了。 *Zhè ge yóuxì háizimen xǐhuān jile* 'Дети чрезвычайно любят эту игру.'

(75) 他们今天忙死了。 *Tāmen jīntiān máng sǐle* 'Они ужасно заняты сегодня.'

IV. Заключение

Таким образом, в ходе проведенного анализа исторического и лингвистического фона процесса формирования и развития концепции дополнительного элемента в китайской лингвистике приходится констатировать, что нестыковки, которые наблюдаются в синолингвистической литературе по проблеме статуса и классификации этого специфического ЧП в КЯ, на сегодняшний день носят повсеместный характер, обнаруживаясь в большинстве современных описаний этой языковой системы, и обусловлены, прежде всего, отсутствием единой и общепринятой теории в самой китайской науке. В лингводидактической литературе набор и трактовка синтаксических функций постпредикативных элементов в китайском предложении варьируется в зависимости от времени выхода грамматики КЯ и позиции автора, придерживающегося (полностью или частично) концепции того или иного китайского учёного. В учебниках 70-80-х гг. концепция дополнительного члена еще не была общепринятой, описания функционального синтаксиса обходились без данного понятия, ограничиваясь дополнением и обстоятельством как ЧП, поясняющими семантику сказуемого в КЯ. Так, излагаемая в [2] система ЧП не включает дополнительный элемент, в ней представлены различные виды дополнений и послеглагольных обстоятельств, что свидетельствует о возможности описания синтаксиса китайского предложения и меньшим набором синтаксических ролей. В [3] как отдельные типы выделяются дополнительные члены результата, направления и возможности, остальные же постпредикативные элементы отнесены к разным типам дополнений. Начиная с 90-х гг. учебники переводного типа опираются прежде всего на преподавательскую практику в самом Китае и описывают синтаксическую структуру предложения в КЯ исходя из шестикомпонентного учения о ЧП, при этом довольно часто смешиваются разные системы описания языка, в частности классы слов (части речи) и члены предложения, что приводит к еще большим расхождениям и непоследовательностям в описании грамматического строя КЯ.

На этом фоне пока вряд ли можно говорить об унификации подходов к трактовке дополнительного члена в функциональном синтаксисе КЯ, однако проблема формулировки признаков этой роли в предложении (помимо очевидного позиционного), описания языковых единиц, способных ее выполнять, с четкими критериями дифференциации дополнительного элемента, обстоятельства и дополнения сегодня с учетом резко возросшего интереса к изучению и преподаванию этого языка имеет приоритетное значение для синологии в целом и нуждается в более пристальном внимании не только преподавателей-практиков, но и в гораздо большей степени со стороны учёных-грамматистов.

Литература

1. Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. под ред. А.С. Аврутиной, Н.Н. Телици-на. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. 320 с.
2. Задоенко Т.П., Хуан Шу-Ин. Учебник китайского языка. М.: Главная редакция восточной литерату-ры, 1973. 756 с.
3. Практический курс китайского языка. Т.2. М.: ИД "Муравей", 2000. 528 с.
4. Син Фуи. Грамматика китайского языка. СПб.: С.-Петербург. ун-та, 2019. 764 с.
5. Синтаксис современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Фе-дерации / Г.Н. Акимова, С.В. Вяткина, В.П. Казаков и др.; под ред. С.В. Вяткиной / Учебно-методический комплекс по курсу "Синтаксис современного русского языка". СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 432 с.
6. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Вып. 1. Учение о предложении и о словосочетаниях / под ред. и с прим. Е. Истриной. Ленинград: Российская государственная академическая типография, 1925. 441 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/365824> (дата обращения: 30.11.2021).
7. Яхонтов С.Е. Категория глагола в китайском языке. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. 182 с.
8. Chao Yuen Ren. Mandarin Primer: An intensive course in spoken Chinese. Cambridge: Harvard University Press; London: Geoffrey Cumberlege, 1948. 336 с.
9. Chao Yuan Ren. A Grammar of Spoken Chinese. University of California Press, 1968. 847 с.
10. Liu Yuehua, Pan Wenyu, and Gu Wei. Practical Grammar of Modern Chinese III. Sentence Constituents (Chinese Linguistics. Book 3) London, Routledge, 2021. 226 с.
11. Nesfield J.C. Manual of English Grammar and Composition. London, Macmillan and Co., 1898. 348 с. URL: https://openlibrary.org/works/OL247380W/Manual_of_English_grammar_and_composition (дата обра-щения: 31.01.2022).
12. 胡裕树等著. 现代汉语. 上海教育出版社, 1981. 561页 = Ху Юйшу и др. Современный китайский язык. Шанхай цяююй чубаньшэ, 1981. 561 с.
13. 黄伯荣, 廖序东. 现代汉语. 北京: 高等教育出版社, 1981/ 1988. 548 页 = Хуан Божун, Ляо Сюйдун. Со-временный китайский язык. Ганьсу: Жэньминь чубаньшэ, 1981/ 1988. 548 с.
14. 黎锦熙. 新著国语法. 长沙: 湖南教育出版社, 1924/ 2007. 347 页 = Ли Цзиньси. Новая грамматика китайского языка. Чанша: Хунань цяююй чубаньшэ, 1924/ 2007. 347 с.
15. 刘月华等著. 实用现代汉语语法 (增订本) 北京: 商务印书馆, 2001. 1005 页 = Лю Юэхуа и др. Практиче-ская грамматика современного китайского языка (изд. испр. и доп.). Пекин: Шанью иньшугуань, 2001. 1005 с.
16. 《国际中文教育中文水平等级标准》 GF 0025-2021. 2021. 254 页 = "Стандарт уровней владения ки-тайским языком как иностранным для целей его преподавания" GF 0025-2021. 2021. 254 с. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/202103/W020210329527301787356.pdf (дата обращения: 16.02.2022).
17. 陆俭明. 述补结构的复杂性—《现代汉语补语研究资料》序 // 语言教学与研究, 1990 (1): 13–20. = Лу Цзяньмин. Сложность предикативно-результативных конструкций. Предисловие к "Материалам иссле-дований дополнительного элемента в современном китайском языке" // Преподавание и изучение языка. 1990, № 1. С. 13–20.
18. 吕叔湘, 朱德熙. 语法修辞讲话. 开明书店, 1951. 463 页 = Люй Шусян, Чжу Дэси. Лекции по грамматике и стилистике. Каймин шудянь, 1951. 463 с.
19. 邢福义. 汉语语法学. 长春: 东北师范大学出版社, 1996. 488 页 = Син Фуи Грамматика китайского язы-ка. Чанша: Дунбэй шифань дасюэ чубаньшэ, 1996. 488 с.
20. 赵元任. 汉语口语语法. 北京: 商务印书馆, 1979. 380 页 = Чжао Юаньжэнь. Грамматика разговорного китайского языка. Пекин: Шанью иньшугуань, 1979. 380 с.
21. 朱德熙. 语法讲义. 北京: 商务印书馆, 1982/ 1984. 232 页 = Чжу Дэси. Лекции по грамматике. Пекин: Шанью иньшугуань, 1982/ 1984. 232 с.

References

1. Guzev V.G. Theoretical grammar of the Turkish language. ed. A.S. Avrutina, N.N. Telitsin. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2015. 320 p. (In Russ.)
2. Zadoenko T.P., Huang Shu-Ying. Chinese textbook. M.: Main edition of Eastern literature, 1973. 756 p. (In Russ.)
3. Practical Chinese language course. T.2. M.: ID "Ant", 2000. 528 p. (In Russ.)
4. Xing Fuyi. Grammar of the Chinese language. St. Petersburg: St. Petersburg. un-ty, 2019. 764 p. (In Russ.)
5. The syntax of the modern Russian language: a textbook for higher educational institutions of the Russian Federation / G.N. Akimova, S.V. Vyatkina, V.P. Kazakov and others; ed. S.V. Vyatkina / Educational and methodological complex for the course "Syntax of the modern Russian language". St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University, 2013. 432 p. (In Russ.)

6. Shakhmatov A.A. The syntax of the Russian language. Issue. 1. The doctrine of the sentence and phrases / ed. and with approx. E. Istrina. Leningrad: Russian State Academic Printing House, 1925. 441 p. URL: <https://www.prlib.ru/item/365824> (дата обращения: 11/30/2021) (In Russ.).
7. Yakhontov S.Ye. The category of the verb in Chinese. Leningrad: Leningrad state university publishing house, 1957. 182 p. (In Russ.).
8. Chao Yuen Ren Mandarin Primer: An intensive course in spoken Chinese. Cambridge: Harvard University Press; London: Geoffrey Cumberlege, 1948. 336 p.
9. Chao Yuan Ren. A Grammar of Spoken Chinese. University of California Press, 1968. 847 p.
10. Liu Yuehua, Pan Wenyu, and Gu Wei Practical Grammar of Modern Chinese III. Sentence Constituents (Chinese Linguistics Book 3) London, Routledge, 2021. 226 p.
11. Nesfield J.C. Manual of English Grammar and Composition. London, Macmillan and Co., 1898. 348 p. URL: https://openlibrary.org/works/OL247380W/Manual_of_English_grammar_and_composition (дата обращения: 01/31/2022).
12. Hu Yushu et al. Modern Chinese. Shanghai jiaoyu chubanshe, 1981. 561 p. (In Chin.).
13. Huang Borong, Liao Xudong. Modern Chinese. Gansu: Renmin chubanshe, 1981/1988. 548 p. (In Chin.).
14. Li Jinxi. New Chinese Grammar. Changsha: Hunan jiaoyu chubanshe, 1924/ 2007. 347 p. (In Chin.).
15. Liu Yuehua et al. A Practical Grammar of Modern Chinese (rev. and rev. ed.). Beijing: Shangwu yingshuguan, 2001. 1005 p. (In Chin.).
16. "Standard for Proficiency in Chinese as a Foreign Language for Teaching Purposes" GF 0025-2021. 2021. 254 p. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt/s5987/202103/W020210329527301787356.pdf (дата обращения: 02/16/2022) (In Chin.).
17. Lu Jianming. The complexity of predicative-resultative constructions. Preface to "Materials of research of an additional element in modern Chinese" // Teaching and learning of language. 1990, No. 1. P.13–20. (In Chin.).
18. Lü Shuxiang, Zhu Dexi. Lectures on grammar and stylistics. Kaiming shudian, 1951. 463 p. (In Chin.).
19. Xing Fuyi. Grammar of Chinese. Changsha: Dongbei shifan daxue chubanshe, 1996. 488 p. (In Chin.).
20. Zhao Yuanren. Grammar of spoken Chinese. Beijing: Shangwu yingshuguan, 1979. 380 p. (In Chin.).
21. Zhu Dexi. Lectures on grammar. Beijing: Shangwu yingshuguan, 1982/ 1984. 232 p. (In Chin.).

Елена Николаевна ЕМЕЛЬЧЕНКОВА, канд. филол. наук, заведующий кафедрой теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки, доцент кафедры китайской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: emelchenkova@gmail.com

Elena N. EMELCHENKOVA, Candidate of Philological Sciences, Head of Department of theory and methods of training in languages and cultures of Asia and Africa, Associate Professor, Department of Chinese Philology, Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, e-mail: emelchenkova@gmail.com

Поступила в редакцию
(Received) 04.05.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 22.02.2023

Принята к публикации
(Accepted) 07.03.2023

Научная статья
УДК 32.019
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/131-146>

Политика памяти в Монголии в конце 2010-х – начале 2020-х гг.: участники, тематика и перспективы развития

Максим Валерьевич КИРЧАНОВ

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия, maksymkyrchanoff@gmail.com

Аннотация. Цель статьи – анализ политики памяти в современной Монголии начала 2020-х гг. Новизна исследования состоит в анализе политики памяти в современной Монголии. В статье проанализированы дискурсивно-нарративные стратегии мемориальной культуры в контексте развития государственных нарративов в актуальном каноне коллективной памяти Монголии, юбилейные мероприятия как форма государственно контролируемой исторической политики, особенности политики памяти в ее институционализированных формах. Показан вклад исторической политики в консолидацию национальной идентичности через призму функционирования культуры памяти и мемориального канона в Монголии.

Ключевые слова: историческая память, политика памяти, мемориальный канон, образ Чингисхана, институты памяти

Для цитирования: Кирчанов М.В. Политика памяти в Монголии в конце 2010-х – начале 2020-х гг.: участники, тематика и перспективы развития // Известия Восточного института. 2023. № 1. С. 131–146. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/131-146>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/131-146>

Mongolian politics of memory in the late 2010s and early 2020s: actors, topics and development prospects

Maksym W. KYRCHANOFF

Voronezh State University, Voronezh, Russia, maksymkyrchanoff@gmail.com

Abstract. The purpose of the article is to analyze the politics of memory in modern Mongolia of the early 2020s. The article is based on the principles of the memorial turn and belong to the paradigm of intellectual history. The novelty of the study lies in the analysis of common and unique features and directions of historical politics as a politics of memory in modern Mongolia, because studies of non-European cultures of memory in international historiography develop in a lesser extent in comparison with the same processes in memorial cultures of Western societies. The article analyzes 1) discursive-narrative strategies of memorial culture in contexts of the development of state narratives in the actual canon of the collective memory of Mongolia, 2) anniversary events as a form of state-controlled historical politics, 3) features of the politics of memory in its institutionalized forms. The results of the study suggest that the political elites are among main actors of historical politics and the inspirers of memorial culture because they legitimize their status with the help of various memory tools, including discursive-narrative practices based on the mythologization of the past and its instrumental understanding and application in modern politics.

Keywords: historical memory, politics of memory, memorial canon, image of Genghis Khan, institutions of memory

For citation: Kyrchanoff M.W. Mongolian politics of memory in the late 2010s and early 2020s: actors, topics and development prospects // Oriental Institute Journal. 2023. № 1. P. 131–146. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/131-146>

Введение

История в современном мире используется как один из наиболее эффективных ресурсов для консолидации политических режимов, электоральных мобилизаций и легитимации правящих политических элит в большинстве государств. В такой ситуации история утрачивает характеристики научного знания, превращаясь в один из элементов воздействия властей на общество. Совокупность подобных практик к историографии известна как историческая политика [3] или политика памяти [6]. Политика памяти предусматривает активное вмешательство государства в определение приоритетных направлений развития исторического знания,

манипуляцию фактами прошлого в политических целях, ограничение доступа к архивам, приоритетное направление одних направлений исследований в ущерб другим [14].

В современных обществах проявлениями исторической политики может быть создание специализированных институций, призванных формировать как определенный мемориальный канон, так и культуру памяти, которые соотносились бы с интересами элит. Перемещение исторических дискуссий из академической среды в средства массовой информации и активное участие общественных активистов в обсуждении прошлого с целью политизации истории являются признаками политики памяти.

Исторически политика, как институционализируемая форма манипуляции с прошлым в интересах политических элит, возникла в Центральной Европе, где была призвана упростить процессы демократизации и декоммунизации, переоценки истории социалистических режимов. Тем не менее определенные практики воздействия и влияния на интеллектуалов, которые в 1990-е гг. стали известны под родовым именем "политика памяти" регулярно использовались на протяжении XX века как демократическими, так и авторитарными режимами, что делалось для большей актуализации одних событий в ущерб другим в условиях существования стабильной идеологической конъюнктуры, которая вынуждала историков соотносить свои выводы с интересами правящих элит. Тем не менее до 1990-х гг. такая практика не была институционализована, проявляясь в цензуре, самоцензуре, приоритетном внимании одним сюжетам и сознательной маргинализации целых эпох в тех или иных национальных историографиях, существовавших, как правило, в рамках авторитарных режимов.

Если на протяжении 1990 – 2000-х гг. историческая политика оставалась преимущественно западным явлением, то в 2010-е гг. элиты и в других регионах осознали ее эффективность, что привело к появлению ее новых национальных версий. Элиты государств Азии, подобно правящим группам Запада, осознали важность идеологически мотивированного применения прошлого, что содействовало генезису и развитию новых форм политики памяти. Одним из таких государств оказалась Монголия, где сложились свои подходы к проведению исторической политики. Монгольская политика памяти свидетельствует о значительном уровне интеграции национальных интеллектуалов в международный контекст развития мемориальной культуры.

Историческая политика, проводимая монгольскими элитами, актуализирует общие и уникальные формы применения прошлого в сравнении с аналогичной активностью в странах Запада и Востока. Государство в современной Монголии стало основным заказчиком мемориального канона и играет одну из ведущих ролей в политике памяти. Политические элиты, как в других странах, формируют повестку дня исторической политики, содействуют принудительной ревизии или коллективной амнезии тех или иных моментов прошлого. Государство определяет набор тех исторических событий, которые следует интегрировать в мемориальный канон путем их социальной визуализации и более активного обсуждения в обществе.

Цель и задачи статьи

В центре авторского внимания в настоящей статье – проблемы политики памяти в современной Монголии. Целью статьи является анализ монгольской исторической политики через конструирование образов прошлого, обеспечивающих консолидацию общества и нации в конце 2010-х – начале 2020-х гг., что отличает актуальную модель мемориальной культуры от версии 1990-х гг., основанной на визуализации травматического опыта, связанного с коммеморацией репрессий как коллективной травмы. Поэтому задачи статьи – изучение государственных нарративов в современной политике памяти, анализ особенностей и проявлений визуальных форм исторической политики, выяснение ее роли в функционировании мемориального канона и ревизии истории, выявление перспектив исторической политики в современной Монголии.

Методология и историография

Настоящая статья в сфере методологии основана на достижениях современной историографии, сфокусированной на изучении коллективной памяти [45]. Рост интереса историков к проблемам памяти привел к мемориальному повороту, изменив векторы развития исторического знания. Наряду с традиционными нарративными и дискурсивными формами науки о прошлом, формируемых социальными и этническими группами, в число приоритетных тем вошла коллективная память [54]. Мемориальный поворот привел к росту специализации историков, но среди приоритетных проблем оказались вопросы функционирования механизмов мемориальных культур в контекстах создания коллективного прошлого [4], большей актуализации одних его моментов в ущерб другим [31]. Эти проблемы пребывают в центре теоретических штудий, что существенно влияет на изучение исторической политики как формы функционирования памяти в национальных историографиях [8].

Современная историография памяти отличается рядом особенностей. Среди приоритетных направлений [8] изучения коллективной памяти – выяснение общих принципов ее функционирования в рамках культурной амнезии или попыток конструирования прошлого [35]. Историческая политика воспринимается в контекстах воображения сообществ или изобретения традиций. Для значительной части работ, посвященных политике памяти характерно стремление к ее четкой локализации в контекстах истории национализма или интеллектуальной истории [5]. Подавляющее большинство современных исследований, посвященных исторической политике, ограничивается анализом ее конкретных версий [1]. Современная историография исторической политики, несмотря на междисциплинарность, отличается тематической и географической неравномерностью в проведении исследований мемориальных культур [39]. Если европейская и американская политика памяти изучается системно [2], то проблемы мемориальных культур обществ Азии [36], включая монгольское [42], изучены в меньшей степени.

Суммируя достижения историографии, сфокусированной на политически и идеологически мотивированных формах применения истории, во внимание следует принимать ряд факторов, которые, как полагает автор, влияют на выработку и функционирование версий и проявлений мемориальной культуры в Монголии. В научной литературе сложилась тенденция последовательного разграничения категорий "историография" и "историческая политика" как нетождественных и выполняющих различные функции. Это вовсе не означает, что профессиональные историки из академических институтов и университетов не могут быть вынужденными или добровольными участниками исторической политики, а профессиональные политики могут иметь историческое образование, используя факты прошлого, превратно ими трактуемые, для достижения собственных политических целей. Монгольский случай исторической политики интересен в том плане, что в отличие от других (преимущественно европейских) обществ демонстрирует солидарность политического класса и академического сообщества в опросах использования истории как формы идеологической легитимации существующего политического режима. Поэтому если оппозиция "академические интеллектуалы" / "профессиональные политики" вполне применима для анализа и описания проявлений и особенностей исторической политики в европейских обществах, то для характеристики мемориальной культуры в монгольском обществе она применима в меньшей степени.

"Институты памяти" в исторической политике современной Монголии.

Монгольское общество к проблемам памяти обращается периодически, что связано с ее вторичностью в инструментарии политических элит. Исторически для монгольского общества не было характерно западное отношение к историческому времени как прогрессу, что позволило в XX веке европейским интеллектуалам, по мнению французского историка Максима Раймона-Дюфура, превратить прошлое в предмет идеологических манипуляций [50]. Кроме этого в Монголии, подобно некоторым другим обществам, до начала процессов демократизации "не

менялись содержательные, методологические и терминологические модели интерпретации истории" [10, с. 21].

Эти модели оставались в основном позитивистскими по своей методологии, формируя особый тип нарратива, основанный на воспроизводстве линейной, преимущественно социально-экономической и политической истории, адаптированный под запросы того или иного, как правило, модернизирующегося общества, что позволяло ограничено учитывать и актуализировать его национальные и этнические особенности. Монгольская элита обратилась к применению западных методов восприятия прошлого вынужденно и позднее, чем это начали делать европейские общества. Вторичность монгольской исторической политики в этом контексте становится заметной в случае ее активного использования, которое, как правило, связано с решением внутривнутриполитических задач, стоящих перед элитами.

Важную роль в функционировании монгольской политики памяти играют юбилейные даты, внутренние политические процессы, связанные с предвыборной мобилизацией электората. Кроме этого, во внимание следует принимать и то, что основным участником политики памяти в Монголии является государство, которое в 2019 г. инициировало попытку консолидации коллективной памяти в рамках музеефикации сложившегося к тому времени мемориального канона. В качестве инструмента укрепления культуры исторической памяти была использована универсальная тактика, которая применялась и в других странах, где политические элиты активно использовали прошлое в качестве мобилизационного и легитимационного ресурса. В 2019 г. по инициативе властей был организован музей "Чингисхан", который позиционировался в качестве инструмента актуализации в обществе идеи, что монголы – "народ с древней государственной историей и богатым культурным наследием" [17]. Музейный комплекс, построенный в Улан-Баторе, был призван также историзировать город, актуализируя его коллективную память, что вызывало определенные затруднения, связанные с "вписыванием" памяти о Чингисхане в городские пространства архитектурно постсоветского города, хотя с проблемами синтеза исторической памяти и урбанизации сталкиваются не только монгольские участники исторической политики [55].

В 2020 г. премьер-министр У. Хурэлсух в связи со строительством музея указывал на то, что он призван консолидировать историческую память: "это будет уникальный памятник культуры, унаследованный от наших предков, великое историко-культурное интеллектуальное наследие, связанное с историей монголов... тем самым мы передаем нашу историю нашим детям" [23]. Директор музея Сампилдондов Чулуун указывал на его уникальную роль в развитии и сохранении исторической памяти, подчеркивая, что это – "не музей Чингисхана, а национальный музей его имени" [17]. Среди основных задач музея – консолидация исторической памяти на основе государственного нарратива, центральная роль в котором отводится именно Чингисхану. Обращение именно к образу Чингисхана, который стал центральным в современной политике памяти Монголии, не является случайным. По мнению американско-российского историка Н. Копосова, обращение к прошлому как источнику "объединяющих мифов, особенно после того, как ожидания на будущее не оправдались, явление универсальное и отнюдь не уникальное" [44]. Похожие тенденции характерны и для политики памяти Монголии, правящие элиты которой стремятся обеспечить политическую консолидацию режима, обращаясь к символически значимым ресурсам истории.

Одна из первых выставок была приурочена 859-летию со дня рождения Чингисхана и Дню монгольской гордости, получив символическое название "Монголчуудын дурсамж: Чингис Хаан" ("Воспоминания монголов: Чингисхан" [13]), что было призвано подчеркнуть системное значение образа хана для современного мемориального канона Монголии. Целью выставки стала демонстрация образов Чингисхана в монгольской исторической памяти через призму "национальной монгольской гордости" [19]. Поэтому С. Чулуун позиционирует музей не только как структуру, которая внесёт "ценный вклад в восстановление монгольской гордости, патриотизма и национализма" [17], но и организацию, способную пред-

ставить консолидированную память монголов как политической нации, которая включала бы хуннских правителей, политическую элиту Монгольской империи и Золотой Орды. Решению именно таких задач подчинена структура музея, включающая Зал древних монгольских государств, Большой монгольский зал, Зал Монгольской империи, Монгольский зал XV-XX вв., Зал гордости монголов [25]. В этой ситуации примечательно и то, что этот музей, как институт памяти, практически с самого начала функционирует, сочетая режимы виртуальности и аналоговости, что в целом соотносится с общими тенденциями развития коллективной памяти. В связи с этим американская исследовательница Г. Адамс подчеркивает, что если "цифровая коммуникация представляет будущее политики, то цифровые записи, которые остаются – это также будущее, определяющее траекторию культурной памяти" [30]. Поэтому Музей практически с самого начала активно использует виртуальные ресурсы как каналы активизации коллективной исторической памяти.

Перед Музеем была поставлена задача визуализации неразрывности государственной традиции и исторической памяти от хуннских предков до современной Монголии. Подобная миссия в целом вписывается в логику развития музеев как мест актуализации коллективной памяти. По мнению Ф. Бодегштейн, в современных обществах "музейные дискурсы обычно относятся к числу средств, позволяющих заставить посетителя почувствовать себя участником, а не пассивным наблюдателем своей "собственной" истории" [33]. В случае с Музеем Чингисхана перед ним ставились сходные задачи, хотя история и память в значительной степени были подвергнуты персонификации вокруг фигуры одного правителя. Поэтому центральной идеей актуальной политики памяти становится не просто концепция континуитета, но и мифологема, согласно которой "современная Монголия – это наследие Чингисхана" [17]. Таким образом, хотя Монголия не имеет специальных институтов памяти, аналогичных по своим функциям тем, которые существуют в Европе, музей "Чингисхан" фактически играет очень близкую роль, став институцией, ответственной за формирование мемориального канона, способного консолидировать общество. Превращению Музея Чингисхана в монгольский аналог институтов памяти содействует присоединение к нему в 2022 г. Монгольского государственного исторического музея [24]. Подобные меры были направлены на унификацию коллективной памяти, а музей, как государственная институция, увеличивал свою видимость в проведении исторической политики. Появление Музея Чингисхана было подчинено решению задач исторической политики и превращению истории в символический ресурс для легитимации элит и упрощения идеологической мобилизации населения через большую визуализацию нарративов древней истории. Поэтому, вероятно, права американская исследовательница мемориальной культуры Кэролайн Э. Джэнни, которая полагает, что "память о прошлом – это всегда память о настоящем, память о применении прошлого для утверждения социальных, культурных и политических идеалов" [41]. Подобная логика определяет и механизмы функционирования исторической политики в современной Монголии, где прошлое, редуцируемое до образов великих деятелей монгольской истории, является не более чем символическим ресурсом, используемым для консолидации общества.

Другим государственным учреждением, вовлеченным в реализацию исторической политики, является "Чингис хааны өв, соёлын хүрээлэн" (Институт наследия и культуры Чингисхана), созданный в 2019 г. В рамках официальной версии коллективной памяти Чингисхан позиционируется как "гений второго тысячелетия, основавший Великую Монголию и положивший начало золотому веку монгольской истории" [27]. В этом контексте политика памяти в Монголии повторяет ошибки, допущенные элитами в других странах, когда, по мнению М. Синхи, "национальное примирение или строительство нации" становилось результатом "забвения" моментов истории [53], которые воспринимались как идеологически неудобные. В число задач Института входит "прославление роли Чингисхана в монгольской и мировой истории, разработка единой политики и программы, направленных на

распространение и популяризацию наследия и культуры Монгольской империи за рубежом, проведение фундаментальных исследований по установлению норм и созданию правовой среды использования обрядов, почестей и имен, связанных с Чингисханом, в общественных отношениях" [28]. В 2021 г. Институт оказался среди основных участников политики памяти, активно организовывая коммеморативные мероприятия, связанные с 860-летием со дня рождения Чингисхана [16], чем содействовал еще большей мифологизации его роли и придания ему системообразующего значения в современной мемориальной культуре Монголии.

В 2022 г. Институт начал применять стратегии "проработки прошлого", характерные для "институтов памяти" в Европе. Использование западного опыта выразилось в популяризации официального мемориального канона путем его большей актуализации в общественных пространствах. Например, 30 марта 2022 г. Институт провел презентацию "Чингис хааны байгуулсан дэлхий ертөнц" ("Мир, основанный Чингисханом") для воспитателей и сотрудников детского сада № 187 Налайхского района "с целью прославления роли Чингисхана" [25]. Институт оказался не только одним из реализаторов политики памяти в современной Монголии. На него были возложены обязанности организации коммеморативных мероприятий, призванных консолидировать мемориальный канон коллективной памяти фактически путем "изобретения традиций". Таким образом, Институт был призван не только проводить академические исследования, но и формировать позитивный образ Чингисхана, то есть фактически участвовать в воспроизводстве идеологических мифологем.

Трансформации образа Чингисхана в современной монгольской модели культуры памяти, рассмотренные нами выше, отражают общие тенденции развития национальной идентичности. Кристофер Каплонски, комментируя трансформацию его образа в национальной идентичности монголов в XX веке в условиях авторитарной модернизации, подчеркивает, что "Чингисхан вовсе не был фигурой умолчания в социалистической Монголии. На самом деле ограничены были лишь рамки возможной интерпретации и оценки значения этого исторического деятеля" [43], что не мешало локализовать его фигуру в коллективной исторической памяти. Процессы демократизации, начавшиеся в 1990-е гг., привели в замене социально-экономической доминанты в историографии национально ориентированными интерпретациями. Поэтому образ Чингисхана оказался не только чрезвычайно привлекательным для историков, но и крайне удобным для новой волны идеологически мотивированных интерпретаций.

Склонность историков к поиску консолидирующих символов, которые способны объединить нацию, привела к тому, что Чингисхан стал ассоциироваться с подлинной и реальной монгольской исторической памятью и идентичностью, которые в социалистический период, если не были подавлены, то получали жестко детерминированные преимущественно социально-экономические и идеологически мотивированные интерпретации. Таким образом, Институт наследия и культуры Чингисхана фактически легитимизирует и закрепляет те тенденции в функционировании исторической памяти, которые были запущены в результате формирования новой мемориальной культуры в 1990-е гг., когда в ее основу были положены не идеологические, а национальные мотивы.

В связи с этим представители профессионального сообщества историков от формирования самой концепции музея оказались отстранены, что стало причиной критики проекта с их стороны. Определенное неприятие такой версии исторической политики стало следствием понимания того, что "историей можно злоупотреблять" [52]. Подобные некорректные применения прошлого, как правило, инициируются элитами, которые действуют не в интересах истории как науки, но стремятся интегрировать ее в политическую культуру. Актуальный опыт монгольской политики памяти актуализирует ее универсальные закономерности и расхождения с академической наукой, так как, по мнению Дэвида В. Блайта, "память часто кому-то принадлежит в то время как история интерпретируется, память передается из поколения в поколение, а история пересматривается" [32]. По-

этому попытки политизации истории, ее интеграции в механизмы политической легитимации могут вызывать как непонимание, так и отторжение со стороны представителей научного сообщества.

Ситуация неприятия исторической политики как формы манипуляции с прошлым со стороны научного сообщества не уникальна для современной Монголии. По мнению американского историка Джэймса Гроссмана, следует различать "историю, связанную с политикой, и историю, движимую политикой" [38]. Если современные монгольские интеллектуалы различают две эти формы функционирования истории в обществе, то они неизбежно оказываются критиками политики памяти, так как она строится на подчинении истории как науки и актуализации ее сервилизма относительно элит. Д. Анхбаяр, профессор МонГУ, указывал на то, что историков не привлекали ни в каком качестве для сотрудничества с администрацией музея [23]. Непонимание академических интеллектуалов вызвала и структура музея: "истории Чингисхана и Монгольской империи были отведены только пятый и шестой этажи. Третий и четвертый этажи посвящены истории древних государств во главе с хуннами, а пятый и шестой этажи – истории Чингисхана и Монгольской империи... седьмой и восьмой этажи будут посвящены маньчжурскому периоду и Богдовскому ханству Монголии. Так какая же необходимость называть этот музей имени Чингисхана?" [22].

Другие представители академического сообщества также высказывали критические замечания. Например, Ж. Гэрэлбадрах указывал на нелогичность и непродуманность общей логики позиционирования коллективной памяти в Музее Чингисхана, подчеркивая, что фигура самого правителя потеснена в экспозиции моментами, которые актуализируют более поздние этапы монгольского прошлого [23]. Подобная ситуация, по мнению Н. Копосова, не может быть признана уникальной и исключительной, так как "историки теряют контроль над исторической памятью во всем мире" [43]. Поэтому проведение политики памяти современными монгольскими элитами в условиях минимального учета мнения академического сообщества только подчеркивает универсальность ситуации.

Несогласие части представителей интеллектуального сообщества с государственной моделью исторической памяти актуализирует ее родовые особенности, которые в монгольском случае ограничиваются мифологизацией прошлого вокруг одной фигуры, воображаемой в качестве отца нации; преимущественно государственным формированием исторической политики и воспроизводимой в ее рамках мемориальной культуры и, как следствие, традиционной направленностью функционирования мемориального канона, который является маскулинным [34], что автоматически исключает альтернативные версии проведения коммеморативной политики.

Критика официальной политики памяти со стороны представителей академического сообщества фактически осталась не услышанной, так как историография и историческая политика в современных обществах развиваются не параллельно, но разнонаправленно. Если историческая наука опиралась на принципы гуманитарной эпистемологии, воспринимая прошлое как познаваемую категорию, то политика памяти, по мнению турецкого историка Нурана Ишика, представленная "официальными дискурсами прошлого", всегда опиралась на "использование символических форм легитимации, включая прославление, мистификацию, ритуализацию, воспринимаемых как модусы власти в понимании истории" [40]. Таким образом, расхождение академического сообщества и участников политики памяти подчеркивают универсальность фрагментации обществ, элиты которых ее активно практикуют. Поэтому в Монголии, как и других странах, историческая политика актуализирует свой сервилистский и ситуативный характер.

Историческая политика в Монголии в начале 2020-х гг.

Рост интереса к коллективной памяти, как правило, связан с электоральными циклами (например – с парламентскими выборами 2020 г.) или с проведениями юбилейных мероприятий, используемых для консолидации мемориального канона и продвижения определённых представлений о прошлом.

Последняя крупная волна активизации исторической политики имела место перед выборами 2020 г., когда международная общественная организация "Сэргэлэн Интернэйшнал Экспедишн" выступила с призывом "Үндэсний ой санамжийг хамтаар сэрээ" ("Разбудим нашу национальную память вместе"). С. Сэргэлэн, руководитель организации, подчеркивая важность исторической памяти для монгольского общества, указывал на то, что "национальная память – это сложное понятие, которое состоит из общего языка, истории, культуры, общих обычаев и устремлений нашей памяти. Люди с общей памятью называются нацией. Нам необходимо всегда быть свободными от памяти других народов – это неприкосновенность существования этого народа" [18]. По мнению французской исследовательницы политической памяти Д. Наполи, "взаимосвязь между историографическим производством, процедурами политической и социальной памяти, показывает, в какой степени память нуждается в истории, но последняя с трудом ищет средства собственной репрезентации прошлого перед угрозой ассимиляции или кризиса традиционных ориентиров историографического дискурса" [35]. Поэтому, если история как наука не в состоянии артикулировать себя и свою роль в современном обществе, она оказывается в ситуации институционализированной зависимости от элит, что стимулирует редукцию истории из формы знания в политику памяти как элемент политической режима.

Монгольская версия исторической политики направлена на активизацию национальной памяти как элемента управления и укрепления государства. По мнению С. Сэргэлэна, политика памяти является основой эффективной государственности. Поэтому примерами проведения эффективной исторической политики, по его мнению, следовало признать КНР и РФ. Возможность использования зарубежного опыта политики памяти он связывал исключительно с монгольскими национальными интересами, указывая на то, что именно стратегии развития и укрепления исторической памяти могут стать основой последующего существования монгольской нации. Другой монгольский политик Д. Эрдэнэбаатар, в начале 2020-х гг. указывал на важность внешних неблагоприятных факторов в развитии монгольской исторической памяти. Д. Эрдэнэбаатар продвигал преимущественно государство-центричные нарративы в политике памяти, подчеркивая, что Монголия, как современное государство, возникло относительно поздно, в 1911 г., что, по его мнению, не отменяло более древние традиции государственности.

Поэтому, внешние факторы оценивались им негативно, так как глобализация воспринималась как угроза сохранению монгольской коллективной памяти. Именно поэтому Д. Эрдэнэбаатар в 2020 г. призывал "защитить историю нашей страны от иностранной агрессии", указывая на необходимость на выборах поддерживать кандидатов, которые "дорожат своим языком и культурой, уделяя первостепенное внимание безопасности своей нации" [18]. Подобные нарративы актуализировали сервиллизм исторической политики как метода решения задач консолидации, которые периодически становятся актуальными для элит, особенно – в период проведения выборов. Именно в рамках выборов монгольская политика памяти актуализировала нарративы древней государственности, "2300-летней истории", воспринимаемой утилитарно в качестве одного из символических ресурсов для решения задач накануне парламентских выборов, что призвано визуализировать то, как у "каждого монгола формируется национальная память и патриотизм" [18].

Историческая политика в Монголии в 2020 г. в преддверье выборов актуализировала неразрывность исторического процесса и регионального пространства, воображаемого как монгольское. Поэтому общественные активисты, вовлеченные в политику "проработки прошлого", особо подчёркивали то, что "сегодняшние монголы – это народ с очень древней историей, насчитывающей около 2300 лет. Мы, монголы, народ, никуда не ушедший из бассейнов рек Орхон, Селенга, Туул, Хануй и Хунуй" [20]. Именно в этих пределах активисты исторической политики в Монголии инициируют учет памятников материального наследия [14], что воспринимается как одна из возможностей визуализации монгольской исторической памяти и непрерывности присутствия монголов в регионе.

В 2021 г. Монголия отмечала столетие революции, что вынудило внести коррективы в мемориальный канон. Акторами коммеморативных мероприятий стали представители политических элит и интеллектуалы, призванные консолидировать коллективную память путем интеграции исторического и актуального опыта монгольской государственности. С этой целью в декабре 2021 г. в Улан-Баторе прошла конференция "1921 оны Ардын хувьсгал – 100 жил, түүх ба орчин үе" ("100 лет Народной революции 1921 года, история и современность"). 1921 г., конструируемый в мемориальном пространстве Монголии в категориях "революции", занимает особое место в современной культуре памяти, воспринимаясь как начало модернового государственного проекта, что в некоторой степени сближает монгольские стратегии "проработки прошлого" с аналогичными манипуляциями историей со стороны европейских элит [51]. В большинстве современных обществ работа практикующих историков "не может быть сведена к производству эмпирических исследований" [47], что превращает их в агентов государственной политики памяти.

Поэтому Д. Рэгдэл, Президент Монгольской академии наук, в 2021 г. подчеркивал, что "век назад монгольский народ с помощью своего северного соседа, Советской России, освободил свою страну от иностранной агрессии, что позволило произойти глубоким изменениям. Национально-демократическая революция 1921 г. открыла новую эру в истории независимости и развития страны" [12]. Монгольский мемориальный канон актуализировал свой гетерогенный и синтетический характер, что проявилось в признании внешнего фактора в истории событий 1921 г. и их преимущественно положительном восприятии в то время как другие страны [50] моменты собственного революционного опыта в современных культуре памяти подвергли ревизии.

Функционирование образов 1921 г. и их производных, связанных в первую очередь с историей МНР, отражает основные тенденции современной коллективной памяти в Монголии. К началу 2020-х гг. монгольское общество утратило интерес к критике и ревизии исторического опыта МНР [37], предпочтя сосредоточиться на мифологизации более отдаленного с хронологической точки зрения. Поэтому, не деятели МНР [48], но средневековые правители, оказались более подходящими фигурами для мифологизации и приданию им центрального статуса в мемориальном каноне. В этой ситуации попытки актуализации памяти именно о средневековой истории, воображаемой в героической системе координат, носят в современной политике памяти системный и регулярный характер. Обращение к историческому наследию МНР, наоборот, стало ситуативным, представляя в большей степени не обязательный, а факультативный, дополнительный элемент актуальной монгольской исторической политике и формируемой в ее рамках коллективной памяти.

Признание прогрессивной роли Советской России указывает на то, что мемориальная культура Монголии не знала процессов декоммунизации в объемах сравнимыми с изменениями исторических памятней в Европе. Монгольские интеллектуалы указывали на незавершенность оформления мемориального канона, признавая и то, что "еще предстоит дальнейшее изучение истории этой революции, выявление новых источников, изучение наиболее спорных и сложных вопросов, достижение общего понимания" [12]. В этой ситуации современные монгольские интеллектуалы оказываются вынужденными или добровольными (в значимости от ситуации и политической конъюнктуры) агентами политики памяти в силу того, что "мемориальная революция, придавая памяти большую ценность по сравнению с историей ставит под сомнение социальную функцию историков" [47] как форматоров и хранителей коллективной памяти в обществах. Эта трансформация стала возможной в силу того, что манипуляции с прошлым были монополизированы политическими элитами. Поэтому политика памяти превращает мемориальную культуру в набор нарративов, которые пересматриваются, и чья интерпретация зависит от идеологической конъюнктуры и предпочтений правящих элит.

Историческая политика в Монголии решает несколько задач, связанных с консолидацией этничности и идентичности монголов как гражданской политической нации. Подобная многовекторность не только актуализировала сервизм интеллектуалов в отношении элит, но и указывала на определённый уровень консолидации общества, склонного применять политику памяти для актуализации как образов Другости, так и для продвижения концептов Самости. В целом государственная политика памяти имеет различные проявления, включая в себя коммеморативные практики, связанные с разного рода юбилеями. Например, в 2022 г. Монголия отмечала не только 50-летие установления дипломатических отношений с Японией, но общественные активисты связали эту дату с 700-летием монголо-японского сотрудничества [20], что актуализирует манипулятивный характер политики памяти.

Визуализация политики памяти в начале 2020-х гг.

Современная политика памяти в Монголии активно использует визуальные ресурсы, связанные с массовой культурой. Стратегии визуализации исторической памяти разнообразны. Одной из форм визуализации памяти является публикация фотографических источников по новейшей истории Монголии [29], что актуализирует гетерогенность коллективной памяти, в которой представлены проблемы социальной и культурной модернизации, которые содействовали размыванию и эрозии традиционной идентичности, миграции памяти в содержательно и культурно иные пространства в условиях урбанизации. Визуализация памяти активно используется в рамках празднования юбилеев монгольских аймаков. В 2022 г. коммеморативные мероприятия в Архангайском аймаке стали попыткой реактуализации коллективной исторической памяти на национальном и региональном уровнях одновременно, что выразилось в издании специализированного фотоальбома, призванного визуализировать основные моменты монгольской памяти XX века [15]. Дундговский аймак в 2022 г. отметил свое 80-летие, что привело к активизации политики памяти на региональном уровне и проявилось в инициативе местных властей и общественности издать книгу [11], которая систематизировала бы основные моменты в регионализованной версии монгольской исторической памяти, содействуя визуализации наследия и сложившейся мемориальной культуры. Особенностью политики памяти на региональном уровне стало то, что власти Дундговского аймака инициировали через средства массовой информации сбор личных фотографий и свидетельств истории Монголии во второй половине XX века, что актуализировало не только официальные государственные формы исторической памяти, но и низовые формы мемориальной культуры.

Участниками исторической политики стали лидеры монгольской поп-культуры. Среди последних – рок-группа "Hu", культивирующая "хуннский" стиль в современной монгольской музыке, что фактически представляет пример "изобретения традиций". Участники группы видят ее миссию в сохранении и ревизации исторической коллективной памяти путем популяризации традиционных музыкальных инструментов, включая моринхур и топшуур, и продвижения монгольской этнической музыки в мире, что, по их мнению, является "отличным способом подчеркнуть уникальность жанра хуннского рока", позволяющим интегрировать в современное искусство "традиционные ценности, унаследованные от наших предков сотни лет назад" [21].

Визуализация исторических образов прошлого стала важным элементом актуальной политики памяти, приводимой современными монгольскими элитами и интеллектуальными сообществами. Развитию визуальных форм политики памяти содействовало и постепенное "перетекание" образов национального прошлого из исключительно политической в культурную сферу. Визуальные версии последней оказались не менее эффективными в процессах консолидации общества и распространении идеологически значимых для элит нарративов, связанных, например, с древними государственными традициями монголов или их героической борьбой за независимость и сохранение собственной идентичности.

Особенности монгольской модели исторической политики

Анализируя монгольскую версию исторической политики, исходя в методологическом плане от той модели анализа мемориальных культур, которая применяется для изучения аналогичных явлений в европейском контексте, мы можем выделить основные характеристики политики памяти в Монголии.

Во-первых, на современном этапе проведения политики памяти в ее официальной версии в Монголии центральное место занимает продвижение государственных нарративов, что преследует несколько целей. Превращение государства в основного героя истории, которая пишется как национальная, призвано одновременно содействовать консолидации идентичности монголов как политической и гражданской нации, укреплять официально санкционированный элитами мемориальный канон.

Во-вторых, актуализация государственных нарративов в политике памяти подчеркивает решимость элит актуализировать континуитет со своими предшественниками, воображаемыми "великими предками". Центральной фигурой в современном мемориальном каноне становится Чингисхан. Организации, которые воспроизводят функции европейских "институтов памяти" сфокусированы на изучении наследия и роли хана в коллективной памяти, что содействует легитимации режима.

В-третьих, подобные нарративы в исторической политике имеют прикладное значение, подчеркивая непрерывность в развитии монгольских государственных традиций. Классической формой мемориальных практик стало обращение к образам государств прошлого, воображаемых как монгольские, что ведет к их интеграции в обобщающие схемы истории, написанные в линейной системе координат.

В-четвертых, превращение государственности в основного "героя" исторической политики в Монголии призвано укрепить взаимосвязь между категориями "государство" и "нация". Поэтому образы государственности связываются с образами Чингисхана, актуализируя героическую мифологию политики памяти, которая представляет собой систему идеологически мотивированных манипуляций прошлым.

В-пятых, историческая политика в Монголии в отличие от Европы институционализирована в меньшей степени, в стране не созданы специальные "институты памяти", что позволяет ей выполнять задачи, связанные с легитимацией элит и консолидацией идентичности.

Выводы

Таким образом, в современной Монголии мемориальный канон формируется как один из результатов проводимой элитами исторической политики, в рамках которой особое место занимает концепт "государственность", соотносимая с категорией "монгольскости". В этом отношении актуальная историческая политика отличается от той, которая проводилась элитами в 1990-е гг. путем актуализации травматических моментов коллективного прошлого, что содействовало определенной фрагментации общества. На актуальном этапе политика памяти элитами используется для консолидации социума. Поэтому, центральными "героями" исторической политики становятся монгольская нация и монгольская государственность, воспринимаемые не как модернистские конструкты, но как исторически существовавшие данности, в идентичности и тождественности которых на политическом и академическом уровне в условиях доминирования этноцентричных интерпретаций истории не принято сомневаться.

Современная версия политики памяти, реализуемая в Монголии, представляет собой набор динамично развивающихся мемориальных практик, активно реализуемых, используемых и применяемых политическими элитами и связанными с ними интеллектуальными сообществами.

Основными чертами исторической политики являются 1) замедленный характер развития и применения исторической политики, так как к институционализированному ресурсу манипуляции историей монгольские политические элиты обратились позже, чем его начали использовать правящие группы в Центральной

Европе, 2) доминирование нарративно-дискурсивных практик, 3) возрастание роли применения визуальных образов как ресурса коллективной памяти. Европейский опыт свидетельствует о возрастании роли визуальности в функционировании коллективной памяти.

Что касается возможных тенденций дальнейшего функционирования политики памяти, то в этом контексте 1) не представляется возможным исключить, что монгольские политические элиты актуализируют визуальные уровни мемориальной культуры в ближайшей хронологической перспективе в большей степени, чем они делают это на современном этапе, 2) развитие монгольской коллективной памяти будет актуализировать общие тенденции функционирования мнемонических пространств транзитных обществ в целом и национальные особенности монгольского социума в частности, 3) другие исторические нарративы, связанные с образами второй мировой войны и национальной модели авторитаризма, будут актуализироваться ситуативно в зависимости от идеологической конъюнктуры, 4) поэтому утилитарный характер прошлого может стать более выраженным, так как оно, являясь символическим ресурсом, будет применяться и активно использоваться элитами для консолидации монгольского общества.

Литература

1. Воронова О.Е. Историческая политика Российской Федерации // Вопросы истории. 2021. № 11-3. С. 282–287.
2. Голотина А.И. Молодежь и историческая политика в Германии (на примере юбилеев Освободительной войны 1813–1815 гг.) // Вопросы всеобщей истории. 2020. № 23. С. 320–326.
3. Желдыбаева А.Т. Политика памяти и культурный имидж Республики Казахстан // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2019. № 35. С. 108–112.
4. Крамаренко М.Б. Историческая политика как инструмент внешнего воздействия на идентичность // Постсоветские исследования. 2021. Т. 4. № 1. С. 33–42.
5. Кирчанов М.В. "Они сражались за родину?", или как "патриотические предатели" стали героями массовой культуры в незападных политиках памяти // Новое прошлое / The New Past. 2020. № 2. С. 164–179.
6. Лескинен М.В. Историческая политика и национальная мифология: "постправда" и наука на государственной службе // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 2. С. 66–82.
7. Миллер А. Россия: власть и история // Pro et contra. 2009. № 3-4. С. 6–24.
8. Наумов Д.И. Историческая политика: теоретические, институциональные и социокультурные основы // Вестник Белорусского государственного экономического университета. 2021. № 1 (144). С. 105–113.
9. Новак Ю.В. Историческая политика как предмет социально-философского анализа // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2020. № 1. С. 60–66.
10. Лінднер Р. Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі // Кантакты і дыялогі. 1996. № 3. С. 20–25.
11. Алтантогос Д. Аймгийн 80 жилийн ойн түүх, өв соёлын гэрэл зургийн архив үүсгэнэ (Создать фотоархив к 80-летию истории и наследия аймака) // Монцамэ. 2018. Хоёрдугаар сарын 17. URL: <https://montsame.mn/mn/read/290035> (дата обращения: 24.04.2022).
12. Балор Ж. Ардын хувьсгалын түүхийг цаашид гүнзгийрүүлэн судлах шаардлагатайг онцлов (Подчеркнем необходимость дальнейшего углубленного изучения истории Народной революции) // Монцамэ. 2021. Арванхоёрдугаар сарын 10. URL: <https://montsame.mn/mn/read/283756> (дата обращения: 24.04.2022).
13. Батболдоос Н. Чингис Хаан Музей анхны цахим үзэсгэлэнгээ өнөөдөр нээнэ (Музей Чингисхана открывает сегодня свою первую онлайн-выставку) // Улаанбаатар хотын мэдээ. 2021. Арваннэгдүгээр сарын 23. URL: <https://ubmedee.mn/index.php?view=article&type=item&val=14265> (дата обращения: 24.04.2022).
14. Гантуяа Б. Түүх соёлын үл хөдлөх дурсгалын тооллого 50 хувьтай үргэлжилж байна (Инвентаризация недвижимых памятников истории и культуры продвинулась на 50 процентов) // Монцамэ. 2022. Дөрөвдүгээр сарын 8. URL: <https://montsame.mn/mn/read/294333> (дата обращения: 24.04.2022).
15. Гэрэлт-Од Б. "Архангайн зуун зураг, зуун түүх" цомог, гэрэл зургийн үзэсгэлэн нээнэ (Подготовлен альбом и фотовыставка "Архангайские сто фотографий, сто историй") // Монцамэ. 2018. Хоёрдугаар сарын 2. URL: <https://montsame.mn/mn/read/290674> (дата обращения: 24.04.2022).
16. Дэлхийн өв-Бурхан Халдун, Чингис хаантай холбогдох түүх соёлын дурсгалт газрын хадгалалт, хамгаалалт хэлэлцүүлэг зохион байгуулав (Всемирное наследие – сохранение и защита памятников истории и культуры, связанных с богом Халдуном и Чингисханом). URL: <https://chinggisinstitute.gov.mn/mn/content/delkhiyn-v-burkhan-khaldun-chingis-khaantay-kholbogdokh-tkh-soelyn-dursgalt-gazryin-khadgalalt-khamgaalalt-kheleltsleg-zokhion-bayguulav> (дата обращения: 24.04.2022).

17. Мөнхбаатар С. Сампилдондов Чулуун: "Чингис хаан" музей бол Монголын эзэнт гүрний түүхийн төв (Сампилдондов Чулуун: Музей Чингисхана – исторический центр Монгольской империи) // Монцамэ. 2021. Дөрөвдүгээр сарын 11. URL: <https://montsame.mn/mn/read/280157> (дата обращения: 24.04.2022)
18. Нандинцэцэг Л. "Үндэснийхээ ой санамжийг хамтаар сэрээ" уриалга дэвшүүлээ ("Разбудим нашу национальную память вместе") // Монцамэ. 2020. Тавдугаар сарын 12. URL: <https://montsame.mn/mn/read/225094> (дата обращения: 24.04.2022)
19. Оргил Э. Чингис Хаан Музей анхны цахим үзэсгэлэнгээ (В музее Чингисхана открылась первая онлайн-выставка) // Gogo.mn. 2021. Тавдугаар сарын 11. URL: <https://gogo.mn/r/0ym6y> (дата обращения: 24.04.2022).
20. Өлзийсайхан Д. Япон, Монголын архивын баримтад түшиглэн 700 гаруй жилийн харилцааны түүхийг дэлгэлээ (На основе архивных документов раскрыта история более чем 700-летних отношений Японии и Монголии.) // Монцамэ. 2022. Хоёрдугаар сарын 25. URL: <https://montsame.mn/mn/read/290821> (дата обращения: 24.04.2022).
21. Хулан Э. "Phoenix New Times": "Хү" Монголын уламжлалт хөгжмийг Финикст авчирч байна ("Phoenix New Times": "Hu" приносит в Феникс традиционную монгольскую музыку) // Монцамэ. 2022. Дөрөвдүгээр сарын 4. URL: <https://montsame.mn/mn/read/295159> (дата обращения: 24.04.2022).
22. Цэцэг Б. Чингис хаан музейн барилгын ажилд саад гарахгүй (Строительство музея Чингисхана не будет остановлено) // News.mn. 2020. Хоёрдугаар сарын 4. URL: <https://news.mn/r/2282208/> (дата обращения: 24.04.2022).
23. Цэцэг Б. Чингисийн музей барих шийдвэр замхрав уу, зальдав уу? (Решение построить музей Чингисхана провалилось?) // News.mn. 2021. Дөрөвдүгээр сарын 20. URL: <https://news.mn/r/2289512/> (дата обращения: 24.04.2022).
24. Цээсүрэн А. Монгол төрийн түүхийн музейг "Чингис хаан" музейтэй нэгтгэнэ (Монгольский государственный исторический музей будет объединен с Музеем Чингисхана) // News.mn. 2021. Аравдугаар сарын 27. URL: <https://news.mn/r/2489737/> (дата обращения: 24.04.2022)
25. Чингис хаан музей. Танхим (Музей Чингисхана. Залы). URL: <https://www.chinggismuseum.org/hall/> (дата обращения: 24.04.2022).
26. Чингис хаан мэндэлсний 860 жилийн ойн хүрээнд (К 860-летию со дня рождения Чингисхана). URL: <https://chinggisinstitute.gov.mn/mn/content/chingis-khaan-mendelsniy-860-zhilyin-oyin-khreed> (дата обращения: 24.04.2022).
27. Чингис хааны өв, соёлын хүрээлэн: Мэндчилгээ (Институт наследия и культуры Чингисхана: Приветствие). URL: <https://chinggisinstitute.gov.mn/mn/page/mendchilgee-7> (дата обращения: 24.04.2022).
28. Чингис хааны өв, соёлын хүрээлэн: Танилцуулга (Институт наследия и культуры Чингисхана: Введение). URL: <https://chinggisinstitute.gov.mn/mn/page/taniltcuulga-8> (дата обращения: 24.04.2022).
29. Эрдэнэбулган Х. "Түүхэн дурсамжууд" гэрэл зургийн цомгоо хэвлүүлээ (Издан фотоальбом "Исторические воспоминания") // Монцамэ. 2018. Арваннэгдүгээр сарын 23. URL: <https://montsame.mn/mn/read/172246> (дата обращения: 24.04.2022).
30. Adams G. The digital revolution and teaching about memory and political history // Perspectives on History. Newsmagazine of American Historical Association. 2011. May 1. URL: <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/may-2011/the-digital-revolution-and-teaching-about-memory-and-political-history> (дата обращения: 24.04.2022).
31. Barash J.A. Collective Memory and the Historical Past. Chicago: University of Chicago Press, 2020. 280 p.
32. Blight D.W. Historians and "memory" // Common Placa. The Journal of early American life. 2003. Vol. 2. No 3. URL: <http://commonplace.online/article/historians-and-memory/> (дата обращения: 24.04.2022).
33. Bodenstein F. The Emotional Museum. Thoughts on the "Secular Relics" of Nineteenth-Century History Museums in Paris and their Posterity // Conserveries mémorielles. 2011. No 9. URL: <https://journals.openedition.org/cm/834> (дата обращения: 24.04.2022).
34. Bos B.A. Historical Memory and the Representation of History: Forging Connections Between National Historic Sites and Gender History // Conserveries mémorielles. 2011. No 9. URL: <https://journals.openedition.org/cm/836> (дата обращения: 24.04.2022).
35. Cohen A.J. War Monuments, Public Patriotism, and Bereavement in Russia, 1905–2015. Lanham, Maryland: Lexington Books, 2020. 271 p.
36. Denton K.A. The Landscape of Historical Memory: The Politics of Museums and Memorial Culture in Post-Martial Law Taiwan. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2021. 284 p.
37. Dierkes J. Historical Memories: Contemporary Perspectives on Choibalsan // Mongolia Focus. 2020. May 14. URL: <http://blogs.ubc.ca/mongolia/2020/choibalsan-vergangenheitsbewaeltigung-commemoration/> (дата обращения: 24.04.2022).
38. Grossman J. Tragedy, memory, history // Perspectives on History. Newsmagazine of American Historical Association. 2012. October 1. URL: <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/october-2012/tragedy-memory-history> (дата обращения: 24.04.2022).
39. Gruenewald T. Curating America's Painful Past: Memory, Museums, and the National Imagination.

Lawrence: University Press of Kansas, 2021. 281 p.

40. Işık N.E. Politics of Counter-Memory in Turkey: Docudramatizing the Past as a Panacea for Official Discourses? // *Conserveries mémorielles*. 2011. No 9. URL: <https://journals.openedition.org/cm/830> (дата обращения: 24.04.2022).

41. Janney C.E. Can we right the past? Memory and the Present // *Perspectives on History*. Newsmagazine of American Historical Association. 2018. April 12. URL: <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/april-2018/can-we-right-the-past-memory-and-the-present> (дата обращения: 24.04.2022).

42. Kaplonski Ch. *Truth, History and Politics in Mongolia: Memory of Heroes*. L. – NY.: Routledge, 2014. 248 p.

43. Kaplonski Ch. The Case of the Disappearing Chinggis Khaan: Dismembering the Remembering // *Ab Imperio*. 2005. No 4. P. 147–173.

44. Kopusov N. "The armored train of memory": the politics of history in post-Soviet Russia // *Perspectives on History*. Newsmagazine of American Historical Association. 2011. January 1. URL: <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/january-2011/the-armored-train-of-memory-the-politics-of-history-in-post-soviet-russia> (дата обращения: 24.04.2022).

45. Mitchell P. *Imperial nostalgia: How the British conquered themselves*. Manchester: Manchester University Press, 2021. 244 p.

46. Napoli D. L'historiographie ou la "comédie de l'identité". Une contribution à l'étude du concept de représentation en histoire à partir des réflexions de Michel de Certeau // *Conserveries mémorielles*. 2011. No 9. URL: <https://journals.openedition.org/cm/826> (дата обращения: 24.04.2022).

47. Noël P.-M. Entre histoire de la mémoire et mémoire de l'histoire : esquisse de la réponse épistémologique des historiens au défi mémoriel en France // *Conserveries mémorielles*. 2011. No 9. URL: <https://journals.openedition.org/cm/820> (дата обращения: 24.04.2022).

48. Radchenko S. Choibalsan's Great Mongolia Dream // *Inner Asia*. 2009. Vol. 11. No 2. P. 231 – 258.

49. Raymond-Dufour M. Les trajectoires dans le temps: réflexion sur le concept de "régime d'historicité" // *Conserveries mémorielles*. 2014. No 15. URL: <https://journals.openedition.org/cm/1835> (дата обращения: 24.04.2022).

50. Rendle M., Lively A. The Antirevolutionary Commemoration: The Centenary of 1917 in Russia // *History and Memory*. 2021. Vol. 33. No 2. P. 3 – 45.

51. Richter J. Taming the Revolution: The Politics of Memory One Hundred Years after October // *History and Memory*. 2019. Vol. 31. No 2. P. 45 – 77.

52. Rieff D. The cult of memory: when history does more harm than good // *The Guardian*. 2016. March 2. URL: <https://www.theguardian.com/education/2016/mar/02/cult-of-memory-when-history-does-more-harm-than-good> (дата обращения: 24.04.2022).

53. Sinha M. Memory as history, memory as activism // *Common Place*. The Journal of early American life. 2014. Vol. 14. No 2. URL: <http://commonplace.online/article/memory-as-history-memory-as-activism/> (дата обращения: 24.04.2022).

54. Sodaro A. *Exhibiting Atrocity: Memorial Museums and the Politics of Past Violence*. New Brunswick: Rutgers University Press, 2018. 226 p.

55. Strauss J. Contested Site or Reclaimed Space? Re-membering but Not Honoring the Past on the Empty Pedestal // *History and Memory*. 2020. Vol. 32. No 1. P. 131–151.

References

1. Voronova O.E. Historical policy of the Russian Federation // *Questions of history*. 2021. № 11/3. P. 282–287. (In Russ.).

2. Golotina A.I. Youth and historical policy in Germany (on the example of the anniversaries of the Liberation War of 1813–1815) // *Questions of general history*. 2020. No 23. P. 320–326. (In Russ.).

3. Zheldybaeva A.T. Politics of memory and cultural image of the Republic of Kazakhstan // *Diary of Altai schools of political research*. 2019. No 35. P. 108–112. (In Russ.).

4. Kramarenko M.B. Historical policy as an instrument of foreign influence on identity // *Post-Soviet research*. 2021. Vol. 4. No 1. P. 33–42. (In Russ.).

5. Kirchanov M.V. "They fought for the homeland?", Or as "patriotic traitors" became heroes of mass culture in non-Western politics in memory // *The New Past*. 2020. No 2. P. 164–179. (In Russ.).

6. Leskinen M.V. Historical politics and national mythology: "truth" and science in the civil service // *The New Past*. 2021. No 2. P. 66–82. (In Russ.).

7. Miller A. Russia: power and history // *Pro et contra*. 2009. No 3-4. P. 6–24. (In Russ.).

8. Naumov D.I. Historical politics: theoretical, institutional and socio-cultural foundations // *Bulletin of the Belarusian State Economic University*. 2021. No. 1 (144). P. 105–113. (In Russ.).

9. Novak Yu.V. Historical politics as a subject of socio-philosophical analysis // *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020. No. 1. P. 60–66. (In Russ.).

10. Lindner R. Invariance and change in post-Soviet historiography of Belarus // *Contacts and dialogues*.

1996. No 3. P. 20–25. (In Belarus.)

11. Altantogos D. Create a photo archive for the 80th anniversary of the history and heritage of the region // *Montsame*. 2018. February 17. URL:<https://montsame.mn/mn/read/290035> (accessed 24.04.2022) (In Mong.).

12. Balor J. Emphasize the need for further study of the history of the People's Revolution // *Montsame*. 2021. December 10. URL:<https://montsame.mn/mn/read/283756> (accessed 24.04.2022) (In Mong.).

13. Batboldoos N. Chinggis Khaan Museum opens its first online exhibition today // *Ulaanbaatar city news*. 2021. November 23. URL:<https://ubmedee.mn/index.php?view=article&type=item&val=14265> (accessed 24.04.2022) (In Mong.).

14. Gantuyaa B. Inventory of immovable monuments of history and culture has advanced by 50 percent // *Montsame*. 2022. April 8.. URL: <https://montsame.mn/mn/read/294333> (accessed 24.04.2022) (In Mong.).

15. Gerelt-Od B. Prepared album and photo exhibition "Arkhangai Hundred Photographs, Hundred Stories" // *Montsame*. 2018. February 2. URL:<https://montsame.mn/mn/read/290674> (accessed 24.04.2022) (In Mong.).

16. Organized a discussion on the preservation and protection of historical and cultural monuments related to the World Heritage-God Khaldun and Genghis Khan. URL:<https://chinggisinstitute.gov.mn/mn/content/delkhiyn-v-burkhan-khaldun-chinggis-khaantay-kholbogdokh-tkh-soelyn-dursgalt-gazryn-khadgalalt-khamgaalalt-kheeltsleg-zokhion-bayguulav> (accessed 24.04.2022) (In Mong.).

17. Munkhbaatar S. Sampildondov Chuluun: The Chinggis Khan Museum is the historical center of the Mongol Empire // *Montsame*. 2021. April 11. URL:<https://montsame.mn/mn/read/280157> (accessed 24.04.2022) (In Mong.).

18. Nandintsetseg L. "Let's wake up the memory of our nation together" // *Montsame*. 2020. May 12. URL:<https://montsame.mn/mn/read/225094> (accessed 24.04.2022) (In Mong.).

19. Orgil E. The Chinggis Khaan Museum opened its first online exhibition // *Gogo.mn*. 2021. May 11. URL:<https://gogo.mn/r/0ym6y> (accessed 24.04.2022) (In Mong.).

20. Ulziisaikhan D. On the basis of archival documents, the history of more than 700 years of relations between Japan and Mongolia is revealed. // *Montsame*. 2022. February 25. URL:<https://montsame.mn/mn/read/290821> (accessed 24.04.2022) (In Mong.).

21. Hulan E. "Phoenix New Times": "Hu" brings traditional Mongolian music to Phoenix // *Montsame*. 2022. April 4. URL: <https://montsame.mn/mn/read/295159> (accessed 24.04.2022) (In Mong.).

22. Tsetseg B. There will be no obstacles to the construction of the Chinggis Khaan Museum // *News.mn*. 2020. February 4. URL:<https://news.mn/r/2282208/> (accessed 24.04.2022) (In Mong.).

23. Tsetseg B. Has the decision to build a Chinggis museum failed? // *News.mn*. 2021. April 20. URL: <https://news.mn/r/2289512/> (accessed 24.04.2022) (In Mong.).

24. Tseesuren A. Mongolian State Historical Museum will be united with the Chinggis Khan Museum // *News.mn*. 2021. October 27. URL:<https://news.mn/r/2489737/> (accessed 24.04.2022) (In Mong.).

25. Genghis Khan Museum. Hall. URL:<https://www.chinggisismuseum.org/hall/> (accessed 24.04.2022) (In Mong.).

26. To the 860th anniversary of the birth of Genghis Khan. URL: <https://chinggisinstitute.gov.mn/mn/content/chingis-khaan-mendelsniy-860-zhiliyn-oy-n-khreend> (accessed 24.04.2022) (In Mong.).

27. Chinggis Khaan Heritage and Cultural Institute: Greetings. URL: <https://chinggisinstitute.gov.mn/mn/page/mendchilgee-7> (accessed 24.04.2022) (In Mong.).

28. Genghis Khan Institute of Heritage and Culture: Introduction. URL: <https://chinggisinstitute.gov.mn/mn/page/taniitsuulga-8> (accessed 24.04.2022) (In Mong.).

29. Erdenebulgan Kh. Published a photo album "Historical Memories" // *Montsame*. 2018. November 23. URL:<https://montsame.mn/mn/read/172246> (accessed 24.04.2022) (In Mong.).

30. Adams G. The digital revolution and teaching about memory and political history // *Perspectives on History*. Newsmagazine of American Historical Association. 2011. May 1. URL: <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/may-2011/the-digital-revolution-and-teaching-about-memory-and-political-history> (accessed 24.04.2022).

31. Barash J.A. *Collective Memory and the Historical Past*. Chicago: University of Chicago Press, 2020. 280 p.

32. Blight D.W. Historians and "memory" // *Common Placa*. The Journal of early American life. 2003. Vol. 2. No 3. URL: <http://commonplace.online/article/historians-and-memory/> (accessed 24.04.2022).

33. Bodenstein F. The Emotional Museum. Thoughts on the "Secular Relics" of Nineteenth-Century History Museums in Paris and their Posterity // *Conserveries mémorielles*. 2011. No 9. URL: <https://journals.openedition.org/cm/834> (accessed 24.04.2022).

34. Bos B.A. Historical Memory and the Representation of History: Forging Connections Between National Historic Sites and Gender History // *Conserveries mémorielles*. 2011. No 9. URL: <https://journals.openedition.org/cm/836> (accessed 24.04.2022).

35. Cohen A.J. *War Monuments, Public Patriotism, and Bereavement in Russia, 1905–2015*. Lanham, Maryland: Lexington Books, 2020. 271 p.

36. Denton K.A. *The Landscape of Historical Memory: The Politics of Museums and Memorial Culture in Post-Martial Law Taiwan*. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2021. 284 p.

37. Dierkes J. Historical Memories: Contemporary Perspectives on Choibalsan // *Mongolia Focus*. 2020. May 14. URL: <http://blogs.ubc.ca/mongolia/2020/choibalsan-vergangenheitsbewaeltigung-commemoration/> (accessed 24.04.2022).
38. Grossman J. Tragedy, memory, history // *Perspectives on History*. Newsmagazine of American Historical Association. 2012. October 1. URL: <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/october-2012/tragedy-memory-history> (accessed 24.04.2022).
39. Gruenewald T. Curating America's Painful Past: Memory, Museums, and the National Imagination. Lawrence: University Press of Kansas, 2021. 281 p.
40. Işık N.E. Politics of Counter-Memory in Turkey: Docudramatizing the Past as a Panacea for Official Discourses? // *Conserveries mémorielles*. 2011. No 9. URL: <https://journals.openedition.org/cm/830> (accessed 24.04.2022).
41. Janney C.E. Can we right the past? Memory and the Present // *Perspectives on History*. Newsmagazine of American Historical Association. 2018. April 12. URL: <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/april-2018/can-we-right-the-past-memory-and-the-present> (accessed 24.04.2022).
42. Kaplonski Ch. Truth, History and Politics in Mongolia: Memory of Heroes. L. – NY.: Routledge, 2014. 248 p.
43. Kaplonski Ch. The Case of the Disappearing Chinggis Khaan: Dismembering the Remembering // *Ab Imperio*. 2005. No 4. P. 147–173.
44. Kopusov N. "The armored train of memory": the politics of history in post-Soviet Russia // *Perspectives on History*. Newsmagazine of American Historical Association. 2011. January 1. URL: <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/january-2011/the-armored-train-of-memory-the-politics-of-history-in-post-soviet-russia> (accessed 24.04.2022).
45. Mitchell P. Imperial nostalgia: How the British conquered themselves. Manchester: Manchester University Press, 2021. 244 p.
46. Napoli D. L'historiographie ou la "comédie de l'identité". Une contribution à l'étude du concept de représentation en histoire à partir des réflexions de Michel de Certeau // *Conserveries mémorielles*. 2011. No 9. URL: <https://journals.openedition.org/cm/826> (accessed 24.04.2022).
47. Noël P.-M. Entre histoire de la mémoire et mémoire de l'histoire : esquisse de la réponse épistémologique des historiens au défi mémoriel en France // *Conserveries mémorielles*. 2011. No 9. URL: <https://journals.openedition.org/cm/820> (accessed 24.04.2022).
48. Radchenko S. Choibalsan's Great Mongolia Dream // *Inner Asia*. 2009. Vol. 11. No 2. P. 231–258.
49. Raymond-Dufour M. Les trajectoires dans le temps: réflexion sur le concept de "régime d'historicité" // *Conserveries mémorielles*. 2014. No 15. URL: <https://journals.openedition.org/cm/1835> (accessed 24.04.2022).
50. Rendle M., Lively A. The Antirevolutionary Commemoration: The Centenary of 1917 in Russia // *History and Memory*. 2021. Vol. 33. No 2. P. 3–45.
51. Richter J. Taming the Revolution: The Politics of Memory One Hundred Years after October // *History and Memory*. 2019. Vol. 31. No 2. P. 45–77.
52. Rieff D. The cult of memory: when history does more harm than good // *The Guardian*. 2016. March 2. URL: <https://www.theguardian.com/education/2016/mar/02/cult-of-memory-when-history-does-more-harm-than-good> (accessed 24.04.2022).
53. Sinha M. Memory as history, memory as activism // *Common Placa*. The Journal of early American life. 2014. Vol. 14. No 2. URL: <http://commonplace.online/article/memory-as-history-memory-as-activism/> (accessed 24.04.2022).
54. Sodaro A. Exhibiting Atrocity: Memorial Museums and the Politics of Past Violence. New Brunswick: Rutgers University Press, 2018. 226 p.
55. Strauss J. Contested Site or Reclaimed Space? Re-membering but Not Honoring the Past on the Empty Pedestal // *History and Memory*. 2020. Vol. 32. No 1. P. 131–151.

Максим Валерьевич КИРЧАНОВ, д-р. ист. наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия, e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Maksym W. KYRCHANOFF, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Regional Studies and Foreign Countries Economies, Associate Professor, Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, Voronezh State University, Voronezh, Russia, e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Поступила в редакцию
(Received) 29.04.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 18.02.2023

Принята к публикации
(Accepted) 07.03.2023

Перспективы развития казахстано-китайских отношений в новых геополитических реалиях

ЧЖАН ХУНЦЗЯН

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, chzhan.khunt@dvfu.ru

Аннотация. В начале января 2022 года в Казахстане прошли массовые протесты. Эти события ознаменовали начало новой политической эры, в которой доминирующую роль будет занимать президент Касым-Жомарт Токаев. Анализируя реакцию таких важных региональных игроков в Центральной Азии, как КНР и РФ, можно предположить, что сотрудничество между Казахстаном и Китаем столкнётся с некоторыми неопределённостями: террористическими угрозами, синюфобскими настроениями в Казахстане, вопросом урегулирования отношений с Россией и т.д. Для углубления экономического сотрудничества и обеспечения безопасности региона в новых геополитических реалиях стороны будут использовать региональные механизмы координации, например, Шанхайскую организацию сотрудничества.

Ключевые слова: Китай, Казахстан, Казахстанско-китайские отношения, Протесты в Казахстане, Центральная Азия

Для цитирования: Чжан Хунцзян. Перспективы развития казахстано-китайских отношений в новых геополитических реалиях // Известия Восточного института. 2023. № 1. С. 147–155. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/147-155>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-1/147-155>

Prospects for Kazakhstan-China relations in the new geopolitical realities

ZHANG HONGJIANG

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, chzhan.khunt@dvfu.ru

Abstract. Mass protests took place in Kazakhstan in early January 2022. The events mark the opening of a new era in which President Kassym-Jomart Tokayev will play a dominant role. Analyzing the reactions of the Chinese and Russian governments as important regional players, we can assume that cooperation between Kazakhstan and China will still face many uncertainties, such as terrorist threats, Sinophobic sentiments in Kazakhstan, the issue of settling relations with Russia, etc. To deepen economic cooperation and ensure the region's security in the new geopolitical realities, the parties will use such regional coordination mechanisms as the Shanghai Cooperation Organization.

Keywords: China, Kazakhstan, Kazakhstan-China relations, Kazakh unrest, Central Asia

For citation: Zhang Hongjiang. Prospects for Kazakhstan-China relations in the new geopolitical realities // Oriental Institute Journal. 2023. № 1. P. 147–155. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/147-155>

Введение

В начале 2022 года за несколько дней Казахстан пережил масштабный политический кризис, который получил стремительное развитие и достиг национального масштаба. Несмотря на то, что правительство оперативно приняло меры для урегулирования беспорядков, январские события привели к резким изменениям в структуре власти самого Казахстана, а также оказали глубокое влияние на соседние страны и региональные отношения. С опорой на государственные источники информации Казахстана и Китая в данной статье будет рассмотрена реакция этих стран на январские события, а также проанализированы перспективы развития казахстано-китайских отношений.

Январские события в Казахстане

2 января 2022 года в Казахстане вспыхнули массовые протесты против двукратного повышения цен на газ. Протесты начались с городов Жанаозен и Актау и быстро расширились, а митингующие перешли от экономических требований к политическим. В ряде регионов начались погромы, нападения на административные здания, отделения полиции и магазины. Власти создали правительствен-

ную комиссию и пообещали снизить цены, однако уже к вечеру 4 января протесты вспыхнули с ещё большей силой и стали появляться погибшие.

5 января 2022 года, действующий президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев принял отставку правительства и заявил, что сменил Нурсултана Назарбаева на посту главы Совета безопасности страны, занимавшего этот пост в соответствии с действующей Конституцией. По просьбе президента Токаева Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) приняла решение направить в Казахстан миротворческие силы и уже 9 января власти Казахстана заявили о стабилизации ситуации. По словам генерального прокурора республики Берика Асылва [2], всего по стране в ходе январских событий погибло 230 человек, в том числе 19 военных и силовиков. Общее число арестованных составило 766 человек.

По мнению китайского эксперта Ма Сяолинь, беспорядки в Казахстане представляют собой попытку осуществления цветной революции [17]. По словам государственного секретаря Казахстана Ерлана Карина, за дестабилизацией ситуации в Казахстане стоит заговор внутренних и внешних сил, цель которого заключалась в смещении действующего руководства страны.

Во время протестов произошло несколько разных событий, которые совпали по времени и создали ситуацию "идеального шторма". Во-первых, из-за внутренних проблем социально-экономического характера, обусловленных политикой президента Назарбаева, возникли массовые протесты. Во-вторых, структурные проблемы двоевластия Назарбаева и Токаева привели к кризисным явлениям патримониальной системы управления в Казахстане. В-третьих, в протестах приняли участие криминальные террористические группировки, которые давно существовали в Казахстане и имели устойчивые международные связи [13, с. 44, 45].

В ответ на произошедшие события, власти Казахстана пообещали реализовать пакет мер по стабилизации цен на сжиженный нефтяной газ [3]. Правительство страны создало специальную комиссию, которой было поручено рассмотреть социально-экономическую ситуацию в стране. Одновременно Назарбаев публично подтвердил передачу поста председателя Совета Безопасности президенту Токаеву. Наряду с этим в стране прошёл референдум по вопросу внесения изменений в Конституцию страны, чтобы укрепить взятый курс на демократизацию. За положительное решение проголосовало более 77 % граждан, принявших участие в голосовании [7].

Январские события усилили легитимность и политические позиции действующего президента Токаева [13, с.11]. Назарбаев лишился должности лидера правящей партии "Нур Отан". Эта шокирующая перемена ознаменовала собой окончание длившейся более трех десятилетий эры Назарбаева и официальное начало новой эры, в которой доминирующую позицию занимает Токаев.

Позиция Китая

Реакция Китая на ситуацию в Казахстане была относительно сдержанной [9]. Председатель КНР Си Цзиньпин продемонстрировал решительную поддержку действий казахстанского руководства и готовность оказать всю возможную помощь в кризисной ситуации только после заявления о решении ОДКБ о направлении миротворческих сил в Казахстан [8; 21]. В послании президенту Казахстана председатель КНР заявил: "Независимо от того, с какими рисками и вызовами приходится сталкиваться, Китай является надёжным другом и надёжным партнёром Казахстана, и китайский народ всегда будет поддерживать народ Казахстана. Китай готов сделать все возможное, чтобы помочь Казахстану преодолеть кризисную ситуацию". Лидер Китая отметил решительные действия властей Казахстана, которые позволили пресечь масштабные беспорядки и предотвратить значительные людские потери.

Существует несколько предположений, почему Китай не занимал активную позицию по отношению к событиям в Казахстане на начальном этапе. Пекин, очевидно, выжидал реакцию со стороны Москвы, поскольку Россия имеет более чёткое представление о том, что происходит в элитных кругах в Казахстане. Кроме этого, Пекин не вмешивался в ситуацию для того, чтобы не пострадала его собственные

интересы. При этом Китаю попросту не хватило понимания внутриэлитных процессов в Казахстане, и он наблюдал за тем, какая из сторон возьмёт верх.

Позже, на онлайн-саммите глав государств Центральной Азии и Китая [20], председатель Си Цзиньпин заявил, что Китай решительно выступает против внешних сил, устраивающих "цветные революции" в Центральной Азии, против вмешательства во внутренние дела других стран под предлогом защиты прав человека и против любых сил, нарушающих мирную жизнь народа. Си Цзиньпин заявил, что Китай твёрдо поддерживает действия казахстанской стороны по прекращению насилия и поддержанию стабильности и готов оказать любую возможную поддержку для того, чтобы помочь Казахстану. Об этом также заявил министр обороны КНР во время своего визита в Казахстан 25 апреля [16].

В целом позиция КНР в отношении январских событий в Казахстане заключается в том, что происходящее является внутренним делом Казахстана, и Китай, в свою очередь, не намерен вмешиваться в этот вопрос. Пекин считает оправданным участие миротворческих сил ОДКБ в силу того, что доминирующий статус России в регионе не сможет заменить ни одна другая страна в краткосрочной перспективе.

Политические последствия январских событий в Казахстане

Январские протесты в Казахстане стали самым значимым политическим событием начала 2022 года, значение которого выходит далеко за рамки национальных границ этой страны. Так как Казахстан является страной с крупнейшей территорией и наибольшим объёмом ВВП в Центральной Азии, все заинтересованные стороны пристально следят за текущей ситуацией в этом государстве.

Во многих отношениях Казахстан вступает в новый период своей политической истории. Сейчас уже можно отметить, что по итогам январских событий позиции действующего президента усилились, а процесс мирной передачи власти ускорился. Действия Токаева пользуются поддержкой населения страны, в том числе и по вопросу обращения за помощью в ОДКБ.

Можно сказать, что руководству Казахстана удалось разрядить напряжённую обстановку. После завершения активной фазы январского кризиса, Токаев пообещал запустить внутренние реформы для того, чтобы страна плавно отошла от суперпрезидентской модели. Несмотря на риторику об уходе от суперпрезидентской республики, поправки в Конституцию в значительной степени сохранили эту модель. Очевидно, что правительству Казахстана следует сосредоточиться на внутренней повестке дня и реализовать политические и экономические реформы для того, чтобы не допустить повторения ситуации подобно январским протестам.

Параллельно руководство страны должно пересмотреть свою многовекторную внешнюю политику. Казахстан проводил и все ещё проводит политику сбалансированного развития отношений как с Россией и Китаем, так и с Турцией и Западом. Однако события в таких постсоветских странах, как Армения, Кыргызстан и Украина, доказывают, что многовекторная внешняя политика малых стран может действовать лишь в ограниченной перспективе, и что рано или поздно им придётся определиться с внешнеполитической ориентацией. Привлечение ОДКБ может нанести ощутимый удар по сотрудничеству Казахстана с Турцией и Западом, и раскол между политическими фракциями в этом случае будет нарастать. Иными словами, как региональный лидер, Казахстан может продолжить многовекторную внешнюю политику, но её западное направление, вероятно, станет менее приоритетным в ближайшие несколько лет.

События в Казахстане могут также усложнить политическую, экономическую и социальную ситуацию в других странах Центральной Азии. Обстановка в регионе отличается сложностью и изменчивостью, перед ним по-прежнему стоят такие угрозы, как терроризм, религиозный экстремизм, транснациональная преступность, торговля наркотиками, нелегальная миграция и т. д. Вполне возможно, что произошедшие события в Казахстане могут повториться и в других странах Центральной Азии. Поэтому для обеспечения региональной безопасности необходимо извлечь уроки из ситуации [3]. Кроме этого, события в Казахстане продемонстрировали, что единства региона, точно так же как и полноценной политической

субъектности, до сих пор не существует, так как при возникновении кризисных ситуаций страны Центральной Азии, в первую очередь, обращаются не к друг другу, а к внерегиональному актору – России. Вполне возможно, что в результате январских событий в Казахстане зависимость стран Центральной Азии от России в вопросах военной безопасности только усилится.

Кризис вызвал обеспокоенность у международных партнёров Казахстана: в первую очередь, у России и Китая. Безопасность и процветание стран Центральной Азии является общим интересом этих стран. Ни Китай, ни Россия не желают повторения социальных волнений или смен режима в странах Центральной Азии. Равным образом они выступают против так называемых "цветных революций" и установления прозападных либеральных демократий, особенно в Казахстане. Показательно, что официальные лица обеих стран заявили, что беспорядки в Казахстане были инициированы внешними силами. Применение сил ОДКБ стало прецедентом, который продемонстрировал эффективность механизмов противодействия международному терроризму. Фактически участие сил ОДКБ в январских событиях открыло окно возможностей по использованию этой организации для разрешения внутривосточных проблем.

Интересы Китая в Казахстане

По мере смещения глобального центра тяжести в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона политическая значимость Казахстана и Центральной Азии в целом в качестве геополитического центра Евразии возрастает. Как неотъемлемая часть региона, Казахстан принимает активное участие во всех региональных интеграционных и оборонных объединениях, включая Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Организацию договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Внешняя политика этой страны традиционно отличается активностью и многовекторностью, что позволяет поддерживать прагматичные конструктивные отношения с ведущими странами мира и региональными партнёрами.

Интересы Китая в Казахстане носят комплексный характер. Место Казахстана во внешней политике Китая постепенно приобретает все большую важность. Во многом это происходит в результате усиления международной борьбы за энергоресурсы. Начиная с первого десятилетия 21 века сотрудничество между Китаем и Казахстаном распространилось на борьбу с терроризмом, энергетику и т. д. Так же как и для России, для Китая Центральная Азия является важным регионом и стратегическим тылом. Не случайно, что Си Цзиньпин презентовал инициативу "Пояс и путь" именно в Астане во время своего визита в Казахстан в сентябре 2013 года.

Казахстан создал понятную и прозрачную для международных инвесторов финансовую систему и институты защиты прав частной собственности. Практическим подтверждением этого является то, что общий объем китайских инвестиций в Центральную Азию на конец 2020 года приблизился к 40 миллиардам долларов, из которых 53,5% (21,4 миллиарда) пришлось на Казахстан [14].

Валовой приток прямых инвестиций от инвесторов из Китая по итогам 2021 года достиг 1,7 млрд долларов США – в 1,8 раза больше, чем годом ранее. Главной сферой, в которую инвестируют компании из Китая, является инфраструктурное строительство. По итогам 19-го заседания между МИД Республики Казахстан и Государственным комитетом по развитию и реформам (ГКРР) КНР, которое состоялось 28 сентября 2021 года, в перечень инвестпроектов вошло 52 проекта на общую сумму 21,1 млрд долларов.

По данным Главного таможенного управления Китая, товарооборот Казахстана с Китаем за первое полугодие 2022 года составил 13,9 млрд долларов США – на 19,5% больше, чем в аналогичном периоде прошлого года [15]. Из этого объёма экспорт составил 7,8 млрд долларов США. Основную часть экспортируемых из Казахстана товаров составляют минеральные ресурсы, металлы и продукция химической промышленности. По данным Нацбанка Казахстана, на 1 апреля 2022 года внешний долг перед Китаем составлял 9,9 млн долларов [10].

Казахстан важен для Китая и с точки зрения диверсификации источников энергии. Для того чтобы гарантировать энергетическую безопасность страны, Китай активно участвует в разработке богатых природных энергетических ресурсов и поддерживает обширную сеть поставок нефтегазовых ресурсов из Казахстана: от разведки до добычи и от переработки до транспортировки. 98% инвестиций китайских транснациональных компаний связаны с топливным комплексом – добычей и транспортировкой нефти и природного газа [10].

Борьба с сепаратизмом, терроризмом и экстремизмом и устранение активности террористических и экстремистских группировок, способных повлечь за собой негативные последствия для Синьцзян-Уйгурского автономного района, является приоритетом политики Китая в Центральной Азии. Ввиду этого Си Цзиньпин заявил, что Китай решительно выступает против внешних сил, которые умышленно провоцируют беспорядки в Казахстане [21].

Перспективы развития казахстано-китайских отношений

Казахстано-китайское сотрудничество обусловлено объективными факторами. В ходе встречи Касым-Жомарта Токаева и Си Цзиньпина в Пекине 5 февраля 2022 года стороны подтвердили схожесть позиций по основным мировым делам. Лидер Китая вновь подчеркнул важность китайско-казахстанских отношений для мира и стабильности в регионе и во всем мире. Си Цзиньпин заявил, что независимый, безопасный, стабильный и процветающий Казахстан служит общим интересам казахского и китайского народов. В рамках инициативы "Пояс и путь" и программы "Нұрлы жол" [6] две страны будут продолжать развивать дальнейшее добрососедское и взаимовыгодное сотрудничество в новых геополитических реалиях [11, с. 104–114].

Синофобские настроения в Казахстане являются проблемой, заслуживающей отдельного внимания [1]. Существуют несколько оставшихся от истории споров и проблем между Китаем и странами Центральной Азии, таких как вопрос трансграничных наций и споры об использовании водных ресурсов. Вопросы права человека в Синьцзяне также вызывают беспокойство у некоторых жителей Казахстана. Несмотря на то, что в казахстанском обществе до сих пор сохраняется неоднозначная реакция на укрепление отношений с Китаем, руководство Казахстана хорошо осознает стратегические преимущества от взаимодействия с китайским рынком и последовательно использует открывающиеся возможности для развития казахстанской экономики. По словам президента Казахстана, стране важно активизировать совместную работу по дальнейшему строительству "Пояса и пути", в том числе через реализацию крупных проектов с высокой добавленной стоимостью. Он заявил о том, что Казахстан до 2025 года планирует инвестировать 20 млрд долларов для реализации ряда крупных проектов двух стран [5]. Астана также поддержала Пекин в Совете ООН по правам человека и проголосовала против решения об осуждении действий КНР в провинции Синьцзян.

Наряду с этим, укрепление взаимного доверия между лидерами обеих стран является крайне важным. Очевидно, что руководство Китая не пользуется тем же уровнем доверия среди центральноазиатских элит, каким обладает Москва [12]. При этом нельзя недооценивать значимость солидного стажа дипломатической работы Токаева в Китае и его глубокого понимания политики и культуры этой страны. Очевидно, что в будущем это будет влиять на укрепление диалога с Пекином. Так, по заявлению министра иностранных дел КНР Ван И, сделанного во время визита в Казахстан 7 июня 2022 года, стороны неуклонно укрепляют взаимное доверие на стратегическом уровне. Обе стороны будут в полной мере использовать дипломатию глав государств для развития двусторонних отношений, а также углублять обмены и сотрудничество на всех уровнях и во всех отраслях [19].

Так как Центральная Азия является ядром как российской концепции "Большой Евразии", так и китайской инициативы "Пояс и путь", китайско-казахстанские отношения необходимо рассматривать сквозь призму геополитики. Китай и Россия имеют общие интересы в отношении развития центральноазиатского региона. Спокойствие в регионе жизненно важно для обеспечения интересов обе-

их стран. Между РФ и КНР имеется традиционное разделение функций в регионе, которое можно описать в логике "военно-политическое сотрудничество и экономическая конкуренция".

Авторитет России в Казахстане и на постсоветском пространстве в целом после январских событий казался максимальным. Казахстан считается чуть ли не самым близким российским союзником после Беларуси. Хотя после начала СВО России на Украине в казахстанском обществе возникли опасения, что Казахстану также грозит "аннексия", очевидно, что в краткосрочной перспективе существенных изменений не произойдёт. Влияние России в Казахстане настолько велико, что Китай не сможет доминировать в Центральной Азии в ближнесрочной перспективе. По словам Касым-Жомарта Токаева, Казахстан и Россия поддерживают особые отношения двустороннего сотрудничества. Тем не менее это вряд ли повлияет на позицию Китая в отношении Казахстана. Понимая, что Россия имеет большее влияние на ситуацию в области безопасности, Китай будет занимать выжидательную позицию и надеяться, что Москва продолжит играть стабилизирующую роль в регионе.

В то же время Пекин придаёт всё большее значение сотрудничеству в области безопасности и готов участвовать в стабилизации ситуации в Казахстане. По словам министра обороны КНР, Китай опасается вмешательства других стран во внутренние дела Центральной Азии, а также подрыва региональной безопасности в регионе [16]. Не случайно, что первой страной, которую посетил Си Цзиньпин после начала пандемии COVID-19, стал Казахстан. На данный момент Европейский Союз остаётся крупнейшим торговым партнёром и инвестором в Казахстане. В условиях отвлечённости России и де-американизации региона активное присутствие Турции, Японии и Индии в Центральной Азии в последние годы вызывают беспокойство у Китая. Визит Си Цзиньпина в Казахстан продемонстрировал, что Китай намерен расширять и углублять двустороннее сотрудничество с Казахстаном во многих областях. Стороны опубликовали Совместное заявление по случаю 30-летия установления дипотношений между двумя странами. По словам Токаева, госвизит Си Цзиньпина подтверждает нацеленность двух сторон на открытие нового "золотого 30-летия" казахстанско-китайских отношений.

Хотя коронавирус в определенной степени затормаживал развитие инициативы "Пояс и путь", он также открыл беспрецедентные возможности для качественного роста. Правительство и народ Казахстана оказали огромную поддержку Китаю в самом начале распространения вируса. В свою очередь, во время пандемии Пекин поставлял необходимые медицинские препараты и другую помощь в Казахстан. Китай неоднократно в качестве гуманитарной помощи отправлял в Казахстан средства индивидуальной защиты, а также группы медицинских экспертов для оказания содействия казахстанским врачам в лечении COVID-19.

Январские события показали, что, когда в странах Центральной Азии проходят масштабные протесты, они могут легко принять насильственные формы или даже привести к свержению государственной власти. Для Китая понимание политической ситуации в этих странах становится все более важным для углубления сотрудничества с Центральной Азией. В двустороннем формате активно используются механизмы межправительственного обмена. В многостороннем плане, помимо различных встреч в рамках ШОС, Китай и пять стран Центральной Азии в июле 2020 года создали механизм встреч министров иностранных дел "С+С5". Тем самым впервые страны Центральной Азии и Китай создали полностью независимую платформу. Китай и Казахстан также укрепляют военно-техническое сотрудничество и проводят совместные военные учения в рамках ШОС. По словам официального представителя МИД Китая, Шанхайская организация сотрудничества готова помочь Казахстану стабилизировать внутреннюю ситуацию [18]. В условиях структурных перемен в международном порядке Казахстан, как член ШОС, должен оставаться прочным связующим звеном между Россией и Китаем, обеспечивая надёжный тыл Пекина и способствуя сопряжению ЕАЭС и Экономического пояса Шёлкового пути.

Заключение

После январских событий 2022 года руководство Казахстана вынуждено сосредоточиться на внутренних реформах. При этом фокус на принципе многовекторности во внешней политике весьма вероятно будет сохранен, в то время как западный вектор станет утрачивать важность в ближайшие несколько лет.

Будучи ключевым государством в Центральной Азии, Казахстан является особой страной для проведения китайской внешней политики в этом регионе. Пройдя 30-летний путь развития, отношения Китая с Казахстаном пребывают в периоде расцвета и обещают широкие перспективы для динамичного развития.

Хотя сейчас Китай не сможет в одиночку разрешить любой потенциальный кризис в Центральной Азии, для защиты собственных интересов он будет все более активно вовлекаться в обеспечение стабильности и безопасности в этом регионе. Так, в последние годы быстроразвивающийся Китай проводит все более активную внешнюю политику на евразийском направлении. На этом фоне, даже несмотря на нарастающие синофобские настроения в Казахстане, развитие сотрудничества является наиболее выгодным выбором для обеих стран. Для углубления экономического сотрудничества и обеспечения стабильности в регионе, страны намерены развивать своё взаимодействие в рамках таких многосторонних механизмов, как ШОС.

Литература

1. Амребаев А. Китаефилия сверху и китаефобия снизу: новые вызовы для нового руководства Казахстана // Central Asian Analytical Network. (сайт). URL: <https://www.caa-network.org/archives/17910> (дата обращения: 05.09.2019).
2. В Казахстане в январских беспорядках погибли 230 человек // Интерфакс. (сайт). URL: <https://www.interfax.ru/world/827950> (дата обращения: 14.03.2022).
3. В формате видеоконференции состоялось внеочередная сессия Совета коллективной безопасности ОДКБ. // ОДКБ. (сайт). URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/10-yanvarya-v-formate-videokonferentsii-sostoitsya-zasedanie-soveta-kollektivnoy-bezopasnosti-odkb-p/?clear_%20cache=Y#loaded (дата обращения: 10.01.2022).
4. Гордеев В. В Казахстане после митингов снизили цены на газ для машин // РБК. (сайт). URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/01/2022/61d2f3b9a794720c315f763> (дата обращения: 03.01.2022).
5. Инвестировать 20 млрд долларов в развитие транзита и логистики планирует Казахстан // Kazinform (сайт). URL: https://www.inform.kz/ru/investirovat-20-mlrd-dollarov-v-razvitiye-tranzita-i-logistiki-planiruet-kazahstan_a3890584 (дата обращения: 30.06.2022).
6. Итоги программы "Нұрлы жол" за пять лет: появление платных дорог, новые рабочие места, рост грузоперевозок // Официальный информационный ресурс Премьер-Министра Республики Казахстан. (сайт). URL: <https://primeminister.kz/ru/news/reviews/itogi-programmy-nurly-zhol-za-pyat-let-poyavlenie-platnyh-dorog-novye-rabochie-mesta-rost-gruzoperevozok-2133112> (дата обращения: 10.06.2022).
7. Закон РК "О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан" // Казахстанская правда. (сайт). URL: <https://kazpravda.kz/n/zakon-rk-o-vnesenii-izmeneniy-i-dopolneniy-v-konstitutsiyu-respubliki-kazahstan/> (дата обращения: 08.06.2022).
8. Заявление Председателя Совета коллективной безопасности ОДКБ – Премьер-министра Республики Армения Никола Пашиняна 6 января 2022 года // ОДКБ. (сайт). URL: https://odkb-csto.org/mirotvorcheskaya-operatsiya-odkb-v-kazakhstane-6-19-yanvarya-2022-goda/?PAGEN_1=2 (дата обращения: 06.01.2022).
9. Кулагин В. Китайцы – как обычно. Пока выжидали и думали, Россия уже ввела войска в Казахстан / А. Нехотина, В.Кулагин // газета.ru. (сайт). URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/01/29/14474785.shtml?updated> (дата обращения: 29.01.2022).
10. Платежный баланс и внешний долг Республики Казахстан за первую полугодия 2022 // Национальный Банк Казахстана. (сайт). URL: <https://nationalbank.kz/ru/news/vneshniy-dolg> (дата обращения: 07.12.2022).
11. Селайшкин К. Текущие проблемы в китайско-казахстанских отношениях и пути их решения // Исследования России, Центральной Азии и Восточной Европы. 2019. № 9. С. 104–114.
12. Умаров Т. Судьба многовекторности. Чем Казахстан заплатит России за поддержку // Центр Карнеги. (сайт). URL: <https://carnegie.ru/commentary/86249> (дата обращения: 26.01.2022).
13. 曹然. 哈萨克斯坦进入托卡耶夫时代 // 中国新闻周刊 = Цао Жан. Казахстан вступает в эпоху Токаева // China Newsweek. 2022. № 11. С. 11.
14. 国际观察：中国同中亚五国的关系进入新时代 // 人民日报, 2022年1月26日 = Международное наблюдение: Отношения Китая с пятью странами Центральной Азии вступают в новую эру // Жэньминь жибао.

(сайт). URL: <http://world.people.com.cn/n1/2022/0126/c1002-32340676.html> (дата обращения: 30.06.2022).

15. 海关总署每月统计 // 中华人民共和国海关总署 = Ежемесячная статистика Главного таможенно-го управления КНР // Главное таможенное управление КНР (сайт). URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxgk/2799825/302274/302277/302276/4471436/index.html> (дата обращения: 10.08.2022). (In Chin.).

16. 哈萨克斯坦总统托卡耶夫会见魏凤和 // 中华人民共和国中央人民政府, 2022年4月25日 = Президент Казахстана Токаев встретился с Вэй Фэнхэ // Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. (сайт). URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2022-04/25/content_5687176.htm (дата обращения: 30.06.2022).

17. 马晓霖. 哈萨克斯坦骚乱的多维观察 // 读报参考 = Ма Сяолин. Многоаспектный взгляд на беспорядки в Казахстане // Справочник читателя. 2022. № 4.

18. 外交部发言人汪文斌主持例行记者会 // 中华人民共和国外交部, 2022年1月7日 = Пресс-секретарь Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики проводит очередную пресс-конференцию // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. (сайт). URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjdt_674879/fyrbt_674889/202201/t20220107_10479922.shtml (дата обращения: 30.06.2022).

19. 王毅: 携手打造中哈关系下一个黄金三十年 // 中华人民共和国外交部, 2022年6月7日 = Ван И: совместными усилиями построить следующее золотое тридцатилетие китайско-казахстанских отношений // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. (сайт). URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjzbzh/202206/t20220607_10699852.shtml (дата обращения: 07.06.2022).

20. 习近平在中国同中亚五国建交30周年视频峰会上的讲话 // 中华人民共和国中央人民政府, 2022年1月25日 = Выступление Си Цзиньпина на видеосаммите, посвященном 30-летию установления дипломатических отношений между Китаем и пятью странами Центральной Азии // Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. (сайт). URL: http://www.gov.cn/xinwen/2022-01/25/content_5670410.htm (дата обращения: 25.01.2022).

21. 习近平向哈萨克斯坦总统托卡耶夫致口信 // 中华人民共和国外交部, 2022年1月7日 = Послание президенту РК председатель КНР // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. (сайт). URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/202201/t20220107_10479994.shtml (дата обращения: 07.01.2022).

References

1. Amrebayev A. Sinophilia from Above and Sinophobia from Below: New Challenges for Kazakhstan's New Leadership // Central Asian Analytical Network. (site). URL: <https://www.caa-network.org/archives/17910> (accessed 05.09.2019). (In Russ.).

2. In Kazakhstan, 230 people were killed in January riots // Interfax. (site). URL: <https://www.interfax.ru/world/827950> (accessed 14.03.2022). (In Russ.).

3. An extraordinary session of the CSTO Collective Security Council was held via video conference. // CSTO. (site). URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/10-yanvarya-v-formate-videokonferentsii-sostoitsyazasedanie-soveta-kollektivnoy-bezopasnosti-odkb-p/?clear_%20cache=Y#loaded (accessed 10.01.2022). (In Russ.).

4. Gordeev V. Kazakhstan reduced gas prices for cars after the rallies // RBK. (site). URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/01/2022/61d2f23b9a794720c315f763> (accessed 03.01.2022). (In Russ.).

5. Kazakhstan plans to invest \$20 billion in transit and logistics development // Kazinform (site). URL: https://www.inform.kz/ru/investirovat-20-mlrd-dollarov-v-razvitie-tranzita-i-logistiki-planiruet-kazahstan_a3890584 (accessed 30.06.2022). (In Russ.).

6. The results of the "Nurly Zhol" program in five years: the emergence of toll roads, new jobs, growth of freight traffic // The official information resource of the Prime Minister of the Republic of Kazakhstan. (site). URL: <https://primeminister.kz/ru/news/reviews/itogi-programmy-nurly-zhol-za-pyat-let-poyavlenie-platnyh-dorog-novye-rabochie-mesta-rost-gruzoperevozok-2133112> (accessed 10.06.2022). (In Russ.).

7. The Law of the RK "On Amendments and Additions to the Constitution of the Republic of Kazakhstan". // Kazakhstanskaya Pravda. (site). URL: <https://kazpravda.kz/n/zakon-rk-o-vnesenii-izmeneniy-i-dopolneniy-v-konstitutsiyu-respubliki-kazahstan/> (accessed 08.06.2022). (In Russ.).

8. Statement by the Chairman of the CSTO Collective Security Council - Prime Minister of the Republic of Armenia, Nikol Pashinyan, 6 January 2022 // CSTO. (site). URL: https://odkb-csto.org/mirotvorcheskaya-operatsiya-odkb-v-kazahstane-6-19-yanvarya-2022-goda/?PAGEN_1=2 (accessed 06.01.2022). (In Russ.).

9. Kulagin V. The Chinese – as usual. While they were waiting and thinking, Russia had already sent troops to Kazakhstan / A. Nehotina, V. Kulagin // газета.ru. (site). URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/01/29/14474785.shtml?updated> (accessed 29.01.2022). (In Russ.).

10. Balance of Payments and External Debt of the Republic of Kazakhstan for Q2 2022 // National Bank of Kazakhstan. (site). URL: <https://nationalbank.kz/ru/news/vneshniy-dolg> (accessed 07.12.2022). (In Russ.).

11. Selayshkin K. Current problems in China-Kazakhstan relations and ways to solve them // Studies of Russia, Central Asia, and Eastern Europe. 2019 No 9. P. 104–114. (In Russ.).

12. Umarov T. The fate of multi-vectorism. What Kazakhstan will pay Russia for its support // The Carnegie Center. (site). URL: <https://carnegie.ru/commentary/86249> (accessed 26.01.2022). (In Russ.).

13. Cao Ran. Kazakhstan enters the era of Tokayev // China Newsweek, 2022. No 11. P. 11. (in Chin).
14. International Observation: China's relations with five Central Asian countries enter a new era // People's Daily. (site). URL: <http://world.people.com.cn/n1/2022/0126/c1002-32340676.html> (accessed 30.06.2022). (In Chin.).
15. President of Kazakhstan Tokaev Meets with Wei Fenghe // Central People's Government of the People's Republic of China. (site). URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2022-04/25/content_5687176.htm (accessed 30.06.2022). (In Chin.).
16. Monthly Statistics of the General Administration of Customs // General Administration of Customs of the People's Republic of China. (site). URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxgk/2799825/302274/302277/302276/4471436/index.html> (accessed 10.08.2022). (In Chin.).
17. Ma Xiaolin. A multidimensional view of the riots in Kazakhstan // Readers' Reference. 2022. No 4. (In Chin.).
18. Foreign Ministry spokesman Wang Wenbin hosts regular press conference // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. (site). URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjdt_674879/fyrbt_674889/202201/t20220107_10479922.shtml (accessed 30.06.2022). (In Chin.).
19. Wang Yi: Working Together to Build the Next Golden Thirty Years of China-Kazakhstan Relations // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. (site). URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjzbzd/202206/t20220607_10699852.shtml (accessed 07.06.2022). (In Chin.).
20. Xi Jinping's speech at the video summit on the 30th anniversary of diplomatic ties between China and five Central Asian countries // Central People's Government of the People's Republic of China. (site). URL: http://www.gov.cn/xinwen/2022-01/25/content_5670410.htm (accessed 25.01.2022). (In Chin.).
21. Jinping sends a message to President Tokaev of Kazakhstan // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. (site). URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/202201/t20220107_10479994.shtml (accessed 07.01.2022). (In Chin.).

ЧЖАН ХУНЦЗЯН, аспирант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: chzhan.khunt@dvfu.ru

ZHANG HONGJIANG, Postgraduate student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: chzhan.khunt@dvfu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 25.08.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 05.02.2023

Принята к публикации
(Accepted) 07.03.2023

Внешняя политика Республики Корея после президентских выборов 2022 г.

Валентин Игоревич ВОЛОЩАК

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, voloshchak.vi@dvf.u.ru

Анастасия Руслановна БЕЗОТОСОВА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, bezotosova.ar@dvf.u.ru

Нионелла Игоревна НИКОНЕНКОВА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, nikonenkova.ni@students.dvf.u.ru

Аннотация. В данной статье проведен анализ основных инициатив нового южнокорейского руководства во внешней политике после президентских выборов в Республике Корея в 2022 г. В своей работе авторы опираются на доклад "120 задач государственной политики" Правительства РК, совместное заявление и материалы пресс-конференции по итогам майского саммита США-РК 2022 г., а также материалы СМИ и исследовательскую литературу. Авторы приходят к выводу, что в ближайшей перспективе направления внешней политики РК будут определять фактор углубления технологического, экономического и военного сотрудничества США, а также стремление нового президента Юн Согёля улучшить отношения с Японией.

Ключевые слова: Южная Корея, США, внешняя политика, безопасность, президентские выборы

Для цитирования: Волощак В.И., Безотосова А.Р., Никоненкова Н.И. Внешняя политика Республики Корея после президентских выборов 2022 г. // Известия Восточного института. 2023. № 1. С. 156–166. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/156-166>

Original article

<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/156-166>

South Korea's Foreign Policy after 2022 Presidential Elections

Valentin I. VOLOSHCHAK

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, voloshchak.vi@dvf.u.ru

Anastasia R. BEZOTOSOVA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, bezotosova.ar@dvf.u.ru

Nionella I. NIKONENKOVA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, nikonenkova.ni@students.dvf.u.ru

Abstract. The opposite People Power Party candidate Yoon Suk-yeol won the presidential elections that were held in Republic of Korea on March 9, 2022. The subsequent taking of the office by conservative administration couldn't but cause the transformation of foreign policy priorities of Seoul, the analysis of which is provided in the present article. The authors have examined key foreign policy initiatives of the new South Korean government, presented in official documents and keynote speeches of newly elected president. The authors' conclusions are drawn upon the examination of "120 Policy Tasks" plan of South Korean government, Joint Statement and press-conference materials following May 2022 US-ROK summit, as well as a wide range of media sources. The authors conclude that in the coming years the South Korean foreign policy priorities will be determined by the enhancement of economic, technological and defense cooperation with the US, as well as by the Yoon Suk-yeol efforts to improve and "restore" relations with Japan. Such priorities will lead to increasing complexity of ROK's interactions with US' opponents, in relations with which Seoul will attempt to seek trade-offs and maneuver.

Keywords: South Korea, USA, foreign policy, security, presidential elections

For citation: Voloshchak V.I., Bezotosova A.R., Nikonenkova N.I. South Korea's Foreign Policy after 2022 Presidential Elections // Oriental Institute Journal. 2023. № 1. P. 156–166. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/156-166>

9 марта 2022 г. в Республике Корея состоялись президентские выборы, победу на которых одержал Юн Согёль, кандидат от консервативной партии "Сила народа". Политическую программу Юн Согёля составил набор правоконсервативных инициатив – смягчение регулирования бизнеса, поддержка инвестиций в частный сектор, ограничение программ социальной поддержки [7]. Во внешней политике для южнокорейских консерваторов характерны радикальная ориентация на США,

укрепление партнерских связей с Японией, пассивность в межкорейском диалоге и жесткая позиция по вопросу денуклеаризации Корейского полуострова [4].

В этом русле находилась и предвыборная риторика Юн Согёля, в случае избрания обещавшего в числе прочего создать трехстороннюю структуру безопасности между США, РК и Японией, приобрести дополнительную батарею американской системы ПРО THAAD для нужд вооруженных сил РК [1, с. 87], а также допустившего возможность превентивного удара по Северной Корее [24]. Курс на более глубокое сближение с США также прослеживается и на российском векторе внешней политики РК – еще при президенте Мун Чжэине Сеул присоединился к санкционной кампании против России после начала ее специальной военной операции на Украине, а после вступления в должность Юн Согель ликвидировал Комитет по северному экономическому сотрудничеству при президенте РК, тем самым осуществив на институциональном уровне демонтаж "Новой северной политики", проводимой предыдущим президентом в целях развития отношений и сотрудничества с Россией и рядом государств Евразии [2].

Подобные обстоятельства определили общие приоритеты внешнеполитического курса РК на ближайшие годы. Однако разрыв между предвыборной риторикой Юн Согёля и его реальными шагами после избрания, а также ряд других нюансов заставляют обратить на себя внимание и более подробно рассмотреть ключевые внешнеполитические программы и инициативы РК, предлагаемые новой администрацией сегодня.

Основные приоритеты внешней политики в официальных документах РК

В мае 2022 г., еще до вступления новой администрации в свои полномочия, Переходный комитет избранного президента выпустил доклад "110 задач государственной политики" [26]. В июле уже сформированным правительством была принята его расширенная версия, получившая название "120 задач государственной политики". Данный план является базовым документом, определяющим основные направления внутренней и внешней политики РК. Содержание блока задач, посвященных внешней политике и политике в отношении КНДР несколько контрастирует с инициативами и обещаниями, декларированными Юн Согёлем в разгар предвыборной гонки, и не включает наиболее резонансные инициативы, предложенные ранее – приобретение батареи THAAD, создание военно-политического блока США-РК-Япония и т.д.

Прежде всего, в документе представлены три задачи (№93–95), посвященные денуклеаризации Северной Кореи, нормализации межкорейских отношений и гуманитарным вопросам межкорейского взаимодействия [25]. Сама формулировка и порядок задач уже говорят о многом – отношение консервативной администрации к КНДР весьма сдержанное и не предполагает серьезных прорывных инициатив, способных внести положительную динамику в отношения Пхеньяна и Сеула. В отличие от Мун Чжэина, сделавшего межкорейское примирение одним из ключевых приоритетов своей политики и предлагавшего масштабные проекты (строительство транскорейского газопровода, объединение железных дорог КНДР и РК и т.д.) с целью вовлечь Северную Корею в региональное сотрудничество, Юн Согель исходит прежде всего из того, что дальнейшее развитие отношений должно происходить при условии денуклеаризации КНДР. Примечательно, что в плане "120 задач государственной политики" используется формулировка "полная и верифицируемая денуклеаризация" (кор. 완전하고 검증 가능한 비핵화) [25], близкая к формуле CVID (англ. complete, verifiable, irreversible denuclearization), которая активно применялась администрацией Д. Трампа. Южная Корея планирует разработать собственную дорожную карту денуклеаризации, а также содействовать диалогу РК-КНДР-США посредством запуска каналов регулярной связи и создания трехсторонних офисов связи в Панмунджоме или Вашингтоне. Среди других инициатив по северокорейскому направлению можно выделить проект "зеленой разрядки", предполагающий создание "зеленой зоны мира" в демилитаризованной зоне между РК и КНДР, расширение гуманитарных обменов и сотрудничества в области лесного, водного и сельского хозяйства, а также сотрудничество по со-

вместному реагированию на пыльные бури и прочие стихийные бедствия. В части гуманитарного сотрудничества запланировано создание "Платформы сотрудничества в области здравоохранения и медицины Корейского полуострова" – новой структуры государственно-частного партнерства, направленной на поддержку Северной Кореи в борьбе с пандемией COVID-19. Однако же в целом предложенный спектр действий ограничен и северокорейский вектор политики РК в значительной степени сводится к вопросам политического урегулирования с учетом действия санкционного режима в отношении КНДР.

Задача №96 посвящена развитию отношений и сотрудничества с 4 партнерами РК, являющимся важными акторами в Восточной Азии – США, КНР, Японией, Россией. Направления сотрудничества с США и КНР прописаны достаточно лаконично и формально: связи с США предполагается развивать на уровне стратегического партнерства в сфере обороны и обеспечения экономической безопасности, а областями сотрудничества с КНР обозначены торговля, логистика, здравоохранение, экология и культура [25].

Формулировки задач развития отношений с Россией и Японией более примечательны. РК стремится "поддерживать стабильные отношения между с Россией, участвуя при этом в международных усилиях по разрешению кризиса на Украине, включая санкции против России". Подобная постановка задачи достаточно однозначно отражает позицию Южной Кореи по украинскому кризису, и вместе с тем сам факт выделения России в качестве одного из ключевых партнеров свидетельствует о желании сохранить определенный уровень взаимоотношений, несмотря на то, что Юн Согёль изначально не предлагал серьезных инициатив по сотрудничеству наподобие "Новой северной политики" и "9 мостов сотрудничества" Мун Чжэина. Что касается отношений с Японией, 96-я задача предполагает построение нового партнерства между Сеулом и Токио на основе общности интересов и ценностей, восстановление доверия и разрешение спорных вопросов посредством челночной дипломатии. В задаче декларируется "наследование духа "Совместной декларации РК и Японии о новом сотрудничестве в XXI в.", подписанной в 1998 г. президентом РК Ким Дэджунгом и премьер-министром Японии Кэйдзо Обути. Юн Согёль, очевидно, считает опыт последних 20 лет негативным для японо-южнокорейских отношений и часто в своих выступлениях употребляет слово "восстановление" [6], говоря о них. По всей видимости, именно этот вопрос станет одним из главных внешнеполитических приоритетов новой администрации РК.

Следующий блок задач посвящен укреплению регионального сотрудничества и многосторонней дипломатии. РК имеет интересы практически во всех регионах мира – в тексте плана отдельно выделены Юго-Восточная Азия, Индо-Тихоокеанский регион, Европа, Ближний Восток, Латинская Америка, Африка и Центральная Азия в качестве наиболее важных регионов для южнокорейской дипломатии. Активные связи РК поддерживает также с такими организациями, как Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива и Форум Корея – Центральная Азия. РК намерена поддерживать сотрудничество по линии ООН на всех уровнях и преследует цель стать членом трех ключевых структур ООН – Совета Безопасности, Совета по правам человека, Экономического и социального совета [25].

Новым приоритетом многостороннего сотрудничества для РК стало обеспечение "экономической безопасности", для чего требуется работа в рамках крупнейших межправительственных организациях по предотвращению кризисов цепочек поставок. Среди ключевых площадок многосторонней дипломатии для РК в 98-й задаче указаны Большая двадцатка, ОЭСР, ВТО, АТЭС (в 2025 г. планируется проведение саммита АТЭС в РК) [25]. Важным для РК представляется также и сотрудничество по формированию новых цепочек поставок, соблюдению прав человека, охране окружающей среды и разработке норм, связанных с цифровыми технологиями в рамках ВПТТП, ВРЭП и Индо-Тихоокеанской экономической структуры (англ. Indo-Pacific Economic Framework, IPEF) – новой инициативы международного экономического сотрудничества, созданной 23 мая 2022 г. под эгидой США и объединяющей 14 государств Южной и Юго-Восточной Азии. Наконец, РК создаст

"Комитет новой безопасности" при премьер-министре РК, в ведении которого будет находиться координация работы разных государственных органов по противодействию нетрадиционным угрозам безопасности – в первую очередь в области экономической безопасности, устойчивости цепочек поставок и т.д.

Среди оставшихся интересных инициатив, обозначенных в плане "120 задач государственной политики", можно выделить поддержку корейцев, проживающих за рубежом, посредством принятия Закона "О зарубежных корейцах" и создания Управления по делам зарубежных корейцев, ответственного за правозащитную деятельность и т.д.; учреждение Национального управления кибербезопасности при президенте РК в качестве "контрольной башни" различных ведомств и предприятий в области кибербезопасности, занимающегося в том числе и вопросами международного сотрудничества по противодействию хакерским атакам и т.д.; развитие юго-восточного региона РК и его превращение в торговый и логистический центр Северо-Восточной Азии, проведение в Пусане Всемирной выставки в 2030 г. и сопутствующая масштабная модернизация транспортно-логической инфраструктуры города [25].

Помимо программных документов государственной политики, важное значение для выработки международной политики РК имеет фактор альянса с США, поддерживающих с Южной Кореей глубокие военно-политические и экономические связи. Всего через 11 дней после вступления Юн Согёля в должность президента РК, 21 мая 2022 г. состоялся саммит Вашингтона и Сеула, в рамках которого лидеры двух государств дали совместную пресс-конференцию и подготовили совместное заявление по итогам встречи. В нем представлены видение роли альянса в современных международных реалиях и достаточно подробная программа сотрудничества в различных областях.

Согласно тексту заявления, отношения между союзниками характеризуются как "глобальный, всеобъемлющий стратегический альянс", имеющий интересы за пределами Корейского полуострова. Среди основных вызовов, стоящих перед альянсом на сегодняшний день, названы проблема денуклеаризации Северной Кореи, пандемия COVID-19, трансформация мировой торговой системы и перестройка цепочек поставок, изменение климата, угроза ценностям либеральной демократии в мире и порядку, основанному на правилах. Лейтмотивом встречи стала тема экономической безопасности, которую партнеры связывают, прежде всего, с устойчивостью цепочек поставок [22]. В целях защиты экономических интересов США и их партнеров Дж. Байден провозгласил создание Индо-Тихоокеанской экономической структуры (IPEF), что было одной из основных задач его майского турне в ряд государств Северо-Восточной Азии. IPEF представляет собой инициативу по торговому партнерству (не являясь при этом формальным торговым соглашением, в отличие от предшествующего схожего проекта Транстихоокеанского партнерства, из которого США вышли в 2017 г.), объединяющую Австралию, Бруней, Вьетнам, Индию, Индонезию, Малайзию, Новую Зеландию, Сингапур, США, Таиланд, Фиджи, Филиппины, Южную Корею и Японию. Фактически с включением Индии новая инициатива имеет антикитайскую направленность и призвана создать устойчивую систему торгово-экономического взаимодействия стран-партнеров США с целью предотвращения экономической зависимости их от Китая. В тексте совместного заявления зафиксирована совместная работа Вашингтона и Сеула по дальнейшему развитию IPEF и его превращению в модель прочного и глубокого сотрудничества.

Деятельность по обеспечению экономической безопасности будет проходить также и на основе работы в двухсторонних форматах. При этом акцент сделан на технологическое сотрудничество – в условиях соперничества с КНР, для США одним из главных приоритетов является минимизация зависимости своих союзников от технологий Китая. Среди принципиальных сфер, в которых США и РК планируют углублять сотрудничество, обозначены чистая энергетика, полупроводники, 5G и 6G, технологии Open-RAN, квантовые технологии, биотехнологии, аккумуляторы для электромобилей, искусственный интеллект [22]. Данный спектр направ-

лений технологического сотрудничества практически не претерпел изменений с момента встречи Дж. Байдена и Мун Чжэина в 2021 г., за исключением энергетики, которой союзники уделяют значительное внимание. В тексте совместного заявления специальная военная операция России на Украине прямо названа источником резкого роста волатильности глобального энергетического рынка, и для защиты цепочек поставок энергии и сокращения зависимости от ископаемых видов топлива Сеул и Вашингтон договорились углублять сотрудничество по развитию чистой энергетики. Центральное место в этой работе занимает сотрудничество в области ядерной энергии, что свидетельствует о трансформации политики РК: предыдущий президент последовательно стремился к сокращению количества АЭС и поиску новых источников возобновляемой энергии ввиду сейсмоопасности региона. Юн Согёль, напротив, делает ставку на развитие ядерной энергии, объявив о совместной с США работе по строительству и распространению усовершенствованных реакторов и малых модульных реакторов и поддержав проекты южнокорейских и американских компаний [10]. Стороны подтвердили приверженность двустороннему меморандуму о трансфере и сотрудничестве по экспорту ядерных технологий в целях обеспечения ядерной безопасности, поддержки поставок топлива, продвижения экспорта и обращения с отработавшим ядерным топливом. РК также объявила о намерении присоединиться к американской программе "Основопологающая инфраструктура для ответственного использования технологии малых модульных реакторов" (англ. Foundational Infrastructure for Responsible Use of Small Modular Reactor Technology, FIRST) [22].

Партнеры также договорились углублять сотрудничество в области космических технологий, как в рамках международной программы Artemis, курируемой NASA, так и на основе двустороннего диалога: стороны объявили о проведении "3-го Гражданского космического диалога между США-РК" в конце 2022 г. США будут оказывать содействие по созданию национальной спутниковой системы навигации (Korean Positioning System, KPS), а также совместно с РК будут проводить военные учения в области космической обороны.

Наконец, важное место в совместном заявлении заняли вопросы безопасности и обороны. Союзники вновь заявили о своей приверженности Договору о взаимной обороне 1953 г. и ряду традиционных задач альянса, таких как передача оперативного контроля ВС РК сеульскому командованию в военное время и совместные усилия по денуклеаризации Корейского полуострова. Из изменений стоит отметить планы по интенсификации военных учений, причиной чему в тексте соглашения обозначен "рост угрозы со стороны КНДР". Кроме того, США подчеркнули свою готовность обеспечивать расширенное сдерживание на основе ядерного, конвенционального и противоракетного потенциала США своевременно разместить стратегическое вооружение на территории РК в случае необходимости. Союзники согласились также возобновить работу Консультативной группы по стратегии расширенного сдерживания [22].

Перспективы развития отношений Сеула с основными внешнеполитическими партнерами

Смена администрации в РК, произошедшая на фоне глобальных экономических и политических сдвигов предопределила и необходимость определенной трансформации внешнеполитического курса страны. Более того, во время предвыборной гонки и после избрания на пост президента РК, Юн Согёль объявил ряд инициатив и предложений, направленных на пересмотр внешнеполитической линии предыдущей администрации Мун Чжэина. В этой связи представляется важным попытаться оценить будущее развитие внешней политики РК с учетом характера последних изменений как внутри страны, так и на международной арене.

КНР. Одним из наиболее сложных испытаний для новой администрации РК станет развитие отношений с КНР. Пекин не приветствует углубление интеграции РК в региональных структурах военно-политического и экономического сотрудничества под эгидой США, стремящихся создать эффективный пояс сдерживания Китая. Тесные торгово-экономические связи с КНР ставят перед РК вопрос о по-

иске компромиссных решений, в частности, в вопросах присоединения к международным блокам и организациям. И если решение о членстве в AUKUS или QUAD пока что серьезно не обсуждается в Сеуле, то более неоднозначным выглядит возможное присоединение к антикитайским экономическим инициативам. Помимо IPEF (участие РК в котором уже согласовано), к таковым можно причислить Chip 4 – технологическую платформу сотрудничества между США, Японией, Тайванем и РК, созданную Вашингтоном для защиты цепочек поставок полупроводников. Подобные намерения южнокорейского руководства создают дополнительные трения в отношениях с КНР.

Их сложность также продемонстрировала встреча министров иностранных дел двух стран Ван И и Пак Чжина 9 августа 2022 г. Камнем преткновения на переговорах вновь стала проблема ТНААД – китайская сторона выдвинула требование об ограничении дальности действия радара X-диапазона батареи ТНААД в Сонджу, напомнив о политике "трех нет" Мун Чжэина [14]. Сеул отверг требование, объявив о том, что ТНААД необходим РК исключительно в оборонительных целях для противодействия ракетной угрозе КНДР, а политика "трех нет" являлась "объяснением позиции" администрации Мун Чжэина, а не обещанием или договоренностью [15]. Несмотря на то, что официально Сеул объявил о том, что вопрос ТНААД не является препятствием для развития китайско-южнокорейских отношений [11], очевидно, что КНР будет продолжать оказывать давление КНР с целью скорректировать политическую и дипломатическую линию РК. К примеру, идея покупки дополнительной батареи ТНААД, неоднократно озвученная Юн Согёлем до выборов, больше не стоит на повестке дня, а его уклонение от официальной встречи со спикером Палаты представителей Конгресса США Н. Пелоси после ее "тайваньского турне" в августе 2022 г. красноречиво свидетельствует о нежелании обострять отношения с Китаем.

США и страны Европы. Главным приоритетом американского вектора внешней политики РК является развитие "альянса экономической безопасности". Данное понятие стало часто встречаться в официальной риторике двух государств. По словам Юн Согёля на пресс-конференции после встречи с Дж. Байденом, "мы живем в эпоху, когда экономика – это безопасность, а безопасность – экономика" [17]. Крупнейшей на данный момент международной инициативой по обеспечению экономической безопасности является присоединение РК к IPEF, что позволяет Сеулу выполнить в том числе и задачу диверсификации своих торгово-экономических и дипломатических связей (на что ранее была ориентирована Новая северная политика и Новая южная политика Мун Чжэина). На двустороннем уровне РК ведет активное технологическое сотрудничество с США во многих областях – от ядерной энергетики и космоса до полупроводников и медицины. Однако, помимо экономических, традиционные вызовы безопасности все так же оказывают влияние на характер сотрудничества РК со своими партнерами, и одним из наиболее перспективных направлений можно назвать торговлю вооружениями. Сегодня РК имеет развитую и конкурентную сеть предприятий военно-промышленного комплекса, является одним из ведущих мировых экспортеров вооружений. В настоящее время РК прорабатывает возможность ряда сделок, в числе которых открытие завода Hanwha по производству САУ в Австралии, продажа танков K2 и САУ K9 Польше, продажа легких боевых самолетов FA-50 в США и Польше [20]. Важным событием может стать заключение Соглашения о взаимных оборонных закупках (англ. Reciprocal Defense Procurement Agreement) между РК и США, которое обсуждалось на встрече Юн Согёля и Дж. Байдена. Потенциальное соглашение направлено на устранение дискриминации продукции, услуг, НИОКР в сфере оборонных закупок и содействие доступу военной техники и вооружений РК и США на рынки друг друга. Заключение такого соглашения значительно укрепит альянс, являясь аналогом соглашения о свободной торговле в военной сфере, однако может и иметь риски для РК: вытеснение южнокорейских компаний американскими с внутреннего рынка РК, а также общее снижение экспортного потенциала военной промышленности РК [12, p. 221–222].

Военно-политическое сотрудничество с США и странами Европы также будет углубляться. РК развивает сотрудничество по линии НАТО, инициировав открытие своего представительства при НАТО в Брюсселе. Впервые в истории РК приняла участие в качестве гостя на саммите НАТО в июне 2022 г., на полях которого Юн Согёль достиг ряда договоренностей с Францией, Польшей, Чехией, Нидерландами и др. по сделкам в области ядерной энергетики, поставок вооружений, космических технологий и полупроводников. Предварительно Сеулом прорабатывается вопрос присоединения к Quad – Юн Согёль неоднократно объявлял о желании вступить в группировку, и Дж. Байден одобрил это стремление на майском саммите. Также перед альянсом РК-США в ближайшее время будет стоять вопрос о "нормализации" работы батареи ТНААД в Сончжу [18] (при Мун Чжэине находившейся в состоянии "временного размещения", по версии нынешней администрации) а также расширение совместных учений по противодействию северокорейской ракетной угрозе и в рамках подготовки передачи оперативного контроля над ВС РК в военное время.

КНДР. Нельзя сказать, что приход к власти в РК консервативной администрации влечет за собой принятие конфронтационного курса по отношению к Северной Корее – скорее, подход Сеула можно охарактеризовать как пассивный. Сближение с США, в особенности в области военно-политического сотрудничества, равно как и риторика об улучшении отношений с Японией не могут не вызвать негативной реакции Пхеньяна. С начала 2022 г. КНДР совершила несколько ракетных пусков, фактически нарушив добровольный мораторий на запуски межконтинентальных ракет [5], что можно считать выражением протеста против меняющегося политического курса РК. Тем не менее РК формально готова к сотрудничеству – в своей инаугурационной речи Юн Согёль предложил разработку "дерзкого плана" экономической помощи и сотрудничества, в том числе в области здравоохранения, продовольствия, модернизации инфраструктуры [9]. Пока что предложения носят размытый характер и в качестве предварительного условия имеют запуск процесса полной денуклеаризации северокорейским руководством. В разгар вспышки COVID-19 в КНДР весной 2022 г. Юн Согёль предложил предоставить Северной Корее гуманитарную помощь. В августе заместитель руководителя Отдела пропаганды и агитации Центрального комитета Трудовой партии Кореи Ким Ёчжон в своем заявлении подвергла резкой критике предложения Юн Согёля о денуклеаризации в обмен на экономическую помощь, назвав его инициативу "верхом глупости" [3]. Также она выразила озабоченность тем фактом, что вспышка коронавируса в КНДР произошла в районах, граничащих с Южной Кореей, предположив, что источником инфекции стали агитационные листовки, распространяемые с территории РК [23]. Министерство объединения РК выразило сожаление о "беспочвенных заявлениях" Пхеньяна [21]. В целом можно заключить, что в ближайшее время нет видимых перспектив для развития отношений Пхеньяна и Сеула, при этом нельзя исключать возможность серьезного их обострения в случае принципиальных разногласий консервативной администрации Юн Согёля и северокорейского руководства по ключевым международным вопросам.

Япония. "Восстановление" отношений с Японией является одной из основных целей администрации Юн Согёля и имеет более-менее реальные перспективы успеха. Конечно, преграды исторического прошлого продолжают оказывать влияние на отношение двух стран, однако Япония и РК имеют общие интересы безопасности в регионе, обе стороны являются военными союзниками США и в рамках новой инициативы IPEF смогут получить новые экономические связи, которых, возможно, партнерам не доставало ранее. Министры иностранных дел РК и Японии Пак Чжин и Ёсимаса Хаяси провели несколько встреч весной-летом 2022 г., обсудив ряд проблемных вопросов двусторонних отношений. В частности, они затронули вопрос "нормализации" работы соглашения об обмене разведанных GSOMIA, мало используемого сторонами с 2019 г [19]. В целом официальная риторика РК имеет прояпонскую направленность, и новая консервативная администрация делает многое для создания позитивной атмосферы диалога Сеула и

Токио. Не исключено, что практические плоды этого можно будет увидеть в сравнительно близкой перспективе.

Россия. Заморозка крупных проектов трехстороннего сотрудничества России, КНДР и РК лишило смысла значительную часть инициатив Новой северной политики Мун Чжэина, а двустороннее экономическое сотрудничество России и РК не получило должного развития в последние несколько лет, будучи осложнено рядом институциональных преград. Имея это наследие, администрация Юн Согёля изначально не делала ставку на углубление сотрудничества с Россией. РК относится к списку "недружественных стран", не поддержавших специальную военную операцию на Украине и присоединившихся к международным санкциям против России, делегация правящей партии "Сила народа" посещала Украину в июне 2022 г. [16], а президент Украины В. Зеленский выступал в Национальной ассамблее РК в апреле 2022 г [8]. Отношения Сеула и Москвы переживают не лучший этап. Гуманитарные и политические контакты остаются достаточно ограниченными, не предвидится и сотрудничество в рамках крупных инвестиционных проектов. Ближайшим приоритетом может стать сохранение приемлемого уровня торгово-экономического сотрудничества и поиск новых ниш с учетом санкций. Заключение в августе 2022 г. сделки между госкомпаниями Korea Hydro & Nuclear Power и "Атомстройэкспорт" по проекту строительства АЭС в Египте [13] демонстрирует, что эти ниши не исчерпаны даже в условиях санкций.

Заключение

Сегодня государственная политика РК претерпевает очередной "консервативный" поворот. В сложной международной обстановке Сеул делает ставку на укрепление альянса с США, и главным приоритетом союзников становится выстраивание устойчивой системы экономической безопасности. Другим важным акцентом является сближение с Японией, что позволит РК заручиться поддержкой ценного торгово-экономического и военно-политического партнера. Эти изменения, с другой стороны, не скажутся положительно на отношениях РК с КНР и КНДР – Пхеньян, вероятно, интенсифицирует ракетные испытания в знак протеста, а Пекин в случае серьезного кризиса может подвергнуть экономическому бойкоту южнокорейские компании, как это произошло в 2017 г. из-за введения батареи ТНААД на территории РК. Тем не менее Сеул пытается сохранить многовекторность своего курса, не желая обострять ситуацию вокруг спорных вопросов отношений с соседями. Скорее всего, решение о вступлении в Quad будет затягиваться администрацией Юн Согёля, чтобы избежать серьезного кризиса в отношениях с Пекином, которые на данный момент осложнены стремлением РК отказаться от политики "трех нет" предыдущей администрации. Аналогично в вопросе присоединения к санкционному давлению против России РК придерживается сравнительно умеренной линии, поддержав санкции США и стран Европы, но введя при этом собственные относительно мягкие ограничительные меры, набор которых затрагивает в основном банковский сектор. В целом в ближайшие годы вектор южнокорейской внешней политики будет определять усиление фактора экономического, технологического и военно-политического сотрудничества с США и усложнение взаимодействия с оппонентами США, в отношениях с которыми Сеул будет стремиться маневрировать и искать компромиссы по спорным вопросам.

Литература

1. Асмолов К.В. Президентские выборы-2022 в Республике Корея / К.В. Асмолов // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 2. С. 80–96.
2. Кирьянов О. Новая метла Сеула: зачем в Корее упразднили комитет по связям с РФ / О. Кирьянов // News.ru. 13.07.2022. URL: <https://news.ru/asia/novaya-metla-seula-zachem-v-koree-uprazdnlili-komitet-po-svyazyam-s-rf/> (дата обращения: 03.09.2022).
3. КНДР отказалась принять предложение Сеула по денуклеаризации // ТАСС. 19.08.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15510735> (дата обращения: 04.09.2022).
4. Ланьков А.Н. Как будут звать следующего президента Южной Кореи? / А.Н. Ланьков // Международный дискуссионный клуб "Валдай". 09.01.2022. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kak-budut-zvat-sleduyushchego-prezidenta-yuzhnoy-korei/> (дата обращения: 03.09.2022).

5. Северную Корею обвинили в нарушении моратория на запуски МБР // Интерфакс. 30.01.2022. URL: <https://www.interfax.ru/world/819190> (дата обращения: 04.09.2022).
6. Ahn, Sung-mi. Yoon calls for 'urgent' efforts to restore ties with Japan / Ahn Sung-mi // Korea Herald. 28.03.2022. URL: <https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20220328000673> (дата обращения: 04.09.2022).
7. Cha V. Yoon Suk Yeol: What to Expect from South Korea's Next President / V. Cha, D. Kim // Center for Strategic and International Studies. 09.03.2022. URL: <https://www.csis.org/analysis/yoon-suk-yeol-what-expect-south-koreas-next-president> (дата обращения: 03.09.2022).
8. Chung E. Zelensky tells Assembly Korea must do 'much more' / E. Chung // JoongAng Ilbo. 11.04.2022. URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/2022/04/11/national/diplomacy/korea-ukraine-zelensky/20220411190847642.html> (дата обращения: 04.09.2022).
9. Full text of President Yoon Suk-yeol's inauguration speech // Korea Herald. 10.09.2022. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20220510000429> (дата обращения: 04.09.2022).
10. Jennings R. Some Of Korea's Biggest Conglomerates To Build Small-Scale Nuclear Plants In Asia / R. Jennings // Forbes. 16.05.2022. URL: <https://www.forbes.com/sites/ralphjennings/2022/05/16/some-of-koreas-biggest-conglomerates-to-build-small-scale-nuclear-plants-in-asia/?sh=3f9949d26691> (дата обращения: 04.09.2022).
11. Kim Eun-jung. THAAD issue shouldn't be obstacle in Seoul-Beijing ties, top diplomats agree / Kim Eun-jung // Yonhap News. 09.08.2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20220809007952325?section=national/diplomacy> (дата обращения: 04.09.2022).
12. Kim Man-ki. How South Korea Should Weigh the Risks and Benefits of Entering into a Reciprocal Defense Procurement Memorandum of Understanding (RDP MOU) with the United States / Kim, Man-ki // The Korean Journal of Defense Analysis. 2022. Vol. 34. No. 2. P. 207–230. <https://doi.org/10.22883/kjda.2022.34.2.003>
13. Kim Tong-hyung. S Korea signs \$2.25 billion deal with Russia nuclear company / Kim Tong-hyung // AP News. 25.08.2022. URL: <https://apnews.com/article/russia-ukraine-middle-east-africa-349bf2b3eb2551bdea5ec886855dea92?fbclid=IwAR31Fz2PM1eculm71Rk59ltyVcoO5lurEyR8iuP3FKAwUf5TkqXrL0hV5GQ> (дата обращения: 04.09.2022).
14. Lee Haye-ah. THAAD issue not subject to negotiation: presidential office / Lee Haye-ah // Yonhap News. 11.08.2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20220811006451315?section=national/diplomacy> (дата обращения: 04.09.2022).
15. Park Hyun-ju. China wants to hold Yoon Suk-yeol to the 'Three No's' / Park Hyun-ju, E. Chung // JoongAng Ilbo. 01.08.2022. URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/2022/08/01/national/diplomacy/korea-china-thaad/20220801184651166.html> (дата обращения: 04.09.2022).
16. PPP chief discusses support, post-war reconstruction with Ukrainian president // Yonhap News. 08.06.2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20220608002451315> (дата обращения: 04.09.2022).
17. Remarks by President Biden and President Yoon Suk Yeol of the Republic of Korea in Joint Press Conference // The White House. 21.05.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/05/21/remarks-by-president-biden-and-president-yoon-suk-yeol-of-the-republic-of-korea-in-joint-press-conference/> (дата обращения: 04.09.2022).
18. S. Korea to expeditiously push for 'normalization' of U.S. THAAD unit operation: defense chief // Yonhap News. 23.05.2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20220523009200325?section=national/defense> (дата обращения: 04.09.2022).
19. S. Korea, Japan hold foreign ministerial talks on warming bilateral ties // Yonhap News. 18.07.2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20220718003551325> (дата обращения: 04.09.2022).
20. S. Korean firms ink follow-up contracts with Poland to export K2 tanks, K9 howitzers // Yonhap News. 27.08.2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20220826008400325?section=national/defense> (дата обращения: 04.09.2022).
21. S. Korea expresses regret over N.Korea's 'groundless claim' over COVID, threats // Reuters. 11.08.2022. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/skorea-expresses-regret-over-nkoreas-groundless-claim-over-covid-threats-2022-08-11/> (дата обращения: 04.09.2022).
22. United States-Republic of Korea Leaders' Joint Statement // The White House. 21.05.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/21/united-states-republic-of-korea-leaders-joint-statement/> (дата обращения: 04.09.2022).
23. Vice Department Director of WPK Central Committee Makes Speech at Anti-Epidemic Work Reviewing Meeting // Korean Central News Agency. 11.08.2022. URL: <http://kcn.a.kp/en/article/q/2d9436e387ea43314c55c08f0c12ef94.kcmsf> (дата обращения: 04.09.2022).
24. Yoon cites preemptive strike as option to deal with N.K. threat // Yonhap News. 11.01.2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20220111009200315?section=news> (дата обращения: 03.09.2022).
25. 120대 국정과제 // 제20대 대통령실 = 120 задач государственной политики // Офис 20-го президента Республики Корея. URL: https://www.president.go.kr/ko/task_new.php (дата обращения: 04.09.2022).
26. 윤석열정부 110대 국정과제 // 서울: 제20대 대통령직인수위원회 = 110 задач государственной политики правительства Юн Согёля // Сеул: Переходный комитет 20-го президента Республики Корея, 2022.

182 c.

References

1. Asmolov K.V. Presidential Elections-2022 in the Republic of Korea / K.V. Asmolov // *Far Eastern Affairs*. 2022. № 2. P. 80–96. (In Russ.).
2. Kiryanov O. Seoul's New Broom: Why South Korean Committee on Relations with Russia Was Abolished / O. Kiryanov // *News.ru*. 13.07.2022. URL: <https://news.ru/asia/novaya-metla-seula-zachem-v-koree-uprazdnilikomitet-po-svyazyam-s-rf/> (accessed 03.09.2022) (In Russ.).
3. The DPRK Refused to Accept Seoul's Offer on Denuclearization // *TASS*. 19.08.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15510735> (accessed 04.09.2022) (In Russ.).
4. Lankov A.N. What Will Be the Name of the Next President of South Korea? / A.N. Lankov // *Valdai Discussion Club*. 09.01.2022. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kak-budut-zvat-sleduyushchego-prezidenta-yuzhnoy-korei/> (accessed 03.09.2022) (In Russ.).
5. North Korea Was Accused of Violation of Moratorium on ICBM Launches // *Interfax*. 30.01.2022. URL: <https://www.interfax.ru/world/819190> (accessed 04.09.2022) (In Russ.).
6. Ahn Sung-mi. Yoon calls for 'urgent' efforts to restore ties with Japan / Ahn Sung-mi // *Korea Herald*. 28.03.2022. URL: <https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20220328000673> (accessed 04.09.2022).
7. Cha V. Yoon Suk Yeol: What to Expect from South Korea's Next President / V. Cha, D. Kim // *Center for Strategic and International Studies*. 09.03.2022. URL: <https://www.csis.org/analysis/yon-suk-yeol-what-expect-south-korea-next-president> (accessed 03.09.2022).
8. Chung E. Zelensky tells Assembly Korea must do 'much more' / E. Chung // *JoongAng Ilbo*. 11.04.2022. URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/2022/04/11/national/diplomacy/korea-ukraine-zelensky/20220411190847642.html> (accessed 04.09.2022).
9. Full text of President Yoon Suk-yeol's inauguration speech // *Korea Herald*. 10.09.2022. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20220510000429> (accessed 04.09.2022).
10. Jennings R. Some Of Korea's Biggest Conglomerates To Build Small-Scale Nuclear Plants In Asia / R. Jennings // *Forbes*. 16.05.2022. URL: <https://www.forbes.com/sites/ralphjennings/2022/05/16/some-of-korea-s-biggest-conglomerates-to-build-small-scale-nuclear-plants-in-asia/?sh=3f9949d26691> (accessed 04.09.2022).
11. Kim Eun-jung. THAAD issue shouldn't be obstacle in Seoul-Beijing ties, top diplomats agree / Kim Eun-jung // *Yonhap News*. 09.08.2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20220809007952325?section=national/diplomacy> (accessed 04.09.2022).
12. Kim Man-ki. How South Korea Should Weigh the Risks and Benefits of Entering into a Reciprocal Defense Procurement Memorandum of Understanding (RDP MOU) with the United States / Kim, Man-ki // *The Korean Journal of Defense Analysis*. 2022. Vol. 34. No. 2. P. 207–230. <https://doi.org/10.22883/kjda.2022.34.2.003>
13. Kim Tong-hyung. S Korea signs \$2.25 billion deal with Russia nuclear company / Kim Tong-hyung // *AP News*. 25.08.2022. URL: <https://apnews.com/article/russia-ukraine-middle-east-africa-349bf2b3eb2551bdea5ec886855dea92?fbclid=IwAR31Fz2PM1eculm71Rk59ltyVcoO5IurEyR8iuP3FKAwUf5TkqXrL0hV5GQ> (accessed 04.09.2022).
14. Lee Haye-ah. THAAD issue not subject to negotiation: presidential office / Lee Haye-ah // *Yonhap News*. 11.08.2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20220811006451315?section=national/diplomacy> (accessed 04.09.2022).
15. Park Hyun-ju. China wants to hold Yoon Suk-yeol to the 'Three No's' / Park Hyun-ju, E. Chung // *JoongAng Ilbo*. 01.08.2022. URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/2022/08/01/national/diplomacy/korea-china-thaad/20220801184651166.html> (accessed 04.09.2022).
16. PPP chief discusses support, post-war reconstruction with Ukrainian president // *Yonhap News*. 08.06.2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20220608002451315> (accessed 04.09.2022).
17. Remarks by President Biden and President Yoon Suk Yeol of the Republic of Korea in Joint Press Conference // *The White House*. 21.05.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/05/21/remarks-by-president-biden-and-president-yoon-suk-yeol-of-the-republic-of-korea-in-joint-press-conference/> (accessed 04.09.2022).
18. S. Korea to expeditiously push for 'normalization' of U.S. THAAD unit operation: defense chief // *Yonhap News*. 23.05.2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20220523009200325?section=national/defense> (accessed 04.09.2022).
19. S. Korea, Japan hold foreign ministerial talks on warming bilateral ties // *Yonhap News*. 18.07.2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20220718003551325> (accessed 04.09.2022).
20. S. Korean firms ink follow-up contracts with Poland to export K2 tanks, K9 howitzers // *Yonhap News*. 27.08.2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20220826008400325?section=national/defense> (accessed 04.09.2022).
21. S. Korea expresses regret over N.Korea's 'groundless claim' over COVID, threats // *Reuters*. 11.08.2022. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/skorea-expresses-regret-over-nkorea-s-groundless-claim-over-covid-threats-2022-08-11/> (accessed 04.09.2022).
22. United States-Republic of Korea Leaders' Joint Statement // *The White House*. 21.05.2022. URL: <https://>

www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/21/united-states-republic-of-korea-leaders-joint-statement/ (accessed 04.09.2022).

23. Vice Department Director of WPK Central Committee Makes Speech at Anti-Epidemic Work Reviewing Meeting // Korean Central News Agency. 11.08.2022. URL: <http://kcnk.kp/en/article/q/2d9436e387ea43314c55c08f0c12ef94.kcmsf> (accessed 04.09.2022).

24. Yoon cites preemptive strike as option to deal with N.K. threat // Yonhap News. 11.01.2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20220111009200315?section=news> (accessed 03.09.2022).

25. 120대 국정과제 // 제20대 대통령실 = 120 Policy Tasks // Office of the 20th President of Republic of Korea. URL: https://www.president.go.kr/ko/task_new.php (accessed 04.09.2022) (In Kor.).

26. 윤석열정부 110대 국정과제 // 서울: 제20대 대통령직인수위원회 = Yoon Suk-yeol Government 110 Policy Tasks // Seoul: 20th President of Republic of Korea's Transition Committee, 2022. 182 p. (In Kor.).

Валентин Игоревич ВОЛОЩАК, старший преподаватель кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: voloshchak.vi@dvfu.ru

Анастасия Руслановна БЕЗОТОСОВА, студентка Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: bezotosova.ar@dvfu.ru

Нионелла Игоревна НИКОНЕНКОВА, студентка Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: nikonenkova.ni@students.dvfu.ru

Valentin I. VOLOSHCHAK, Senior Lecturer, Department of International Relations, Vladivostok, Russia, e-mail: voloshchak.vi@dvfu.ru

Anastasia R. BEZOTOSOVA, Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: bezotosova.ar@dvfu.ru

Nionella I. NIKONENKOVA, Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: nikonenkova.ni@students.dvfu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 07.09.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 08.02.2023

Принята к публикации
(Accepted) 07.03.2023

Научная статья
УДК 378.14+316.47
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/167-174>

Китайские студенты выбирают ДВФУ

ЯН ЮЕ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, ian.iue1@dvfu.ru

Наталья Владимировна ХИСАМУТДИНОВА

Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия, natalya.khisamutdinova@vvsu.ru

Аннотация. В статье анализируются вопросы адаптации китайских студентов к обучению в Дальневосточном федеральном университете и проживанию в русскоязычной среде. На их примере исследуются причины увеличения численности молодежи из Китая среди студентов российских вузов, в частности, на Дальнем Востоке, факторы, облегчающие адаптацию в новым образовательным и бытовым условиям, перспективы трудоустройства после окончания университета. При подготовке статьи использованы эмпирические методы исследования: наблюдение, опрос и анкетирование.

Ключевые слова: интернационализация высшего образования, адаптация, Дальневосточный федеральный университет, китайские студенты в ДВФУ

Для цитирования: Ян Юе, Хисамутдинова Н.В. Китайские студенты выбирают ДВФУ // Известия Восточного института. 2023. № 1. С. 167–174. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/167-174>

Original article

<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/167-174>

Chinese students choose FEFU

YANG YUE

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, ian.iue1@dvfu.ru

Natalia V. KHISAMUTDINOVA

Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, natalya.khisamutdinova@vvsu.ru

Abstract. The article deals with some issues of Chinese students' adaptation to study at the Far Eastern Federal University in Vladivostok and their living in a Russian-speaking environment. On their example, the authors explain the increasing number of young people from China among Russian university students, in particular, in the Russian Far East. They also examine principal factors that can facilitate the Chinese students' adaptation to new educational and living conditions and their employment prospects after graduation from the Russian university. While preparing the article, empirical research methods were used, observation, interviews, and questionnaire polls among them.

Keywords: internationalization of higher education, adaptation, Far Eastern Federal University, Chinese students at FEFU

For citation: Yang Yue, Khisamutdinova N.V. Chinese students choose FEFU // Oriental Institute Journal. 2023. № 1. P. 167–174. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/167-174>

С укреплением двусторонних отношений все больше и больше китайских молодых людей едут в Россию для дальнейшего обучения. В настоящее время в России обучается более 35 тыс. китайских студентов, а в Китае – около 13 тыс. россиян. Политика российского правительства по отношению к иностранным студентам становится всё более благоприятной. В 2019/2020 учебном году правительство Российской Федерации выделяло иностранным абитуриентам более 13 тыс. мест для обучения за счёт государственных средств, в следующем году квота повысилась почти на 2 тыс., а в 2021/22 учебном году в российских вузах уже обучались 18 тыс. человек из-за рубежа [4], из них 1011 граждан Китая [9]. На сегодня квота на образование иностранных граждан в России составляет 23 тыс. человек, а с 2023 г., согласно постановлению российского правительства, она увеличится до 30 тыс. [8]

Российское образование становится всё более привлекательным для китайской молодежи. 72 года дипломатических отношений между Россией и Китаем и курс на "новое стратегическое партнерство" вывели наши страны на более высо-

кий уровень культурных обменов и сотрудничества в области образования, формы которого регулярно обновляются. Это подтверждают результаты 21-го заседания Подкомитета российско-китайского сотрудничества в сфере образования, где сопредседателями встречи выступили заместитель министра науки и высшего образования РФ Д.В. Афанасьев и заместитель министра образования КНР Тянь Сюэцзюнь (7 сентября 2021 г.). Стороны рассмотрели достижения китайско-российского сотрудничества в области образования за прошедший год и обменялись мнениями по поводу подписания нового соглашения о взаимодействии, одним из пунктов которого было увеличение квоты на обучение китайской молодежи в вузах России [9].

Как отмечают исследователи, международные образовательные контакты Китая и России во многом связаны с географическим положением [1, с. 836; 10, с. 487]. Если университеты южных и юго-западных провинций Китая устанавливают контакты с вузами Европейской России, то китайский северо-восток нацелен прежде всего на российский дальневосточный регион. Наибольшей популярностью у здешних абитуриентов пользуется Владивосток, и китайские студенты составляют большинство иностранного контингента в вузах этого города [10, с. 487]. В этом контексте большое значение имеет изучение жизненных стратегий и проблем адаптации китайских студентов, обучающихся во Владивостоке.

В последнее десятилетие уделяется большое внимание проблемам обучения иностранных студентов в вузах России и их адаптации к условиям жизни в чужой стране [1; 2; 5; 6; 7; 10; 11 и др.], включая вопросы, связанные с китайскими студентами [1; 2; 7 и др.]. Тем не менее, несмотря на интерес исследователей, некоторые проблемы остаются недостаточно изученными. В частности, до сих пор не проанализированы причины выбора Владивостока в качестве места обучения китайских студентов, проблемы их адаптации к учебе в ДВФУ и проживанию в университетском кампусе, а также перспективы жизни после получения диплома российского вуза. Этому и посвящена данная статья, при подготовке которой были использованы эмпирические методы исследования: наблюдение, опросы и анкетирование.

Объектом исследования стали 54 китайских студента (34 юноши и 20 девушек), обучающиеся в Дальневосточном федеральном университете (ДВФУ) по различным программам высшего профессионального образования. Из них 35 человек находятся в Китае и обучаются дистанционно, что связано с продолжением пандемии коронавируса. В 2019 г., с началом пандемии, лишь семеро студентов остались в кампусе ДВФУ и продолжили учебу в очном формате. Еще двенадцать студентов уезжали в Китай и смогли вернуться в Россию с ослаблением ограничений, но остальные до сих пор учатся дистанционно.

С помощью личных интервью и анкет авторы предприняли попытку собрать и проанализировать информацию о причинах выбора Владивостока в качестве места обучения и проблемах адаптации к жизни и учебе в этом городе. Вопросы касались образовательного процесса, бытовых условий, сферы общения, занятий в свободное время, планов на будущее (намерены ли уехать из города или остаться после выпуска). Ответы китайских респондентов продемонстрировали особенности их адаптации как к процессу обучения, отличному от китайского, так и к социально-бытовой стороне их проживания в России, и помогли выявить причины роста численности китайских студентов, приезжающих в Россию для получения высшего образования, и основные трудности, с которыми они сталкиваются.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть интересны не только администрации ДВФУ, но и других приморских вузов, а также организаторам инфраструктуры высшего образования для иностранных студентов в других городах России.

Основные причины выбора Владивостока. На первый вопрос о главной причине выбора Владивостока в качестве места для получения образования мы получили следующие ответы: географическая близость к Китаю (48%), хорошие отношения между Россией и Китаем и интерес к культуре "активной нации" (20%), относительно невысокая стоимость обучения (20%), советы родителей (9%), хо-

рошая инфраструктура ДВФУ (3%). Как видим, близкое соседство двух стран играет немаловажную роль в выборе места обучения. Российский Дальний Восток имеет протяжённую границу с тремя северо-восточными провинциями Китая, из чего следует, что деловое и культурное сотрудничество, а также общечеловеческие связи становятся всё более теплыми и обширными. Не случайно, по данным посольства КНР в России, Владивосток занимает первое место по числу изучающих китайский язык и обгоняет в этом отношении Москву и Санкт-Петербург [3]. На это обратили внимание и в Китае, сделав Дальневосточный федеральный округ лидером по числу Институтов Конфуция: в нём работают четыре из 19, открытых в России.

"Когда я приехала в Россию, я чувствовала себя, как дома, потому что мой родной язык был слышен повсюду, – написала аспирантка ДВФУ, учившаяся ранее в бакалавриате и магистратуре Благовещенского государственного педагогического университета. – Город Благовещенск находится всего в 750 метрах от города Хэйхэ. Между ними существуют крепкие экономические связи, уже давно реализуются проекты культурного сотрудничества. Во Владивостоке тоже очень много людей из Китая".

Если говорить о выборе вуза во Владивостоке, то ДВФУ зарекомендовал себя как крупнейший университет в регионе с большим выбором направлений подготовки и уникальным кампусом мирового уровня. Именно это предопределило выбор опрошенной китайской молодежи.

Пятая часть студентов из Китая назвала преимуществом относительно невысокую стоимость получения российского высшего образования. Действительно, она ниже, чем в США или европейских странах. Хотя университеты этих стран очень престижны, и многие китайские родители хотели бы видеть своих детей там [2, с. 155], далеко не все китайские абитуриенты могут оплатить учебу и проживание в этих странах. К тому же требования к поступающим в эти университеты высоки. Во Франции и Германии существует возможность поступить на бесплатные профессиональные программы, что является огромным преимуществом, но при этом необходимо знание помимо английского второго иностранного языка, что ещё более осложняет ситуацию. Возникают и проблемы адаптации к часовому поясу. Япония и Южная Корея также не пользуются популярностью у китайских абитуриентов из-за недостаточно большого выбора программ подготовки.

Примечательно, что такое же число респондентов привлекают культура России, характер русских людей и перспективы их сотрудничества с Китаем. Они называют русских активной нацией и считают, что это залог успеха в экономике. В этом отношении они выделяют дальневосточный регион, о взаимоотношениях с которым знают больше, чем о других российских регионах.

Обучение в ДВФУ. Хотя в России признаётся китайское среднее образование, российские университеты предъявляют относительно строгие требования к знаниям, полученным в средней школе, и в России может быть признан только аттестат об окончании государственной школы. В ДВФУ китайские студенты имеют на всех этапах обучения: подготовительном, бакалавриате, магистратуре, аспирантуре. Многие абитуриенты из тех, кто в Китае учил русский язык (а он пользуется популярностью в северо-восточных провинциях и преподается как в ряде школ, так и в университетах), продолжают изучать его и по программе бакалавриата, а уже затем, в магистратуре, специализируются на других дисциплинах, таких как история, экономика, международные отношения. Но среди китайских абитуриентов много и тех, кто с самого начала выбирает инженерно-технические специальности, менеджмент, международные отношения, экологию.

На вопрос "Что для вас самое сложное в процессе учебы?" почти все респонденты, 98%, вспомнили трудное сессионное тестирование и заявили, что как бы хорошо они ни усваивали знания во время семестра, на экзаменах приходится очень трудно. 2% студентов были более оптимистичны, сказав, что у них с обучением всё в порядке. Дополнительные вопросы позволили выяснить, почему обучение в вузах России китайские студенты считают гораздо более напряжённым, чем на

родине. В китайских университетах студенты учатся в больших группах, до ста человек. На занятиях они чаще всего просто слушают преподавателя, а дома выполняют письменные задания. Поэтому в Китае главная забота – хорошо сдать вступительные экзамены и поступить в университет, а в дальнейшем, если регулярно посещать лекции, учёба идёт без осложнений.

В российских вузах, в частности ДВФУ, участие студентов на занятиях далеко не пассивное: на семинарах, а иногда и на лекциях, им приходится отвечать на вопросы преподавателя. К тому же группы студентов в ДВФУ небольшие, и остаться незамеченным трудно. Самая же большая трудность в том, что китайские студенты в ДВФУ слушают лекции по разным дисциплинам на русском языке и говорят на занятиях тоже по-русски, и знания языка бывает недостаточно, особенно при чтении специальной литературы. Это учитывают в ДВФУ, где имеются подготовительные курсы, на которых ведётся преподавание русского языка, и курсы для студентов, имеющих недостаточные знания. Подготовительный курс обычно занимает год–полтора, а в русскоязычной среде российского университета практически все студенты могут без проблем овладеть русским языком, чтобы учиться на программах бакалавриата.

Несмотря на эти проблемы, 92% студентов считают, что учиться в России интересно и в некоторых отношениях полезнее, чем на родине. Если в Китае студент на занятии что-то не понимает, он редко задаёт вопросы преподавателю, так как это считается невежливым поступком и может испортить атмосферу в аудитории. В России же наоборот: отношения студентов с русскими преподавателями обычно простые, занятия проходят активно, в дружеской атмосфере, и любые проблемы с непониманием учебного материала разрешаются быстро. Участники опроса из числа аспирантов сказали, что обучение в российской аспирантуре им экономит год времени, по сравнению с обучением в Китае.

Мотивация к обучению – это своего рода психологический настрой, который побуждает китайских студентов учиться и поддерживает стремление к достижению цели. Если у большинства китайских студентов-первокурсников, как правило, очень молодых, мотивация к обучению ещё не до конца ясна и изучать русский язык они начали по совету родителей, то по мере жизни во Владивостоке мотивацию порождают внутренние потребности и мысли о будущем. Ответы респондентов на вопросы анкеты показали, что мотивацией к продолжению обучения в России стало следующее: "нравится культура русской нации", "...чтобы найти хорошую работу", "в ДВФУ учатся люди со всего мира, и я хочу познакомиться с людьми из разных стран и национальностей", "хочу изучать русскую культуру и язык", "хочу стать учителем русского языка", "надеюсь, что у меня будет возможность иммигрировать в Россию".

Внутренняя мотивация может обеспечить долгосрочный успех, в то время как внешняя мотивация поможет достичь только краткосрочные результаты. Для китайцев, изучающих русский язык, внутренняя мотивация очень важна, поскольку именно она может иметь длительный стимулирующий эффект. Подавляющее большинство китайских студентов в ДВФУ очень трудолюбивы и чётко понимают свои цели. Никто из них не надеется "купить" русский диплом, они добиваются знаний упорным трудом. В библиотеке главного корпуса ДВФУ вы можете в любое время увидеть китайцев, которые серьезно изучают литературу. "Отвечай за свою жизнь" – эта фраза является девизом для большинства китайских студентов в ДВФУ. Это находит подтверждение и в ответах на вопросы анкеты. Почти все респонденты сообщили, что занимаются, с учётом аудиторных занятий, не меньше 10 часов в день. Многие добавили, что их свободное время посвящено совершенствованию русского языка. Это происходит во время просмотра русских фильмов, чтения газет и книг, посещения музеев.

На вопрос о будущей жизни и работе после окончания учебы 3,7% респондентов ответили, что хотели бы остаться в России и сотрудничать с Китаем. 42,6% считают, что им хорошо и в России, и Китае, но их будущее целиком зависит от того, как будет складываться ситуация на рынке труда. Большинство китайских

студентов, 53,7%, планируют вернуться после выпуска в Китай и найти там стабильную работу. В этом, на наш взгляд, проявляется влияние традиционной китайской культуры. На протяжении более пяти тысячелетий её основным стержнем является мысль Конфуция о неразрывной связи с родителями. Китайцы всегда находились под влиянием этого учения, и теперь они с нетерпением ждут возможности вернуться к родителям после учёбы, чтобы отплатить им за родительскую заботу и доброту.

Между тем в последние два года в Китае наблюдается неприязнь к учёбе за границей со стороны старшего поколения, от которого приходится слышать: если вы уедете, то не возвращайтесь. Иногда такие слова исходят и от родителей, которые добавляют: "Это детское отношение к жизни, и оно безответственно!" Как видим, это противоречит желаниям и надеждам китайских студентов, получающих образование в России, и многие из них замечают: "Самое печальное, что соотечественники нас не понимают". Тем не менее перед лицом непонимания они все равно твёрдо отстаивают свою точку зрения и доказывают серьёзность намерений реальными делами. Они говорят: "Мы идём своим путем, верим в себя и много работаем, не слушая, что про нас говорят". Среди ответов был и такой: "Я твердо верю, что моя жизнь станет лучше после того, как я вернусь в Китай, и мои усилия будут вознаграждены. Я надеюсь, что моё завтра будет лучше. Только когда вы действительно окажетесь в чужой стране, вы сможете узнать, каково жить, скучая по дому, и вы никогда не захотите покинуть место, где родились и выросли".

Необходимо всё же заметить, что после возвращения в Китай с дипломом иностранного университета людям приходится сталкиваться с большой конкуренцией со стороны выпускников китайских вузов, и, если не повезёт, они могут остаться без работы. Для современного Китая характерны два новых слова: хайгуй и хайдай. Хайгуй – это китайские студенты, которые возвратились из России на родину. Хайдай – это те же хайгуй, только находящиеся в активном поиске вакантного рабочего места. Как говорят в Китае, "Хайгуй становятся хайдай». Из-за этого одни китайцы задаются вопросом: "Действительно ли зарубежная луна круглее отечественной?", а другие считают, что они зря стремятся вернуться домой, поскольку трудоустройство там выглядит проблематичным.

Ощущения жизни и культуры в другой стране. Ещё одним фактором, влияющим на учёбу и жизнь китайских студентов, является русский образ жизни. Весь мир знает крылатые слова "Если живешь в Риме, поступай, как римляне", а мы добавим: "тогда ты будешь в безопасности". Хотя 90,7% опрошенных сказали, что жизнь в России совершенно не похожа на китайскую, это никак не влияет на их отношение к проживанию в кампусе ДВФУ. Китайских студентов ДВФУ вполне устраивает местный образ жизни, а это значит, что большинство участников быстро восприняли культуру русской нации. Примечательно, что два человека считают, что русский образ жизни в некоторых отношениях похож на китайский, а трое находят, что у двух культур существует много общего.

Вопрос анкеты "Довольны ли вы жизнью в России?" предполагал один из четырех ответов: "Очень доволен", "Доволен, но есть трудности", "Очень трудно" и "Не могу ответить". 16 участников опроса (29,6%) выбрали первый ответ. Один из студентов написал: "Я очень хорошо познакомился с жизнью в Дальневосточном федеральном университете. Здесь очень приветливая обстановка. Я влюбился в неё в первый же день, когда приехал, но я всё же хочу сказать, что мой родной город красивее. Я всегда ишу возможность рассказать о жизни на Дальнем Востоке в Федеральном университете, спасибо, что дали мне эту возможность, возможно, мой опыт будет полезным для будущих китайских студентов".

33 респондента (61,1%) считают, что жизнь складывается хорошо, хотя и с проблемами. Пятеро студентов (9,3%) признались, что им очень тяжело, а причиной этого является тоска по дому и родным. "На первом курсе я больше всего скучал по дому, – сообщает один из них. – Обычно ужинал в ресторанах с китайскими сокурсниками, а с семьёй общался посредством телефонных звонков и видео. С их помощью я чувствовал, что нахожусь недалеко от дома, а мама как будто рядом со

мной". Другой ответ: "Иногда моя семья по фотографиям и видео замечает, что я плохо выгляжу. Это из-за тоски по дому. Когда я в другой стране, я понимаю, что самое любимое для меня место – это мой дом".

На вопрос, где больше нравится жить, 29 человек (53,7%) назвали Китай, 23 человека (42,6%) ответили, что их устраивают оба варианта, но двое (3,7%), отметив любовь к родине и родным, выбрали Россию.

На вопрос, нравится ли китайским студентам еда в России, только один респондент ответил отрицательно. Восемь человек сказали, что она им очень нравится (14,8%), 43 студента назвали ее "нормальной" (79,6%), ещё двое сказали: "Вкусная, но дорогая". К русской еде китайские студенты очень легко адаптируются. Русские блюда просты в приготовлении, а традиционная еда – борщ, чёрный хлеб, пельмени, котлеты, пирожки, морс – очень вкусные. Однако чаще всего китайские студенты предпочитают готовить китайскую еду, хотя по сравнению с ней, очень сытной, русская еда немного легче. Найти китайские продукты во Владивостоке совсем нетрудно при наличии китайских рынков и торговцев.

Анкета показала, что лишь малая часть студентов считает жизнь в России тяжёлой, и мы задали следующий вопрос о друзьях, китайских и русских. Ответы на вопросы анкеты показали, что у 32 китайских студентов есть русские друзья (59,3%). Это доказывает, что большинство китайских студентов могут быстро интегрироваться в маленькое интернациональное сообщество, каким является университет. Это облегчает им жизнь в чужом городе и позволяет меньше скучать вдалеке от родных. В одном из ответов читаем: "Я живу в кругу китайских студентов, и здесь мы – большая семья. Мы создали несколько групп в WeChat, таких как "Владивостокская группа китайских студентов", "Группа аспирантов Дальневосточного федерального университета", "Владивостокская международная студенческая ассоциация". Там мы можем вместе обсудить проблемы, возникающие в учебе, и организовать какие-то культурные мероприятия".

Вместе с тем 22 студента (40,7%) ответили, что они дружат исключительно с соотечественниками. О причинах, мешающих им поближе познакомиться с русскими сверстниками, говорят следующие ответы: "Я стесняюсь подойти к незнакомым русским людям. Мне кажется, им не нужна дружба с китайцами", "Я ещё не очень хорошо говорю по-русски, поэтому боюсь разговаривать с другими студентами". Наш совет таким студентам: следует настроить себя на общение с другими людьми. Ведь чем больше русских друзей вы имеете, тем чаще говорите по-русски, а значит, тем лучше можете выучить язык. Начать же общение можно в сообществах, перечисленных выше.

Что касается проведения в кампусе свободного времени, то все респонденты отметили хорошие возможности для прогулок на свежем воздухе и занятий спортом. Китайские студенты наравне с русскими могут использовать спортивные сооружения кампуса, посещать бассейн, играть в баскетбол, теннис, заниматься бегом, йогой и т.д.

Неудовлетворенность китайских студентов связана в основном с бытовыми условиями. Хотя проживание в общежитии всех устраивает, на острове Русском, где расположен ДВФУ, нет большого магазина вроде супермаркета, что делает жизнь не очень удобной: приходится далеко ехать на автобусе, чтобы купить продукты и предметы первой необходимости. К тому же цены на продукты во Владивостоке гораздо выше, чем в Москве или Санкт-Петербурге. На это указали почти все респонденты.

Заключение. Обобщение результатов анкетирования китайских студентов, обучающихся в ДВФУ, показывает, что основными причинами выбора российского вуза явилась географическая близость Владивостока к Китаю и относительно невысокая стоимость обучения. Немаловажное значение имеют благоприятная политика российского правительства в отношении иностранных студентов и тесные связи российского Дальнего Востока и Китая. Несмотря на первоначальные трудности, связанные с вхождением в новый коллектив и привыканием к условиям жизни в чужой стране, китайские студенты быстро адаптируются в ДВФУ

благодаря умело организованному образовательному процессу, дружеским взаимоотношениям с преподавателями, хорошим бытовым условиям. Наряду с личной заинтересованностью в получении образования это создает предпосылки для успешной учебы.

Обучение в ДВФУ – это выбор, о котором китайские студенты не жалеют. Они полагаются на собственный упорный труд в стремлении получить "билет" на престижную высокооплачиваемую работу. ДВФУ не только дает им прочные знания, навыки и обширную сеть контактов, но также позволяет приобрести богатый опыт межкультурного общения.

Литература

1. Гарусова Л.Н., Петрова Н.В. Международная стратегия российского университета: китайский вектор // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 835–842.
2. Донецкая С.С., Ли М. Китайские студенты за рубежом: динамика численности и цели выезда // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 6. С. 153–168. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-6-153-168>
3. Иероглиф в приоритете. Зачем дальневосточники учат китайский язык? East Russia: Информ.-аналит. агентство "Восток России". URL: <https://www.eastrussia.ru/material/ieroglif-v-prioritete/> (дата обращения: 02.04.2022).
4. Как иностранным студентам получить высшее образование в российском вузе? Сайт Министерства образования и науки Российской Федерации. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=36132 (дата обращения: 18.04.2022).
5. Марзаева М.Б. Адаптация иностранных студентов (региональный опыт) // Oriental Studies. 2015. № 4. С. 184–191.
6. Морозова Ю.В. К вопросу об адаптации студентов в многонациональном вузе: региональные аспекты // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 129–132.
7. Петрова Н.В. Взаимодействие России и Китая в АТР: ресурс гуманитарного сотрудничества // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. 2014. № 4. С. 36–42.
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 18.12.2020 г. № 2150. Постановления правительства Российской Федерации. URL: <http://government.ru/docs/all/131611/> (дата обращения: 20.09.2022).
9. Российские и китайские вузы подписали соглашения о сотрудничестве. Сайт Министерства образования и науки Российской Федерации. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=39705 (дата обращения: 18.04.2022).
10. Хисамутдинова Н.В. Адаптация студентов из стран Азиатско-Тихоокеанского региона в российских вузах (на примерах Владивостока) // Cross-Cultural Studies: Education and Science. 2018. Т. 3. № 3. С. 487–492.
11. Шпет Е.Н. Механизмы социальной адаптации студентов учебных мигрантов, обучающихся по программам академической мобильности // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 11 (152). С. 170–172.

References

1. Garusova L.N., Petrova N.V. International strategy of the Russian University: the Chinese vector // Present Issues of Science and Education. 2014. No 6. P. 835–842. (In Russ.).
2. Donetskaya S.S., Lee M. Chinese students abroad: Dynamics of the number and aims of educational travel // Higher Education in Russia. 2020. Vol. 29. No 6. P. 153–168. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-6-153-168> (In Russ.).
3. Hieroglyph is in priority. Why do Far Easterners learn Chinese? // East Russia News Agency. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/ieroglif-v-prioritete/> (accessed 02.04.2023). (In Russ.).
4. How can foreign students get higher education at a Russian university? // Russian Federation Ministry of Education and Science Website. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=36132 (accessed 18.04.2022). (In Russ.).
5. Marzaeva M.B. Adaptation of Foreign Students (Regional Experience) // Oriental Studies. 2015. No 4. Pp 184–191. (In Russ.).
6. Morozova Yu.V. On the issue of students' adaptation in a multinational university: regional aspects // Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology. 2018. Vol. 7. No 1 (22). P. 129–132. (In Russ.).
7. Petrova N.V. Relations between Russia and China in the Asia-Pacific: humanitarian cooperation as a resource // The territory of new opportunities: VVSU Gerald. 2014. No 4. P. 36–42. (In Russ.).
8. Decree of the Government of the Russian Federation № 2150 dated 18.12.2020. URL: <http://government.ru/docs/all/131611> (accessed 20.09.2022). (In Russ.).
9. Russian and Chinese universities have signed cooperation agreements // Russian Federation Ministry

of Education and Science Website. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=39705 (accessed 18.04.2022). (In Russ.).

10. Khisamutdinova N.V. Adaptation of students from the Asia-Pacific rim countries in Russian universities (on the examples of Vladivostok) // *Cross-Cultural Studies: Education and Science*. 2018. Т. 3. № 3. С. 487–492. (In Russ.).

11. Shpet E.N. Mechanisms of social adaptation of educational migrants participation in academic mobility programs // *TSPU Bulletin*. 2014. No 11 (152). P. 170–172. (In Russ.).

ЯН ЮЕ, аспирант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: ian.iue1@dvfu.ru

Наталья Владимировна ХИСАМУТДИНОВА, д-р. ист. наук, профессор Института педагогики и лингвистики Владивостокского государственного университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: natalya.khisamutdinova@vvsu.ru

YANG YUE, Postgraduate student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: ian.iue1@dvfu.ru
Natalia V. KHISAMUTDINOVA, Doctor of Historical Sciences, Professor, Vladivostok State University, Institute of Foreign Languages, Vladivostok, Russia, e-mail: natalya.khisamutdinova@vvsu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 24.05.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 28.02.2023

Принята к публикации
(Accepted) 07.03.2023

Информация для авторов

К публикации в журнале принимаются, как правило, работы, ранее не выходившие в русскоязычных изданиях. Предоставление автором/авторами рукописи в редакцию журнала рассматривается как заключение договора в устной форме о передаче издателю права на использование своего произведения (п. 2; ст. 1286; ГК РФ) в печатном и электронном виде. Принятие рукописи к публикации предполагает бесплатную бессрочную передачу автором/авторами текста неисключительных авторских прав редакции.

Предоставляя рукописи в редакцию журнала, авторы тем самым подтверждают согласие с принципами публикационной этики издания и процедурами обработки рукописей (см. детали на сайте издания).

В работе с рукописями редакция исходит из существования нескольких жанров научных текстов: 1) научная статья, 2) отчёт о работе круглого стола/научного семинара, 3) научная рецензия, 4) публикация исторического источника и научный комментарий к нему, 5) сообщение о научном событии. Разделение на жанры преследует цель совершенствования научной экспертизы рукописей и дифференцированного подхода к текстам разного назначения. Обобщённо редакция выделяет жанр статьи и жанр материалов (с поджанрами; см. ниже).

Стремясь к совершенствованию исследовательской практики научного сообщества, редакция понимает под научной статьёй отчёт о логически завершённом исследовании познавательной проблемы, осуществлённом посредством применения научного метода. Соответственно, характерной чертой научной статьи является её методолого-методическая насыщенность, признаками которой являются а) чёткое описание объекта, предмета, цели и задач исследования, б) обсуждение и оценка фактологической и методолого-методической основы исследования, в) обобщение и выводы. Именно эти четыре признака лежат в основе различения "статей" и "материалов" в практике редакционной работы.

Материалы включают следующие поджанры:

- материалы круглого стола/семинара – стенограмма или авторские материалы научного обсуждения актуальной познавательной проблемы;
- научная рецензия – критический отзыв на публикацию, раскрывающий её содержание и дающий оценку её познавательного значения;
- научный комментарий к историческому источнику – текст, сопровождающий публикацию документа, задающий его исторический контекст, разъясняющий необходимые детали (упоминаемые в нём события и персоналии и т. п.), дающий оценку документа как источника по указываемым в комментарии познавательным проблемам;
- сообщение о научном событии – краткий обзор одного или нескольких научных событий (конференций, семинаров и т. п.), включающий содержательное мнение автора о значении этих событий для развития области знаний.

Рукописи статей подлежат научному рецензированию. Рукописи иных материалов проходят редакционную экспертизу на предмет соответствия тематическому профилю журнала и научно-познавательной актуальности.

Рукописи проходят редакционный отбор. Рукописи, не соответствующие содержательно-тематическому профилю журнала, редакционным требованиям к оформлению и комплектности, не рассматриваются.

Рукописи статей публикуются в порядке их поступления в редакцию. Редакция журнала оставляет за собой право сокращать и редактировать рукописи статей, а также переносить их публикацию в один из ближайших номеров. Право на первоочередную публикацию имеют статьи членов редколлегии журнала, а затем статьи аспирантов и докторантов.

Один автор (индивидуально и в соавторстве) не может опубликовать в журнале в течение календарного года более двух статей.

Доля заимствований из предыдущих публикаций автора в рукописи, направляемой им в журнал, не может превышать 25%.

Плата за публикацию статей не взимается, гонорар не выплачивается. Авторские экземпляры иногородним авторам не высылаются.

Требования к оформлению направляемых в редакцию материалов

1. Формат файла должен быть совместим с Microsoft Office Word.
2. Файл не должен содержать встроенных стилей и специального форматирования.
3. Формат страницы А4. Поля страницы: верхнее и нижнее – 2 см, правое – 1,5 см, левое – 2,5 см.
4. В заголовках не применять ЗАГЛАВНЫЕ символы без необходимости, простановка буквы "ё" в тексте рукописи обязательна.
5. Шрифт Times New Roman, размер знака 14 пт, межстрочный интервал 1,5.
6. Объём основного текста присылаемых рукописей (без учета аннотаций и списка литературы):
 - статей – от 0,5 до 1,0 авторского листа (20–40 тыс. знаков с пробелами);
 - материалов в рубрику "Научная жизнь" – не более 0,3 авт. листа (12 тыс. знаков);
 - комментариев к историческому источнику (в рубрику "Архив") – не более 0,3 авт. листа (12 тыс. знаков), текст исторического источника не должен превышать 1,0 авт. листа (40 тыс. знаков);
 - материалов в рубрику "Рецензии" – не более 0,5 авт. листа (20 тыс. знаков).
7. Порядок оформления статьи: УДК, Ф. И. О. автора (авторов) на русском языке и их транслитерация латиницей, название статьи (на русском и английском языках), аннотация (на русском и английском языках), ключевые слова (на русском и на английском языках), текст статьи, список использованной литературы, список сокращений (если есть), подписи к рисункам и диаграммам (если есть), информация об авторе (авторах) на русском и английском языках.
8. Аннотация должна включать информацию о предмете, методологии и результатах исследования. Объём аннотации на русском языке – 500 (±100) знаков, на английском языке – 1000 (±100) знаков.
9. Количество ключевых слов и фраз 5–7, количество слов внутри ключевой фразы не более 3 – так, чтобы общее количество слов не превышало 15. Ключевые слова должны быть упорядочены – от общих, соответствующих проблеме, к частным, отражающим детали исследования, методику.
10. Текст рукописи может включать не более двух уровней заголовков.
11. Ссылки в тексте статьи являются внутритекстовыми и оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведённой цитаты или упомянутого факта. В случае одновременной ссылки на несколько работ, сами ссылки помещаются внутри одной пары скобок и отделяются друг от друга точкой с запятой.
12. Ссылка на неопубликованный архивный или иной документ внутритекстовая, она не помещается в список литературы. Такая ссылка оформляется круглыми скобками.
13. В случае, если рукопись включает таблицы, иллюстрации, диаграммы, в тексте должны быть ссылки на эти объекты.
14. Таблицы, иллюстрации, диаграммы должны снабжаться поясняющей подписью, в которой даются название/заголовок и указывается авторство или источник происхождения: ссылка на элемент списка литературы, неопубликованный источник, иная ссылка.
15. В силу того, что изображения в текстовый файл не вставляются, поясняющие подписи к иллюстрациям помещаются после списка литературы особым списком (даже если иллюстрация одна). Все подписи к иллюстрациям необходимо сопровождать переводом на английский язык.
16. Рисунки, карты и т. п. принимаются в наиболее распространённых графических форматах (eps, ai, jpeg, bmp, tif) отдельными файлами с разрешением 300–450 dpi; вставлять графический файл в текстовый не следует!
17. Имя графического файла с иллюстрацией – порядковый номер иллюстрации в рукописи.
18. Диаграммы должны быть представлены в исходном виде, а не как рисунок, т. е. сопровождаться таблицей данных. Для этого диаграммы необходимо выполнять и предоставлять в формате электронных таблиц Microsoft Excel. Каждая диаграмма должна быть расположена на отдельном листе файла электронной таблицы.
19. Ввиду чёрно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. по возможности не должна содержать более трёх цветов (чёрный, белый, серый 50%).
20. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых, ГОСТ Р 7.0.12-2011) обязательна и даётся в конце текста рукописи после списка литературы.
21. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учёта соавторов и хронологии.
22. В списке сначала указывается литература на русском языке, затем на кириллице, далее на латинице, и после на других системах письма.
23. В одном пункте списка литературы не может быть больше одной ссылки на один том издания.
24. Библиографическое описание элементов списка литературы выполняется по ГОСТу Р 7.0.100–2018 "Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления" (см. образец оформления рукописи).
25. Ссылка на работу, опубликованную на восточном языке, должна включать описание на языке оригинала и полный перевод описания данной публикации на русский язык.
26. При наличии у цитируемой публикации идентификатора цифрового объекта (doi), его необходимо указывать.
27. Русскоязычный список литературы должен сопровождаться его англоязычной версией ("References"). В "References" после полного перевода описания неанглоязычной публикации на английский должен быть указан ее оригинальный язык. Например: (In Russ.). Порядок расположения публикаций в списке литературы и "References" идентичен. Транслитерация неанглоязычных имен и фамилий выполняется по стандарту BSI (British Standards Institution).

28. Сведения об авторе (авторах) рукописи должны включать: фамилию, имя, отчество, учёную степень, учёное звание, место работы, должность, адрес электронной почты, ORCID (при наличии).
29. Присылаемому файлу (файлам) следует присваивать только фамилию автора (первого автора). В случае, если рукопись имеет нескольких авторов, редакция ведёт переписку с первым автором.
30. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации в виде набора файлов. Адрес электронной почты: izvestyavi@yandex.ru

**Обращаем внимание авторов,
что рукописи статей, подготовленные с нарушением вышеуказанных требований,
редакцией к рассмотрению не принимаются.**

ИЗВЕСТИЯ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

№ 1 (57) • 2023

Ответственный редактор А. А. Киреев
Корректор О. А. Золотухина
Компьютерная верстка В. Н. Караман
Дизайн обложки Е. А. Андреева

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-36364 от 20 мая 2009 г.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Дальневосточный федеральный университет", 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10.

Цена свободная

Дата выхода в свет
Формат 70x100/16. Усл. печ. л. 14,19. Уч.-изд. л. 17,54.
Тираж 100 экз.
Заказ 091

Отпечатано в типографии Издательства Дальневосточного федерального университета, 690091, Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

ISSN 2542-1611

9 772542 161006